

ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛИЗМА

2012
№11

ЖУРНАЛ НАУЧНОЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Главный редактор
Константин Крылов

Научный редактор
Сергей Сергеев

Шеф-редактор
Надежда Шалимова

Ответственный секретарь
Наталья Холмогорова

Исполнительный директор
Владимир Тор

Художник
Дмитрий Бикашов

Редакционный совет

А.Ю. Ашкерев, К.С. Бенедиктов, М.А. Брусиловский, Е.С. Галкина,
О.Б. Неменский, М.В. Ремизов, А.В. Самоваров, П.В. Святенков,
А.Н. Севастьянов, В.Д. Соловей, Е.С. Холмогоров, И.Р. Шафаревич

СОДЕРЖАНИЕ

Олег Неменский

Российская Федерация, Русский мир и Русская земля.....3

Тема номера. НАЦИОНАЛИЗМ VS. ЕВРАЗИЙСТВО

Владимир Близнаков

Евразийский союз — уния Руси и Орды.....12

Олег Кильдюшов

Заложники Азиопы.....20

Михаил Ремизов

Расширение Таможенного союза: куда и зачем?26

Павел Святенков

В тупике.....30

Сергей Сергеев

«Умственный выверт».....36

Максим Жих

Древняя Русь и Великая Степь: «симбиоз» или противостояние?.....47

Сергей Беляков

Фальсификация евразийства.....66

РУССКАЯ ДИАСПОРА

Дмитрий Павлов

Русские в странах Балтии: мифы и факты80

Ярослав Разумов

Казахстан: если к власти придут «нацпаты»...94

НАЦИОНАЛИЗМ И ДЕМОКРАТИЯ

Егор Холмогоров

Национальная демократия и государство105

КАЗАЧЕСТВО

Николай Лысенко

Нация или субэтнос?.....111

Фаиль Ибятов

О казачестве без пристрастий и мифов135

ВНУТРЕННЕЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

Андрей Епифанцев, Юрий Сошин

Причины радикализации молодежи Кабардино-Балкарии.....145

Вадим Колмаков

Киевские националисты и польский вопрос в 1916 г.....153

ЮБИЛЕИ

Александр Храмов

«Ура, русские!»: национализм 1812 года.....161

Аркадий Минаков

Звездный час «русской партии»167

ПОЛЕМИКА

Александр Севастьянов

Идолы конструктивизма. Статья вторая.....186

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Новая книга о Всероссийском национальном союзе220

Японский национализм229

Русские на экспорт.....233

Авторы номера239

Summary240

ОЛЕГ НЕМЕНСКИЙ

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ, РУССКИЙ МИР И РУССКАЯ ЗЕМЛЯ

Границы России — те, которые русский народ хотел бы видеть и с которыми он был бы согласен — тема очень сложная и крайне неполиткорректная, опасная. Наверное, именно поэтому её, с одной стороны, так часто поднимают в частных беседах, но, с другой стороны, так редко — за экспертными круглыми столами и на страницах прессы. Между тем эта тема важнейшая и требует действительно активного и открытого общественного обсуждения.

* * *

Современная Российская Федерация — государство с уникальным свойством: она почти не имеет настоящих внешних границ. Большая часть её границ была прочерчена в качестве внутренних административных и нынешнего статуса не предполагала. Это редкая ситуация — большинство государств мира отстаивали свои пределы в многовековых сражениях и международных договорах. Даже границы колониальных государств имеют больше исторических и политических оснований, чем у современной России. И главное: пересекая её границы с ближним зарубежьем, трудно заметить существенные культурные и языковые перемены — эти границы не межэтнические. Разве что они являются своеобразными памятниками каким-нибудь давно ушедшим реалиям, как, например, пограни-

чья между ранней Речью Посполитой и Московским царством. И вряд ли они для кого-нибудь священны: призывы «защищать границы ценою жизни» теперь вряд ли могут прозвучать — слишком бессодержательно они выглядят.

Когда в 1990-х гг. важнейшим лозунгом центральной власти стало сохранение территориальной целостности России, невольно возникал вопрос: о какой, собственно, целостности идёт речь. Разве то, что «мать городов русских» является столицей соседнего государства, не означает, что эта целостность уже нарушена? В этом, возможно, корень ситуации, не позволяющей современной России иметь свою национальную идеологию — это государство не имеет территориальной целостности, оно принципиально частично. Впрочем, так же, как и его население. И эта частичность отражается на всём — и на невозможности установить демократическую систему воспроизводства власти, и на настроениях населения, и на внутренней, и на внешней политике.

Внешнеполитическая линия России столь же неопределённая, как и её внешние формы. Даже описать её в категориях успеха или неудачи невозможно, так как у неё нет заранее поставленных целей, осознанных задач. Россия просто не может сформулировать стратегически определённый курс внешней политики — даже в отношении с ближними соседями. Любая «пророссийскость» зарубежного политического деятеля остаётся на уровне его риторики, так как ни в чём конкретном выразиться не может — Россия не пред-

Статья основана на публикациях: «Русские пределы» (APN.ru, 17.12.2008) и «Русская земля как базовое понятие геополитики России» (REGNUM.ru, 13.01.2011).

лагают крупных политических проектов, готовность участвовать в которых на практике означала бы пророссийскую ориентацию. На деле российская внешняя политика сводится к тем или иным реакциям на внешние раздражители, которых появляется всё больше.

При этом РФ становится всё более непривлекательным государством в плане своих внутренних проблем, и недавние события (массовые протесты в Москве и многих других городах России в связи с межнациональными отношениями) показывают, что внутренняя политика зашла в тупик. Несмотря на все разглагольствования о единой «российской нации», Россия представляет собой страну, в которой с каждым годом растёт напряжённость в межэтнических отношениях. Это провал политики внутренней интеграции (характерный, впрочем, для большинства постсоветских государств), который теперь уже трудно скрывать. Частичность России, случайность её форм, отсутствие той самой чаемой «территориальной целостности» не позволяет обрести ни внешнюю, ни внутреннюю определённую.

Одна из важнейших причин такого положения дел видится в том, что эта политика носит ситуативный, реактивный, и иногда и просто рефлекторный характер и не основана на каком-либо стратегическом видении места России в её окружении и вообще в мире. Можно это объяснять идейной растерянностью после распада СССР и провала проектов Перестройки, но есть и более глубокая причина: Россия радикально откасалась от какого-либо исторического взгляда, её политика не имеет идентичности, это политика без субъекта. Современная Москва не является ни имперским, ни национальным центром — это просто административный центр весьма обширного куска бывлой державы. Этому куску опасны любые исторические формы: старые идентичности, историческое сознание, национальные культуры. Мечта о «единой

российской нации» и сводится к отказу от исторических форм как выявляющих отсутствие внутренней целостности.

Тем не менее исторические формы бытия не отменяются по указам. От истории трудно убежать, более того — не стоит этого делать. Государственная политика любой страны должна иметь идентитарные основания, иначе у неё не может быть никаких стратегических целей. Только наследуемая от предков идентичность задаёт основные мотивации политическим действиям, и если их нет, то место государственного интереса занимают корпоративные интересы различных групп влияния у государственной власти. А такая ситуация не может быть долгой: противоречивость указанных интересов друг другу и их несовпадение с реальными государственными задачами ослабляют страну и неизбежно ведут к поражениям и постепенному выпадению из системы международных отношений. Мы это сейчас и видим: для современного международного сообщества Россия — это какой-то лишний беспокойный элемент, в систему не вписанный, её не определяющий и сам ею не определённый. В этом смысле слова З. Бжезинского о России как о «лишней стране» очень точно характеризуют её восприятие извне. Хотя запрос на историческую Россию есть, и немалый — только она хронически отказывается быть собой.

Главная проблема Российской Федерации — в том, то это государство не тождественно стране — оно одновременно и гораздо меньше, и больше её. В результате государственной идеологии просто неоткуда взяться — как её ни конструируй, а от неполиткорректной идентичности страны уйти не получается. Идея новой историчности, сформулированная Президентом РФ в новогодней речи 31 декабря 2010 г. («Россия — молодая страна, в наступающем году ей исполнится только двадцать лет»), вряд ли может быть принята обществом как в России, так и

за её пределами. Кстати, она не принята даже самим её автором, так как в других своих речах для обоснования того, что Россия — великая страна, он прибегал к фактам её гораздо более ранней истории. И всё же политически она абсолютно оправдана — все широко презентованные гражданам попытки создания государственной идеологии РФ (в том числе инициированного Б.Н. Ельциным в 1996 г. поиска «российской национальной идеи») пока что не выходили за рамки её постсоветской истории.

Действительно, для обоснования священности нынешних границ (и, соответственно, священности Беловежских соглашений) необходимы совершенно новые идеологии и совершенно новая идентичность, так как эти границы принципиально не историчны. Ведь проблема границ — это проблема именно идентичности. Вопрос «каковы наши границы?» логически следует за вопросом «кто мы?», и, не разобравшись с первым, нельзя приступать ко второму. Именно осознание своих границ, территориального определения своей субъектности делает население страны нацией. То, что мы не имеем действительно русских границ — залог нашей геополитической слабости.

Случайность российских границ и их неосвящённость традицией является и вполне понятной причиной для страхов перед Россией со стороны её соседей. Действительно, страна, не имеющая никаких понятий о том, где же её исторические пределы, не имеет и никаких тормозов перед любого рода экспансией. Ей ищут внешние ограничители, а что это сейчас, как не НАТО? Но обрести понятие «своих границ» нам надо, конечно, не для того, чтобы «успокоить соседей». Это наша внутренняя потребность, так как без этого вся российская политика сводится к череде сумбурных реакций на внешние раздражители, не имея за собой никаких системных мотиваций. Нельзя быть субъектом без границ, нельзя быть и подлинным субъектом международных отношений,

не имея понятия о своей идентичности и, соответственно, о своих границах.

* * *

В последние годы появились первые изменения в этом положении: сама ситуация вокруг России заставила её внести некоторые коррективы. И хотя Москва по-прежнему старается избегать любых исторических понятий и идентитарных концепций, в 2007 г. она внесла в свой официальный политический лексикон такое выражение как «Русский мир». Собственно, это первое понятие русской идентичности, с которым официальная Россия решила себя связать. Надо сказать, что де-юре российская государственность не имеет никакой связи с русским народом и его представителем не является, хотя извне все видят её именно как национально-русскую. Однако зафиксированный в Конституции государственный статус русского языка позволил пойти на такое нововведение и частично распространить русскую идентичность на внешнюю политику.

Сделано это было в результате проблем с положением русскоязычных жителей «ближнего зарубежья», когда от России просто потребовалось хоть какое-то участие. Действительно, отношения РФ с «российской диаспорой» — ещё один проблемный сюжет российской политики, касающийся всего зарубежья, и некоторая концептуализация деятельности в этой области крайне важна.

«Русский мир» определён как «мир русского языка», что-то вроде французской «Франкофонии». Он состоит из людей, способных постигать культурные ценности через русский язык. И как таковой он внетерриториален, он простирается во все уголки нашей планеты, где только есть люди, в той или иной степени владеющие русским языком. В.А. Тишков дал такое определение: «мир» является «трансгосударственным и трансконтинентальным сообществом, которое объединено сво-

ей причастностью к определённом государству и своей лояльностью к его культуре», и уточнил, что «русский язык, русскоязычная культура и демонстрируемый интерес к Родине отличают принадлежность к Русскому миру» (статья «Русский мир: смысл и стратегии» 2007 г.).

Указание на причастность к Российскому государству, правда, подверглась жёсткой критике со стороны Русской Церкви: «если мы будем считать его (т.е. Русского мира. — *О.Н.*) единственным центром только Российскую Федерацию в современных границах, то мы тем самым погрешим против исторической правды и искусственно отсечем от себя многие миллионы людей, которые осознают свою ответственность за судьбы Русского мира и считают его созидание главным делом своей жизни. Ядром русского мира сегодня являются Россия, Украина, Белоруссия» (Из выступления патриарха Кирилла на открытии III Ассамблеи Русского мира 3 ноября 2009 г.). Так Патриарх ввёл понятие «ядра Русского мира», которое уже имеет определённые территориальные характеристики. Хотя представляется несомненным, что в такой формулировке оно само по себе оказалось неисторическим. Действительно, для этого «ядра» есть и другое — историческое — имя.

Хотя понятие «Русский мир» относится ко всем жителям зарубежья, в той или иной степени владеющим русским языком, оно позволило сделать важное различие в политике РФ относительно имеющих крайне широкое официальное определение «российских соотечественников»: выделить из них русских (в культурно-языковом определении). Да, это понятие введено не в законодательство, а лишь в официальную лексику, тем не менее оно впервые позволило заговорить более-менее идентичным языком: появились заявления о, например, «проблемах Русского мира», «ценностях Русского мира» и даже «интересах Русского мира».

Это же понятие позволило зарубежным русским организациям отказаться от искусственного советского биосоциального определения русскости, расширив свою деятельность на всех людей, говорящих по-русски.

Однако понятие Русского мира, сколь бы революционным и необходимым оно бы ни было, не способно решить другой крайне сложной проблемы всей обозначенной сферы политики, а именно: различие русских общин за рубежом, проживающих на своей исторической территории, и эмигрантских диаспор, разделённых на различные «волны» и имеющих во многом иную идентичность. «Русский мир», определяемый как «глобальный», одновременно и принципиально внетерриториален. Между тем такое различие необходимо, так как проблемы у представителей Русского мира на Украине, в Белоруссии, Казахстане, некоторых областях в других бывших частях Российской Империи и Советского Союза, и проблемы у русских во Франции, США или ЮАР принципиально различны. Эти части Русского мира имеют совершенно разную структуру, совершенно разные запросы, совершенно разные понятия о своих национальных правах и интересах. Такого же различия они ждут и от России.

Так, например, проблематика Гуманитарного съезда в Северодонецке на Украине просто немыслима для съезда русских организаций Великобритании, даже если такой съезд там состоится. Различна сама идентичность русских в этих странах: русские эмигранты ориентированы на интеграцию в национальные сообщества новых стран проживания и лишь на определённые формы сохранения связей с Россией и русской культурой. Русские на Украине себя эмигрантами не чувствуют, и с этим надо считаться. Различны и интересы России в деле взаимодействия с ними. Работа со столь различными частями Русского мира не может быть однотипной.

* * *

Понятие Русского мира, не имеющее древней культурной истории, лишь небольшой шаг в деле восстановления идентичности России. Примечательно, что его уже стали определять в тех смыслах, какие в него не закладывались. Будучи понятием антропологического, принципиально не географического свойства (объединяет говорящих по-русски во всём мире), оно всё чаще появляется в политических текстах в совсем иных значениях. Например, нередки утверждения, что, например, «Украина — это часть Русского мира», или же споры, является ли его частью Приднестровье. В таких ситуациях «Русский мир» выступает паллиативом к другому понятию, имеющему гораздо большую историческую укоренённость, но до сих пор не допущенному в нашу официальную лексику, — **понятию о Русской земле**. Последнее время стало очевидно, что этого понятия очень не хватает, причём не только в зарубежной политике России, но и во внутренней. Возможно, наравне с понятием о Русском мире было бы полезно ввести в официальный российский лексикон (я здесь не говорю о законодательстве) и понятие «Русской земли», под которым могла бы пониматься *территория традиционного и преимущественного распространения русского языка, русской культуры*.

Кстати, понятие «земли» уже присутствует в российском законодательстве. Известный юрист Матвей Цзен указывает на тексты четырёх основных законов (Уставов) российских областей, в преамбулах которых содержится наименование исторических «земель». Устав Кировской области говорит о почтении к «истории Вятской земли», Ростовской — заявляет об «уважении к историческим традициям Донской земли», примерно то же можно найти и в Основных законах Псковской и Владимирской областей. В последней даже заявляется, что Владимирская земля является «историческим центром фор-

мирования русской нации» — уникальный для российского законодательства случай упоминания русских (а тем более «русской нации») в официальных текстах. Само по себе наличие в российском законодательном языке понятия «земля» (пусть и для обозначения уже исторических реалий) — готовая юридическая база и для сходного введения понятия о Русской земле.

Примечательно, что здесь может быть выгодно использован уже упомянутый факт отсутствия формальной увязки Российской государственности с русскими, с русским народом. Де-юре Россия представляет интересы «многонационального русского народа» и имеет свою официальную российскую территорию. В этом плане введение понятия «Русская земля» никак не должно ассоциироваться с территориальными претензиями Российского государства. Многонациональная Россия вполне может признавать наличие зарубежных территорий традиционного проживания одного из народов, населяющих Россию.

Кстати, стоит сказать и о том, что та же Украина, будучи национальным государством, допускает для обучения в школе одобренные министерством учебники и карты, в которых этнической территорией украинцев обозначены земли в соседних Словакии, Польши, Белоруссии и России. При этом в России указываются не только обширные территории в Южном Федеральном округе, но также и в Сибири и на Дальнем Востоке. Ещё раз оговорюсь, речь здесь идёт не о введении понятия о Русской земле в законы России, но лишь о введении его в официальный лексикон, как это и было сделано с понятием «Русский мир». Во всяком случае, это гораздо более реалистично, чем не раз выдвигаемые проекты официального признания русского народа «разделённой нацией», что бессмысленно без маловероятного сейчас изменения правового статуса русского народа в России.

Несомненно, однако, что такое нововведение вызовет негативную реакцию у других стран, особенно у наших соседей. Для её предотвращения или, по крайней мере, смягчения можно и нужно использовать лексические возможности других языков по различению «русского» и «российского». Надо настаивать на переводе этого выражения, например, на украинский язык прилагательным «руський», а никак не «російський», на польский язык как «Ziemia Ruska», а не «Ziemia Rosyjska» и т.д. Эта игра слов может сослужить России хорошую службу, отведя её от лишних упреков в экспансионизме.

* * *

Вообще, понятие о Русской земле — это ярко выраженное свойство русской идентичности, уходящее своими корнями в глубокую древность. Это понятие свойственно всей нашей культуре, мы его усваиваем ещё в школе, читая русский эпос, русские сказки, произведения древней русской литературы, без этого понятия немыслима и вся великая русская литература XIX, да и XX в. По сей день оно важно для Русской Православной Церкви, являясь обозначением её традиционной канонической территории. Собственно, церковная политика — пока что единственная сфера, в которой оно иногда употребляется. И неудивительно: это единственный институт нашего общества, имеющий тысячелетнюю историю и не избегающий русской идентичности.

Русская земля — это представление об исторической целостности территорий, входивших в единую Русь киевско-новгородского времени. Утраченное единство этой земли всегда было основным нервом русской культуры. Несоответствие политических реалий сакральному пространству Руси всегда — начиная с XIII в. — было вызовом для русского народа. Это та реальность, которой самой по себе уже гораздо больше лет, чем былому единству Руси, однако наша идентичность, само имя

Русское, помнит и взывает именно к той эпохе и к её пространствам. Правда, теперь оно шире — вследствие многовековой колонизации обширных территорий на востоке и юге.

Вообще, для православной традиции свойственно особое внимание к понятию канонического пространства и его границам. Народ в православном религиозном мышлении — это члены одной поместной церкви, и русский народ в Средневековье — это именно совокупность прихожан Русской Церкви: тогда само понятие о русском народе было конфессиональным, церковным. То же можно сказать и про Русскую землю. Наша древнейшая летопись уже в своём названии говорит в первую очередь о Русской земле: «Се повести времяньных лет, откуда есть пошла Руская земля, кто в Киеве нача первее княжити, и откуда Руская земля стала есть». Это характерно и для более поздних летописных сводов. Например, Новгородская первая летопись начинается со слов: «Временникъ, еже есть нарицается летописание князеи и земля Руския, и како избра Богъ страну нашу на последнее время...».

Надо сказать, что далеко не любому народу свойственна такая акцентуация на понятии об этнически номинированной земле. К примеру, понятие «Французская земля» выглядит искусственно сконструированным — оно не актуально для французской идентичности, ни нынешней, ни прежней. А «Русская земля» встречается нам как важнейшее определение уже с домонгольской эпохи, и, как видно, оно остаётся актуальным даже по сей день. Россия в её традиционных политических формах создана Иваном III Великим, принявшим титул «государя всея Руси» и сделавшим задачу «собираения русских земель» важнейшей линией всей российской политики на столетия вперёд.

И теперь, если не отказываться от исторической идентичности русского народа и российского государства и вернуть в наш политический лексикон

кон это понятие, то оно может помочь провести принципиальную структуризацию российской политики, её мотиваций и конкретных приложений. И это касается самых разных сфер — и во внешней, и во внутренней политике. Русская земля — это историческая величина, а то, что прописано в истории, нельзя взять и отменить. История даёт о себе знать, как бы нам иногда ни хотелось бы убежать от неё. И политика, основанная на историческом самоотречении, может быть лишь средством самоуничтожения.

* * *

Реальность политических границ предъявляет нам две основные проблемы.

Во-первых, древняя Русская земля разделена между нерусскими государствами. Идеология Украины («украинство») принципиально антирусская, идеология России («россиянство») также направлена на элиминацию русской идентичности и уничтожение русского самосознания. С Белоруссией сложнее, однако и здесь мы имеем дело с постулированием политического раскола Руси. Это та реальность, которой самой по себе уже гораздо больше лет, чем былому единству Руси, однако наша идентичность, само имя Русское, помнит и вызывает именно к той эпохе и к её пространствам.

Во-вторых, русские давно вышли за пределы древней Русской земли, населили новые территории и, освоив, сделали их русскими. Это тоже Русская земля, пусть её и не думали защищать наши былинные герои. Эти два свойства современных реалий — нерусские государственности на Русской земле и размытость пределов русского освоения новых территорий — стирают наши понятия о границах, размывают их, а вместе с этим и нашу идентичность.

Полагаю, что, рассуждая о русских пространствах, мы можем говорить о трёх типах земель. Первый — это Старая Русская земля, собственно Русь.

Второй — это Новые русские земли, территории, освоенные нашим народом и прочно обрётшие русский образ. И третий — это нерусские земли в составе России. Они хоть и населены преимущественно иными народами, тем не менее составляют часть современной территории и русского народа, де-факто часть его политического пространства.

Если говорить о модели русского национального государства, то его естественным идеалом может быть единая государственность на всей Русской земле — и старой, и новой. Сложнее с нерусскими землями России. Их принадлежность — вне такой модели. Однако есть и другое измерение государственности — имперское. Принадлежность нерусских земель России — это тема имперского проекта и его идеологий. Однако важно, чтобы имперские проекты строились вокруг русского, а не вместо него. Сам национальный принцип требует, чтобы нерусские народы были вне русской политической системы самоуправления или же подчинены ей. Поэтому их участие в общей государственности неминуемо должно быть определено приоритетом воли русского народа на Русской земле. Сами русские земли, задача их объединения — должны быть однозначным приоритетом политики.

Реальность, к сожалению, состоит и в том, что часть собственно русских, более того — тех самых русских земель, которые составляют сакральное пространство Руси, фактически невозвратима. Речь идёт в первую очередь о таких тотально дерусифицированных территориях, как Западная Украина, хотя вполне может сложиться и так, что даже Мать городов русских для русского народа утеряна безвозвратно. Однако невыполнимость национального идеала — не причина для его утраты. Ведь, утратив его, мы перестанем быть русскими. Будем просто русскоязычным населением России и сопредельных стран. Государственность, основанная на исторических понятиях

русской идентичности, может занимать и далеко не всю Русскую землю.

Понятие «Русской земли» уже сейчас, будь оно введено в российский официальный лексикон, могло бы оказаться принципиально значимым для целого ряда областей государственной политики, дать ей те необходимые различия, которые стали бы механизмом её структуризации и специализации.

Как уже было сказано, Россия до сих пор не проводит различия в своей политике относительно организаций российских соотечественников в странах нетрадиционного проживания русских и в странах, в которых русские имеют историческое право считаться автохтонным населением. Это различие не проявлено в деятельности тех структур, которые определяют работу с Русским миром. Пока Россия не научится проводить принципиально различную политику в отношении зарубежных русских, живущих на Русской земле, и русских эмигрантов, её политика в данной сфере обречена на неуспехи и будет лишь отталкивать от России, а не объединять вокруг неё.

Огромное значение понятие Русской земли может иметь и для интеграционной политики на постсоветском пространстве. На общественном уровне уже давно возник консенсус по поводу интеграционных ожиданий: есть запрос только на сближение с Белоруссией, Украиной, Казахстаном и Приднестровьем. И хотя «своя» Украина видится уже без западной её части, а Казахстан по-настоящему актуален только своим севером — населённой русскими Южной Сибирью, тем не менее только эти государства видятся частями раздробленной страны. Да, годы советской национальной политики утвердили здесь нерусские национальные проекты, но концепция Русской земли сама по себе никак их не отрицает — она имеет историческое происхождение, им предшествующее. Никуда не уйти от того простого факта, что РФ — страна нецельная, неполная. И поэтому курс на ре-

интеграцию для России естественен, от него нельзя отказываться. О нём мечтает и большая часть жителей как России, так и исторически русских земель соседних государств.

Но речь идёт не о восстановлении Советского Союза или Российской Империи. Относительно республик Средней Азии и Закавказья объединения уже никто не ждёт, более того, преобладают настроения на большее отгораживание: приостановления миграционных потоков, введения визового режима и т.д. Что уж говорить о таком «отрезанном ломте», как Прибалтика. Для этих регионов актуально скорее такое понятие, как «историческая Россия», то есть территория бывшей Российской империи. Это регионы с русскими переселенцами, но там преобладают совсем иные народы, и вряд ли они когда-нибудь вновь станут частью нашей страны. Отношения же с Украиной, Белоруссией и Казахстаном — особое дело, предполагающее необходимое для России воссоединение. Однако российская политика в отношении стран ближнего зарубежья не может проводить таких различий: как нашими соотечественниками потенциально признаются все бывшие граждане СССР, так и все наши интеграционные проекты в равной степени открыты тоже для всех.

Несмотря на огромный запрос на интеграцию между этими государствами как внутри России, так и в них самих, таковая либо не идёт вовсе, либо идёт только в экономическом плане, и то частично и не для всех. На самом деле Россия просто не предлагает какого-либо идентитарного проекта интеграции: она то замахивается на всё постсоветское пространство, то отказывается от него — тоже всего. Главное, что нет интеграционного проекта, который был бы самоцелью, той стратегической задачей, которая может давать мотивации политическим действиям независимо от соображений экономической выгоды тех или иных кампаний.

Нам никуда не убежать от того фак-

та, что русское самосознание отсылает нас ко временам единства Руси и к понятиям её территориальной полноты. Российская государственность с центром в Москве изначально строилась на основании идеологии «собрания русских земель». В разные эпохи это описывалось по-разному: то как собирание земель Рюриковичей, то как объединение русской национальной территории, то как воссоединение Украины и т.д. — смысл всегда был одним.

И сейчас территория исторической Руси, дополненная землями русской колонизации (где русскоязычное население абсолютно преобладает) — вполне актуальная политическая реальность. Её можно не замечать — но это лишь значит проводить принципиально неадекватную политику, которая даже не имеет слов для описания того, что известно всем людям по разным сторонам границ. Успех российской политики на постсоветском пространстве — это политика собирания Русской земли — пусть не в форме единого государства, но как общего гуманитарного, политического, экономического и военного пространства союзных государств.

* * *

Немалое значение понятие Русской земли может иметь и для внутренней политики России. Рост межнациональной напряжённости довольно ярко свидетельствует о том, что рассмотрение всех граждан России как одноликой массы «россиян» неадекватно и ведёт к крайне опасным последствиям. Равно как и ожидать, что инациональные регионы России когда-нибудь смогут стать её «нормальной» частью с общероссийскими стандартами общественной жизни. Нет, это исторически слишком разные земли, и игнорирование этого простого факта лишь ведёт к усилению конфликтности и последующему распаду. Не вся территория России — Русская земля. Здесь и земли других народов, и государственная политика должна это учитывать, равно

как и то, что есть Русская земля и на ней — русские города. В первую очередь это важно для сферы управления миграционными потоками. Без этого нет и не будет грамотной национальной политики и добрососедских межнациональных отношений.

Возрождение понятия о Русской земле важно и для реанимации русского самосознания — исторической основы российской государственности. Русская идентичность не только этническая, она в значительной степени территориальная. Это видно и по той принципиальной значимости, которую это понятие всегда имело для русской культуры, и по тому, сколь трудно русским организовывать свои эмигрантские общины на чужбине. Возрождение официальной Россией понятия о Русской земле может дать идеологическую основу как для деятельности русских общественных и культурных организаций в областях традиционного распространения русской культуры, так и для работы с ними официальной России — и это касается как собственно России, так и ближнего зарубежья.

Хотя главной проблемой — точнее сказать, препятствием — на этом пути остаётся нелегальный статус русской идентичности в самой России, отказ российской государственности от представительства интересов русского народа. Пока государство Российское не решится вернуть себе русскую идентичность и проводить исторически обоснованную политику, оно будет обречено на всё новые поражения, страх соседей и дальнейшее выпадение из системы международных отношений — да и из всемирной истории.

Да, очевидно, всю Русскую землю уже не вернуть. Но путь подчас важнее цели. *Только Россия, собирающая русские земли, — настоящая, русская Россия.* Только такая Россия аутентична, соответствует сама себе, своему историческому образу. И только собирающие свою землю русские достойны Русского имени.

Владимир Близнеков

Евразийский союз — уния Руси и Орды

Ностальгия по развалу СССР и идея постсоветской интеграции «на добровольных началах» бывших советских республик, до сих пор прельщающая немало число бывших советских граждан, имеет не только идеологическую просоветскую мотивацию, но в значительной степени играет на имперских чувствах российского населения, и в первую очередь на гордости за утраченную политическую мощь бывшей красной империи — СССР, невзирая на очевидно преступную сущность большевистской идеологии, несомненно несущей всю полноту ответственности за тяжчайшие преступления коммунистов против русского народа и других народов бывшей Российской империи.

При этом многие российские имперцы — сторонники возрождения утраченного СССР в «качественно» новой политической форме, часто искренне причисляющие себя к числу русских патриотов, упускают из виду, что, грезя о реинкарнации СССР, они мечтают не о возрождении России в качестве национального государства, а ностальгируют по некоему «равноправному союзу» или унии России с другими, в первую очередь со среднеазиатскими, государствами, проявляющими особенно большой интерес к возможности политической интеграции с Российской Федерацией. СССР был как раз именно такой униатской моделью, когда РСФСР де-юре была только одной из пятнадцати «братских» независимых советских республик, на бумаге имеющих право на самоопреде-

ление, «вплоть до полного отделения» и выхода из состава СССР. Советский Союз как униатская модель взаимоотношения РСФСР с другими республиками — членами СССР качественно отличался от вассальной модели взаимоотношения Российской империи с входящими в ее состав территориями, на которых проживало коренное нерусское население. На данных территориях (за небольшими исключениями вроде Великого Княжества Финляндского или Царства Польского) осуществлялась прямая юрисдикция российской самодержавной власти и исключалась претензия на какую-либо союзническую модель их взаимоотношения с центральной властью.

В современной России и бывших советских республиках апологетами и идеологами униатской модели построения политической системы государства являются так называемые евразийцы. На уровне высшего политического руководства к ним относятся в первую очередь президент России Владимир Путин, президент Казахстана Нурсултан Назарбаев и президент Белоруссии Александр Лукашенко.

В декабре 2010 г. в Москве на саммите международной экономической организации «Евразийское экономическое сообщество» были достигнуты договоренности о создании Евразийского союза на базе Таможенного союза России, Казахстана и Белоруссии. Проект Евразийского союза предполагает создание наднациональных структур нового союза государств в форме различных Комиссий для ко-

ординации и контроля над единым политическим, экономическим, военным и таможенным пространством, что, по сути, является неким аналогом современного Европейского союза.

У данного политического базиса, конечно же, быстро нашлась идеологическая надстройка в лице философов и политологов Александра Дугина, Сергея Гаврова, Игоря Панарина и др., придумавших для идеи постсоветской интеграции красивое название «евразийство» и выдающих это выражение за национальную идею постсоветской России. После распада СССР, в ельцинский период, среди интеллигенции велись жаркие споры о новой национальной идее России, призванной заменить оказавшуюся несостоятельной идею советского «светлого будущего» в форме построения коммунизма. В то время никакого внятного решения данной проблемы так и не было найдено. В начале XXI века идеи «евразийства» получают достаточно широкое распространение, и с учетом политической поддержки данной идеологии со стороны влиятельных политических сил можно говорить о рождении «новой» российской национальной идеи, наконец-то обретенной после распада бывшего СССР, но по иронии судьбы не содержащей по своей сути ничего нового, кроме интенции восстановить утраченное единство бывших советских республик в рамках СССР.

Таким образом, идеологи новой национальной идеи России говорят исключительно о возрождении утраченного, о возрождении формы былой империи, вынося за скобки ее идейное содержание. В этом проявляется либо слабость, либо неискренность тех, кто претендует быть создателями новой официальной идеологии Российской Федерации. Между тем и Советский Союз, и Российская империя не стеснялись открыто провозглашать свои официальные идеологии — соответственно марксистскую и православно-самодержавную, что являлось важным

фактором привлечения большого количества их сторонников. Нынешняя якобы национальная идея РФ говорит только о форме и предпочитает стыдливо умалчивать о своем идеологическом содержании.

Тем не менее выбор в пользу унитарной модели построения политической системы российского государства предполагает если не определенное идеологическое содержание, то, по крайней мере, ярко выраженную форму его политической ориентации, что можно достаточно хорошо продемонстрировать, анализируя российскую историю.

Исторические формы отношений Руси и Орды

Практически с самого начала образования древнерусского государства в IX–X вв. имело место перманентное столкновение Руси в качестве определенной политической формы государственности восточных славян с центром в Киеве с принципиально иной разновидностью государственного объединения нескольких кочевых племен под властью одного хана, получившей историческое наименование «Орда». При этом средневековая цивилизация Древней Руси имела два важнейших признака, отличавших ее от огромного многообразия исторических и политических феноменов принципиально иной цивилизации, традиционно именуемой понятием Орда, — это христианская вера и оседлый образ жизни народа Руси. Эти признаки были также присущи народам западноевропейской и византийской цивилизаций. Поэтому Русь во взаимоотношении с Ордой исторически и культурно выступала неизменно в качестве представителя европейской цивилизации. Орда же, вследствие отсутствия обоих вышеуказанных признаков европейской цивилизации, всецело представлялась средневековым европейцам собирательным образом азиатской цивилизации.

Теоретически были возможны три типа осуществления политических отношений Руси и Орды: 1) вассальное подчинение Орды Руси; 2) союз или уния Руси и Орды; 3) вассальное подчинение Руси Орде. С момента возникновения Руси в качестве восточноевропейского государства по настоящее время можно с уверенностью говорить, что на протяжении российской политической истории в ее различные периоды имели место все три типа данных политических отношений Руси и Орды в самых разнообразных модификациях. Важен тот факт, что Русь на протяжении всей ее истории перманентно существовала и существует в тесном взаимоотношении с Ордой, в смысле исторической, политической и культурной экзистенции русской цивилизации с государствами и народами, относящимися к преемникам исторической Орды кочевых нехристианских народов или, соответственно, представителей азиатской цивилизации.

При этом также важно отметить, что практическая или стратегическая политическая ориентация правителей Руси по отношению к Орде включала в себя только две из трех вышеуказанных возможностей политического взаимоотношения Руси и Орды — 1) вассальное подчинение Орды Руси; 2) союз или уния Руси и Орды. Понятно, что третий, капитуляционный вариант не мог рассматриваться в качестве стратегии ни одного трезвого политика Руси, он мог являться только результатом неудачной политики русских правителей по отношению к Орде.

При внимательном анализе российской истории отчетливо выявляется тот факт, что политика противостояния Руси Орде либо дистанцирования от нее, направленная на вассальное подчинение Орды Руси, в большинстве случаев оказывалась удачной и достигла поставленной политической цели. Наиболее яркими примерами этой политики являются: покорение Хазарского каганата князем Свя-

тославом, разгром печенегов Владимиром Святым и Ярославом Мудрым, яростная война Руси с половцами по воле Владимира Мономаха и великого князя Мстислава Владимировича, победа русских на Куликовом поле, покорение Казанского и Астраханского ханств, блистательные победы Российской империи практически во всех русско-турецких войнах и покорение Крымского ханства. При этом любопытен тот исторический факт, что степные кочевники, начиная со знаменитых черных клобуков, составлявших значительную часть княжеской дружины Киевской Руси, в большинстве случаев охотно принимались русскими князьями на службу и наделялись большими привилегиями, но дальновидные русские князья (как, например, в свое время Владимир Мономах) соглашались рассматривать их только в качестве вассалов Руси и категорически отказывались заключать с ними какие-либо союзнические обязательства.

Естественно, в российской политической истории традиционно имела место и другая политическая стратегия Руси по отношению к Орде, ориентированная на союз или унию с Ордой. Часть русских князей — современников Владимира Мономаха, в первую очередь заклятые враги Мономаховичей Ольговичи, традиционно ориентировались на половцев и постоянно наводили кочевников на русские земли в междоусобных войнах. С течением времени на протяжении XII и начала XIII в. связи многих русских князей с половцами достигли такого уровня, что половцы стали рассматриваться уже практически в качестве «своих».

Это положение дел и привело к страшной политической катастрофе русского Средневековья — покорению Руси монголо-татарской Ордой. Именно союз русских князей с половцами против монголов Чингисхана стал причиной позорного разгрома русско-половецкого войска монголами на реке Калке (русских и половцев

было почти в четыре раза больше, чем монголов) и последующего погрома Руси Батыем. Близорукие русские князья глупо ввязались во внутривордынскую разборку монголов и половцев, а Русь заплатила за эту безумную политику своих князей поистине страшную цену. Причем наиболее страшным последствием монгольского ига на Руси стало цивилизационное разделение Руси на западную — литовскую — и восточную — ордынскую — Русь.

И в этот роковой период российской истории в российской политике в самой яркой форме проявились оба вышеуказанных подхода взаимоотношениями Руси с Ордой, представителями которых были соответственно русские князья Даниил Галицкий и Александр Невский. Об этих двух фигурах российской политической истории в последнее время сказано столь много, что не хочется уже вообще ничего добавлять. В мифологии его сторонников Александр Невский превратился в такого супердальновидного политического стратега, на мудрости которого основан весь последующий «хеппи-энд» российской имперской истории и «вечной истины» евразийской идеи. Напротив, князь Даниил Галицкий в глазах антизападников стал жупелом типичного западнического политика-неудачника, не увидевшего великий шанс объединения Руси и построения Российской империи на обломках империи чингизидов.

Политическая мифология всегда составляла плохую службу трезвому историческому анализу. Проблема заключается в том, что оба этих князя тяжело виноваты перед русской цивилизацией, и в первую очередь они виновны в том, что своей разноплановой политикой по отношению к Орде навечно цивилизационно раскололи Русь и по сути дела превратили народ Руси в политического вассала как на Востоке — вассала Орды, так и на Западе — сначала вассала Литвы, а затем и Польши. Причем если князь Да-

ниил Галицкий проводил совершенно традиционную для Руси проевропейскую политику, поскольку стратегический союз с Ордой в ущерб европейской политике был просто невыносим для любого уважающего себя русского князя Мономаховича домонгольского периода, не принимая в расчет Ольговичей и им подобных князей-маргиналов, то Александр Невский стал первым великим князем Мономаховичем, осознанно повернувшись лицом к Орде и спиной к Западу. При этом нельзя упрекнуть Александра Ярославовича, что он был просто слабым политиком, выбравшим как раз последний капитуляционный вариант — подчинение Руси Орде. Конечно же, это не так. Александр Невский хотел не уничтожения Руси перед Ордой, но честного равноправного союза, дружбы с Ордой против Запада, т.е. он был первым настоящим политиком-евразийцем.

Геополитическая проблема для обоих русских князей состояла в том, что они упрямо смотрели каждый в свою сторону, упорно не желая видеть третий путь выхода Руси из тяжелейшего политического и цивилизационного кризиса того времени. И этот третий путь назывался — Литва. Именно общий равноправный политический союз обоих крупнейших и влиятельнейших русских князей с Литвой, яростно борющейся как с немецкими крестоносцами, так и с татарами, мог бы дать Руси ту силу и единство, в которой она тогда нуждалась. В этом случае Западная Русь не присоединилась бы в дальнейшем к Литве на правах вассала и князья Рюриковичи не потеряли бы со временем в Литве реальную политическую власть, но равноправный совместный союз Даниила Галицкого и Александра Невского с Литвой мог бы стать единственным реальным шансом скорого освобождения Руси от монголо-татарского ига и создания единого и мощного Русско-литовского государства, построенного

на духовно-политических основах русской цивилизации.

Во всяком случае, почти 250-летнее монголо-татарское иго на Руси не дает оснований для восторгов перед униатской политикой Александра Невского по отношению к Орде.

Новый союз на Востоке

Приблизительно с 2006–2007 г. российскими властями начала проводиться политика «Поворота на Восток», т.е. политического сближения с восточными соседями России. Причиной этому послужил очевидный провал прозападной политики Владимира Путина первых лет его президентства, поскольку Запад оказался неготовым принять постсоветскую Россию таковой, какова она есть, и признать в качестве достойной похвалы цели ее политики, путинские идеи возрождения империи по образу и подобию рухнувшего СССР. Заявление Путина о том, что величайшей трагедией XX века для него является распад СССР, не вызывает на Западе иной реакции, кроме отторжения. На то есть не только политические, но и исторические причины, поскольку на Западе, в отличие от России, любят подчеркивать тот факт, что большинство территорий советских республик, образовавших СССР, силой были присоединены к Российской империи и затем их народы силой же были принуждены к вступлению в СССР.

На Западе Путина рассматривают как типичного империалиста, для которого идеал построения империи является его единственным твердым убеждением, в отношении же идеологической надстройки империи Путин, по мнению Запада, скорее является релятивистом и оппортунистом: он с одинаковым энтузиазмом был бы поборником как СССР, так и Российской империи, так и Золотой Орды. Поэтому проблема неудачи первоначальной прозападной ориентации Путина заключается также в том, что Западу не

присущ релятивизм и оппортунизм в идеологии, как раз наоборот: идеологическому фактору придается здесь главенствующее значение в качестве исключительной истинности и универсальности западных духовных ценностей.

На современном Западе сложился постоянный консенсус по отношению к убеждению, что советский империализм — это однозначно путь восточный. Интересным образом эту теорию подтверждали и евразийцы, подчеркивая первенствующее значение Монголии в советском евразийском проекте. Монгольская империя чингизидов во многих отношениях очень напоминала красную империю СССР. Основным значимым отличием была толерантность, т.е. релятивизм в области идеологии у монголов по сравнению с жестокой идеологической тиранией большевиков. Поэтому русским евразийцам всегда так была дорога раннемонгольская империя периода до принятия ислама ханом Узбеком в 1320 г., они надеялись, что большевистская идеологическая деспотия рано или поздно сменится раннемонгольской идеологической толерантностью.

Запад также желал бы, чтобы российское государственное имперское самосознание приобрело по меньшей мере релятивистский, а в идеале — глобалистский характер. Поэтому когда европейцы отказываются принять для себя имперскую идею Путина в качестве равноправной с Западом политической истины, это еще не означает, как это ни парадоксально, что они в принципе против «поворота на Восток» путинской политики. Россия в течение подавляющего большинства периодов ее истории ассоциировалась на Западе с восточной деспотией, следовательно, Запад будет не против того, что Россия останется в сфере влияния духовно-политических ценностей Востока, т.е. традиционный российский политический деспотизм с претензи-

ями на исключительность российской государственной идеи в эпоху глобализации будет разбавлен синтезом с чуждыми ей духовными ценностями восточных цивилизаций. Идея Евразийского союза является абсолютным осуществлением данного подхода.

Евразийский союз как глобалистский проект

Основная цель глобализации состоит в том, что будущий мировой политический порядок должен управляться из единого центра. Основным инструментом осуществления этой цели является глобальная политическая интеграция государств в форме образования нескольких регионально-континентальных политических объединений. Первым удачным проектом данной глобальной политической интеграции мира является осуществленный политический проект Европейского союза. Поэтому, по замыслу мировых глобализаторов, с одной стороны, Евразийский союз призван стать североазиатской копией Евросоюза. Именно североазиатской, а не просто азиатской копией, поскольку южноазиатские страны, такие как Индия, Пакистан, Иран или даже Китай, пока не готовы к нему присоединиться. С другой стороны, Евразийский союз должен выйти за пределы так называемой «православной цивилизации» (термин Хантингтона) и по возможности даже за пределы бывшей советской зоны влияния в Азии, чтобы в рамках данной политической структуры могли происходить глобализационные процессы, направленные на постепенное стирание политических границ стран — членов Евразийского союза и, что чрезвычайно важно для глобалистов — генераторов подобных идей, — на смешение традиций и культур народов, принадлежавших ранее к разным цивилизациям.

Европейскому союзу (ЕС), поскольку он обладает правом первородства среди его будущих глобальных полити-

ческих собратьев, были предоставлены существенные привилегии, важнейшая из которых — право принятия в свой состав государств-членов на основе их принадлежности к общим духовным ценностям европейской культуры или, менее политкорректно, — почти утраченным современной Европой христианским ценностям. Несмотря на сильное давление основного глобального игрока — США — на Европейский союз, европейские политики категорически отказались принять в свой состав мусульманскую Турцию. Речь также не идет о принятии в ЕС мусульманских Албании и Боснии, хотя католическая Хорватия недавно стала 28-м членом Евросоюза, на очереди — православные Сербия, Черногория и Македония, в более отдаленной перспективе — Украина и Молдова, возможно, также Грузия и Армения.

Таким образом, большинство стран православной цивилизации будут глобализироваться в рамках Евросоюза, а остаток в виде России и Белоруссии призван к глобализации вместе с мусульманскими, буддистскими и языческими странами Центральной Азии. Следовательно, хантингтоновская «православная цивилизация» во главе с ее «стержневой страной» — Россией — по замыслу мировых глобалистов скоро прикажет долго жить, а заодно с ней и неосуществленные грезы о европейском выборе России отечественных либералов и западников.

Миссия России в путинском Евразийском союзе состоит в глобализировании центральноазиатских стран; кроме того, Россия сама должна достаточно «азиатизироваться» до тех пор, пока не настанет следующий глобальный этап настоящей евроазиатской глобализации: объединение Евросоюза, Евразийского союза (или, по сути, Североазиатского союза), в придачу еще с парой подобных глобалистских азиатских структур, типа Южноазиатского или Восточноазиатского союзов (игнорируя их официальные

лубочные названия) в Единый союз Евро-азиатского континента.

Уже сейчас имеет место активная подготовка к реализации проектов будущих Американского и Африканского союзов. В этом направлении предпринимается бурная деятельность самого разного рода: от создания региональных американских и африканских Конвенций по правам человека до проектов единой региональной валюты для данных континентов. Только страх империи США раствориться в «цветущей сложности» соседних американских государств и ужасающая нищета большинства африканских стран сдерживают усилия глобалистов по реализации данных политических проектов. Но власти России, Белоруссии, Казахстана и Монголии не боятся глобализации и имеют на это политическую волю и достаточные финансовые средства. Поэтому Евразийский союз призван стать вторым после ЕС глобальным политическим образованием.

В стратегическом плане — это не что иное как марионеточная политика российских властей по отношению к силам мирового глобализма. Ее результатом будет неуклонное ослабление суверенитета российского государства, цивилизационное отделение России от Запада и приоритетное внимание российских политиков к интересам союзнических азиатских государств, с которыми она должна будет интегрироваться в единую региональную глобалистскую структуру. Все уровни интеграции в рамках Евразийского союза — политический, военный, экономический, культурный и т.д. — будут означать ослабление соответствующих сфер российской государственности в угоду мировому глобализму и интересам развивающихся азиатских государств.

Роль России в Евразийском союзе будет идентична роли Германии в современном Евросоюзе, которая вынуждена и даже обязана практически в одиночку субсидировать экономи-

чески отсталые государства Евросоюза. СССР также выделял огромные финансовые ресурсы на поддержку среднеазиатских республик, социалистических стран и развивающихся «социалистически» ориентированных стран Азии и Африки, что и стало одним из основных факторов его экономического банкротства.

Россия неизбежно будет единственным спонсором всех «собратьев» по Евразийскому союзу и, кроме того, будет *обязана* (а не только иметь право и волю, как в настоящее время) обеспечивать работой или иными финансовыми возможностями на своей территории миллионы азиатских мигрантов, которые вполне легально поселятся на ее территории. Здесь можно вспомнить совсем недавний проект российских властей о предоставлении в долгосрочную аренду российской дальневосточной земли за символическую плату в 50 рублей гражданам государств Юго-Восточной Азии, таких как Таиланд, Вьетнам, даже Япония и др. Такая щедрая глобалистская безответственность по отношению к интересам, политическим рискам и угрозам для собственной страны (например, опасности превращения Дальнего Востока в будущее Косово) в угоду совершенно политически чуждым азиатским государствам была бы даже в настоящее время немыслима буквально ни в одной уважающей себя стране мира.

В настоящее время российские власти создали также невозможный ни в одной развитой стране мира прецедент поощрения массовой азиатской эмиграции, так что, по данным Миграционной службы, из 9,4 миллиона мигрантов в России только около 4 миллионов официально обеспечены работой. Такая ситуация не могла бы быть терпима ни в одной другой стране; что же будет тогда, когда гражданам государств — членов Евразийского союза будет предоставлено право поселиться в любой его стране, как это сейчас имеет место в Европейском союзе?

А в чем же польза для России от евразийской интеграции в военной или политической сферах с азиатскими государствами? Видимо, Узбекистан или Монголия будут защищать Россию от внешних врагов, а Таджикистан с Киргизией приносить ей политические дивиденды?

Проект Евразийского союза — это ярко выраженный глобалистский проект политической и цивилизацион-

ной интеграции России с азиатскими странами Средней и Центральной Азии. Причем — это не имперский, а явно униатский проект, направленный на синтез двух качественно разнородных цивилизаций — русской и среднеазиатской, остающихся до сих пор существенно отличными друг от друга, несмотря на более чем тысячелетнюю историю взаимоотношений Руси и Орды.

Фонд поддержки и развития гражданского общества «РОД»
создан в марте 2009 г. решением активистов
Русского общественного движения.

Президент Фонда — известный публицист,
деятель русского национального движения К.А. Крылов.

Дата государственной регистрации Фонда «РОД» — 15 мая 2009 г.

Свою деятельность Фонд осуществляет на основе

Федерального закона РФ «О некоммерческих организациях».

Целью деятельности Фонда «РОД» является содействие развитию русского гражданского общества, поддержка русского национального движения, привлечение на благотворительной основе средств для финансирования общественно значимых программ и проектов.

Реквизиты Фонда развития и поддержки гражданского общества «РОД»

Полное наименование: Фонд развития и поддержки гражданского общества «РОД». Сокращенное наименование: Фонд «РОД»

ОГРН 1097799008977, ИНН 7705043648, КПП 770501001

Юридический адрес: 115093, Москва, ул. Б. Серпуховская, д. 44, ком.19

Банковские реквизиты : КБ «Интеркоммерц» (ООО) г. Москва

Р/с: 4070 3810 7000 0000 3564

К/с: 3010 1810 5000 0000 0684

БИК: 044552684

Олег Кильдюшов

Заложники Азиопы

Даже при беглом изучении планов и программ, связанных с тематикой Евразийского союза, бросается в глаза один очевидный парадокс: во всех подобных проектах, в том числе в программных статьях и выступлениях В.В. Путина, поразительно мало места занимает Украина, хотя всем понятно, что без нее они лишены всякого смысла¹. И это тем более поразительно на фоне того, что все опросы показывают взаимную готовность русских и украинцев к совместному будущему.

Очевидно, что авторы готовящегося «геополитического реванша РФ» (как именуют идею создания Евразийского союза аккредитованные в Кремле политические астрологи) прекрасно понимают всю бесперспективность попыток соблазнения Украины данным проектом: в Киеве только кучка маргиналов из числа «вечно вчерашних», профессионально ностальгирующих по СССР, готова объединяться с такими «стратегическими партнерами», как Бишкек или Душанбе.

Рассмотрим подробно ряд характеристик предложенного Путиным проекта евразийской интеграции, делающих его неприемлемым для основных релевантных акторов украинского по-

литического процесса — причем как для правящих элит, так и для крупного национального бизнеса, а также для широких слоев населения Украины.

При этой реконструкции «взгляда из Киева» на реинтеграцию постсоветского пространства попытаемся дифференцированно рассмотреть аспекты планирующегося евразийского объединения, проблемные для каждой из основных групп интересов, сложившихся сегодня на Украине.

Политические элиты Украины: виртуальная евроинтеграция продолжается

При всем противостоянии ведущих политических и идеологических групп интересов на Украине в целом сохраняется внутриэлитный консенсус относительно вектора развития страны. Даже после отстранения от власти откровенно русофобского режима В. Ющенко в местном раскладе политического визионерства практически ничего не изменилось: ныне правящий на Украине криминально-олигархический режим во главе с формальным лидером «донецких» В. Януковичем придерживается все той же парадигмы «евроинтеграции», что была разработана в годы правления оранжевых².

¹ Например, в его статье «Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня», опубликованной в газете «Известия» 3 октября 2011 г., Украина прямо не упоминается вовсе! Зато ей посвящена очень важная оговорка: «Некоторые наши соседи объясняют нежелание участвовать в продвинутых интеграционных проектах на постсоветском пространстве тем, что это якобы противоречит их европейскому выбору». См.: <http://izvestia.ru/news/502761>

² Президент Украины Виктор Янукович постоянно заявляет, что курс на евроинтеграцию остается неизменным приоритетом внешней политики Украины. Так, на пресс-конференции после завершения заседания Украинско-Российской межгосударственной комиссии 12 июля 2012 г. он отметил, что эта позиция зафиксирована в ряде национальных законов, в частности, в законе об основах внешней и внутренней политики:

Причем это — странное на первый взгляд — совпадение взглядов политических противников в сфере «ментальной географии» объясняется совершенно различными причинами, которые у нас часто не замечаются. Постараемся разобраться в этом более детально.

Украинские неонацисты, этнофундаменталисты и национал-популисты, выступающие под брендом «демократическая оппозиция», все еще надеются стать клиентами Запада, от которого они всерьез ожидают защиты государственной независимости Украины от неоимперской России. А заодно получить от него более или менее приличное содержание, по примеру соседних стран Восточной Европы, успевших вскочить в последний вагон уходящего поезда под названием «Европейское экономическое чудо». Помимо всей нереалистичности подобных надежд, стоит также подчеркнуть «особый цинизм» оранжевой пропаганды — с учетом реального состояния самого ЕС после фактического банкротства Греции и предбанкротного состояния целой группы стран Южной Европы.

Для этого есть только одно объяснение: перспектива вступления Украины в ЕС остается максимально туманной, что делает ее для оранжевых идеальным идеологическим инструментом, с помощью которого можно успешно торпедировать попытки вступления страны в интеграционные проекты с Россией и Белоруссией³.

«Украина определила для себя приоритет — евроинтеграцию».

³ Типичным в этом смысле является заявление депутата Верховной Рады Тараса Стецькива, который в 2004 г. являлся одним из «левых командиров» Майдана: «Это воссоздание СССР. Будет это Таможенный союз или Евразийский союз, для Украины такая стратегия противоречит национальным интересам, нашей независимости и суверенитету. Украина никоим образом не должна идти на поводу такой стратегии, ведь она про-

Поэтому во внутренних дебатах по поводу (не)реальности евроинтеграции Украины (пост)оранжевые пытаются всячески преуменьшить реальные масштабы долговременного структурного кризиса Евросоюза, а некоторые из них даже позиционируют саму Украину чуть ли не в качестве «спасительницы Европы»: именно ее вступление в ЕС должно «завершить» процесс интеграции европейского континента, естественно, оставив за ее бортом РФ и РБ.

Также в украинском дискурсе евроинтеграции бросается в глаза попытка фальсификации реального положения дел в РФ: по сути, в нем игнорируется тот факт, что в нашей стране, помимо политической азиатчины правящего режима, существует и все сильнее проявляется в политическом процессе другая, «нормальная», европейская, т.е. современная Россия, которая могла быть стать субъектом и инициатором объединения нашей исторической Родины. Именно поэтому политические лидеры «незалежной» пытаются объяснить «своему» народу, что его стремление к углублению интеграции с русским народом не вызвано реальными жизненными интересами большинства украинцев, а является результатом злокозненной пропаганды неоимперской России.

Итак, в силу указанных причин идеологического свойства украинский политический класс пытается целиком отнестись нынешнюю Россию к Азиопе Путина и его коллег по клубу пожизненных диктаторов — Назарбаева, Лукашенко, Рахмон(ов)а и т.д., чтобы дискредитировать саму идею восстановления общерусского единства.

Можно понять, сколь малосимпатозо утратит свою государственность и независимость. И превратится в зависимое и локальное государство. И поэтому Украина как можно быстрее должна подписать соглашения с ЕС. Только так мы сможем уберечь себя». См.: <http://lenta.com.ua/958105.html>

тичными выглядят для политпредпринимателей Украины перспективы объединения с архаичными режимами, заявляющими о неких «евразийских ценностях», а на деле практикующими банальный произвол институционально никак не ограниченных самодержцев. Ведь достаточно вспомнить, что Нурсултан Назарбаев правит Казахстаном уже 22 года, Эмомали Рахмон(ов) в Таджикистане — 19 лет, а Александр Лукашенко — 17. Кремлевский автократ Владимир Путин, судя по всему, также вознамерился править Россией пожизненно, рискуя побить достижения Леонида Ильича и приблизиться к «рекорду» Иосифа Виссарионовича...

Здесь следует подчеркнуть: при всей экзотичности надежд украинского политического класса, прежде всего его оранжевой части, на достижение формального членства в ЕС при нынешнем социально-экономическом раскладе в Европе в них, тем не менее, выражаются базовые интуиции, разделяемые абсолютным большинством элитных групп на Украине, в том числе правящими ныне регионалами: цивилизационно Украина относится к Европе, и потому она должна стать нормальной европейской страной, базовые характеристики которой радикально отличаются от «евразийских»: здесь нет места пожизненному авторитарному правлению «помимо общества», недопустимо нарушение законных прав и интересов граждан, невозможны постоянные изменения действующих правил и норм в интересах власти. То есть по большому счету для здешних политиков неприемлема сама институциональная рамка евразийского типа, когда самодержавие одного сочетается с бесправием всех остальных.

Политбомонд Украины имеет серьезные основания сомневаться в том, что внезапно произойдет чудо и диктаторы постсоветской Евразии, ежедневно попирающие права граждан в своих странах, вдруг установят чет-

кие и единые правила игры и станут им следовать, передав важнейшие властные полномочия наднациональным органам. Как верно заметил по этому поводу известный политический аналитик Владислав Иноземцев, автократии не умеют интегрироваться...

Одним словом, политический класс Украины в целом не устраивает перспектива проснуться уже завтра в условиях «союза», позволяющего тому же Януковичу стать более или менее полноправным членом клуба пожизненных тиранов наряду с Путиным, Назарбаевым и Лукашенко. И объяснение этому вполне прагматическое: это резко понизит статус остальных участников украинского политического процесса и, соответственно, их статусную ренту...

Олигархат против

Крупный украинский бизнес также не выражает заинтересованности в проектах типа Евразийского союза. Причем это отсутствие интереса также объясняется прагматически, а не идеологически. Более того, здесь наблюдается известный парадокс: с точки зрения цивилизационной принадлежности, культурно-языковых лояльностей и жизненно-стилевых предпочтений подлинные хозяева современной Украины, т.е. олигархи из восточных регионов страны, мало чем отличаются от своих российских коллег, а режим Януковича — от путинской клептократии. По сути, это одно постсоветское криминально-бизнесовое сообщество — причем как с точки зрения поколенческой общности, так и по основным поведенческим характеристикам.

Тем не менее для олигархов Донбасса существуют серьезные резоны попытаться не допустить втягивания Украины в реальные интеграционные процессы с участием России. Эти мотивы лучше всего выражаются в анекдоте о том, чем отличаются украинские олигархи от российских: вроде бы и у первых, и у вторых имеются все не-

обходимые внешние атрибуты миллиардера: яхты, самолеты, любовницы-фотомодели и т.д. С тем единственным исключением, что у русских есть еще и деньги...

Другими словами, украинские владельцы крупных бизнес-активов серьезно опасаются конкуренции со стороны своих российских коллег с их практически неограниченной ресурсной базой (особенно при тесной поддержке аффилированной с ними властной клептократии РФ) в случае создания на постсоветском пространстве единого экономического пространства. Поэтому уже сегодня ведущие финансово-промышленные группы Украины во главе с самым богатым «украинцем» Ринатом Ахметовым делают все, чтобы не допустить «захода» коллег из РФ на территорию, которую они привыкли считать своей. Ведь они прекрасно понимают принципы существующих в постсоветской Евразии режимов: собственность здесь является атрибутом власти, а не наоборот.

Поэтому неудивительно, что, несмотря на всю свою близость «по крови» с российским правящим классом (причем по крови часто в буквальном смысле слова), украинские олигархи, видя перед собой поучительный пример М. Ходорковского, прекрасно понимают, что правовые гарантии для всего «нажитого непосильным трудом» они могут получить лишь от Запада⁴. Сама «специфика» права по-

евразийски (например, в рамках басманного, хамовнического правосудия) не дает нынешним хозяевам основных богатств Украины сомневаться в том, что Евразийский союз может действительно представлять для них прямую и явную угрозу.

Примечательно, что наши идеологи «евразийского реванша» практически не обращают внимания на это чрезвычайно важное обстоятельство. Однако тот факт, что столь влиятельная группа интересов на Украине видит в подобных интеграционных планах России скорее угрозу для себя, вряд ли можно сбрасывать со счетов тем, кто под идеей Евразийского союза понимает реальную политическую программу для последующих путинских сроков, а не просто банальную предвыборную риторику.

Широкие слои населения: да, но...

Результаты опросов общественного мнения и мое личное общение с представителями различных слоев украинского общества подтверждают наличие в этой стране значительных групп интересов, однозначно высказывающихся за реинтеграцию пространства исторической Руси, т.е. за объединение восточнославянских народов. Даже согласно замерам социометрических контор, откровенно позиционирующих себя как прозападные, таковых насчитывается десятки процентов. Идеологически более нейтральные демоскопы и вовсе фиксируют в данном вопросе примерно половину голосов или даже более за объединение России, Украины и Белоруссии.

Однако и здесь существует известная амбивалентность отношения широких масс к интеграции с РФ. И причину этой настороженности следует

⁴ И Запад уже делает все возможное, судя по заявлениям главы представительства Европейского союза на Украине Жозе Мануэль Пинту Тейшейра. Например, данный еврочиновник, поставленный Брюсселем приглядывать за Януковичем и его окружением, прямо запретил украинским властям дальнейшее сближение с Россией, угрожая лишить их последних евромечтаний: «Евросоюз последовательно и с самого начала заявлял, что углубленная и исключительная зона свободной торговли, которая предусматривает значи-

тельную интеграцию Украины с ЕС, является несовместимой с соглашением о зоне свободной торговли со странами СНГ и таможенным союзом между Россией, Беларусью и Казахстаном».

искать прежде всего в самой российской государственности в ее нынешнем виде. В этом смысле можно выделить основные отталкивающие факторы, которые украинцы уже сейчас могут ассоциировать с путинской Россией. Как мы увидим, этот список претензий ничем не отличается от того списка требований, с которым вышли на улицы российских городов сотни тысяч протестующих русских.

Прежде всего, в *политической сфере* для многих жителей братской нам страны, особенно молодых и образованных, неприемлем сам формат восточной деспотии, предлагаемый Украине в качестве модельного в рамках евразийского проекта. Ведь текущая политическая, административная и полицейская практика режима позднего Путина гораздо красноречивее его заявлений типа этого: «Евразийский союз будет строиться на универсальных интеграционных принципах как неотъемлемая часть Большой Европы, объединенной едиными ценностями свободы, демократии и рыночных законов»⁵.

При этом в *важнейшей экономической сфере* в большинстве своем жители Украины выступают за углубление интеграции с Россией как минимум по двум основным причинам. С одной стороны, российский рынок труда весьма привлекателен для трудовых ресурсов с Украины, на котором они сегодня, кстати, дискриминируются как люди второго сорта⁶. С другой стороны, существуют надежды на приток российских инвестиций в саму Украину⁷. Лишь хорошо образованные и про-

двинутые на Украине говорят об архаичности российской экономики и ее сильном технологическом отставании от стран Запада, а теперь уже и Востока...

Однако, как ни странно, основные доводы против объединения с Россией лежат не в сфере политики и экономики, а скорее в *сфере биополитики*. Речь идет о текущей практике правящего в РФ режима по замещению в интересах аффилированного с ним бизнеса русского населения более дешевыми трудовыми ресурсами из Средней Азии. Кроме того, как простые люди, так и украинские интеллектуалы и эксперты прямо говорили мне о негативном факторе Кавказа как серьезном препятствии для интеграции с нынешней Россией. Для Украины неприемлемо все то, что с попустительства властей РФ творится среди бела дня в российских городах: открытый уличный террор этнокриминальных банд, контроль диаспор над целыми секторами экономики российских регионов и т.д.

Также все украинские собеседники, как один, говорили о недопустимости для Украины феномена «кадыровщины»: то есть появления этнокриминальных корпораций, сознательно выведенных властями из сферы правового регулирования. Или, как сказал мне в частной беседе один известный на Украине политический аналитик, работающий на администрацию Януковича: «Мы понимаем, что у Украины множество проблем и гораздо меньше ресурсов для их решения, чем у России, зато, слава Богу, по улицам Киева пока свободно не разъезжают на Porsche Cayenne абреки с ксивами лейтенантов Службы безопасности Украины и золотыми пистолетами Стечкина».

Одним словом, важнейшим аргументом против возможного объеди-

⁵ См.: <http://izvestia.ru/news/502761>

⁶ Так, по данным опроса Киевского международного института социологии, проведенного в марте 2012 г., 69% опрошенных считают, что между Россией и Украиной должны быть открыты границы, без виз и таможен.

⁷ Эти ожидания лучше всего выразил таксист в одном из депрессивных городов Запорожской области, спросивший меня: «А мо-

жет, российские олигархи купят наши вставшие заводы и запустят их опять?» Излишне говорить, что я не смог обнадежить его на сей счет.

нения с Россией в глазах широких слоев населения Украины является цивилизационно-стилистическая неприемлемость тех миграционных и демографических последствий, к которым приведет реализация евразийских планов наших доморощенных неоордынцев во главе с Путиным.

Объединяться с вами — да, а с «этими» — ни в коем случае: таков широкий консенсус, зафиксированный мною при общении с представителями различных социальных сред на Украине.

Стоит ли говорить, что под «этими» мои собеседники имели в виду тех, кто превратил некоторые районы русских мегаполисов в огромные кишлаки и аулы (Москвабад)?

Малоутешительные выводы

Этот беглый анализ «взгляда из Киева» показывает, что реинтеграция пространства исторической Руси не только возможна, но и желательна с точки зрения самих жителей Украины, эксплицитно выражаемой ими в опросах и личных беседах. Этому *vox populi* (пока) успешно противостоят влиятельные группы интересов — правящие политические и экономические элиты, морочащие населению (особенно молодежи) голову малосодержательными мантрами о наличии у их страны «более лучшей» альтернативы в виде евроинтеграции⁸.

Второй вывод касается качества самой РФ как несовременного государства, некомфортного для своих собственных граждан. То есть самым серьезным препятствием на пути объединения нашей исторической Родины (России, Украины и Белоруссии) является ныне правящий в РФ режим со всеми его «прелестями» идеологической («православный вайнахат»), правовой («вертикальная» клептократия) и политической («суеверная демократура» Путина) архаики. Следствием подобной архаичности институционального дизайна РФ является абсолютное политическое, правовое и социально-экономическое бесправие русского большинства (засилье этнокриминальных кланов, массовое замещение русского населения мигрантами и т.п.). Стоит ли говорить, что большинство жителей Украины вполне обоснованно опасается распространения малосимпатичных симптомов этой азиатчины на просторы своей страны в случае усиления интеграционных процессов с РФ?

Одним словом, несмотря на всю лояльность к совместному прошлому и (потенциальную) готовность к общему будущему с Россией, наши украинские соотечественники не готовы стать еще одними заложниками Азиопы.

⁸ Здесь примечательна аналогия с событиями середины XVII в., когда сторонниками сближения с Москвой выступили именно широкие слои крестьянства, мещанства и низового казачества, тогда как малороссийская шляхта и казачья старшина стремились лишь использовать военную поддержку России,

чтобы самим занять место польских панов. Примечательно, что эта извечная геополитическая «программа» украинских элит до сих пор озвучивается в нынешнем гимне Украины, в котором есть такая строчка: «Запануем, братья, мы в своей сторонци!»

МИХАИЛ РЕМИЗОВ

РАСШИРЕНИЕ ТАМОЖЕННОГО СОЮЗА: КУДА И ЗАЧЕМ?

Формирование Таможенного союза России, Белоруссии и Казахстана можно считать одним из немногих явных успехов российской внешней политики начала XXI века.

Проект Таможенного союза в несколько ином формате был анонсирован еще в середине 1990-х гг., но довольно быстро увяз в противоречиях сторон. Безуспешной оказалась и попытка создания ЕЭП с участием Украины в начале нулевых годов. В явном кризисе пребывала российско-белорусская интеграция. В каждом случае Москва ссылалась на неконструктивное поведение партнеров, подчас вполне справедливо, но в историческом масштабе все это не могло не быть проявлением ее собственной несостоятельности. Современная Россия стала выглядеть хронически неспособной к той ключевой для современных держав форме политики влияния, которая связана с формированием региональных интеграционных блоков. На этом фоне сам факт того, что в 2007–2010 гг. удалось согласовать и принять целый ряд базовых соглашений, единый Таможенный кодекс, научиться решать политические противоречия в рамках тройки, выглядел приятной неожиданностью.

Я бы рассматривал это как подтверждение некоего минимума геополитической дееспособности государства.

Разумеется, региональная интеграция — не самоцель. Но в данном случае она вполне соответствует нашим национальным задачам, если считать такими, например:

— создание условий для воссоединения русского народа в рамках единого пространства, если не политического, то социально-экономического и культурного (понятно наше тяготение к Белоруссии, но не будем забывать, что и в Казахстане русские составляют порядка трети населения, а сами казахи, благодаря уровню и качеству занятости в республике, вряд ли усугубят «азиатский крен» наших миграционных потоков);

— создание условий для промышленного развития с опорой на внутренний рынок (это примерно то, что нам необходимо, чтобы выйти из ловушки сырьевой специализации и при этом не попасть в другую ловушку — специализации на дешевом труде);

— создание условий для умеренной конкуренции юрисдикций и предприятий (т.е. конкуренции не уничтожающей, а стимулирующей — в рамках таможенной «тройки» она вполне может быть именно таковой, поскольку уровень и тип развития союзников вполне сопоставим).

Есть и ряд более технических аргументов в пользу союза, главным образом связанных с реальными перспективами прироста ВВП государств-участников за счет увеличения масштабов производства и восстановления кооперации.

Иными словами, как по замыслу, так и по исполнению проект ТС и ЕЭП, на мой взгляд, в целом успешный. Но успеху часто сопутствует повышение рисков. В данном случае это именно так. Сегодня мы находимся на той ста-

дии, когда сама успешность интеграционного строительства может стать источником новых вызовов и дилемм.

Одной из них является проблема расширения Таможенного союза.

Что приоритетно: углубление интеграции, отладка регулирующих механизмов на наднациональном уровне или расширение и взаимная адаптация возникших структур с интересами и потребностями новых членов?

Ответ на этот вопрос зависит от ситуации. Например, поспешное расширение ЕС оказалось в целом не самым удачным примером для подражания. А вот не менее поспешное, экономически не подготовленное объединение Германии себя полностью оправдало. Просто у ФРГ были достаточно сильные исторические мотивы для того, чтобы идти на риски разбалансировки экономики и институтов.

В нашем случае такие сильные мотивы есть только в отношении Украины.

Ее присоединение к ТС действительно придало бы проекту новое, более высокое качество — благодаря масштабу рынка, сопоставимому уровню развития, потенциалу кооперации во многих отраслях и, конечно, культурно-этнической близости населения наших стран.

Но на Украине нет ни одной влиятельной политической силы, которая ставила бы цель присоединения к проекту, несмотря на все экономические выгоды, которые он несет.

Эта ситуация может измениться, но только после:

— окончательного разочарования в перспективах евроинтеграции,

— появления серьезной экономической истории успеха на платформе ТС–ЕЭП.

Это значит, для того чтобы в перспективе мы вышли на оптимальный сценарий расширения проекта — расширения в сторону Украины, — на данном этапе необходимо как раз его развитие в нынешнем формате. То есть интенсивное, а не экстенсивное развитие.

Но, к сожалению, может получиться иначе.

В прошлом году официальную заявку на вступление в ТС подала Киргизия. На политическом уровне в рамках ЕврАзЭС эта заявка была поддержана, создана рабочая группа, которая занимается подготовкой и реализацией этого решения. Видимо, она будет работать довольно долго, учитывая большое количество проблем как для структур ТС, так и для самой Киргизии, возникающих при ее присоединении к союзу. Но политическое решение заявлено.

Точно так же оно заявлено, хотя и не оформлено официально, в отношении Таджикистана. Недавно руководство МИД РФ высказалось по этому поводу вполне определенно. То есть в случае успешного присоединения Киргизии процесс пойдет дальше.

Хотя предполагаемые сроки вступления Киргизии и Таджикистана в Таможенный союз разные, проблемы, возникающие в этой связи, практически идентичны. Поэтому я буду рассматривать их совокупно.

1. Самое очевидное — это большой перепад в уровне развития между странами ТС и его потенциальными членами.

Во-первых — экономического развития. Подушевой ВВП Киргизии — порядка \$1000. Но дело не только в формальных показателях, а в структурных. В экономике абсолютно доминирует теневой и даже прямо криминальный сектор, замешанный на контрафакте и наркотрафике. В корне изменить эту ситуацию возможно, наверное, только в режиме прямого внешнего управления. То есть фактически невозможно, поскольку чревато неприемлемыми рисками и издержками для Москвы. Не говоря уже о «суверенитете» самих республик.

Во-вторых — перепад в уровне социального развития: системы образования, социализации в этих странах либо не работают должным образом,

либо, если и работают, все больше отдаляются от России, от наших цивилизационных стандартов. Особенно это касается Таджикистана и юга Киргизии, где дерусификация шагнула очень далеко.

2. В совокупности эти два взаимосвязанных процесса — экономическая и социальная архаизация стран региона — порождают ту проблему, которая сегодня очень болезненна для России: приток мигрантов — в большом количестве и в очень низком качестве.

Необходимые нам меры протекционизма на рынке труда будут крайне затруднены участием стран — доноров миграции в Таможенном союзе. Понятно, что единый рынок труда оформляется только на уровне ЕЭП. Но требования более продвинутого этапа интеграции будут неизбежно учитываться уже на старте. Соответственно, системные, долгосрочные ограничительные меры будут невозможны.

3. Следующая проблема, о которой вскользь уже упомянуто, — полупрозрачность границ Киргизии — с КНР, Таджикистана — с КНР и Афганистаном. Интеграция Киргизии и Таджикистана в Таможенный союз — это интеграция китайской контрабанды и афганского наркотрафика.

Искренне надеюсь, что внутрироссийский лоббизм в пользу их вступления никак не связан с возникающими на этой почве интересами.

Наверное, остроту проблемы мог бы снять всеобъемлющий внешний контроль над границами этих республик. Если подходить к делу серьезно, установление такого контроля должно было бы рассматриваться как условие-минимум для обсуждения вопроса об их участии в ТС.

Способны ли обеспечить такой контроль Москва, Минск или Астана — этот вопрос я оставляю риторическим. Но вот то, что сами республики на такой контроль ни в коей мере не

согласятся, сомнений не вызывает — слишком велика зависимость от криминального уклада.

4. В легальной плоскости, если брать торговлю республик с КНР, тоже нет готовности что-то менять, сужать коридор для китайского ширпотреба. Хотя сама Киргизия выступает инициатором присоединения к ТС и выражает в нем крайнюю заинтересованность, она требует для себя уступок и преференций. В том числе — возможности сохранения низких барьеров для импорта и реэкспорта китайских товаров. Дополнительная экспансия китайских товаров на отдельных рынках уже стала одной из издержек создания ТС. Соответственно, эта проблема будет усугубляться.

5. И последнее, по порядку, но не по важности. В ТС и ЕЭП действует консенсусный механизм принятия решений. Точнее, коллегия Евразийской экономической комиссии голосует двумя третями, но на уровне Совета комиссии, где принимаются принципиальные решения, должен быть консенсус. Это значит, что принятие в структуру даже самого незначительного в смысле объема экономики и проблемного партнера открывает ему полный доступ к блокированию решений.

Мы помним, как иногда пользовались правом вето новые члены ЕС, когда маленькая страна из соображений торга по частным вопросам могла блокировать масштабные, системные процессы. Думаю, потенциальные новые члены ТС будут использовать эту технологию куда более активно. В том числе по объективным причинам: их нужды, приоритеты и проблемы действительно очень специфичны. Но именно поэтому подстраивать, адаптировать под них приоритеты структуры в целом — что, еще раз повторю, будет неизбежно в силу действующего механизма принятия решений — значит поставить крест на амбициях проекта. По сути, дальнейшая интеграция будет

заблокирована. Мы будем заняты бесконечной адаптацией отстающих, а не движением вперед.

Чем сбалансированы эти очевидные минусы? Что на другой чаше весов?

Часто говорится о находящихся на территории республик привлекательных активах. Это гидроэнергетика, некоторые остатки военной промышленности, минеральные ресурсы. Но все эти активы могут быть освоены российским или казахстанским капиталом и вне рамок Таможенного союза. И отчасти уже осваиваются. У Москвы и без ТС достаточно рычагов влияния на ситуацию, чтобы в той же энергетической сфере разговаривать с сильных позиций.

Поэтому реальные аргументы лежат где-то в другой плоскости, и они выражаются в двух словах: география и пропаганда.

Географический аргумент состоит в том, что горы, проходящие по территории Киргизии и Таджикистана, являются естественными границами региона. Они были обустроены в советское время, их легче контролировать и защищать. Но легче, увы, только в техническом смысле, а не в политическом — реального контроля союзников над своими границами республики, как уже было сказано, не допустят. А если есть политическая воля для того, чтобы добиваться такого контроля — что ж, прекрасно, давайте это делать в рамках ОДКБ, организации, которая является донором безопасности

для региона. Она должна наполняться реальным содержанием, противодействуя трансграничным угрозам, в т.ч. связанным с наркотрафиком.

Что же касается пропагандистской стороны дела, то, здесь, конечно, преобладает стремление продемонстрировать наглядные, зримые успехи интеграционного проекта. И одним из свидетельств успеха видится расширение.

Стоит ли во имя большого политического пиара жертвовать реальными жизненными интересами общества — вопрос, который «имперская» власть далеко не всегда решает в пользу общества. Так что этот аргумент приходится учитывать всерьез.

Понятно, что включить в Таможенный союз Киргизию проще, чем привлечь в него Украину. Проще, чем перейти на новый уровень интеграции — я имею в виду создание валютного союза. Но проще — не всегда лучше.

Да и пиар-эффект в данном случае выглядит крайне сомнительным. Если словосочетание «Евразийский союз» будет ассоциироваться у жителей России с наркотрафиком, контрабандой и миграционным беспределом, то вкус к любым интеграционным начинаниям будет утрачен надолго.

Думаю, оставшееся до принятия окончательных решений время мы должны использовать для того, чтобы это стало ясно всем — даже тем, кто их принимает.

ПАВЕЛ СВЯТЕНКОВ

В тупике

ЗАМЕТКИ О НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ В РФ

I «У преступника нет национальности»?

Недавно депутаты Госдумы поставили вопрос ребром — запретить упоминание в СМИ национальности преступников. У кого что болит, тот о том и говорит. И запрет на национальность преступника обычно хотят установить выходцы с Кавказа. Дескать, нехорошо писать про преступника: «чеченец» или «дагестанец». Нету у преступника национальности!

Проблема лишь в том, что российская пресса и без всякого закона давно блюдет нормы политкорректности. Редко кто напишет, что преступник — чеченец. Сейчас пишут: «выходец из Чечни». Узбеков с успехом заменяют «выходцы из Узбекистана», русских — «лица славянской национальности». Толку от этой политкорректности немного: ведь все и так понимают, о ком идет речь. Допустим, запретят словосочетание «выходец из Чечни». Тогда газеты станут писать: «уроженец города Грозного» или «уроженец Чеченской Республики». Учтывая, что больше 95% жителей Чечни — чеченцы по национальности, читатель и так поймет, о ком речь.

Интереснее другое. Есть ли национальность у преступности? Нам говорят: нет и быть не может. Откуда же ажиотаж вокруг этнической принадлежности преступника? Ведь если у него нет национальности, какая разница, напишут о ней или нет? С тем же успехом можно утверждать, что у преступника нет пола или возрас-

та. Допустим, газеты напечатают, что убийца — молодой мужчина 25 лет. Представители молодежи и мужчины не будут требовать запрета на упоминание возраста и пола, не так ли?

Я хочу сказать важную вещь. *У преступника действительно нет национальности.* Преступники есть в любом народе. *Однако национальность есть у защитников преступника.* Она есть у хвалителей преступника, у всех тех, кто пытается отмазать нарушителя закона от справедливого возмездия со стороны правоохранительной системы.

Преступник совершает преступление — убивает невинного человека. На данном этапе у него и впрямь нет национальности. Но как только сбегаются двоюродные и троюродные братья, дяди и племянники и начинают заувывную проповедь о том, что убийца — «звезда Востока», национальность сразу же появляется. Ведь невооруженным глазом видно, что эти люди принадлежат к одному народу и одному региону.

Зачастую за убийцу «вписываются» власти соответствующей национальной республики. Например, в защиту известного бойца без правил Мирзаева высказались ряд депутатов Народного собрания Республики Дагестан. Я согласен считать, что у Мирзаева нет национальности. Но у всех, кто отмазывает его от тюрьмы, национальность есть.

Если бы «выходцы из Дагестана» и «выходцы из Чечни» дали правосудию свершиться, никаких проблем бы не было. Но попытки вызволить из тюрь-

мы откровенных преступников приводят к межнациональным конфликтам. Ведь если у преступника нет национальности, то у жертвы национальность есть.

И даже самые слепые и глупые люди видят, что благодаря лоббизму со стороны «гостей с юга» преступники уходят безнаказанными. А значит, страдают жители коренных регионов России, и прежде всего русские.

Получается по Оруэллу: все граждане России равны, но некоторые — равнее. Это и создает условия для этноконфликтов.

Нельзя не заметить в скобках, что в последние годы руководство кавказских республик постепенно осознаёт наличие этой проблемы. Например, чеченский лидер Рамзан Кадыров, как правило, не поддерживает «выходцев из Чечни», совершивших преступления в Москве.

Вспомним дело студентов — выходцев из Чечни (не правда ли, я политкорректен?), которые учились в Академии Маймонида и которых пришлось задерживать чуть ли не с ОМОНОм. Тогда со стороны «определенных сил» были попытки представить данное дело как межнациональный конфликт. Дескать, студентов задерживают только за то, что они — чеченцы. Рамзан Кадыров назвал эти слухи провокацией и заявил, что власти республики не станут вмешиваться в судебный процесс.

Иначе говоря, у преступника и впрямь нет национальности, если закон обязателен для всех — и для выходцев из Чечни, и для выходцев из Рязани. Национальность появляется только тогда, когда государство по тем или иным причинам начинает делать исключения для представителей отдельных этносов или регионов.

Война в Чечне, тяжелая ситуация на Кавказе сделали представителей живущих там этносов «экстерриториальными». Власти решили, что связываться с ними себе дороже, и стали закрывать

глаза на преступления, совершаемые «выходцами с Кавказа» в других регионах страны. Безнаказанность не умиротворяет, а заставляет совершать всё новые преступления. А защита со стороны республик и диаспор вызывает этнические конфликты.

Отсюда — Манежная площадь и все, что с ней связано. Как не протестовать против убийц Егора Свиридова, если следователь отпустил их из тюрьмы на следующий же день? Никто не имеет права убивать безнаказанно. А если такая стоящая выше закона группа людей вдруг появится, она заслуженно вызовет ненависть со стороны всех граждан России.

Хорошо, что российские власти стали это понимать, как и власти кавказских республик. Все-таки резонансные дела пытаются вести в соответствии с законом. Конечно, это только первые, робкие шаги в правильном направлении. Но если их не делать, этнические конфликты будут только разгораться, вне зависимости от того, запретят власти указывать национальность преступников в газетах или нет.

II Китай — более русское государство, чем Россия?

Президент России Владимир Путин предложил вернуться к облегченному порядку получения гражданства РФ для всех бывших граждан СССР и их прямых потомков. Аналогичное право может быть предоставлено также потомкам подданных Российской империи (самих подданных, по понятным причинам, вряд ли сыщется много).

Казалось бы, новые правила должны порадовать русских, не имеющих гражданства России. Но как бы не так. Предложенная схема открывает зеленый свет для получения российского гражданства жителям Средней Азии и Кавказа. Ведь СССР включал в свой состав эти регионы; следовательно,

их населяют либо бывшие граждане СССР, либо их потомки.

Подобный подход выглядит крайне нерациональным. Дело в том, что большинство государств мира — национальные государства. Что такое национальное государство? Это государство, у которого есть юридическая связь с определенным народом.

Например, гражданином Государства Израиль может стать любой еврей мира, причем под евреем, согласно Закону о возвращении, понимается либо рожденный от матери-еврейки, либо принявший иудаизм. Право на репатриацию в Израиль имеют также дети и внуки таких лиц. Аналогичная картина — во многих других государствах.

К примеру, любой «армянин по происхождению» может стать гражданином Армении. Такое право дарует закон о гражданстве этой страны. Белоруссия предоставляет гражданство для «белорусов, а также лиц, идентифицирующих себя как белорусы, и их потомков (кровные родственники по прямой линии: дети, внуки, правнуки), родившихся за пределами современной территории Республики Беларусь» («Закон о гражданстве Республики Беларусь»).

Предоставляет гражданство этническим казахам (т.н. оралманам) и Казахстан. Согласно закону «О миграции населения», «оралманы — иностранцы или лица без гражданства казахской национальности, постоянно проживавшие на момент приобретения суверенитета Республикой Казахстан за ее пределами и прибывшие в Казахстан с целью постоянного проживания». Примеры можно множить и множить.

Конечно, далеко не каждое государство будет откровенно высказываться по данному вопросу, но практически все даруют гражданство прямым потомкам лиц, которые ранее проживали на территории данного государства, даже если самого государства еще не существовало. Но почти все современные государства существуют в рамках

национальных границ. Это значит, что дедушка претендента на гражданство, проживавший в данной местности, с высокой степенью вероятности принадлежал к титульной национальности. Подобные правила действуют, например, в Китае или на Украине. Представьте: вы имеете право на китайское гражданство, если ваш дедушка родился в Пекине. Логика ясна: в 99 случаях из 100 он — китаец.

Вообще подавляющее большинство государств мира применяют два принципа при даровании гражданства. Первый — принцип происхождения, или принцип крови: чтобы получить гражданство, нужно родиться от родителей, хотя бы один из которых является гражданином данной страны (вариант — принадлежать к титульной для данной страны национальности). Другой принцип — принцип почвы: нужно родиться на территории данного государства или же на ней должны родиться прямые предки.

Путин же предлагает иной, странный принцип: российское гражданство должно предоставляться гражданам других государств при условии, что эти люди либо сами были гражданами СССР, либо являются потомками таковых. При этом эти люди вовсе не обязаны иметь предков, проживавших на территории нынешней РФ, или иметь отношение к русскому народу (или даже к каким-либо народам, живущим на территории России).

Но ведь СССР не исчез в никуда! На его территории возникло 15 независимых государств, все жители которых получили гражданство своих республик. При этом 14 новых государств стали национальными, т. е. установили прямую юридическую связь с соответствующими народами. Украина — государство украинцев, Казахстан — казахов и т.д.

Только Россия остается «белой вороной» — «многонациональным государством 200 народов», как гласит официальная доктрина. Правда, 80%

населения составляют русские, но за рубежом русским этот факт не дает никаких преимуществ. Если уж им захочется получить российское гражданство, придется встать в общую очередь с гражданами Узбекистана, Киргизии, Таджикистана и т.п.

Практика показывает, что Федеральная миграционная служба России не только неохотно предоставляет гражданство русским, но и легко отнимает его обратно, что, вообще-то, нонсенс по мировым меркам.

Получается, что право на получение российского гражданства получают прежде всего граждане национальных государств, входивших когда-то в состав Советского Союза. С точки зрения строительства нормального национального государства это означает, что народы четырнадцати бывших союзных республик (украинцы, казахи, киргизы, таджики, грузины, армяне и прочие) и станут титульными для России. Все бы хорошо, но у русских нет своего государства за пределами России. А значит, в список титульных мы не попадаем.

Получается, что путинский план предоставления гражданства дарует статус титульных народов России четырнадцати народам бывших союзных республик, но не русским. Русские так, на приставном стульчике примостились, в числе бывших подданных Российской империи...

Выходит, что у русских в современном мире нет своего собственного национального государства. Значит, русские — народ безгосударственный. Это кажется вздором и нелепостью, но есть ли на карте мира хоть одно государство, где русские признаны в качестве государствообразующего народа? Таких государств нет. Впрочем, в Китае русские считаются одним из нескольких официальных меньшинств, существуют даже «деревни русских по национальности». Значит, *современный Китай — более русское государство, чем Россия*. Вы-

вод парадоксальный, но совершенно логичный.

Значит, мы имеем дело с ухудшенным вариантом советской национальной политики. В СССР хотя бы признавалась урезанная РСФСР, которая считалась государством русских (хотя на ее территории и наплодили великое множество национальных автономий). Ныне русским не позволено даже и этого.

Хотя, казалось бы, чего проще: введите «Карту русского» по примеру Польши, которая сделала аналогичную карту для поляков! Введите облегченное получение гражданства РФ для украинцев и белорусов, и получится нормальная современная Россия. Такое же национальное государство, как Германия или Италия.

Но советская национальная политика довлеет над умами. Сделать уступку Средней Азии хочется вопреки всему. Как назло, со стороны «братских республик» следует удар за ударом. Узбекистан вышел из ОДКБ, Киргизия и Таджикистан требуют резкого повышения платы за российские военные базы на своей территории...

На этом фоне предложения о возвращении права на получение российского гражданства всем гражданам бывшего СССР выглядят как односторонняя уступка среднеазиатам, что вполне логично. У национального государства, даже маленького, как Киргизия, есть свои национальные интересы, надо отчитываться перед своим народом. У «многонациональной» России такой проблемы нет. Нет ни национальных интересов, ни необходимости давать отчет. Поэтому даже четвероразрядные государства могут вести себя с Россией нагло — в надежде, что их не накажут, а поощрят (деньгами и ресурсами).

Парадоксальным образом отсутствие национального государства в России программирует крах российской политики в Средней Азии. Конечно, рано или поздно русские снова обретут Родину, свое национальное

государство. Жаль будет, если строить его придется на руинах «многонациональной» РФ, повторяющей все ошибки советской национальной политики.

III Межнациональный мир заклинаниями не установить

Российские власти постоянно призывают гармонизировать межнациональные отношения. Президент Путин даже создал Совет по межнациональным отношениям, который будет заниматься этим вопросом. А позднее стало известно, что при этом Совете вроде как планируется создать некие «мобильные группы по урегулированию межнациональных конфликтов». Что это такое, никому не понятно, но видимость работы создана. Однако как только возникает вопрос, как же конкретно власти намерены налаживать отношения между народами, выясняется, что никакой концепции у Кремля нет.

Точнее, есть только риторика в стиле «народам нужно жить в мире, потому что народам нужно жить в мире». Да еще неумная пропаганда: дескать, «мы плохо воспитываем свою молодежь». Обычно этот тезис выдвигают всякого рода «уважаемые люди с Кавказа». Вывод: надо лучше воспитывать молодежь.

Естественно, подобные заявления смешны. Нигде и никогда межнациональные проблемы не возникали из-за невоспитанности молодежи. У нас же власти всерьез создают «межнациональные деревни», где несут окопосицу про дружбу народов, да пытаются выдавать гранты на развитие этой унылой дружбы.

Хорошо, спросит читатель, но что вы предлагаете? Разве плохо, что народы будут дружить, водить хороводы и петь хором хорошие звучные песни?

Дружба народов не имеет никакого отношения к межнациональным проблемам, отвечу я.

В России существует несколько

важных «линий напряжения», вдоль которых возникают межнациональные конфликты.

Первая линия — ситуация на Кавказе. Кавказские народы переживают сложный период перехода от традиционного аграрного общества к городскому и индустриальному. Этот период характеризовался у всех народов относительно высокой рождаемостью, большим количеством молодежи и, как следствие, повышенной агрессивностью.

Избыток молодежи, не находящей работы в пределах Кавказа, переселяется в российские города, где и происходит столкновение с русским населением. Почему? Да потому, что это — первое поколение кавказской городской молодежи. Клановые структуры и родственные связи еще сильны. Молодой кавказец может опираться на влияние и деньги могущественных родственников — и на помощь общины, которая поспособствует поступлению в вуз и «отмажет» даже в случае совершения серьезного преступления.

Для того чтобы справиться с этой проблемой, власти не делают почти ничего. Точнее, они обращаются к лидерам кавказских республик с просьбой усмирить свою молодежь. И глава Чечни, и президент Ингушетии работают в этом направлении, но гармонии межнациональным отношениям и порядка в государстве это не добавляет, потому что крайне странно, что за дисциплиной в среде чеченской молодежи в Москве должны наблюдать не московские правоохранительные органы, а руководители Чеченской Республики из Грозного. Это свидетельствует о том, что выходы с Кавказа обладают экстерриториальным статусом и неподвластны российским властям.

Естественно, этот статус порождает новые конфликты, особенно в ситуациях, когда выходы с Кавказа начинают заниматься бизнесом и выясняется, что правоохранительные органы для них — вовсе не авторитет.

Вторая линия раскола — завоз мигрантов из Средней Азии. Их количество в России уже таково, что начинает вызывать серьезные опасения. Занятые малооплачиваемым полурабским трудом, эти люди — отличная среда для распространения любой агрессивной идеологии вроде радикального ислама. Понятное дело, что, получая крайне маленькую зарплату, эти люди становятся легкой жертвой криминала. Некоторые из них начинают торговать наркотиками или совершать резонансные преступления вроде изнасилований.

Третья, недооцененная линия раскола — рост сепаратистских настроений среди коренных народов России. Жители национальных республик не понимают, почему они живут столь плохо и беспросветно, и тоже обращаются к радикализму. Мог ли кто-нибудь представить 10 лет назад, что стабильный Татарстан станет местом пропаганды радикального ислама? А сегодня это — уже факт. Да, в Татарии нет войны, как в Дагестане, но эта прежде стабильная республика начинает медленно «тлеть». Значит, и в ней появились люди, которым некуда идти и не на что надеяться, кроме как братья за оружие. Невероятный результат для относительно благополучной и промышленно развитой республики.

Четвертая линия раскола — сохранение советской национально-государственной модели. Последняя построена на тотальном игнорировании интересов русского народа, отказе русским в признании со стороны госу-

дарства. Россия не является государством русских. В России нет русских регионов — зато есть национальные республики-государства других народов. Даже национально-культурные автономии русским запрещены — зато разрешены всем остальным народам. Эта странная модель не может не ставить на повестку дня «русский вопрос» — вопрос отношения русских как народа с Россией как государством, не признающим русских и не желающим отстаивать права русских.

В этих условиях межнациональные противоречия будут обостряться вплоть до полного кризиса нынешней национально-государственной модели. *Если решать национальные противоречия, нужно как минимум признать статус русских в качестве государствообразующего народа России, прекратить массовый завоз мигрантов из Средней Азии, провести серьезную реформу в отношениях с республиками Северного Кавказа и подчинить «выходцев» российским законам.*

В этом направлении, однако, не делается ничего. Власти предпочитают обходиться заклинаниями про «мир-дружбу» и не предпринимать реальных шагов для снижения межнациональной напряженности. Поэтому не надо быть гадалкой, чтобы предсказать, что она будет расти, — просто потому, что нынешняя национальная политика преследует целью ее разжигание. И никаким советам по межнациональным отношениям и криворукой пропаганде среди молодежи с данной проблемой не справиться.

СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВ

«УМСТВЕННЫЙ ВЫВЕРТ»

ЗАМЕТКИ О «КЛАССИЧЕСКОМ» ЕВРАЗИЙСТВЕ

*Памяти Аполлона Кузьмина
и Сергея Константинова*

Сначала два слова о людях, памяти которых статья посвящена. Аполлон Григорьевич Кузьмин (1928–2004) — выдающийся русский историк, профессор МГПИ/МПГУ, мой Учитель. Сергей Викторович Константинов (1968–2001), историк, публицист, мой друг Серёжа, однокашник по МГПИ/МПГУ, безвременно погибший практически на моих глазах. Но меня с ними объединяет не только наш славный вуз и личные отношения, но и тема этих заметок. Как только я за них сел, тут же вспомнил о Кузьмине и Константинове.

И как не вспомнить... Аполлон Григорьевич не раз с гордостью повторял, что написал против евразийства в 90-е годы 24 статьи (они потом составили его посмертно вышедшую книгу «Мародёры на дорогах истории»): в основном там изничтожались Л.Н. Гумилёв и В.В. Кожин, но и «отцам-основателям» доставалось изрядно. А с Серёжей мы в конце 90-х делали большой том «Политическая история русской эмиграции» (М., 1999), в котором, само собой, присутствовал обширный раздел о евразийстве, нами обоими нежно любимый, ибо мы в ту пору воспринимали это учение... ну, конечно, не как Истину, но как Правду уж точно.

И вот бывало, после 7–8 часов работы в ГАРФе, где мы от руки (денег на ксерокопирование не было, на ноутбук тоже) переписывали материалы из эмигрантских архивов, в том числе

и из обширного фонда П.Н. Савицкого, сидим с Константиновым на скамеечке где-нибудь в районе Большой Пироговской, пьём какое-нибудь самое дешёвое пиво и ведём учёные беседы. В том числе, конечно, о несравненном величии евразийства и о том, какой всё-таки странный Аполлон, ну что он на него взъелся!

Критиковать Кузьмина было за что: как нарочно, он сам портил своё же дело обилием самой примитивной конспирологии: евразийцы у него умудрялись быть как-то сразу фашистами, масонами, сионистами и пантюркистами. Разумеется, работая с архивами, мы видели, что это совершеннейший вздор.

Но прошло с той поры пятнадцать лет, и я теперь ясно понимаю, что при всех фактических ошибках и полемических заносах Кузьмин в главном был совершенно прав. Не знаю, согласился бы с этим Сергей Константинов... Но как бы то ни было, я испытываю не только научную, но нравственную необходимость разобраться с моим былым «евразийским соблазном» и ответить себе на два вопроса: 1) чем он меня когда-то увлекал? 2) почему я его ныне преодолел?

* * *

На второй вопрос ответить будет проще: в настоящем мы лучше себя понимаем, чем в прошлом. Поэтому начну с него.

Сейчас только слепой не видит: России грозит радикальная азиатизация, она в начале XXI века гораздо реальнее, чем во времена монгольского ига.

И это не цивилизационная метафора, а обыденная проза нашей жизни: хозяйничающие на улицах русских городов кавказцы и уроженцы Средней Азии — одна из главных примет нашего времени. Происходит ползучее «замещение населения», явно покровительствуемое правящим режимом. В азиатских автономных республиках РФ полным ходом идёт строительство национальных государств, в чём строго-настроено отказано русским, ставшим де-факто людьми второго сорта в своей же стране. И у этого процесса уже есть идеологическое обоснование — *евразийство*.

Часто можно услышать, что «классическое» евразийство 20-х годов — это совсем не то, что ордынство Дугина или Шевченко, дескать, первое за второе не в ответе. Да, наверное, Трубецкой и Савицкий, доживи они до наших дней, не были бы в восторге от путинской национальной (и в частности миграционной) политики; да они и вообразить себе подобной ситуации не могли в 20–30-х гг. Но всё же... Нельзя не заметить, что практически все важнейшие пункты ордынской программы могут быть обоснованы цитатами из «классиков».

Скажем, концепция «россиянства» прямо вытекает не только из теории и практики советской национальной политики, но и из рекомендаций столпов старого евразийства, к упомянутой выше политике относившихся весьма положительно. Вот что писал Н.С. Трубецкой в одной из ключевых своих работ «Общевразийский национализм»:

«...национальным субстратом того государства, которое прежде называлось Российской Империей, а теперь называется СССР, может быть только вся совокупность народов, населяющих это государство, рассматриваемая как особая многонародная нация и в качестве таковой обладающая своим национализмом.

Эту нацию мы называем евразий-

ской, ее территорию — Евразией, ее национализм — *евразийством*. <...>

В применении к Евразии это значит, что национализм каждого отдельного народа Евразии (современного СССР) должен комбинироваться с национализмом общевразийским, т.е. евразийством. Каждый гражданин евразийского государства должен сознавать не только то, что он принадлежит к такому-то народу (или к такой-то разновидности такого-то народа), но и то, что самый этот народ принадлежит к евразийской нации. И национальная гордость этого гражданина должна находить удовлетворение как в том, так и в другом сознании. Сообразно с этим должен строиться национализм каждого из этих народов: общевразийский национализм должен явиться как бы расширением национализма каждого из народов Евразии, неким слиянием всех этих частных национализмов воедино»¹.

«Евразийская нация» — совершеннейший аналог как советского, так и российского «многонациональных народов». Только упоминание в настоящем времени СССР и слово «национализм», на которое в 20-е гг. ещё не было наложено табу, сигнализируют нам, что автор текста — не какой-нибудь нынешний кремлёвский трубадур.

Истоки современных бесконечных мантр о необходимости пропаганды на государственном уровне «дружбы народов» и «межнациональной толерантности» тоже легко просматриваются в указанной работе, причём предложения там содержатся куда более радикальные:

«Для того чтобы общевразийский национализм мог успешно выполнить свою роль фактора, объединяющего евразийское государство, необходимо, соответственно, перевоспитать

¹ Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М., 1993. С. 95–97 (Все курсивы в цитатах — авторов, выделения мои. — С.С.).

самосознание народов Евразии. <...> С точки зрения единства многонациональной евразийской нации надо пересмотреть целый ряд наук и построить новые научные системы в замену старых, обветшавших. В частности, с этой точки зрения совершенно по-новому приходится строить историю народов Евразии, в том числе и русского народа...»².

Ну и естественно, главный объект как советской и «россиянской», так и евразийской перековки — русские:

«Во всей этой работе по перевоспитанию национального самосознания с установкой на симфоническое (хорошее) единство многонациональной Евразии русскому народу, быть может, приходится напрягать свои силы более, чем какому бы то ни было другому народу Евразии. Ибо, во-первых, ему более, чем другим, придется бороться со старыми установками и точками зрения, строившими русское национальное самосознание вне реального контекста евразийского мира и отрывавшими прошлое русского народа от общей перспективы истории Евразии. А во-вторых, русский народ, который до революции был единственным господином всей территории России-Евразии, а теперь является первым (по численности и по значению) среди евразийских народов, естественно должен подавать пример другим»³.

Трубецкой шёл ещё дальше, чем нынешние ордынцы, из его логики, по сути, вытекало упразднение самого названия страны «Россия» и замена её на «Евразию». Это покорило даже другого вождя евразийства — П.Н. Савицкого, редактировавшего «Евразийскую хронику», где была опубликована цитированная статья: он попросил автора сократить в ней некоторые места. В письме Трубецкому от 16/29 ноября 1927 г. Савицкий, в частности, писал: «...не нужно ли устранить <...>

некоторых элементов самоуничижения <...> мне кажется излишними некоторые прямые выпады против имени “России”...»⁴. Похоже, что сокращения были сделаны, ибо прямых «выпадов против имени “Россия”» в напечатанном тексте нет, а содержится лишь бесстрастная констатация, того, что замену «России» на «Евразию» произвели не евразийцы, а «жизнь»⁵.

Конечно же, главной опасностью для «Евразии» как ордынцам, так и Трубецкому видится русский национализм:

«...перемена роли русского народа в государстве ставит перед русским национальным самосознанием ряд проблем. Прежде *самый крайний* русский националист все же был патриотом. Теперь же то государство, в котором живет русский народ, уже не является *исключительной* его собственностью, *исключительный русский национализм* оказывается нарушающим равновесие составных частей государства и, следовательно, ведет к разрушению государственного единства. *Чрезмерное* повышение русского национального самолюбия способно восстановить против русского народа все прочие народы в государстве, т.е. обособить русский народ от других. Если прежде даже крайнее русское национальное самолюбие было фактором, на который государство могло опираться, — то теперь это же самолюбие, *повысившись до известного предела*, может оказаться фактором антигосударственным, не созидующим, а разлагающим государственное единство. При теперешней роли русского народа в государстве крайний русский национализм может привести к русскому сепаратизму, что прежде было бы *немыслимо*. Крайний националист, желающий во что бы то ни стало, что-

⁴ Цит. по: Русский узел евразийства. Восток в русской мысли. М., 1997. С. 431

⁵ См.: Россия между Европой и Азией... С. 99.

² Там же. С. 98.

³ Там же.

бы русский народ был единственным хозяином у себя в государстве и чтобы самое это государство принадлежало на правах полной и нераздельной собственности одному русскому народу — такой националист при современных условиях должен примириться с тем, чтобы от его “России” отпали все “окраины”, т.е. чтобы границы этой “России” совпали приблизительно с границами сплошного великорусского населения в пределах донуральской России: только в таких суженных географических пределах эта радикально-националистическая мечта и осуществима. Таким образом, в настоящее время крайний русский националист оказывается с государственной точки зрения сепаратистом и самостийником — совершенно таким же, как всякие украинские, грузинские, азербайджанские и т.д. националисты-сепаратисты»⁶.

Не правда ли, знакомая риторика? — Современные русские националисты слышат её от оппонентов чуть ли не ежедневно.

Кто-то может возразить, что это частное мнение Трубецкого, а не евразийства как целого. Но, во-первых, что такое евразийство без Трубецкого, наиглавнейшего (наряду с Савицким) его теоретика? А во-вторых, в программных коллективных документах движения мы видим, в сущности, те же тезисы, только в более мягких формулировках и с утешительными для русских, но весьма туманными оговорками.

Вот, например, как трактуется национальный вопрос в тексте-манифесте «Евразийство (Формулировка 1927 г.)»:

«1. В национальном вопросе Евразийцы стоят на основе осуществления братства народов в пределах России-Евразии. Средством для осуществления такого братства Евразийцы признают нынешний федеративный строй

СССР при обязательном устранении коммунистического гнета, который тяготеет ныне на этом строе, препятствуя полному выявлению национальных своеобразий отдельных народов России-Евразии. Коммунизм не соответствует духу этих народов. Закрепляя в поставленных конституцией СССР и административной практикой пределах возможности политического и языкового самоопределения этих народов, евразийцы считают необходимым обеспечить этим народам свободу духовного самоопределения также на религиозной и лично-хозяйственной основе.

2. В частности, евразийцы считают необходимым распространить права автономии на народы и своеобразные и в бытовом и историческом отношении группы (качество), до сих пор не получившие таких прав. При этом должны быть охранены права национальных и бытовых меньшинств. Надлежит подчеркнуть, что начала федерации и автономии Евразийцы отстаивают в советском, а не европейском их понимании».

А что по русскому вопросу?

«4. Необходимо существующий в настоящее время в СССР строй, проникнутый началами интернационализма и коммунизма, преобразовать в наднациональный строй на национальной основе. Обязательным условием такого перерождения является предоставление русскому народу возможностей государственно-оформленного национального самосознания и строительства национального государства, возможностей, которых он фактически лишен в настоящее время.

5. Однако национальным самоопределением не ограничивается роль русского народа в строительстве России-Евразии. Именно русская культура, пополняемая элементами культур других народов Евразии, должна стать базой наднациональной (евразийской) культуры, которая служила бы потребностям всех народов России-Евразии,

⁶ Там же. С. 91.

не стесняя их национальных своеобразий. Евразийцы ставят своей задачей положительные мероприятия, содействующие развитию русской культуры в ее наднациональных функциях и чуждые в то же время какого бы то ни было оттенка ограничения и стеснения других национальных культур»⁷.

Вроде бы и русским обещана государственность, но тщетно искать в евразийских писаниях, в какой форме и в каких пределах должно существовать русское национальное государство в рамках «федеративного строя СССР», пусть и избавленного от «коммунистического гнёта». Это остаётся евразийской тайной. При том, что права всех «националов» описаны чётко и ясно и, главное, уже юридически закреплены в конституции СССР, которую в данном вопросе антикоммунисты-евразийцы менять не собирались.

Ну а будущее русской культуры (которую евразийцы намеревались радикально избавить от наследия культуры императорской России как «подражательной»⁸), «пополненной» великими достижениями татарского, башкирского, чукотского и т.д. гения, в качестве «базы» евразийской культуры вызывает, конечно, сугубый оптимизм.

В своём сочинении «Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока» (1925) Трубецкой с упоением мазохиста рисует образ чаемой им евразийской нации, где не остаётся никакого намёка на

славяно-европейскую русскость, всецело растворяемую в азиатчине:

«...Россия подлинная, Россия историческая, древняя, не выдуманная славянская или варяжско-славянская, а настоящая русско-туранская Россия-Евразия, преемница великого наследия Чингисхана. Заговорили на своих признанных теперь официальных языках разные туранские народы: татары, киргизы, башкиры, чуваша, якуты, буряты, монголы, — стали участвовать наравне с русскими в общегосударственном строительстве; и на самих русских физиономиях, раньше казавшихся чисто славянскими, теперь замечаешь что-то тоже туранское; в самом русском языке зазвучали какие-то новые звукосочетания, тоже “варварские”, тоже туранские. Слово по всей России опять, как семьсот лет тому назад, запахло жжёным кизяком, конским потом, верблюжьей шерстью — туранским кочевьем. И встаёт над Россией тень великого Чингисхана, объединителя Евразии...»⁹.

Если отбросить историко-романтические декорации, звучит более чем злободневно, чтобы это ощутить, достаточно прогуляться вечером по московскому Гольянову...

Так что «классическое» евразийство вполне адекватно национальной политике современной РФ, проникнутой неизбывной ностальгией лидеров последней по понятию «советский народ», коему «евразийская нация» чрезвычайно близка, особенно в том, что касается объектно-инструментальной роли русских в государстве, созданном их потом и кровью.

Да и отрицание основ демократии во имя авторитарной *идеократии*, на котором замешана евразийская политическая философия, весьма гармонично сочетается с основами миросозерцания эрэфовских ордынцев.

⁹ Трубецкой Н.С. История. Язык. Культура. М., 1995. С. 261.

⁷ Там же. С. 223 — 224.

⁸ «Евразийство сходится с большевизмом в отвержении не только тех или иных политических форм, но всей той культуры, которая существовала в России непосредственно до революции и продолжает существовать в странах романо-германского запада, и в требовании коренной перестройки всей этой культуры». Цитата из программной статьи Трубецкой «Мы и другие» (1925 г.)// Россия между Европой и Азией... С. 85.

* * *

Но «избирательное средство» евразийства и ордынства — не единственная причина, побудившая меня отречься от «евразийского соблазна».

Чем больше я всерьёз занимался русской историей, чем больше изучал классику европейской мысли, чем больше я просто *взрослел*, набираясь жизненного опыта, тем больше я понимал, насколько евразийство далеко как от подлинной научности, так и от эмпирической действительности, что оно основано на сплошных *подтасовках*, будучи «идеологией» в худшем смысле слова, «умственным вывертом», говоря словами И.А. Ильина.

Это свойственно почти всем евразийским писаниям с самого зарождения течения — с первого манифеста Трубецкого «Европа и человечество» (1920), где на полном серьёзе доказывается, что культура готтентотов ничуть не ниже европейской.

А мазохистское сладострастие в живописании прелестей монгольского ига у Трубецкого и Савицкого! А совершенно антинаучная идея Трубецкого о некоем «туранском психологическом типе», в который легко и просто укладываются угро-финны, самоеды, тюрки, монголы, маньчжуры и... русские!

И наконец, химерический «океан-континент» Евразия, чудесным образом совпавший с границами СССР, населённый «евразийскими народами», вне зависимости от этнического происхождения и конфессиональной принадлежности якобы объединяемыми какой-то общей «евразийской» системой ценностей.

Любую из этих «концепций» учёный-профессионал разобьёт в два счёта. Но самое замечательное, что и некоторые евразийцы отдавали себе отчёт в том, что они, мягко говоря, не всегда интеллектуально честны.

Трубецкого совесть учёного (он был действительно выдающимся лингвистом) и, наверное, *просто совесть*, в

конце концов заставила — пусть и не публично, а в частной переписке с соратниками — это признать.

Ещё в 1925 г. он писал П.П. Сувчинскому по поводу своего «Наследия Чингисхана» (где обосновывалась концепция истории России как «евразийского улуса Чингисхановой империи»), вышедшего в свет под криптонимом И.Р.: «...я бы все-таки не хотел бы ставить своего имени под этим произведением, которое явно демагогично и с научной точки зрения легкомысленно»¹⁰.

В письме к тому же корреспонденту от 10 марта 1928 г. Николай Сергеевич уже близок к отречению от всех своих трудов многих лет: «Евразийство для меня тяжелый крест, и притом совершенно без всяких компенсаций. Поймите, что в глубине души я его ненавижу и не могу не ненавидеть. Оно меня сломало, не дало стать мне тем, чем я мог бы и должен был стать. Бросить его, уйти из него, забыть про него — было бы для меня высшим счастьем. Если я этого не делаю, то только в силу малодушия и привязанности к вам обоим [т.е. к Сувчинскому и Савицкому]...»¹¹.

Ещё более ценные признания содержатся в письмах Трубецкого Савицкому 30-х годов.

Из письма от 8–10 дек. 1930 г.:

«Я постоянно перечитываю свои произведения евразийского периода, а также переписку того времени. И многое мне теперь кажется ребячеством. Мы преувеличенно ценили собственную молодость, считали её главным своим преимуществом по сравнению со “старыми гримзами” и, благодаря этому культу собственной молодости, искусственно задерживали своё развитие. Теперь это для меня уже психо-

¹⁰ Трубецкой Н.С. Письма к П.П. Сувчинскому: 1921–1928. М., 2008. С. 109. Замечательно, что в этом году «Наследие Чингисхана» было переиздано популярными издательствами «Алгоритм» и «Эксмо» в серии «Подлинная история Руси».

¹¹ Там же. С. 269.

логически невозможно. Я не могу притворяться молодым <...> А это удерживает меня от той безответственности и той специфической поверхностной смелости, без которой евразийство не могло бы состояться. <...> Широкие и большей частью поспешные обобщения, столь характерные для евразийства и, в частности, для моих евразийских писаний, в настоящее время мне претят. <...>

Мы — представители европейско-русской культуры. Культура эта в настоящее время умирает и в СССР заменяется новой, может быть тоже новой, но во всяком случае не европейско-русской. Примкнуть к этой новой культуре мы не можем, не перестав быть самими собой. Работать на старую культуру — нецелесообразно <...> Думаю, что не остаётся ничего другого, как выйти за пределы национально-ограниченной европейско-русской культуры и <...> работать на культуру общеевропейскую, притязующую на звание общечеловеческой. <...> в области интеллектуальной культуры, в частности науки, никаких непреодолимых преград между нами и европейцами нет, и в этой области мы прямо и должны влиться в ряды европейских учёных. <...>

Я бы никогда не позволил себе писать по-немецки или по-французски о чём-нибудь, чего не знаю или в чём не вполне уверен <...> А по-русски мне не раз случалось писать безответственные вещи, притом по вопросам, в которых я вовсе не компетентен: говоришь себе: «ничего, сойдёт!» <...>

Мы оказались великолепными диагностами, недурными предсказателями, но очень плохими идеологами, — в том смысле, что наши предсказания, сбываясь, оказываются для нас кошмарами. Мы предсказали возникновение новой евразийской культуры. Теперь эта культура фактически существует, но оказывается совершеннейшим кошмаром, и мы от неё в ужасе, причём нас приводит в ужас именно ее пренебре-

жение известными традициями европейской культуры <...>

Мы совершенно верно поняли, что государственный строй современности и ближайшего будущего есть строй идеократический. Но как приоткрыться в конкретные воплощения этого строя, так приходишь к заключению, что это не идеал, а полнейший кошмар, причем очень сомнительно, чтобы такой строй и впредь мог стать чем-нибудь иным. <...>

Сталин — не случайность, а тип, могущий быть выведен из понятия идеократии чисто дедуктивным путем. Перемена содержания существа дела не изменит. Сталин останется Сталиным, безразлично, будет ли он действовать во имя Православия. В последнем случае он, может быть, будет опаснее для Церкви, чем сейчас¹².

Из письма от 28 апр. 1936 г.:

«Россия как-то перестала интересоваться меня по-настоящему. <...> Думать о России и русских проблемах я перестал вовсе. <...> я с некоторых пор внутренне махнул рукой на Россию и перестал учитывать возможность возвращения туда даже в подсознании. Пуповина, связывавшая меня с материнским лоном России, как-то окончательно и непоправимо перерезана. Я совсем оторвался от России и нутром её больше не ощущаю. Мои отношения к ней теперь чисто *головные*: я *сознаю* какой-то долг, но не *ощущаю* действительной потребности этот долг выполнить. — Всё это, разумеется, не может не отражаться и на моих отношениях к евразийству. При всём желании я всё-таки стою не в евразийстве, не внутри его, а вне его. <...> Поэтому я думаю, что творческого участия в евразийской работе я теперь принимать не способен. <...> Научные проблемы, которые меня в настоящее время занимают, настолько далеки от евразийства, что использовать для евразийских целей мою

¹² Цит. по: *Соболев А.В.* О русской философии. СПб., 2008. С. 334–335, 337–339.

какую-нибудь очередную работу невозможно. <...>

Признаться, мне и славянская филология надоела. Будь я свободен, я бы сейчас занимался исключительно общим языкознанием (притом с упором на экзотические — африканские и американские языки) и смежными вопросами этнологии¹³.

Потрясающий человеческий документ! По сути, полная капитуляция главного теоретика евразийства.

* * *

Есть и ещё один щекотливый момент, также свидетельствующий о дефиците интеллектуальной честности у евразийских «отцов-основателей».

Как известно, наиболее внушают уважение те учения, постулаты которых соответствуют образу жизни самих учителей: Христос и Сократ — наиболее яркие примеры. «Вера — это поступки», — справедливо говорил Т.С. Элиот.

В этом смысле жизненные практики главных теоретиков евразийства выглядят весьма странно. Ругательски ругая ужасную, смертельно враждебную России Европу, они в ней прожили всю свою жизнь после эмиграции из России. Понятно, что ехать в СССР было опасно для здоровья (хотя национал-большевик Н.В. Устрялов вернулся, зная, что приносит себя в жертву), но ведь есть столько чудесных стран прекрасной Азии, так близкой евразийскому сердцу: от Турции до Японии...

Так нет же!

Трубецкой, вместо того чтобы жадно вдыхать столь вдохновенно им воспетый запах «жжёного кизяка, конского пота, верблюжьей шерсти», с 1922 г. обосновался в Вене, возглавляя до самой кончины в 1938 г. в местном университете кафедру славянских языков. Любопытно, что когда после аншлюса его стало преследовать гестапо, Николай Сергеевич решил переехать... вы

думали, в Тибет? — нет, в самый страшный круг западного ада — США... Но не успел, скорострительно скончался... На здании Венского университета установлена мемориальная доска в честь великого отрицателя «романо-германской цивилизации».

Савицкий, в своих работах недвусмысленно относивший чехов к ненавистному Западу, тем не менее с 1921 г. жил и работал в Праге, в частности, читал лекции по славяноведению в Пражском немецком университете. В 1945 г. ему выпал прекрасный шанс вырваться из смрадной европейской гнили. Доблестные работники НКВД в 1945 г. любезно приняли на себя все издержки по его переезду в Россию—СССР—Евразию. Там ему нашли здоровую, непыльную работу на свежем воздухе в лесах Мордовской АССР. В 1956 г. в награду за доблестный труд ему распахла объятия столица Евразии — Москва. Странное дело, Пётр Николаевич сразу же подал заявление на переезд... нет, не на родину предвозвестника евразийства великого Чингисхана — в Монголию, а обратно в омерзительную европейскую Прагу. Там у него были проблемы с местной госбезопасностью, но он стойко держался и, положим, в Иран не уехал, отдав своё тело чешской земле в 1968 г.

Сувчинский тоже, видимо, был мазохистом и, тяжело от этого страдая, всё время обретался в европейских столичных клоаках — сначала в Берлине, потом (уже с середины 20-х гг.) до самой смерти в 1985 г. в мафусаиловых годах (97 лет!) — в Париже, одном из самых главных рассадников романо-германского сифилиса. Там он стал известным музыковедом, активно популяризовавшим западный авангард (разумеется, внутренне содрогаясь от гадливости к нему). Заняться великолепной музыкальной культурой Северной Кореи (а тем более поселиться в этом истинно евразийском эдеме) Пётр Петрович почему-то так и не удосужился...

¹³ Там же. С. 445–446.

Какие поразительные парадоксы! О, загадочная и противоречивая человеческая природа! О, Достоевский!

* * *

Почему евразийцы так легко позволяли себе интеллектуальную нечестность?

Самый простой ответ на этот вопрос, который охотно дают многие люди: потому что они были агентами НКВД и/или английской разведки.

Основания для такого ответа, разумеется, есть. К концу 20-х гг. чекисты взяли евразийство под свою опеку весьма плотно. Газета «Евразия» совершенно очевидно выходила под советским патронажем. Евразиец Сергей Эфрон (муж Марины Цветаевой) точно был завербован как агент НКВД. А по поводу английского следа наши конспирологи-англоманы, думаю, с удовлетворением воспримут информацию о том, что некий английский литературовед Сполдинг оказывал материальную поддержку евразийским изданиям ещё в начале 20-х гг.

Тем не менее данный ответ не может быть исчерпывающим. Ибо по крайней мере два самых главных евразийца — Трубецкой и Савицкий — никак не могут быть заподозрены в сотрудничестве с НКВД (по поводу Сувчинского возможны дискуссии). И не только потому, что нет никаких документальных подтверждений этому, но и потому, что они оба резко отшатнулись от «левого» евразийства и публично от него отмежевались. При этом заведомо необоснованные или даже лживые утверждения они позволяли в своих сочинениях и до того, и после.

Так что дело всё-таки в другом. В особенностях психологии и мировоззрения этих людей.

Главная их проблема состояла в том, что это были типичные кабинетные интеллектуалы, всерьёз вообразившие себя великими политиками. Надо читать их переписку, в которой они уморительно серьёзно рассуждают о

том, как будут вершить судьбы России. Они действительно искренне верили, что рано или поздно, после неизбежного банкротства коммунистической идеи, элита СССР (прежде всего военная) обратится к их идеям (кстати, так и дождалась, хоть и посмертно)¹⁴. Этот вечный платоновский соблазн интеллектуалов: мудрец, руководящий правителем: печальный опыт самого Платона, к сожалению, никого ничему не учит...

Изображая из себя прожжённых политических прагматиков, Трубецкой и Савицкий изначально приспособивали своё учение под реалии СССР (а то как бы не отпугнуть потенциальных евразийцев среди коммунистов!), и их историософия поэтому есть прежде всего инструментальная идеология, а никакая не наука.

Трубецкой, как мы видели, это понимал. Но будучи подлинным учёным по призванию и стилю мышления, он выстраивал свою демагогию предельно последовательно и логично, что нередко приводило к скандальным формулировкам, шокировавшим Савицкого. Последний же, напротив, был искренний энтузиаст-фанатик евразийской идеи, не замечающий, как все фанатики, её несообразностей, но его непосредственное русское чувство иногда протестовало против бездушной, холодной логики Трубецкого.

Что же касается Сувчинского, то, оставляя открытым вопрос о его связях с чекистами (всё же, думаю, они не были непосредственными), о нём можно сказать, что это был типичный

¹⁴ Полемиически резкая, но существенно верная характеристика евразийцев у П.Б. Струве (1927): «Несколько наивных людей, предводимых лукавцами и карьеристами, учёными озорниками и полуучёными снобами, вообразили, что они могут перехитрить историю и ее хитрости тем, что они — переплюнут большевизм и коммунизм» (*Струве П.Б. Дневник политика (1925–1935)*. М., 2004. С. 329).

эстет-эпатажник, любитель ярких перформансов и скандалов, в которых он купался. Поэтому евразийство его радовало как отличный раздражитель почти всей русской эмиграции. Видимо, Сувчинского имел в виду неплохо его лично знавший И.А. Ильин, отмечавший «у одного из этих [евразийских] мудрецов, — явное подсмеивание над слушателем, над самим собой (говорящим) и над всею “доктриною” в целом...»¹⁵.

Характеризуя же мировоззренческие особенности евразийцев, следует сказать, во-первых, что перед нами типичные *европейские* неоромантики с культом всего «органического» против всего «механического» (ср. со Шпенглером и прочей немецкой «консервативной революцией»), верящие, что где-то в «народной почве» таятся семена истинно национальной культуры (отсюда та лёгкость, с которой они отрекались от культуры императорской России).

Ну и, наконец, евразийцы были типичными русскими патриотами-имперцами, для которых самое главное, чтобы Россия была «большая-пребольшая», а всё остальное приложится. А уж как там в ней себя будут чувствовать русские — дело десятое...

* * *

Что же привлекло меня и покойного Серёжу Константинова в этом лживом и, по большому счёту, русофобском учении в 90-х гг., что не давало нам увидеть за некоторыми нелепостями и передержками здравое зерно в антиевразийских писаниях А.Г. Кузьмина?

Во-первых, не надо забывать, что в 90-е все антирусские силы — от Ельцина до Новодворской — были заодно и шли под знамёнами «демократии» и «европейского выбора». Разруше-

ние России происходило под аккомпанемент либерально-западнической риторики. Поэтому быть антизападником — почти автоматически означало быть радикальным оппозиционером в отношении тогдашнего правящего режима РФ. А что могло быть более антизападнического, чем евразийство?

В пылу борьбы против «банды Ельцина» мы не замечали, что никакой «демократией» и никаким «европейским выбором» её реальные практики и не пахнут. Даже сам этот дискурс был ей необходим лишь до тех пор, пока она шла к власти и ломала мешавшее ей советское наследие. Но когда она получила всё (или почти всё), что хотела, когда она почувствовала себя полным хозяином страны, ей оказались потребны иные лозунги. Вот тут-то и пригодилось евразийство!

Многие мои бывшие соратники по 90-м до сих пор не понимают, что дьявол может играть двумя руками, и искренне ведутся на смену риторики властителей РФ. Но ещё раз повторяю, 15–20 лет назад «евразийский соблазн» для русского патриота был если и не оправдан, то естественен. Тем более его пропагандировали такие авторитеты как В.В. Кожинов!

Ну и, конечно, молодость... Недаром и Трубецкой в цитирувавшихся выше письмах связывал своё интеллектуальное легкомыслие с возрастом (хотя молодость его в «евразийскую» пору была весьма относительной — от тридцати до сорока). Нам с Константиновым было по 22–23 года, когда мы впервые прочитали евразийские тексты, которые прекрасно резонировали с нашим патриотическим негодованием на антинациональную деятельность «дерьмократов». В этих текстах была страсть, был боевой задор, было обещание великого будущего великой стране, которая гибла буквально на наших глазах. Нам было не до ого анализа, к которому молодая кровь не располагает...

И.А. Ильин, ненавидевший евразий-

¹⁵ Ильин И.А. Собр. соч.: Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии (1906–1954). М., 2001. С. 307.

ство всеми фибрами души, писал, что «для увлечения евразийством нужны два условия: склонность к умственным вывертам и крайне незначительный уровень образованности, уровень рабфака и комсомола»¹⁶. Сказано слишком зло и резко, но если отбросить полемический запал, то, по сути, очень верно. Можно лишь смиренно оговориться, что «склонность к умственным вывертам» и «незначительный уровень образованности» — недостатки, простительные для молодых людей и, главное, *преодолимые*. Но что сказать о тех, кто сохранил юношескую невинность до седых волос? И особенно о тех, кто *делает вид*, что её сохранил, цинично обслуживая своим дурно пахнущим словоблудием новую — и самую опасную — дерусификацию России?

* * *

Я прекрасно помню, как, когда и где произошло моё окончательное отречение от «евразийского соблазна» (недавно, не называя моего имени, эту историю рассказал в Интернете Константин Крылов).

В июле 2003 г. я находился в турпоездке по Италии. К тому времени недоумённых и даже возмущённых вопросов к евразийству у меня накопилось предостаточно, нужен был только какой-то эмоциональный толчок, чтобы вся эта химерическая конструкция в моём сознании окончательно рухну-

ла. И этот толчок произошёл на главной площади (Пьяцца дель Кампо) прекрасного города Сиена.

Сидя на самом «дне» этой раковинообразной площади и озирая вокруг себя великолепные средневековые здания цвета охры, я вдруг подумал: «Но я ведь *это* люблю, а не минареты и юрты, не запах “жжёного кизяка, конского пота, верблюжьей шерсти”, и *это* вполне родственно и нашему Кремлю, который строили как раз итальянцы, зубцы коего можно увидеть на большинстве крепостных стен североитальянских городов, и нашим Новгороду и Пскову, которые Павел Муратов называет русскими Флоренцией и Сиеной. Какое, к дьяволу, евразийство! Мы — Европа — да, *другая* — но Европа, *христианская страна*, и что у нас общего с наследием *Чингисхана?*».

Так я пришёл к, может, не очень оригинальной, но лично выстраданной концепции России как *другой Европы*, которой следую и поныне.

Нет никакой Евразии как единого историко-географического мира с какой-то искусственно выдуманной единой евразийской культурой, а есть русский народ и русская культура (олицетворение *другой, русской Европы*), объединившие в своих границах разнообразные европейские и азиатские народы. Не будет русского народа и русской культуры — возродится на контролируемых им пространствах «древний хаос», вплоть до появления нового, равновеликого *хозяина*.

¹⁶ Там же. С. 309.

Максим Жих

Древняя Русь и Великая Степь: «симбиоз» или противостояние?

РАЗМЫШЛЕНИЯ О КОНЦЕПЦИЯХ Л.Н. ГУМИЛЁВА И В.В. КОЖИНОВА

Имя Льва Николаевича Гумилёва (1912–1992) хорошо известно не только профессиональным историкам Древней Руси, но и всем, интересующимся прошлым, да и не только прошлым, ведь его историософские концепции активно используются в современном политическом дискурсе и даже в футурологических прогнозах. Будучи сторонником цивилизационного подхода к истории человечества, Л.Н. Гумилёв создал яркую, оригинальную теорию цивилизационной истории человечества, отождествив то, что О. Шпенглер и А. Тойнби называли «цивилизацией» с этнической общностью высшего уровня — суперэтнсом — и описав фазы её развития, связанные с уровнем «энергии этноса» (пассионарности) от рождения через резкий подъём и последующий надлом к угасанию и гибели¹.

Историософской этногенетической теорией учёного одни восхищаются, как гениальным прозрением, другие страстно критикуют её², но мало

кого она оставляет равнодушным. Но если трезво смотреть на вещи, то очевидно, что этногенетические построения Гумилёва на данный момент представляют собой лишь красивую историософскую гипотезу, более поэтическую, чем научную. Ведь, конструируя общий ход развития разных человеческих цивилизаций, Гумилёв зачастую не слишком обращал внимание на конкретные детали, считая изучение источников и конкретные события «мелочеведением». Он рисовал широкое яркое полотно, эффектное, но в зна-

Именно в таком ключе, к примеру, выполнены посвящённые критике Л.Н. Гумилёва работы В.А. Шнирельмана (*Шнирельман В.А.* Хазарский миф: идеология политического радикализма в России и её истоки. М.: Иерусалим, 2012. С. 57–75). Для этого автора важно не столько показать ошибки Гумилёва как исследователя, сколько навесить на него какие-то вненаучные идеологические ярлыки, в первую очередь заклеить его «антисемитизм». Вообще Шнирельман обвиняет во всех смертных грехах любого, кто высказывает хоть что-то, на его взгляд, не комплиментарное о хазарах (о том, что они как-то негативно повлияли на развитие Руси, что уникальная веротерпимость в Хазарии — миф и т.д.). Видимо, чтобы не попасть под щедрую раздачу политических обвинений, которую осуществляет Шнирельман, учёные должны писать о Хазарии либо хорошо, либо вообще никак.

¹ Гумилёв Л.Н. 1) Этногенез и биосфера земли. М., 2004; 2) Конец и вновь начало. М., 2003.

² При этом, к сожалению, не обходится без личных нападок и идеологических ярлыков. Иногда Л.Н. Гумилёва из-за того, что он этническое начало ставил в центр истории человечества, обвиняют даже в «фашизме».

чительной своей части лишённое твёрдых опор, полотно, которое может завораживать, но истинность которого на данном этапе развития науки не может быть ни доказана, ни опровергнута. Характерно, что даже В.В. Кожин, принимавший в основном «евразийские» взгляды Гумилёва, в теории пассионарности видел «яркий, но, скорее, эстетический, или художественный, нежели научный смысл»³. Строго научный анализ сформулированной Гумилёвым теории этногенеза является, очевидно, делом будущего.

Но помимо разработки глобальной «поэтической» историсофской теории, объясняющей в истории человечества если не всё, то почти всё, Л.Н. Гумилёв занимался и конкретно-исторической проблематикой, связанной с историей кочевых народов Евразии и их взаимоотношениями с Русью. Но и здесь он предстаёт перед нами зачастую не собственно историком, а поэтом от истории: разного рода домыслы и «поэтические» обобщения в его работах встречаются столь часто, что едва ли профессиональный историк порекомендовал бы их неподготовленному читателю. Это обстоятельство сильно затрудняет критический анализ работ учёного: простое перечисление допущенных им фактических ошибок и домыслов будет огромно, но едва ли даст какой-то толк. Поэтому мы сосредоточимся на некоторых самых ярких примерах гумилёвской «поэтизации истории», тесно связанных с его общими взглядами на проблему отношений Руси и Степи, ведь в этой области историк тоже пытался создать красивую историсофскую картину.

Если традиционно в исторической науке отношения Руси и кочевников (и шире — осёдлых и кочевых обществ в целом) рассматривались как антагонистические, что в особенности относилось к отношениям Руси с монголами,

то Л.Н. Гумилёв поставил перед собой цель опровергнуть эту, по его мнению, «чёрную легенду»⁴ и совершить, так сказать, историческую реабилитацию кочевого мира, показать, что его отношения с Русью были гораздо более комплиментарны, чем это принято считать.

В этом учёный следовал за евразийством — сформировавшимся в русской эмиграции научным и общественно-политическим течением, противопоставлявшим Россию Европе и сближавшим её с Востоком, в первую очередь — с кочевым миром. Именно работы Гумилёва не только принесли евразийские идеи в СССР—Россию, но и дали им вторую жизнь, сделав весьма популярными в обществе и в постсоветском политическом дискурсе. Касательно последнего аспекта хотелось бы отметить, что и сами евразийцы, и их оппоненты зачастую берут на вооружение гумилёвские тезисы без малейшей критической проверки, с той только разницей, что одни ставят перед ними знак «плюс», в то время как другие — знак «минус». Между тем ко всему написанному «поэтом от истории» надо относиться очень осторожно.

Вот характерный пример. Последовательный оппонент евразийства А. Широпаев с пафосом пишет об Александре Невском, «который в лице Батыя обрёл себе нового отца, став ханским приёмным сыном»⁵, даже не думая о том, что «усыновление» Александра Невского Батыем, равно как и его «братание» с сыном последнего Сартаком — полная фантазия⁶, не имеющая опоры ни в одном источнике. «Антиевразийцы» вообще много и охотно цитируют гумилёвские работы, никогда не проверяя их и попадая в ловушку его фантазий.

⁴ Гумилёв Л.Н. Чёрная легенда. М., 2006.

⁵ <http://lj.rossia.org/~shiropaev/20520.html>

⁶ Гумилёв Л.Н. От Руси до России: Очерки этнической истории. М., 2002. С. 125.

Эта общественно-политическая актуальность сочинений Гумилёва является дополнительным фактором, указывающим на необходимость их всестороннего критического разбора, определённый вклад в который, как мы надеемся, внесёт данная статья. Кроме того, нами будут рассмотрены и взгляды Вадима Валерьяновича Кожинова (1930–2001), который во многом продолжал евразийские построения Гумилёва, став фактически вторым столпом современного евразийства, при этом высказывая оригинальные мысли, важные для общего понимания взглядов и методов работы евразийцев.

I. «Хазарская химера»: Хазария и Древняя Русь в работах Л.Н. Гумилёва и В.В. Кожинова

Первым «евразийским» государством, оказавшим огромное влияние на Русь, стала, по мнению Л.Н. Гумилёва и В.В. Кожинова, Хазария. Проблема взаимоотношений Хазарии с восточными славянами и Древней Русью занимает в их творчестве очень важное место. В Хазарии они видят рокового смертельного врага формирующейся Руси, в противоборстве с которым она выковывалась⁷. Собственно, это единственная степная полития, которой они отводят подобную роль, что связано с захватом в Хазарии власти иудеями, деформировавшими её естественное развитие. Как подчёркивает Кожинов: «Да, не будет преувеличением утверждать, что Хазарский каганат до конца VIII века и в позднейшую эпоху (после принятия его верхушкой иудаизма. — М.Ж.) — это совершенно разные исторические феномены»⁸.

Именно после обращения верхушки Хазарского каганата в иудаизм он,

согласно Гумилёву и Кожинову, из обычного «степного» государства превращается в могучую паразитарную империю, которая вела экспансию в отношении своих соседей (в первую очередь — славян) и осуществляла их беспощадную экзоэксплуатацию, а также стремилась контролировать торговые пути, наживаясь на транзитной торговле. Сама хазарская еврейская или иудаизированная верхушка была резко оторвана от иноверного народа, рассматривая его фактически также как чуждый для себя объект для экзоэксплуатации (это можно было бы назвать «внутренним колониализмом»). Гумилёв связывал это обстоятельство с тем, что столкнулись два этноса: местный (хазары и другие народы юго-востока Европы) и пришлый (евреи), который взял власть в свои руки, будучи при этом совершенно чуждым местным природным условиям, местным народам и принятым у них стереотипам поведения. Такое столкновение породило, по его терминологии, «этническую химеру».

Оставляя за скобками тезисы, которые с научной точки зрения в принципе проверить нельзя, рассмотрим некоторые аргументы Гумилёва и Кожинова, которые они приводят в пользу существования «Великой Хазарии» и её огромного негативного влияния на Русь.

В.В. Кожинов попытался проследить «родословную» евреев, взявших в свои руки власть в Хазарии, связывая их с еврейской общиной Ирана, крайне агрессивно настроенной по отношению к христианству, многие члены которой принимали участие в маздакитском движении, а затем, в начале VIII в. — в идеологически связанном с ним движении Хуразда в Хорезме⁹. Последний тезис Кожинов заимствует из работы известного востоковеда С.П. Толстова¹⁰, однако на основе

⁷ Гумилёв Л.Н. 1) От Руси до России. С. 30–44; 2) Древняя Русь и Великая Степь. М., 2004. С. 7–11, 27–45, 108–197, 202–204; Кожинов В.В. История Руси и русского слова. С. 159–264.

⁸ Кожинов В.В. Указ. соч. С. 188.

⁹ Там же. С. 201–220 и сл.

¹⁰ Толстов С.П. 1) Новогодний праздник

ряда произвольно связываемых фактов делает далеко идущие конспирологические выводы о том, что евреи, начиная как минимум с раннесредневекового времени, повсюду стремились к захвату власти, в том числе создавая для этого разные идеологии (от раннесредневекового маздакизма в Иране до коммунизма в России, который прямо не называется, но подразумевается¹¹).

Итак, согласно В.В. Кожинуву, следующему за С.П. Толстовым (но, к сожалению, вводящему его идеи, вполне имеющие право на существование, в конспирологическое поле), евреи, захватившие власть в Хазарии, — это беглецы из Хорезма, спасавшиеся после разгрома Хуразда, которые извлекли уроки из этого своего поражения и в Хазарии действовали уже более тонко, постепенно «обволакивая» местную верхушку, не проповедуя никаких «коммунистических» идей: «необходимо отметить, что, встав во главе каганата, иудеи отнюдь не стремились насаждать маздакитский “коммунизм”, который был нужен лишь тогда, когда задача состояла в сокрушении наличной государственной власти, — как в Иране начала VI века, или, позднее, в Хорезме начала VIII в.»¹².

Для доказательства своей «глобальной» теории «мирового заговора» раннесредневековых евреев Кожинув сплошь и рядом выходит из поля

«каландас» у хорезмийских христиан начала XI века (в связи с историей хорезмийско-хазарских отношений). Из историко-этнографических комментариев к ал-Бируни // Советская этнография. 1946. № 2. С. 95–102; 2) По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948.

¹¹ Характерны слова В.В. Кожинова: «это “хабер-товарищ” (хабр — еврейский учёный, раввин. — М.Ж.) словно протягивает прямую нить из VIII в XX век», вводящие построения автора в конспирологический дискурс (История Руси и русского слова. С. 217).

¹² Кожинув В.В. Указ. соч.. С. 212.

сведений, сообщаемых источниками, в поле собственных фантазий, чтобы с их помощью связать никак не связанные факты. Вот характерный пример. Кожинув детально останавливается на фактах борьбы евреев против христиан в раннем Средневековье, называя её «предысторией иудаистского хазарского каганата»¹³, после чего обращается к идее Гумилёва о том, что жестокости русов в отношении византийцев во время походов на Константинополь в 860 и 941 гг. объясняются тем, что осуществлялись они по приказу правительства Хазарии, которой тогда была подчинена Русь, и руководились хазарскими инструкторами, ненавидевшими христиан-византийцев и руководствовавшихся инструкциями по «беспощадному» ведению войн, взятыми из Ветхого Завета¹⁴.

Однако, во-первых, подобные «варварские» способы ведения войн были характерны для всех ранних государств, во-вторых, вопреки уверенности Кожинова в том, что «ничего подобного не было в истории всех других войн Руси», воины Святослава, которого трудно заподозрить в подчинении каким-либо «хазарским инструкторам», действовали по отношению к своим противникам зачастую точно так же, как их отцы в 941 г. и прадеды — в 860 г. Так, например, согласно сообщению Льва Диакона, взяв Филиппополь (ныне Пловдив в Болгарии), Святослав «со свойственной ему бесчеловечной свирепостью посадил на кол двадцать тысяч оставшихся в городе жителей и тем самым смирил и [обуздал] всякое сопротивление и обеспечил покорность»¹⁵.

В-третьих, и это главное, нет никаких оснований говорить о зависимости Руси от Хазарии ни в 860-м, ни в 941 г. Относительно русов, атаковав-

¹³ Там же. С. 201.

¹⁴ Кожинув В.В. Указ. соч. С. 225–228, 249–250.

¹⁵ Лев Диакон. История. М., 1988. С. 56.

ших Византию в 860 г., участник обороны Константинополя патриарх Фотий писал: «[народ] Рос, те самые, кто — поработив [живших] окрестных и оттого чрезмерно возгордившись — подняли руку на самую Ромейскую державу»¹⁶. Как видим, современники русов в отличие от современных евразийцев представляли их могущественным независимым народом, а отнюдь не безропотными хазарскими вассалами.

Относительно ситуации 941 г. о подчинённости Руси Хазарии также не знают никакие источники (ни византийские, ни Лиутпранд Кремонский, ни древнерусские летописи), кроме единственного — самого сомнительного и сложного по происхождению — так называемого «Кембриджского документа», относительно которого в науке идут непрекращающиеся дискуссии (время его создания, соотношение исторических реалий и литературного трафарета и т.д.). Вот что он рассказывает о русско-хазарско-византийских отношениях и походе 941 г.: «А Роман [злодей послал] (византийский император, предпринявший гонения на иудеев и потому названный иудейским автором «злодеем». — М.Ж.) также большие дары Х-л-гу, царю Руси, и подстрекнул его на его (собственную) беду. И пришел он ночью к городу С-м-к-раю (Керчь. — М.Ж.) и взял его воровским способом, потому что не было там начальника, раб-Хашмоная. И стало это известно Бул-ш-ци, то есть досточтимому Песаху, и пошел он в гнев на города Романа и избил и мужчин и женщин. И он взял три города, не считая большого множества пригородов. И оттуда он пошел на (город) Шуршун (Херсонес. — М.Ж.)... и воевал против него... И они вышли из страны наподо-

бие червей... Израиля, и умерло из них 90 человек... Но он заставил их платить дань. И спас... [от] руки Русов и [поразил] всех оказавшихся из них (там) [и умертвил ме]чом. И оттуда он пошел войною на Х-л-гу и воевал... месяцев, и Бог подчинил его Песаху. И нашел он... добычу, которую тот захватил из С-м-к-рая. И говорит он: “Роман подбил меня на это”. И сказал ему Песах: “Если так, то иди на Романа и войю с ним, как ты воевал со мной, и я отступлю от тебя. А иначе я здесь умру или (же) буду жить до тех пор, пока не отомщу за себя”. И пошел тот против воли и воевал против Кустантины на море четыре месяца. И пали там богатыри его, потому что македоняне осилили (его) огнем. И бежал он, и постыдился вернуться в свою страну, а пошел морем в Персию, и пал там он и весь стан его. Тогда стали Русы подчинены власти казар»¹⁷.

Этот рассказ анонимного хазарского автора Л.Н. Гумилёв сопоставил с легендой о полянской дани мечами хазарам и сделал вывод о подчинении хазарами Киева¹⁸. Но проблема в том, что легенда это помещена в недатированной части Повести временных лет и с временами Игоря никак не связывается. В самом же «Кембриджском документе» о Киеве не сказано ни слова. Как ни интерпретируй это известие, описанные в нём события не выходят за пределы Крыма. Соответственно царь Руси «Х-л-гу» мог быть либо правителем русов, живших в Причерноморье¹⁹, либо одним из восточнославянских князей, отправившимся в крымский поход по приглашению византийцев (договор Руси с Византией

¹⁷ *Кокорцов П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932. С. 112–113.

¹⁸ *Гумилёв Л.Н.* От Руси до России. С. 38; *Кожин В.В.* Указ. соч. С. 281–290.

¹⁹ *Мошин В.А.* Хельгу хазарского документа // *Slavia*. 1918. Т. 15. №2; *Галкина Е.С.* Тайны русского каганата. М., 2002. С. 384–385.

¹⁶ *Кузенков П.В.* Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства Восточной Европы. 2000 г. М., 2003. С. 75.

911 г. знает на Руси помимо киевского князя и других «светлых и великих князей») и потерпевший там поражение, а затем присоединившийся к походу Игоря на Византию. Как бы то ни было, повествование источника не даёт никаких оснований говорить о том, что коренные земли Руси оказались подвластны хазарам, оно описывает локальную стычку между русской дружиной и хазарским военачальником в Крыму и Приазовье, не более.

По словам В.В. Кожина, «одно из существеннейших выражений политики каганата по отношению к Руси — походы русского войска на Византию, которые совершались, как это становится всё более несомненно (кому?! — М.Ж.), под диктатом хазарских властителей. Вся история Руси подтверждает, что её агрессивные нападения на Византию явно шли вразрез со всеми её коренными интересами — от экономических до духовных. Об этом убедительно свидетельствует позднейший (после разгрома каганата Святославом в 960-х гг.) характер отношений Византии и Руси»²⁰.

А как же быть с походами 907 и 944 гг., да и с походами Святослава тоже? С походами на Византию Владимира и Ярослава Мудрого? В каждом конкретном случае Кожин старается придумать какое-то «нейтрализующее объяснение», но выглядят они весьма натянуто: это, мол, были походы, направленные не против Византии, а в защиту «законной» византийской власти от мятежников²¹. Например, Святослав воевал будто бы не против Византии, а против узурпатора Иоанна Цимисхия. Но ведь обе стороны полным ходом вели подготовку к военным действиям ещё в правление Никифора Фоки, о чём хорошо известно из повествования Льва Диакона. Владимир же выступил в поход на Херсонес, чтобы добиться от византийцев выполнения

условий договора, в соответствии с которым они должны были отдать ему в жёны сестру императора Анну.

Так что на каком основании перечисленные походы отделяются от походов 860 и 941 гг. — с научной точки зрения совершенно непонятно. Но это понятно в рамках авторского дискурса: «хорошая» Византия, которая всемерно идеализируется, против «плохой» Хазарии, которая всемерно демонизируется. Первая — лучший друг Руси, вторая — её, а заодно и Византии, злейший враг. Но такая бинарная логика едва ли применима к жизни.

Если мы обратимся к византийским источникам, то увидим, что на славян вообще и на Русь в частности Византия смотрела почти исключительно как на варваров и людей второго сорта, причём даже после того, как те крестились, так как по представлениям византийцев варвары никогда не могли стать настоящими христианами. Так, византийский император Никифор Фока называл царя уже сто лет как крещёной Болгарии «варваром, кутающимся в шкуры и грызущим сырые кожи», а Михаил Пселл писал о первом греческом архиепископе завоеванной византийцами Болгарии, что «ему была вверена апостольская доля, и он был с блестящими упованиями послан из главного города (Константинополя) к тем скифам, что прежде именовались кочевниками, а позже назывались болгарами. И он не обманул надежд тех, кто его послал, до такой степени, что даже превзошёл их, совершенно преобразив весь народ для Бога»²². То есть подлинное крещение болгар состоялось только после их подчинения Византии, а то, что они приняли Христианство из рук этой же

²² Иванов С.А. Византийская религиозная миссия VIII–XI вв. с точки зрения византийцев // Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия. М., 2002. С. 33–34.

²⁰ Кожин В.В. Указ. соч. С. 249–250.

²¹ Там же. С. 251.

самой Византии 150 лет назад — этого как бы и не было.

А вот что писал тот же Михаил Пселл о Руси времён Ярослава Мудрого, когда, по В.В. Кожинову, между Русью и Византией были пламенная любовь и полное взаимопонимание: «Это варварское племя всё время кипит злобой и ненавистью к Ромейской державе и, непрерывно придумывая то одно, то другое, ищет предлога для войны с нами»²³.

И Византия, и Хазария — государства, в истории которых было и «хорошее», и «плохое», соотношение между которыми менялось исторически. Их отношения как между собой, так и с Русью также исторически менялись. Объявлять какую-то средневековую политику «царством зла», или, напротив, средоточием всего самого светлого — это вненаучный, сугубо идеологический подход. Поэтому как Л.Н. Гумилёв и В.В. Кожинов, видящие в иудейской Хазарии образ едва ли не метафизического зла, так и В.А. Шнирельман, нещадно клеймящий любого, кто напишет о Хазарии хоть что-то негативное, представляют собой, в сущности, две стороны одной медали. Медали, не имеющей ничего общего с наукой, изучающей реальную историю во всём её многообразии, а не мыслящей чёрно-белыми штампами.

Характерный пример обращения В.В. Кожинова с источниками для доказательства своих «глобальных» теорий. По его мнению, «Кембриджский документ» описывает бегство хазарских иудеев из Хорезма после поражения Хуразда. Приведя следующую цитату: «И бежали от них наши предки... потому что не могли выносить ига идолопоклонников. И приняли их к себе... [казарские], потому что люди казарские жили сперва без закона. И остались... без закона и письма. И они породнились с жителями (той) страны и

[смешались с язычниками] и научились делам их»²⁴ — он поясняет, что этими врагами-идолопоклонниками «в устах иудеев вполне могли быть арабы-мусульмане»²⁵. Но вот в чём загвоздка: прямо перед этой фразой, процитированной Кожиновым, в источнике упомянута Армения, откуда, по всей видимости, и бежали евреи, о которых говорится в документе. Выкинув же оттуда упоминание Армении, их «прародину» можно найти где заблагорассудится. Само по себе это не говорит, что в числе хазарских евреев не было в том числе и выходцев из Средней Азии, они там вполне могли быть, но это характеризует кожиновское обращение с источниками.

В.В. Кожинов активно старается привлечь к доказательству своих идей о хазарской экспансии в Восточную Европу археологические материалы, трактуя белокаменные крепости салтовской культуры в верховьях Северского Донца, Оскола и Дона как опорные пункты хазарской экспансии против славян²⁶. Но проблема в том, что славяне, жившие по соседству с этими крепостями, практически не строили укрепленных поселений, что красноречиво говорит об их мирной жизни. По археологическим данным, славяне и носители салтовской культуры жили не просто мирно, но в состоянии культурного обмена, более развитые «салтовцы» сильно повлияли на своих соседей славян. Поэтому из археологических материалов сделать вывод о жесткой славяно-хазарской борьбе решительно невозможно. Более того — нет и сколько-нибудь убедительных оснований считать эти белокаменные крепости хазарскими.

По антропологическим и археологическим материалам давно было доказано, что создатели салтовской культуры верховьев Донца и Дона — это

²³ Михаил Пселл. Хронография. М., 1978. С. 95.

²⁴ Коковцов П.К. Указ. соч. С. 113.

²⁵ Кожинов В.В. Указ. соч. С. 216.

²⁶ Там же. С. 89–92, 177–182.

аланы (или родственный им этнос)²⁷. Некоторые археологи считают, что они находились в зависимости от Хазарии. Вот их-то точку зрения и абсолютизирует Кожин. Но ещё И.И. Ляпушкин показал, что для вывода о зависимости алан-«салтовцев» от хазар нет ровным счётом никаких оснований и данная гипотеза держится лишь на общих представлениях об исторической географии Юго-Восточной Европы, где будто бы некому было такие крепости построить, кроме хазар, а больше ни на чём.

В современной историографии пробивает себе путь и иная гипотеза, развивающая наблюдения И.И. Ляпушкина: аланами на берегах Верхнего Дона и Дона было создано в конце VIII — начале IX в. независимое по отношению к Хазарии государство, в состав которого вошли и славяне Днепровского Левобережья. В ранних восточных источниках эти аланы именуются «русами» (гипотеза об иранском происхождении этнонима «русь» давно является в науке одной из основных), а само их государство — «Русский каганат»²⁸.

Как бы то ни было, но при любом

раскладе археология ничего не говорит о смертельной борьбе между хазарами и славянами: либо они были отделены друг от друга независимым государством алан, либо жили в мире.

Собственно, ни один аутентичный источник, ни арабский или персидский, ни византийский, не говорит о зависимости славян или Руси от хазар ничего. Она известна лишь по Повести временных лет, согласно которой поляне, радимичи, вятичи и северяне какое-то время платили хазарам дань, но из её лаконичных данных нельзя сделать выводов ни о времени установления даннических отношений между хазарами и славянами, ни о степени зависимости указанных славянских «племён» от Хазарии, ни о тяжести дани (согласно самим летописным известиям, она была невелика).

Более того: нельзя быть уверенными в том, что соответствующие известия не являются литературным штампом. Применительно к легенде о дани мечами, которую поляне выплатили хазарам, это весьма вероятно: противопоставляя меч сабле, в аллегорической форме летописец изобразил торжество «обоюдоострого» Христианства (Ветхий и Новый Завет), которое предстояло принять Руси, над «однолезвийным» (только Ветхий Завет) иудаизмом хазар²⁹.

К тому же, как справедливо подчёркивал Б.А. Рыбаков, «данью, как известно, могут именоваться поборы в четырёх случаях: при вхождении «подданных» в состав государства, при наложении контрибуции на побеждённых, а также при уплате транзитными купцами из других стран проездных таможенных пошлин; наконец, данью может быть назван откуп... от назойливых набегов... К этой последней категории, очевидно, и следует отнести дань, платившуюся, согласно летописи»

²⁷ Кондукторова Т.С. Палеоантропологический материал из Маяцкого городища // Маяцкое городище. М., 1984; Ляпушкин И.И. Памятники салтовской культуры в бассейне реки Дона // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 62. М., 1958.

²⁸ Березовец Д.Т. Про ім'яносії в салтівської культури // Археологія. Т. XXIV. Київ, 1970; Николаенко А.Г. Северо-Западная Хазария или Донская Русь? Волоконовка, 1991; Галкина Е.С., Кузьмин А.Г. Русский каганат и остров руссов // Славяне и Русь: Проблемы и идеи: Концепции, рождённые трехвековой полемикой, в хрестоматийном изложении / Сост. А.Г. Кузьмин. М., 2001. С. 456–481; Галкина Е.С. 1) Русский каганат и Салтово-маяцкая археологическая культура: Автореф. дисс. канд... ист. наук. М., 2001; 2) Тайны Русского каганата; 3) Номады Восточной Европы: этносы, социум, власть (I тыс. н.э.). М., 2006. С. 385–441.

²⁹ Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). М., 1998. С. 327–335.

си, северянами и радимичами... Вятичи в X в. (до 964 г.) платили дань хазарам. Здесь опять-таки маловероятно обложение коренной земли лесных племён, а скорее всего подразумеваются проездные пошлыны по донскому и волжскому пути»³⁰.

Таким образом, делать на основании летописных данных о выплате некоторыми славянскими «племенами» дани хазарам вывод об их основательном подчинении Хазарии будет излишне смело.

Единственным хазарским памятником, в котором имеется систематическое описание территорий, подвластных хазарам, является знаменитое письмо хазарского царя Иосифа, адресованное испанскому еврею Хасдаи ибн Шафруту³¹. В пространной редакции письма имеется перечисление народов, живущих вдоль волжских берегов: «У (этой) реки (Атил = Волга. — М.Ж.) расположены многочисленные народы... Вот их имена: *Бур.т.с*, *Бул.г.р*, *С.вар*, *Арису*, *Ц.р.мис*, *В.н.н.тит*, *С.в.р*, *С.л.виюн*. Каждый народ не поддается (точному) расследованию и им нет числа. Все они мне служат и платят дань», после чего «граница поворачивает по пути к *Хуварезму* (Хорезму. — М.Ж.)»³².

В краткой редакции перечисления поволжских народов нет, сказано про-

сто про «девять народов, которые не поддаются точному распознаванию и которым нет числа»³³. Идентификация большинства упоминаемых Иосифом народов не вызывает особых проблем: *Бур.т.с* — это буртасы, *Бул.г.р* — волжские болгары, *Ц.р.мис* — черемисы, *Арису* — эрзя или удмурты. Всё это народы Поволжья и Волго-Камья. Между ними, правда, упоминаются три этнонима, которые напоминают этнонимы славянских «племён»: *В.н.н.т.р*, *С.л.виюн* и *С.в.р*, которых отождествляют с вятичами, славянами и северянами. Но кроме созвучия, оснований для таких отождествлений нет никаких: Иосиф чётко помещает все перечисленные им в этом фрагменте этнонимы на берегах Атила, то есть Волги и Камы, соответственно, гораздо логичнее выглядит поиск носителей соответствующих имён среди местных народов.

В.н.н.тит, как показала недавно тщательно исследовавшая этнонимиию письма Иосифа Е.С. Галкина, вопреки указанному мнению, не вятичи, так как в этом случае никак невозможно было бы сочетание подряд двух букв *нун* в этом этнониме, означающее не удвоение, а присутствие между ними краткой гласной. Логичнее сопоставить этот народ с упоминаемым в начале письма Иосифа этносом *В.н.н.т.р* (с точки зрения графики, такая конъектура вполне допустима) и отождествлять его с унногундурами (оногурами), которых знает на Средней Волге и автор анонимного географического трактата «Худуд ал-алам». Унногундуры в числе ряда тюркских племен юго-востока Европы мигрировали в Поволжье в конце VIII в.³⁴

Интересны два почти идентичных этнонима: *С.вар* и *С.в.р*. (*Суур*). Обычно под одним из них понимают сувар, также откочевавших в конце VIII в. в Поволжье, а под другим — восточно-

³⁰ Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 257.

³¹ Данное письмо является достаточно сложным источником, так как отражает не столько реальные владения Хазарии, сколько, с одной стороны, представления о них хазарской элиты, а с другой — является документом, написанным с вполне определенными политическими целями, связанными со стремлением Иосифа сформировать у своего адресата нужные представления о Хазарии и ее границах (Галкина Е.С. 1) Территория Хазарского каганата IX — 1-й пол. X вв. в письменных источниках // Вопросы истории. 2006. №9; 2) Номады... С. 328–353).

³² Коковцов П.К. Указ. соч. С. 98.

³³ Там же. С. 81.

³⁴ Галкина Е.С. Номады... С. 336–339.

славянских северян, но источник не дает для этого никаких оснований, ясно локализуя все перечисленные этносы в Поволжье. Дабы обойти это препятствие, Е.С. Галкина предположила, что речь здесь идет о двух группах сувар, разделение которых упомянуто у Ибн Фадлана³⁵, что одно время казалось убедительным и мне³⁶, однако возможно и другое объяснение: один из этих двух этнонимов действительно относится к северянам, но не к тем, которые жили на Левобережье Днепра, а к какой-то группе потомков носителей славянской именьковской археологической культуры, существовавшей в Среднем Поволжье в IV–VII вв., мигрировавших в конце VII — начале VIII в. в район Левобережной Украины, где они создали вольтынецкую культуру, от носителей которой и происходят летописные северяне³⁷.

При этом часть именьковского населения осталась на месте и влилась в состав населения Волжской Болгарии³⁸, так что не удивительно, что какая-то группа потомков именьковского населения на берегах Волги именовалась северянами точно так же, как и их родичи, жившие на левом берегу Днепра. Что касается этнонима *С. л. виюн*, ко-

торым в письме царя Иосифа завершается список поволжских народов и после которого граница Хазарии поворачивает к Хорезму, то связь этого названия с общим названием всех славофонных народов, бывшим также и непосредственным этнонимом ряда славянских «племен», несомненна, но относился он, очевидно, также к какой-то группе потомков славян-именьковцев, жившей в Поволжье³⁹.

Таким образом, о подчинении Хазарии славян Восточноевропейской равнины и из письма хазарского царя Иосифа не известно ничего. Что же касается Руси, то здесь его данные однозначны — в Руси он видит грозную силу и мощного соперника Хазарии: «Я охраняю устье реки (Атила — Волги. — М.Ж.) и не пускаю русов, приходящих на кораблях, проходить морем, чтобы идти на исмаильтян (мусульман. — М.Ж.). Я веду с ними войну. Если бы я их оставил в покое на один час, они уничтожили бы всю страну исмаильтян до Багдада»⁴⁰.

Подытоживая сказанное, можно заключить, что «Великая Хазария», только и думающая, как бы умучить славян, заставляющая их под руководством своих инструкторов вести войны на уничтожение против светоча мира и прогресса Византии, существует только в воображении евразийцев. Это и есть настоящая «Хазарская химера». Равно как и противостоящая ей химера о «Великой Хазарии», под благородным протекторатом которой славяне процветали. Никаких данных о

³⁵ Там же. С. 339.

³⁶ Жих М.И. Ранние славяне в Среднем Поволжье (по материалам письменных источников). СПб.; Казань, 2011. С. 16.

³⁷ Седов В.В. 1) Славяне в раннем средневековье. М., 1995. С. 193–194; 2) Древнерусская народность. М., 1999. С. 59–60; 3) Славяне. Историко-археологическое исследование. М., 2002. С. 253–255; Приходнюк О.М. Пеньковская культура (Культурно-археологический аспект исследования). Воронеж, 1998. С. 75–76.

³⁸ Седов В.В. 1) Древнерусская народность. С. 60–61; 2) К этногенезу волжских болгар // Российская археология. 2001. № 2; 3) Славяне. С. 254–255; Матвеева Г.И. Среднее Поволжье в IV–VII вв.: именьковская культура. Самара, 2004. С. 77–79.

³⁹ Галкина Е.С. Номады... С. 340; Жих М.И. 1) Ранние славяне в Среднем Поволжье... С. 15–17, 26–27; 2) К проблеме реконструкции самоназвания носителей именьковской культуры // История и культура славянских народов: достижения, уроки, перспективы: Материалы международной научно-практической конференции 25–26 ноября 2011 года. Пенза–Белосток–Прага, 2011.

⁴⁰ Коковцов П.К. Указ. соч. С. 102.

«грандиозной» роли Хазарии в истории славянства и Руси (положительной или отрицательной) источники не содержат.

А что было в реальности? А в реальности были обычные непростые отношения двух раннесредневековых государств, боровшихся за гегемонию в Восточной Европе, которые должны быть объектом спокойного академического изучения, а не идеологических спекуляций.

II. «В союзе с Ордой»? Русь и монголы в работах Л.Н. Гумилёва и В.В. Кожинова

В X–XIII вв. Русь, как известно, вела напряжённую борьбу с ордами степняков: печенегов, торков, половцев, терзавших непрерывными набегами южные земли Руси. Она ярко отражена на страницах летописей, но ещё ярче — в гениальном памятнике древнерусской литературы конца XII в. — «Слове о полку Игореве», автор которого призывал русских князей:

Вступите, господа, в златые стремяна
За обиду сего времени,
За землю Русскую
За раны Игоревы, буюго Святославича!

А вот одно из описаний того, от чего призывал безымянный поэт защитить Русь. Монах-летописец описал нападение половцев на Печерский монастырь, свидетелем которого он был: «Безбожные же сынове Измаилеви высекоша врата монастырю и поидоша по кельям, высекающе двери, и изношаху, аще что обретаху в кельи; посемьвыжгоша дом святыя владычице нашея Богородице, и придоша к церкви, и зажгоша двери, яже к угу устроении, и вторыя же к северу, и влезше в притвор у гроба Феодосьева, емлюще иконы, зажигаху двери и укоряху бога и закон наш»⁴¹.

⁴¹ Повесть временных лет / Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Ли-

Факт борьбы Руси со Степью в X–XIII вв. отрицать невозможно, но как же выходят из положения Л.Н. Гумилёв и В.В. Кожинов? Очень просто: они уравнивают русско-половецкое противостояние с усобицами русских князей и предлагают рассматривать Степь фактически как составную часть Руси: «русские князья... нередко нанимали половцев для нападений на своих единоплеменных соперников... Но из этого следует сделать вывод (который будет ещё подкреплён ниже), что отношения с половцами в определённой степени были аналогичны отношениям отдельных соперничающих между собой княжеств Руси конца XI — начала XIII века. И не будет натяжкой утверждать, что половцы воспринимались тогда как некое приложение к Руси (изначально многоэтнической), как её — пусть и “внешняя” — часть»⁴².

Логика удивительная. Следуя ей, «внешней» частью Руси можно считать и Польшу, и Венгрию, и Скандинавию... Естественно, двухсотлетнее соседство половцев с Русью не могло не привести к тому, что помимо военной борьбы между ними существовали политические и иные контакты, но из этого никак не следует то, что половцы стали «частью Руси». Ни из одного древнерусского источника такого заключения вывести невозможно, напротив, половцы всегда определяются в них как чуждая и враждебная Руси сила, при том, что, несмотря на факт политической раздробленности, единство Руси также чётко осознавалось современниками. Единство в том числе и в противопоставлении её половцам, что мы видим и по «Слову о полку Игореве», и по летописям, и по переданным ими речам князей на съездах, одной из важнейших целей

хачева / Под редакцией В.П. Адриановой-Перетц / Дополнения М.Б. Свердлова. СПб., 2007. С. 97.

⁴² Кожинов В.В. Указ. соч. С. 164.

которых была координация усилий по борьбе с половцами.

Кожинов ссылается на то, что Владимир Мономах в своём поучении описывает не только борьбу с половцами, но и заключение с ними миров⁴³. Но что из этого следует, кроме старой истины о том, что худой мир лучше большой ссоры? Русь много с кем воевала и после этого заключала миры. Всех её контрагентов теперь считать «внешней частью Руси»?

Не случайно, кстати, что Гумилёв предпринял попытку радикально перетолковать «Слово о полку Игореве»: создание поэмы он передвинул во вторую половину XIII в., назвав её литературной стрелой, пущенной в грудь Александра Невского, в которой под масками князей конца XII в. на самом деле действуют князья второй половины XIII в., а всё, что написано в «Слове» — суть разного рода аллегории и аллюзии на события XIII в. Полная фантастичность этих построений была блестяще показана в статье Б.А. Рыбакова⁴⁴.

Ещё более странная логика начинается у рассматриваемых авторов, когда дело доходит до монгольского нашествия и последующего ига. По мнению наших евразийцев, Золотая Орда стала второй после Хазарии степной политией, оказавшей огромное влияние на историческое развитие Руси. Только теперь знак этого влияния с «минуса» изменён на «плюс». Бросается в глаза то, что в книге Гумилёва «От Руси до России» глава, которая традиционно во всех посвящённых этому периоду работах называется примерно как «Русь в период монгольского ига», поименована «В союзе с Ордой»⁴⁵. Сам поход Батыя на Русь там трактуется просто как «типичный

набег кочевников, хотя и грандиозного масштаба», целью которого было не завоевание Руси, а борьба с половцами, которым монголы хотели выйти в тыл⁴⁶. Но что же это за «обычный набег», если никогда раньше ни печенеги, ни половцы не смогли взять ни одного крупного древнерусского города, а тут были взяты все города, оказавшиеся на пути Батыя? Что же это за «обычный набег», если после него по подсчётам археологов почти треть городов из тех, что разрушил Батый, больше никогда не возродилась?

Замечательный исследователь древнерусских городов А.В. Куза указывает, что «в середине XIII в. на Русь обрушились орды Батыя, предавая грабежам и огню многолюдные города и сёла, уничтожая или угоняя в плен тысячи людей. В городах, принявших на себя страшный удар вражеских полчищ, в культурных отложениях 30–40-х гг. XIII в. обнаружены слои сплошных пожарищ и братские могилы сотен погибших. Из 74 археологически изученных городов середины XII–XIII вв. большинство (49) были разорены Батыем и все без исключения испытали тяжёлые последствия ханского ига. 14 городов вовсе не поднялись из пепла и ещё 15 так и не смогли восстановить своего значения, постепенно превратившись в поселения сельского типа. Особенно тяжёлой была участь городов Среднего Поднепровья — экономически наиболее развитой области Древней Руси. Здесь погибло шесть и пришло затем в упадок и запустение ещё пять городов»⁴⁷.

Но дело было не только в городах: «жестокий удар поразил не одни города. Было уничтожено большинство крепостей и волостных центров, множество погостов и феодальных замков. Лишь в 304 (25%) поселениях этого типа

⁴³ Там же. С. 163.

⁴⁴ Рыбаков Б.А. О преодолении самообмана // Вопросы истории. 1971. № 3.

⁴⁵ Гумилёв А.Н. От Руси до России. С. 87–188.

⁴⁶ Там же. С. 121.

⁴⁷ Куза А.В. Древнерусские поселения // Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985. С. 60–61.

жизнь продолжалась в XIV в. Следовательно, оказалась подорванной вся административно-территориальная система Руси. Массовая гибель феодальных усадеб-замков с одновременным сокращением числа рядовых сельских поселений свидетельствуют о тяжелом уроне, понесенном сельским хозяйством — ведущей отраслью древнерусской экономики. Запустились окультуренные земли, нарушились сложившиеся системы земледелия. Это обстоятельство в не меньшей степени, чем гибель городов, надолго затормозило развитие Руси. Потребовались столетия, чтобы восстановить экономический базис государства»⁴⁸.

А вот что пишет исследователь Старой Рязани — крупнейшего древнерусского города из числа тех, что не пережили «типичный набег кочевников»: «Как траурный, зауспокойный хорал-рыдание, звучат слова безвестного автора “Повести о разорении Рязани Батыем”»: “И не осталось в городе ни одного живого: все равно умерли и единую чашу смертную испили. Не было тут ни стонущего, ни плачущего — ни отца и матери о детях, ни детей об отце и матери, ни брата о брате, ни сродников о сродниках, но все вместе лежали мёртвыми”. Археологические раскопки открыли трагическую картину тотального зверского уничтожения населения города. Вспахивая огороды, или копая погребца, крестьяне Старой Рязани издавна натывались на человеческие кости и черепа. Создавалось впечатление, что на городище и за его пределами раскинулся обширный “город мёртвых”. При исследованиях на Северном городище обнаружены погребения со следами насильственной смерти... Среди 90 скелетов — мужские, женские, детские... Изучение антропологических материалов показало: из 143 вскрытых погребений большинство принадлежит мужчинам в возрасте от 30 до 40 лет и женщинам от

30 до 55 лет. Много детских захоронений, от грудных младенцев до 6–10 лет. Это рязанцы, которых завоеватели истребили поголовно, многих уже после взятия города... Найден скелет беременной женщины, убитый мужчина прижимал к груди маленького ребёнка. У части скелетов проломлены черепа, на костях следы сабельных ударов, отрублены кисти рук. Много отдельных черепов. В костях застряли наконечники стрел. Жителей городов, оказавших упорное сопротивление, ожидала жестокая расправа. За исключением ремесленников и обращённых в рабство, остальных пленных зарубали топором или обоюдоострой секирой. Массовые казни проходили методично и хладнокровно: осуждённых разделяли между сотниками, те же — поручали каждому рабу умертвить не менее десяти человек. По рассказам летописцев, после падения Рязани — мужчин, женщин и детей, монахов, монахинь и священников уничтожали огнём и мечом, распинали, поражали стрелами. Пленным рубили головы: при раскопках А.В. Селивановым Спасского собора обнаружены скопления из 27 и 70 черепов, некоторые со следами ударов острым оружием»⁴⁹.

И такие картины наблюдаются повсюду: «страшные картины открылись глазам археологов в разорённых татарами Киеве, Райковецком городке, в городах-крепостях Колодяжин и Изяславль во Владимиро-Волынском княжестве. Сотни скелетов защитников с оружием и в доспехах лежали там, где их настигла смерть. Останки стариков, женщин и детей обнаружены под обвалами сгоревших построек и внутри вальных жилых клетей, на площадях, на дне оборонительных рвов, в патернах — подземных тайных ходах из крепости. В Киеве две девочки-подростка спрятались, прижавшись друг к другу, в глинобитной печке, где их заста-

⁴⁸ Там же. С. 104.

⁴⁹ Даркевич В.П. Путешествие в Древнюю Рязань. М., 2010. С. 235–237.

ла гибель. В Райках искавшая спасения женщина до последних минут жизни обнимала своего ребёнка...»⁵⁰.

Читать описание археологических раскопок городов, подвергшихся монгольскому нашествию, без содрогания невозможно. Ведь это всё наши родственники. Трагически погибшие и зверски замученные в самом расцвете сил. Письменные источники полностью подтверждают данные археологии. Армянский историк XIII в. Киракос Гандзакеци писал о тех, кто рассказывает или будет рассказывать о монгольском нашествии: «Все их повествования будут ниже действительности. Бедствия, которые постигли все страны, превосходят всё, что история может рассказать». А вот слова ещё одного современника создания монгольской империи арабского автора Ибн ал-Асира (ум. в 1233 г.): «Летописи не содержат ничего сходного и подходящего. Из событий, которые они описывают, самое ужасное то, что сделал Навуходносор с Израильянами по части избиения их и разрушения Иерусалима. Но что такое Иерусалим в сравнении с теми странами, которые опустошили эти проклятые, где каждый город вдвое больше Иерусалима? И что такое Израильяне в сравнении с теми, которых они перебили! Ведь в каждом городе жителей, которых они избили, было больше, чем всех Израильян... Ни над кем не сжалились, а избивали женщин, мужчин, младенцев, распарывали утробы беременных и умерщвляли зародышей»⁵¹.

С точки зрения современных понятий охарактеризовать способы ведения монголами войны иначе как геноцид едва ли возможно. За свою долгую трагическую историю Россия вела немало войн, но только дважды враг действовал против нас методами геноци-

да: монголы в период Батыева и других нашествий и германские нацисты в период Великой Отечественной войны. Немцы осуществляли уничтожение восточнославянских народов по теории, методично и с немецкой педантичностью. Так, на карте-схеме, датированной 17 ноября 1942 г., скрупулёзно указано, где и сколько должно остаться белорусов для обслуживания немецких колонистов и какова должна быть их численность относительно новых господ⁵². Что планировалось сделать с остальными — понятно, и эти чудовищные планы ликвидации белорусов, русских и украинцев методично претворялись в жизнь. У монголов не было столь разработанных теорий, но были принципы ведения войны, вполне достойные Гитлера.

«Сокровенное сказание монголов», составленное около 1240 г., рассказывает, как Чингисхан обошёлся с побеждёнными им татарами: «Покончив с казнями главарей и сбором пленных Татар, Чингисхан созвал в уединенной юрте Великий семейный совет, для решения вопроса о том, как поступить с полонённым Татарским народом. На совете поговорили и покончили с этим делом так:

Искони был Татарский народ
Палачом наших дедов-отцов.
Отомстим же мы кровью за кровь.
Всех мечом до конца истребим:
Примеряя к тележной оси,
Всех, кто выше, мечу предадим,
Остальных же рабами навек
Мы по всем сторонам раздарим»⁵³, —

что и было приведено в исполнение. Сохранилось и описание того, как, по мнению Чингисхана, следует вести войну: «Наслаждение и блаженство человека состоит в том, чтобы покорить мятежников и победить врага,

⁵⁰ Там же. С. 237.

⁵¹ *Тизенгаузен В.В.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. СПб., 1884. С. 2.

⁵² <http://www.khatyn.by/ru/genocide/>

⁵³ Перевод С.А. Козина: <http://altaica.ru/SECRET/tovchoo.htm>

взять то, что он имеет, заставить вопить слугителей его, заставить течь слезы по щекам их, сидеть на их приятно идущих жирных конях, целовать румяные ланиты и алые уста их жен».

В.В. Кожин, дабы показать, что пребывание Руси в качестве ордынского улуса стало для неё вполне нормальным положением дел, пишет: «Монгольская армада окончательно покорилась Русь в 1240 году, и выходит, что почти полтора столетия, до 1380-го, Русь не предпринимала попыток начать войну за освобождение. Отдельные “местные” бунты, вызванные обычно какими-то злоупотреблениями представителей золотоордынской власти, не меняют общей картины; к тому же эти бунты нередко подавляли сами русские князья, не имевшие целью свергнуть власть Золотой Орды»⁵⁴; и далее: «Русь действительно самоотверженно сражалась с уже покорившими полмира монгольскими войсками... в 1237–1240 годах, непосредственно во время нашествия. Но затем она так или иначе вошла в состав Золотой Орды и никогда не преследовала цель выйти из неё посредством войны»⁵⁵.

Здесь всё перевернуто с ног на голову. Помимо самого Батыева нашествия в XIII в. Северо-Восточная Русь пережила ещё немало масштабных монгольских походов, вызванных большей частью как раз антимонгольской борьбой, некоторые из которых вполне сопоставимы по масштабам с походом Батыева (в совокупности они и вызвали картину ужасающего разорения Руси, которую фиксируют археологи). Так, в ходе «Дюденевой рати» 1293 г. было разгромлено 14 древнерусских городов: Суздаль, Владимир, Муром, Юрьев-Польский, Переяславль-Залесский, Москва, Коломна, Можайск, Дмитров, Углич, Волок-Ламский и т.д.

Переяславль-Залесский, к приме-

ру, был во второй половине XIII в. разгромлен четыре раза (в 1252, 1281, 1282, 1293 гг.), а Муром три раза (в 1281, 1282, 1293 гг.). Ничуть не меньше соответствующая статистика и за XIV век: в 1342 и 1378 гг. был разорён Переяславль-Рязанский, в 1377 и 1378 гг. — Нижний Новгород, в 1317 и в 1327–1328 гг. была разорена Тверская земля, в 1316 г. — Торжок, в 1414 г. — Елец. Разорялись ордынцами в это время и многие другие города: Коломна, Серпухов, Можайск, Дмитров, Звенигород, Владимир, Нижний Новгород, Ростов, Верей, Городец, Курмыш, Сара, Юрьев-Польский, Стародуб, Суздаль, Москва, Переяславль-Залесский, Муром и т.д.⁵⁶, а уж сколько было разорено маленьких городков и сёл — это не поддаётся никакому учёту. Можно полагать, что в ходе всех этих монгольских нашествий русские люди сражались едва ли менее самоотверженно, чем в 1237–1240 гг.

Надо ли говорить о том, как все эти непрерывные жестокие разорения и погромы отбрасывали Русь в её развитии, как мешали ей подняться? Возрождение Руси похоже на чудо, на богатырский подвиг. Понятно и то, что все эти монгольские набеги сопровождались жестокими боями и отчаянным сопротивлением.

Что касается того, что «Русь не предпринимала попыток начать войну за освобождение», то едва ли она и могла их предпринять в условиях очень далеко зашедшей политической раздробленности, когда каждый сколько-нибудь значительный город превратился фактически в отдельное государство, тем более, что монголы умело проводили политику «разделяй и властвуй». Плюс обычные человеческие качества, и не самые лучшие, такие как жадность, алчность и властолюбие, ни-

⁵⁴ Кожин В.В. Указ. соч. С. 369–370.

⁵⁵ Там же. С. 371.

⁵⁶ Подробную статистику разорения ордынцами русских городов и земель см.: Селезнев Ю.В. Русско-ордынские конфликты XIII–XV веков. М., 2010.

кто не отменял: многие князья стремились к укреплению своей власти любой ценой и старались использовать монголов во взаимной борьбе.

Был у князей и ещё один стимул для того, чтобы подчиниться монголам: как это ни парадоксально, но подчинение монголам способствовало росту значения княжеской власти. Если в Киевской Руси князь отнюдь не был самодержавным властителем, он правил по ряду — договору с вечем, которое в случае чего могло и указать ему «путь чист» и призвать на княжение другого — того, кто лучше выражал интересы городской вечевой общины⁵⁷, то теперь князь превращается в ханского наместника, правящего от имени хана. И если горожане выступают против него, то автоматически оказываются мятежниками против хана со всеми вытекающими.

Полномасштабное сопротивление чужеземному игу оказалось возможно лишь тогда, когда земли Руси начали объединяться в единое государство. Тем не менее восстания на Руси поднимались, и далеко не всегда они носили характер неудачных «местных бунтов». Так, в 1262 г. восстание против произвола собирающих дань откупщиков-бесерменов прокатилось сразу по многим городам, охватив Владимир, Суздаль, Ростов, Ярославль и т.д.⁵⁸. Золотоордынские власти испугались размаха народного гнева и вынуждены были пойти на отмену бесерменства. При этом интересно, что, согласно ряду источников, самое прямое отношение к этому восстанию имел Александр Невский⁵⁹.

⁵⁷ Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980; Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988; Жих М.И. Народ и власть в Киевской Руси (до конца XI века) // Вопросы национализма. 2012. № 10.

⁵⁸ ПСРА. Т. I. Стб. 476.

⁵⁹ Меркулов В.И. Александр Невский готовил антимонгольское восстание? // <http://pereformat.ru/2012/01/aleksandr-nevskij/>

Были и другие случаи сопротивления монголам, попавшие на страницы источников (в реальности их было больше): в 1276 г. ярославцы не пустили в город утверждённого ханом князя Фёдора Ростиславича и сопровождавшего его ордынского посла, в 1289 г. ростовцы выгнали татар из города, в 1293 г. тверичи разбили подошедшее к городу татарское войско и т.д. К сожалению, добиться чего-то большего отдельные города-государства едва ли могли. Но система ига, чужеземного угнетения всеми осознавалась как ненормальная, и люди боролись с ней как могли и как им позволяли ресурсы, которыми они располагали. И постепенно эта борьба подтачивала систему ига. Вслед за бесерменством было отменено и баскачество, — попытка создания на Руси монгольской администрации провалилась, и решающую роль в этом сыграло растущее народное сопротивление завоевателям.

Но отношение наших евразийцев к этому сопротивлению не может не удивлять. Вот что Кожин говорит о тверском восстании 1327 г.: «Так или иначе бунт тверичей был заведомо “бессмысленным и беспощадным” (по пушкинскому слову); они или не понимали, или никак не хотели понять, что Орда неизбежно ответит жестоким возмездием (что тут же и произошло)».

Что же, люди должны были вечно терпеть любой беспредел со стороны чужеземных завоевателей? А если нет больше сил терпеть? Может, лучше с честью погибнуть, но не посрамить родной земли? Каждый свой выбор делает сам. Тверичи его сделали в 1327 г., и не нам их осуждать.

К слову сказать, именно тверское восстание, несмотря на свою неудачу, вынудило Орду окончательно отменить систему баскачества, то есть с точки зрения исторической перспективы оно оказалось отнюдь не бессмысленным.

Совершенно неверно и утверждение

Кожина о том, что «Русь и после Куликовской битвы продолжала терпеть свою вассальную зависимость ещё целое столетие (до 1480 года) и не приняла за такой долгий срок ничего подобного этой битве»⁶⁰. Попытки избавиться от зависимости после Куликовской битвы русские князья предпринимали неоднократно, и только после тех или иных военных акций Орды зависимость восстанавливалась. Собственно, сам Иван III перестал платить дань Орде и покончил с зависимостью от неё Руси ещё в 1472 г. Знаменитый поход Ахмата 1480 г. был лишь попыткой заставить Русь возобновить уплату дани⁶¹.

Монгольское иго очень сильно отбросило Русь в экономическом, культурном и цивилизационном отношении. Городская жизнь, ремёсла, сельское хозяйство, культура и искусство были основательно подорваны. Население сильно сократилось. На долгие десятилетия замерло каменное строительство. Высококвалифицированные ремесленники не только погибали в огне вражеских набегов, но и угонялись в Монгольскую империю, а затем в Золотую Орду для того, чтобы там работать на благо порабитителей своей Родины. Интересные материалы об этом были добыты археологами при раскопках золотоордынского города Бельджамен (близ современного г. Дубовка Волгоградской обл.):

«Особый интерес представляет обнаруженный здесь русский квартал, заселенный пленными, превращенными в рабов. Стратиграфия археологических напластований говорит о том, что начало городу положили пригнанные сюда русские пленные, которые жили в землянках. Они использовались в качестве рабочей силы при возведении самого города. В дальнейшем,

при его разрастании, русский квартал был ликвидирован и эту площадь заняли монументальные постройки жилого и общественного характера»⁶².

Аналогичная картина открылась и на Водянском городище:

«По топографии Водянского городища можно сделать некоторые выводы относительно роли русского населения на разных этапах существования города. Установлено, что в начальный период в центральной и юго-восточной частях городища, ближе к берегу Волги, жило большое количество русских. Вероятно, они и были первыми строителями города. Сохранившиеся остатки тесных, лишенных печей полуземлянок говорят о тяжелых жизненных условиях. Вероятно, эти люди обслуживали металлургическую мастерскую, открытую на раскопе I 1969 г. Быстро растущий татарский город вытеснил из центра первых поселенцев. Остатки полуземлянок, черный гумированный слой с костями и большим количеством русской керамики, с отдельными русскими вещами оказались перекрыты более светлым слоем, в котором обнаружены основания типично золотоордынских наземных домов»⁶³.

Прибавим ко всему этому ещё и выплату тяжёлой дани...

Монгольское иго иссушало Русь во всех смыслах, но в то же время оно пробуждало в людях желание освободиться, выбраться из той чудовищной ямы, в которую оно их погрузило, из той системы непрерывного террора и унижения, которым подвергались русские люди под пятой безжалостных чужеземных порабитителей, что стало, пожалуй, важнейшим толчком к созданию единого Русского государства.

Но стоп! А как же «союз Руси с Ордой», о котором писал Л.Н. Гумилёв?

⁶⁰ Кожин В.В. Указ. соч. С. 370.

⁶¹ Горский А.А. Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004. С. 306–320.

⁶² Егоров В.А. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 2008. С. 110.

⁶³ Полубояринова М.Д. Русские люди в Золотой Орде. М., 1978. С. 80.

Ведь если союз — значит, против кого-то он направлен. По мнению Гумилёва, Орда защищала Русь от западной экспансии. Да, в первой половине XIII в. северо-запад Руси оказался под ударами шведских, датских и в особенности немецких рыцарей. Имеющиеся в новейшей историографии попытки умалить эту опасность и «развенчать» значение побед Александра Невского⁶⁴ ни на чём не основаны⁶⁵.

Опасность со стороны Ливонского ордена в тот момент была нешуточной: был захвачен Псков, на новгородской земле был основан орденский опорный пункт — крепость Копорье, передовые отряды крестоносцев появились в нескольких десятках километров от Новгорода. Никогда впоследствии ничего подобного не было, хотя в дальнейшем Псков и Новгород очень долго боролись с орденской экспансией. Причём угроза со стороны немецких крестоносцев в некоторых аспектах даже превосходила монгольскую: несмотря на все ужасы монгольского нашествия и ига, Русь сохранила свою автономию, своих князей, свой язык, свою самобытность, свою веру и церковь. С крестоносной экспансией на Русь катился каток нивелировки: в случае завоевания крестоносцами Пскова и Новгорода там была бы утверждена немецкая администрация, навязано католичество и т.д., в результате чего все процессы этнокультурного развития русского народа (по крайней мере, его северо-западной части) были бы круто деформированы.

Весьма характерно, что в деле «развенчания» Александра Невского особенно усердствуют «антиевразийцы», которые без малейшей критической проверки взяли все гумилёвские домыслы, поменяв только в них знак с «плюса» на «минус», а заодно выплес-

нув с водой и ребёнка, то есть его важнейшие победы над врагами на западных рубежах Руси.

Итак, опасность с Запада для Руси была, и опасность серьёзная. Но могли ли как-то монголы Новгороду и Пскову в борьбе со шведской или немецкой экспансией? Нет, и едва ли могли это сделать. В 1240 г., когда Александр одержал славную победу в устье Невы, монголы громили Южную Русь, а в 1242 г., когда произошёл разгром немецких псов-рыцарей, они разоряли страны Центральной Европы и Балкан. Естественно, высказанный в одной из работ Гумилёва тезис о том, что на льду Чудского озера вместе с войсками Александра Невского воевал и татарский отряд⁶⁶, не имеет подтверждения ни в одном источнике, равно как утверждение о том, что обложение Новгорода данью было платой за военную помощь со стороны монголов⁶⁷.

Да-да, дань которую платили русские земли Орде и за подозрение в утайке которой монголы могли запросто казнить русского князя, была, по Л.Н. Гумилёву и не данью вовсе, а просто «налогом на содержание войска, которое ей самой (Руси. — М.Ж.) было нужно»⁶⁸. Сколько же раз оно защищало Русь? Гумилёв приводит только два случая: приход татарского отряда в Новгород в 1268 г., устранившего крестоносцев, и переход Смоленска под власть Орды в 1274 г., позволивший ему избежать литовского завоевания⁶⁹. Не слишком ли дорого платила Русь за то, что монголы два раза не допустили того, чтобы их данники стали данниками кого-то другого?!

Естественно, всех тех бесчисленных разорений Руси, о которых шла речь выше, для Л.Н. Гумилёва как бы

⁶⁴ См. например: *Данилевский И.Н.* Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.). М., 2001. С. 181–228.

⁶⁵ *Горский А.А.* Русь... С. 206–223.

⁶⁶ Дружба народов. 1977. № 2.

⁶⁷ *Гумилёв Л.Н.* От Руси до России. С. 129–130.

⁶⁸ Там же. С. 132.

⁶⁹ Там же. С. 121.

и вовсе не существует, ведь они рушат такую красивую конструкцию о том, что не было никакого ига, а был добровольный и взаимовыгодный союз Руси с Ордой, направленный против западной экспансии.

В.В. Кожин укоряет российских историков в том, что они вслед за западными зачастую ведут как бы «двойной счёт»: на деле западные империи создавались столь же жестокими методами, как и восточные, но к первым принято относиться лучше, отмечать тот прогресс, который они несли, восточные же империи, также принесшие немало прогрессивного, рисовать сплошь чёрной краской⁷⁰. Далее он с неодобрением пишет о словах английского историка Джона Феннела о том, что находиться в зависимости от Золотой Орды было «позорно и бессмысленно»⁷¹.

Но какая разница, от кого находиться в зависимости? Это для любого государства, для любого народа позорно и бессмысленно по определению. Позорно и бессмысленно было, к примеру, латышам или эстонцам находиться в зависимости от Ливонского ордена, позорно и бессмысленно было Руси находиться в зависимости от Золотой

Орды. Спорить о том, кто лучше будет жечь, убивать, насиловать и грабить, — бессмысленно. Приди враг с Запада или с Востока, ничего от этого не поменяется. И Русь-Россия всегда с одинаковой яростью защищалась от врагов и с Запада, и с Востока, в частности и в XIII веке.

Таким образом, мы видим, что каких-либо оснований пересматривать традиционные представления о взаимоотношениях монголов с Русью нет. Утверждения о том, что никакого монгольского нашествия и ига не было, а был лишь набег степняков, чуть более сильный, чем обычно, и взаимовыгодный союз, основываются только на тенденциозных умолчаниях и искажениях данных археологических и письменных источников, рисующих картину ужасающей деградации экономики и культуры Руси в результате «взаимовыгодного контакта» с монголами.

Вопросы о непосредственном механизме установления ига и его влиянии на социально-политическое развитие Руси, в частности вопрос о том, была ли прямая ретрансляция на Русь каких-то ордынских общественно-политических институтов или её влияние являлось опосредованным, требуют отдельного обстоятельного разговора, поэтому в данной статье мы их почти не касались.

⁷⁰ Кожин В.В. Указ. соч. С. 373–379.

⁷¹ Там же. С. 378. Ср.: Феннел Джон. Кризис средневековой Руси. М., 1989. С. 213.

Сергей Беляков

Фальсификация Евразийства

Мы говорим «Дугин» — подразумеваем «евразийство». Мы говорим «евразийство» — подразумеваем «Дугин». Ну, в крайнем случае, не евразийство, а хотя бы неоевразийство. Современный российский интеллектual скорее всего не заметит подмены. В тени Дугина вовсе потерялись даже настоящие ученики и последователи Гумилёва. Время от времени предпринимались попытки развенчать миф о главном идейном наследнике евразийства, но всё, кажется, без толку. Даже после того, как Павел Зарифуллин написал о Дугине разоблачительную статью и создал Центр имени Льва Гумилёва (от идей Льва Гумилёва тоже далекий), в глазах большинства Дугин остается самым главным евразийцем: «...все эти годы как было евразийство связано со мной, так оно и остается», — с гордостью замечает Александр Гелиевич¹.

Между тем читателю стоит только вчитаться в сочинения Дугина и сравнить их с книгами Льва Гумилёва и Георгия Вернадского, со статьями Петра Савицкого и Николая Трубецкого, чтобы чары этого колдуна тут же рассеялись. Давайте вчитаемся.

1. Гносеология

Удивительно, что даже такие тонкие и эрудированные критики Дугина, как Владимир Можегов, не обратили внимания на, пожалуй, самое главное отличие «дугинианства» от евразийства — принципиальный отказ от научной картины мира и от современной науки как способа постижения действи-

тельности. Более того, Можегов даже и сам успех дугинского «традиционализма» объясняет тем, что традиционализм этот «имеет видимость “философии”, “научного знания” — все еще живых богов модерна, которым молилось человечество все Новое время»².

На самом же деле Дугин категорически отрицает как раз науку, научное знание именно как явление ненавистного ему модерна. Иначе и быть не может, ведь Дугин был и остается последователем философа Рене Генона. Дугин называет его «самым правильным, самым умным и самым главным человеком XX в.»³. Генон — мыслитель, в принципе отрицавший цивилизацию Нового времени как «деградировавшую», «профанную», отрицал и современное научное знание: «...наука, которой так гордятся наши современники, есть не что иное, как извращение и вырождение подлинной науки, коей является для нас наука традиционная и сакральная»⁴, — писал он. Сакральная наука — явление совершенно особое, никак не связанное с современными представлениями о научном познании. К отраслям сакральной науки относятся, например, астрология, алхимия, сакральная география и т.п.

Дугин заявил о своей верности идеям Рене Генона еще в своей самой первой книге «Пути Абсолюта» (1989), опре-

² Можегов В. Ползущий ангел. Архитектора и эволюция «правой идеи» в постмодерне (сквозь призму восхождения Александра Дугина) // Континент. 2011. № 2 (148). С. 373.

³ Дугин А.Г. Философия традиционализма. М.: Арктогея-Центр, 2002. С. 21.

⁴ Генон Р. Кризис современного мира // <http://lib.ru/POLITOLOG/genon.txt>

¹ Дугин А.Г. Интервью portalу Правая.ру от 22 фев. 2006 г. // <http://pravaya.ru/ludi/451/6742?print=1>

делив своё мировоззрение как «точку зрения интегральной Традиции» или, иными словами, как «тотальный традиционализм» (позднее он стал использовать другой термин — «интегральный традиционализм» или просто «традиционализм»), понимая под этим учение, ратующее «за полный и бескомпромиссный возврат к ценностям традиционной священной цивилизации, чьим абсолютным отрицанием является современная, материалистическая и секулярная цивилизация»⁵.

Интегральный традиционализм предполагает существование особой нематериальной реальности, единственно достойной познания, но познания, разумеется, не научного, а «традиционного».

«...Традиционалисты, полностью признавая непререкаемый авторитет сакральной и религиозной Традиции и доводя до последних границ применение традиционных учений ко всей сфере цивилизационных и исторических феноменов <...> свободны от предрассудков “гуманистического” и “позитивистского” (читай — научного. — С.Б.) сознания»⁶, — писал Дугин еще в начале 1990-х.

Позднее он целиком посвятит критике научного мировоззрения свою книгу «Эволюция парадигмальных оснований науки». Явно принимая желаемое за действительное, Дугин утверждает, что наука якобы, «как и всё в постиндустриальном обществе, утрачивает свою серьёзность, свою роль, своё качество... наука смещена сегодня с той центральной позиции, которую она занимала последние 300 лет. Её значение релятивизировано <...> Сегодняшняя эпоха может быть названа, в определённом смысле, постнаучной»⁷. На основании

того, что в начале XX в. физиками была пересмотрена классическая (Ньютонова) научная картина мира, Дугин делает вывод не только об относительности научного знания, но и о кризисе науки вообще.

Любопытно, что книга, посвященная критике науки, полна фактических ошибок. Всякий раз, когда Дугин по той или иной причине бывает вынужден обратиться к историческому знанию или к физической, а не «сакральной» географии, он допускает нелепые промахи. Так, он перепутал имя убийцы Бориса и Глеба, назвав Святополка Окаянного «Ярополком»⁸. Разрушителя Иерусалима Тита Флавия Веспасиана перепутал с известным античным автором Титом Ливием⁹, Кемалитскую революцию с Младотурецкой¹⁰. Дугин всерьёз полагает, что кальвинизм является государственной религией Англии¹¹. В «Основах геополитики» он сделал выдающееся географическое «открытие», поведав читателю, что тянущиеся от Байкала до Тихого океана «северные леса постепенно и незаметно переходят в леса тропические»¹².

Над познаниями Дугина в классической и релятивистской физике потешаются уже давно: «Уравнение Шрёдингера, по его мнению, звучит так: “энергия (постоянная) частицы равна частоте волны, умноженной на h (постоянная Планка), а импульс частицы, который меняется в поле сил от точки к точке, равен постоянной h , делённой на длину соответствующей волны, подобным же образом меняющейся в пространстве” (с. 144) Этот пассаж напоминает анекдот о двоечнике, который сдаёт экзамен по физике. Его спрашивают:

⁸ Он же. Консервативная Революция. М., 1995 // <http://www.arctogaia.com/public/konsrev/dream.htm>

⁹ Там же.

¹⁰ Он же. Основы геополитики. М.: Арктогея, 1997. С. 184.

¹¹ Там же. С. 396.

¹² Там же. С. 336.

⁵ Дугин А.Г. Пути Абсолюта. М., 1989 // <http://www.arctogaia.com/public/putiabs/>

⁶ Он же. Конспирология. Парадигмы заговора // <http://www.arctogaia.com>

⁷ Он же. Эволюция парадигмальных оснований науки. М., 2002. С. 19.

“Чему равна постоянная Планка?” Он пишет: $h=3$. “Чепуха! Но скажите хотя бы, что такое h ?” — “А это высота этой планки!” Примерно такого же уровня вся эрудиция Дугина в области физики, хотя он и очень “образованность хочет показать”, жонглируя такими словами, как “суперструны”, “фракталы”, “дао-материя”¹³.

Дугин пишет о науке в античном мире, даже не упоминая имен Архимеда, Эратосфена, Плиния-старшего. Он ограничивается пифагорейцами и кратким очерком античной философии. С научными достижениями эпохи эллинизма и ранней Римской империи Дугин как будто не знаком.

Эти ошибки говорят не о невежестве Дугина. Просто историческая и географическая реальность, равно как и другие феномены материального мира, не имеют для него существенного значения. Для него важнее «священная, сакральная подоплёка».

«Сакральный подход к реальности в целом, рассмотрение той или иной ее стороны с точки зрения Традиции отличается от профанической позиции тем, что сакральное мировоззрение понимает все как символ, как нечто неравное самому себе, как нечто указующее на иные, духовные, метафизические сферы, на трансцендентные модальности Бытия»¹⁴, — писал Дугин еще в «Консервативной революции», давнем, но очень интересном сборнике статей.

При «сакральном» подходе к реальности методом познания становится «эзотерическое» толкование священных книг (от Библии до Бхагават-Гиты), «сакрально-лингвистическая» расшифровка имён, «интеллектуальная интуиция» (по мнению Рене Генона, это и есть главный способ познания), просто

философская спекуляция и даже фантазия, подчас весьма буйная.

Рок-музыкант Егор Летов, некогда соратник Дугина по Национал-большевистской партии, вспоминал такой случай: «Жили мы как-то у Курехина... просыпаемся, я открываю форточку, Дугин задумчиво лежит на кровати, спрашивает: “А вот где у нас Омск находится?” Я говорю: “Ну, где: на югах Сибири. Рядом с Казахстаном”. — “Казахстан рядом у вас? А что если казахи ветер отравили? Они же могут ветер отравить! Ну-ка, срочно форточку закрой: ветер отравленный!” Причём на полном серьёзе: испугался страшно, начал по комнате ходить. “Казахи, блин, ветер отравили, — как же я пойду? <...> Я знаю, у них есть камышовые люди. У них есть озеро Балхаш, и там в больших количествах растёт тростник, камыш. И там живут тростниковые, камышовые люди, которые никогда не высовываются, только через трубочку дышат”. Потом еще подумал и говорит: “А посередине Балхаша есть огромный остров, где живет гигантский, исполинский кот, которому все они поклоняются”»¹⁵.

Иногда Дугин ссылается на тайные источники знания, открытые ему или неким Жаном Парвулеско, или «таинственным человеком», который, по его собственному утверждению, был «крупным деятелем масонских и оккультистских организаций». Последний, представившись «братом Маркионом», поведал Дугину одну великую конспирологическую тайну¹⁶.

Но судя по сочинениям Дугина, основным источником информации для него служат сочинения европейских философов-традиционалистов, эзотериков, мистиков, ариософов, геополитиков. Он отбирает те идеи, что соответствуют его собственным представлениям (сформированным под влиянием сочинений Р. Генона и Ю. Эволя),

¹³ Режабек Б. Мерзлая земля евразийца Дугина // Лебедь: Независимый альманах. №248. 2 декабря 2001 // <http://www.lebed.com/2001/art2744.htm>

¹⁴ Дугин А.Г. Консервативная Революция...

¹⁵ Можегов В. Указ. соч. С. 377. Примеч. 16.

¹⁶ Дугин А.Г. Консервативная Революция...

по-своему их интерпретируя. Поэтому книги Дугина выглядят компиляциями из идей Рене Генона, Юлиуса Эволя, Карла Шмитта, Мартина Хайдеггера, Карла Хаусхофера и др. В трудах европейских мистиков, философов, геополитиков он черпает и идеи, и фактический материал для построения собственной концепции.

Так, «Пути Абсолюта» представляют собой, по признанию самого автора, «свободное изложение» идей Рене Генона. «Гиперборейская теория» — интерпретация Дугиным идей Германа Вирта. Вторая часть «Конспирологии» представляет собой скорее хрестоматию мировой конспирологической мысли. Это изложение взглядов Сент Ив д'Альвейдра, Мигеля Серрано, Жана Робена, Жана Парвулеско¹⁷. В третьей части, взяв в качестве исследовательской базы теорию борьбы «суши» и «моря» (см. ниже) Х. Макиндера и теорию борьбы двух всемирных заговоров, Дугин создаёт собственную версию истории Советского Союза, опираясь не на факты, а на домыслы, собственные и заимствованные. Сборники «Консервативная Революция» и «Тамплиеры пролетариата» на добрую половину состоят из эссе о заинтересовавших Дугина мыслителях: Ги Деборе, Жане Тириаре, Алене де Бенуа, Алистере Кроули, Эрнсте Юнгере, и вновь об Эволе, и вновь о Геноне.

В сущности, Дугин отказывается от верифицируемого, позитивного научного знания в пользу веры. Веры в авторитет, в случае Дугина в авторитет мыслителей, принадлежащих к «Единой Сакральной Традиции». В вопросе соотношения веры и разума Дугин делает однозначный выбор в пользу веры. И здесь Дугин, вне всякого сомнения, совершенно расходится с евразийцами.

¹⁷ Реальность последнего и вовсе вызывает сомнение. В. Можегов полагает, что Жан Парвулеско — мистификация, созданная самим А.Г. Дугиным (см.: *Можегов В. Указ. соч. С. 365*).

Евразийцы были людьми своего времени, культурными и образованными европейцами. Многие даже преподавали в европейских (П. Савицкий, А. Карсавин, Н. Трубецкой) или североамериканских (Г. Вернадский, Н. Толль) университетах. Их критика Запада ничего в этом смысле не меняла, равно как и вероисповедание.

Хотя евразийцы были православными людьми, они относились к той категории учёных, что пытаются согласовывать свои религиозные взгляды с научными представлениями (а не наоборот). Л.Н. Гумилёв, которого часто и в значительной степени неоправданно причисляют к евразийцам, вообще был последовательным материалистом. Он не только дал материалистическое обоснование проблеме движущих сил истории, но даже вечный спор о природе добра и зла попытался разрешить в материалистическом ключе, противопоставив материю как творящее Бытие — Бездне, Небытию, которое соотнос с физическим вакуумом¹⁸.

Мировоззрение евразийцев и Л.Н. Гумилёва Генон назвал бы «профанным», а мы назовем научным, современным и европейским. По сути, само евразийство было не чем иным, как неудачной попыткой подвести научный базис под идею единства народов России-Евразии, дать научное обоснование сохранению целостности российского государства.

Евразийцы действовали в рамках научной парадигмы: они не прибегали к отрицанию тех или иных научных концепций как излишне материалистичных, противоречащих религиозным принципам. Напротив, они стремились доказать научную обоснованность своих взглядов. Другое дело, что их сочинения порой были откровенно дилетантскими.

Среди евразийцев-эмигрантов не было, например, ни одного востоко-

¹⁸ См.: *Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 1993. С. 452–485.*

веда — специалиста по Центральной Азии¹⁹. Не зря Георгий Флоровский, сам бывший евразиец, обратил внимание на прекраснотворное невежество своих бывших товарищей и посоветовал им изучить хотя бы печальную историю православных миссий в «евразийском» мире, прежде чем судить о евразийском единстве²⁰. Профессиональным востоковедом был Л.Н. Гумилёв, но его безграничная и совершенно иррациональная симпатия (в его собственной терминологии, «положительная комплиментарность») к тюркским и монгольским народам лишили его исследования, в особенности поздние, научной объективности.

Тем не менее ни Гумилёв, ни старшие евразийцы не выходили за рамки научного подхода к реальности. Свои взгляды они стремились обосновать, используя научные методы, в исследованиях исходили из существующих в науке принципов, подчеркивали соответствие своих выводов научной картине мира.

Дугин же и по мировоззренческим принципам, и по исследовательским методам резко отличается от евразийцев. Отрицая сам принцип научного, позитивного знания, Дугин неизбежно приходит и к отрицанию евразийцев, занимавшихся вполне «позитивистскими» исследованиями.

2. Онтология

Теории познания полностью соответствует и картина мира. Главный по-

стулат Дугина был сформулирован по крайней мере на заре 1990-х: логика истории «предопределена метафизической структурой Бытия и подчиняется исключительно закону Высшего Божественного Провидения»²¹. А этот закон велит миру постепенно деградировать. Единственный путь развития — это путь удаления от Творца, деградации духовного начала и развития начала материального.

С тех пор изменилось многое. Мало кому известный мыслитель, оппозиционер и маргинал стал модным идеологом, убежденным сторонником власти и весьма респектабельным господином. Но взгляд Дугина на историю ничуть не переменялся: «...процесс истории есть процесс прогрессирующей десакрализации. <...> Распыление шара бытия составляет смысл мировой истории»²².

У мира есть только один исток, одно начало — Абсолют. Но появление тварного мира, отделившегося от Творца, порождает неизбежный космологический дуализм. Соответственно, в мире действуют две силы: одна представляет силы закона деградации, она ведёт человечество от «Небесного Рая» духовности к «Земному Аду» материальности. Другая сила стремится вернуть человечество к его истоку, преодолеть закон деградации и вновь соединиться с Творцом. Этот глобальный дуализм проявляется в виде дуализма тайных центров власти, дуализма расового, сакрально-географического, геополитического и конспирологического.

Дугин, вслед за Рене Геноном, говорит о наличии двух центров планетарной духовной власти: инициатического и контр-инициатического. Первый возглавляет «Король Мира» или «Чакраварти». Он является «Бого-Человеком», «Медиатором», «Великим посредником» между Землёй и Небом. Являясь центром земной власти,

²¹ Дугин А.Г. Конспирология...

²² Он же. Философия традиционализма. С. 548.

¹⁹ Многоотомная «History of Russia» Г.В. Вернадского, с обширными экскурсами в историю евразийских степей, появится уже в США, когда от классического евразийства останутся одни воспоминания. Да и Г.В. Вернадский, как честный и квалифицированный историк, откажется там от многих евразийских мифов.

²⁰ Флоровский Г. Евразийский соблазн // Современные записки. Париж, 1928. Кн. 34. С. 312–346 // Азиопа: Сайт против евразийства // <http://www.nationalism.org/aziopa/florovsky-eurasian-tempt.htm>

он направляет историю человечества в соответствии с Божественным замыслом, с волей Провидения. Контр-инициативный центр мира возглавляет «князь мира сего», который, естественно, отождествляется с дьяволом. Борьба между этими двумя полюсами власти и является основным содержанием человеческой истории.

Тем не менее сам закон деградации и кажущееся торжество «князя мира сего» входит в планы Провидения, и дьявол, таким образом, оказывается лишь инструментом в руках «Короля Мира». Достижение «Земного Ада» завершает цикл истории человечества, за которым последует возвращение к «Раю Небесному» и начало нового «Великого цикла Сына Божьего», то есть нового цикла мировой истории²³. Это высший, тайный, главнейший уровень, на котором разворачиваются события мировой истории. Другие уровни только отражают его.

Вслед за расистом Германом Виртом, одним из основателей печально известного общества «Аненербе», Дугин говорит о существовании в мире двух враждебных рас: нордической расы, якобы населявшей в глубокой древности мифический континент Арктогею, и южной расы, населявшей палеоконтинент Гондвану. Эти расы, по Дугину и Вирту, соотносятся «как белое и чёрное»²⁴. «Нордический человек», «белый человек», «человек-субъект», «человек-царь» является полной противоположностью звероподобному представителю «гондванической расы», «человеку-объекту», «бессловесному и безмозглому» «античеловеку». Долгое время эти расы якобы жили на своих континентах не смешиваясь, но в начале четвертичного периода, «в соответствии с логикой Великого цикла Сына Божьего», Арктогея замёрзла, а затем

ушла под воду, а Гондвана распалась на несколько континентов. Представители нордической расы ушли на юг, где частично смешались со «звероподобным населением Гондваны», что привело к «замутнению Божественной мысли» у потомков смешанных браков²⁵.

Таким образом, вслед за Виртом и Юлиусом Эволой Дугин осуждает смешение рас. При этом Дугин отмечает, что расовые различия не сводятся к различию в «физических характеристиках». «Гиперборейская (нордическая. — С.Б.) раса» является расой «не в биологическом, но в чисто спиритуальном, метафизическом смысле»²⁶. Несмотря на эту оговорку, он принимает теорию Вирта о соотношении «метафизических» рас с группами крови (I группа — потомки представителей нордической расы с примесью гондванической расы, II группа — чистые потомки жителей Арктогеи, III группа — потомки представителей гондванической расы)²⁷. В сущности, это чистой воды расизм. Но для нас сейчас важнее отметить, что расовый дуализм Дугина соотносится с полюсами инициации и контр-инициации: нордическая раса связана с духовным, инициативным началом, гондваническая раса с началом материальным, животным, контр-инициативным.

Сравнивать взгляды Дугина со взглядами евразийцев 1920–1930-х гг. практически невозможно, потому что последние никогда не касались подобных вопросов. Только в обширном идейном наследии Льва Гумилёва можно найти весьма оригинальное дуалистическое учение об антисистемах. Но дуализм Гумилёва совсем не похож на дугинский.

Гумилёв разделил все религии и философские учения по одному признаку — отношению к биосфере и, шире, к природе и миру. Для жизнеутвержда-

²³ Он же. Конспирология...

²⁴ Он же. Гиперборейская теория // <http://www.arctogaia.com/public/wirth/gipteor/peoples.htm>

²⁵ Там же.

²⁶ Дугин А.Г. Основы геополитики. С. 480.

²⁷ Он же. Гиперборейская теория...

ющих учений материальный мир — это благо, для жизнеотрицающих материальный мир — зло. Первые славят Бытие, вторые — Небытие, Пустоту, Ничто. Первые защищают богатство и разнообразие жизни, вторые мечтают или уничтожить жизнь, или преобразовать ее до неузнаваемости. Первые охраняют природу, вторые ее разрушают. К жизнеотрицающим учениям Гумилёв отнес гностицизм, манихейство, исмаилизм, павликианство, богомилство. Если вокруг такого учения формируется община из людей, искренне принимающих жизнеотрицание, то Гумилёв называл такую общину «антисистемой». Антисистемы враждебны миру, природе, биосфере, они очень опасны для существования нормальных этносов.

За дуализмом Дугина скрывается единая воля Провидения. Дуализм Гумилёва радикальнее: это непримиримая борьба добра и зла. В мире Дугина есть конец света, точка, с которой начнется возврат к Творцу. В материалистичном мире Гумилёва вообще нет места для эсхатологии.

Расовый дуализм у Дугина напрямую связан с дуализмом географическим, с противопоставлением севера и юга. География — наука естественная. Она чужда Дугину, как и любая другая отрасль научного знания. Иное дело «сакральная», или «традиционная» география, родная сестра алхимии и астрологии. «Сакральная география в значительной степени отличается от географии обычной, физической, — пишет Дугин, — Сейчас мы должны отложить глобус, забыть о куске материи, носящемся в безжизненном космосе, и обратиться к волшебному миру сакральной географии»²⁸.

Научные понятия, такие как «ландшафт», «литосфера», «биосфера», «геобиоценоз», Дугину чужды. Ему не интересна проблема взаимодействия этноса с ландшафтом, так занимавшая

Гумилёва, он не принимает предложенного Гумилёвым деления на этноландшафтные регионы. Дугин предпочитает формальное деление на стороны света, деление, которому он, разумеется, придаёт «сакральный», эзотерический смысл.

Так, «Восток» в системе сакральной географии считается «землёй духа», «землёй рая, земной полноты, изобилия, “родиной” Сакрального в наиболее полном и совершенном виде». Запад, напротив, понимается как «страна смерти», «мир мёртвых», «царство изгнания», это «анти-Восток», страна заката, упадка, деградации: «По оси Восток–Запад выстраиваются народы и цивилизации... чем ближе к Востоку, тем ближе к Сакральному, к Традиции, к духовному изобилию, чем ближе к Западу, тем больше упадок, деградация и омертвление Духа»²⁹. Пара Восток–Запад, в представлениях Дугина, есть не что иное, как перевёрнутое древнее противопоставление Север–Юг: «Восток есть горизонтальная проекция севера вниз, Запад — горизонтальная проекция Юга вверх». Север (все та же Арктогея Германа Вирта) отождествляется с истоком, с «первоначальным нордическим раем» (с той самой Арктогеей), с прародиной нордической расы: «Север — сторона света, избранная изначальным Логосом для того, чтобы проявить себя в Истории... Сакральная география соотносит Север с духом, светом, чистотой, полнотой, единством, вечностью». Юг же, напротив, олицетворяет материальный мир, тьму, смешение, хаос.

Противопоставление Север–Юг не сводится к противопоставлению добра и зла: «Это, скорее, противостояние Духовной Идеи и её огрублённого материального воплощения»³⁰. При этом автор опять-таки оговаривается, что понятия «Восток», «Запад», «Север», «Юг» трактуются им не в буквальном, а в «ме-

²⁸ *Он же*. Русское сердце Востока // <http://www.arctogaia.com/public/sacrgeo.htm>

²⁹ *Он же*. Основы геополитики. С. 475.

³⁰ Там же. С. 475.

тафизическом» смысле. Северные европейские народы отличаются характерным для «метафизического юга» материализмом и меркантилизмом, в то время как многие южные народы сохраняют и по сей день «подлинно сакральные формы цивилизации». Таким образом, стороны света здесь предстают как некая «метаисторическая и метагеографическая реальность».

Продолжением сакрально-географического дуализма на более материализованном уровне становится дуализм геополитический. В основу геополитического дуализма положена идея глобального противостояния «суши» и «моря», «теллуократии» (сухопутного могущества) и «талассократии» (морского могущества). Идея этого геополитического противостояния морских и континентальных стран была выдвинута впервые британцем Хэлфордом Макиндером, мыслителем, в общем, непримечательным, но необыкновенно подходящим для Дугина.

Планетарный дуализм «суши» и «моря» Дугин считает основным законом геополитики: «Вне постулирования этого дуализма все остальные выводы теряют смысл... По своей значимости он сопоставим с законом всемирного тяготения в физике»³¹. Все страны и народы, все культуры и цивилизации Дугин разделяет на морские и континентальные, или, в более узком смысле слова, на евразийские и атлантистские. Для континентальных цивилизаций будто бы характерны традиционализм, авторитаризм, иерархичность, идеократия, коллективизм. Им якобы чужды демократия и дух предпринимательства. В свою очередь, для морских цивилизаций характерны демократия, индивидуализм, предприимчивость, торгашество, динамизм.

Согласно Дугину, в древности теллуократия преобладала. Становление талассократии как «самостоятельного планетарного образования» проис-

ходит в эпоху Великих географических открытий. В Новое время талассократия концентрируется в англосаксонском мире (Великобритания и США). Ему противостояли континентальные державы: Россия, Германия, Австро-Венгрия. Франция занимала промежуточное положение, тяготела то к одному, то к другому полюсу.

Испанию и Португалию Дугин вовсе не упоминает. Это не случайно, ведь история этих стран противоречит основному геополитическому догмату Дугина: для этих вполне «морских» наций, совершивших львиную долю великих географических открытий, дух предпринимательства характерен не был, демократия же в них утвердилась лишь в семидесятые годы двадцатого века.

Наиболее ярким примером борьбы талассократии и теллуократии стала «холодная война». При этом все те войны и конфликты, что не вписываются в схему глобального противостояния «суши» и «моря», с точки зрения Дугина, носят искусственный характер. Следовательно, борьба на Восточном фронте в Первую и Вторую мировые войны была не чем иным, как «искусственным внутриевразийским конфликтом»! Как ни удивительно, этот исторический абсурд одно время был чрезвычайно популярным, ведь Дугин по-новому обосновал необходимость и неизбежность «холодной войны», тем самым польстил ее ветеранам и всем, кто привык смотреть на мир сквозь черно-белые очки советско-американского противостояния. Таких людей и теперь немало. Не случайно же «Основы геополитики» стали первым и, в сущности, единственным бестселлером Дугина.

Геополитический дуализм не исчерпывается противостоянием Великобритании и США со всем остальным миром. Борьба между «евразийской» (континентальной) и «атлантистской» (морской) идеями идёт в пограничных зонах: во Франции, в Китае, даже в мусульманском мире. Последний пример

³¹ Там же. С. 92.

наиболее одиозен: Дугин причисляет Иран к евразийскому миру, а Саудовскую Аравию к атлантизму, суфизм и шиизм считает континентальными направлениями, а ваххабизм (!) атлантистским и, следовательно, прозападным. Боевиков Рашида Дустума Дугин объявил воинами Евразии, а талибов (!) западниками и атлантистами³².

Надо сказать, что евразийцы-эмигранты не разработали собственной концепции всемирной истории. Они, правда, были убеждены, что народы, населяющие Россию-Евразию, обладают особой судьбой, отличной от судьбы народов Западной и Центральной Европы. Николай Трубецкой, вслед за Николаем Данилевским и Освальдом Шпенглером, подверг резкой критике европоцентризм, общепринятое отождествление всемирной истории с историей романо-германских народов Западной Европы, европейской культуры с культурой общечеловеческой. Трубецкой отрицал наличие общего, магистрального пути развития человечества³³. И все же самостоятельной теории, наподобие теории Данилевского, он не создал. Великий лингвист в исторической науке был дилетантом.

Собственную теорию исторического процесса создал А.Н. Гумилёв, но она даже отдаленно не напоминает взгляды Дугина и его учителей-традиционалистов.

Гумилёв предложил «историоскопический» метод исследования, при котором во всемирно историческом процессе выделяются уровни: 1-й уровень — глобальный: развитие человечества в целом (исследованиями на этом уровне Гумилёв не занимался); 2-й —

история цивилизаций (по Гумилёву — суперэтнотосов); 3-й — история этносов, наций и т.д., вплоть до биографий отдельных личностей³⁴. При этом Гумилёв не утверждал, что только открытые им закономерности определяют развитие исторического процесса, а считал их лишь одним из (наряду с закономерностями социально-экономического развития и т.д.) важнейших факторов. Гумилёв сосредоточился на исследовании этнической истории.

В мировой истории Гумилёв выделил множество накладывающихся друг на друга процессов этногенеза. Евразийцев часто и небезосновательно обвиняли в географическом детерминизме. Действительно, по мнению евразийцев, «месторазвитие» (Савицкий) или «кормящий и вмещающий ландшафт» (Гумилёв) играют исключительно важную (хотя и далеко не единственную) роль в формировании и развитии народов и государств. Именно существование особой географической целостности — «Евразии», с точки зрения Трубецкого, определило формирование «евразийской нации»³⁵. Влияние ландшафта на формирование и развитие этнической общности не мистическое, а вполне материальное: «Географический ландшафт воздействует на организмы принудительно, заставляя все особи варьировать в определённом направлении... Тундра, лес, степь, пустыня, горы, водная среда, жизнь на островах и т.д. — всё это накладывает особый отпечаток на организмы»³⁶, — писал выдающийся географ А.С. Берг, на исследования которого в данном случае опирался А.Н. Гумилёв.

³² См.: Дугин А.Г. Ислам против ислама. // Вторжение. №7 // <http://www.arctogaia.com/public/dug7.htm>

³³ Трубецкой Н.С. Европа и человечество // <http://gumilevica.kulichki.net/TNS/tns03.htm>; Он же. Вавилонская башня и смешение языков // <http://gumilevica.kulichki.net/TNS/tns13.htm>

³⁴ Гумилёв А.Н. Из истории Евразии // Он же. Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации. М., 1993. С. 75–76.

³⁵ Трубецкой Н.С. Общевразийский национализм // Он же. История. Культура. Язык. М., 1995. С. 107.

³⁶ Цит. по: Гумилёв А.Н. Этно-ландшафтные регионы Евразии за исторический период // Он же. Ритмы Евразии. С. 252.

Географическая среда влияет не только на культуру, на хозяйство, но даже на политический строй. Только никакой мистики нет: сплошная экономика. Вот только один пример: «Над территорией Северной Монголии в зимнее время находится центр антициклона и зимние осадки почти отсутствуют. Летом пустыни Центральной Азии раскаляются за счет инсоляции, фронт полярного воздуха отступает на север Монголии. В размытую таким образом барическую депрессию вторгается влажный воздух, и в эти месяцы здесь выпадает до 90% осадков в виде летних дождей. В регионе Алтая и Тарбагатай наоборот: атлантические циклоны несут много влаги, выпадающей зимой в виде снега, зато лето обычно сухое настолько, что трава в степи выгорает. <...> На востоке скот все время пасся в степях, и пастухи постоянно встречались друг с другом, что создало привычку общения и возможность координации в масштабах всей страны. В предгорьях Тянь-Шаня и Тарбагатай кочевники летом выгоняли скот на джейлау — горные пастбища. Подъем в горы проходил по узким долинам, каждая из них принадлежала отдельному роду, равно как и альпийские луга, на которых скот пасся летом. Так создавались навыки изолированного ведения хозяйства, что и отразилось в характере политических образований: вместо ханств здесь возникали племенные союзы»³⁷.

Никакой «борьбы суши и моря», никаких мистических «хартлендов». Географический детерминизм Гумилёва строго материалистичен.

Что общего у этого последовательного материализма с мистической геополитикой Дугина? Разумеется, ничего. Но есть еще один уровень, на котором разворачивается исторический процесс, — конспирологический. Евразийцы 1920–1930-х гг. были очень далеки от конспирологии. Лев Гумилёв, слу-

чалось, увлекался конспирологическими построениями, но не столько в научных исследованиях, сколько в частных беседах³⁸. Сама же его теория этногенеза совершенно чужда теории заговоров.

Другое дело Дугин. Борьба между теллурократией и талассократией, а значит, борьба Севера и Юга, Востока и Запада, инициации и контр-инициации, «Короля мира» и «Князя мира сего» протекает и на уровне борьбы тайных организаций, борьбы заговоров. Борьбой пронизана жизнь не только пограничных, но и вполне континентальных (Россия, Германия) государств. Дугин, ссылаясь на полумифического Жана Парвулеско, пишет о многовековой борьбе двух мировых заговоров, заговора евразийцев и заговора атлантистов. Это мистические, оккультные заговоры, «смысл и метафизическая подоплёка» которых часто остаются неизвестными не только для рядовых участников, но и для ключевых фигур этих заговоров³⁹.

За этими заговорами стоят два тайных общества — «Орден евразийцев» и «Орден атлантистов». Оба ордена якобы располагают собственными филиалами и агентами влияния во всех государствах. У обоих орденов есть своя символика, имеющая свой сакральный, метафизический смысл. Орден евразийцев — это орден «Мужского Начала», орден «Солнца», орден «Гора», «Аполлона», «Ормузда», «Солнечного Христа-во-Славе». Орден атлантистов — это орден «Женского Начала», орден «Сета», «Красного осла», «Танцующей смерти», «Пифона», «Аримана». Всю историю СССР Дугин рассматривает сквозь призму борьбы «Ор-

³⁸ См., напр.: *Рогачевский А.* Лев Гумилёв и еврейский вопрос // Заметки по еврейской истории. Сетевой журнал еврейской истории, традиции, культуры. №25 // <http://www.berkovich-zametki.com/Nomer25/Rogachevsky1.htm>

³⁹ *Дугин А.Г.* Конспирология...

³⁷ Там же. С. 261.

дена КГБ» (филиала Ордена атлантостов) и «Ордена ГРУ» (филиала Ордена евразийцев)⁴⁰. Более того, противостояние двух орденов разделяет на два лагеря (консервативно-революционный, евразийский и ортодоксальный, атлантистский) и мировое масонство, и даже еврейский народ⁴¹. Кстати, именно эту теорию позаимствовал у Дугина Александр Проханов. История СССР как история борьбы заговоров ГРУ и КГБ, которая, в свою очередь, является отражением борьбы двух всемирных заговоров, положена в основу сюжетов романов, вошедших в эпопею «Последний солдат империи» (собственно «Последний солдат империи», «Господин Гексоген» и др.).

Итак, перед нами две концепции всемирной истории, настолько различные между собой, что даже их критическое сопоставление представляется затруднительным. Евразийцы и Дугин говорят о разных предметах и на разных языках. Роднит их разве что неприязнь к ценностям западного общества. Различия же принципиальны: материализм, особенно ярко выраженный у Гумилёва, и идеализм Дугина; научный поиск природных закономерностей, определяющих исторический процесс, и постулирование картины мира, в которой реальность материальная является лишь отражением некоей сакральной реальности. Оба взгляда на всемирную историю принципиально отрицают друг друга.

3. Идеология и эсхатология

П.Н. Савицкий в одной из своих программных работ, «Географические и геополитические основы евразийства»,

называет «Евразией» «область степной и пустынной полосы, простирающейся от Карпат до Хингана, взятой вместе с горным её обрамлением (на юге) и районами, лежащими к Северу от неё (лесная и тундровая зоны)». Савицкий подчёркивает, что этот регион следует отличать от «старой Евразии А. фон Гумбольта», охватывающей весь евразийский континент⁴². Г.В. Вернадский понимал под Евразией «не совокупность Европы и Азии, а именно Срединный материк как особый исторический и географический мир»⁴³. Л.Н. Гумилёв определял Евразию как один из этно-ландшафтных регионов (наряду с Европой, Индией и т.д.), который «лежит между Китаем, горными цепями Тибета и западным полуостровом — Европой»⁴⁴.

Для Дугина понятие «Евразия» означает весь Евразийский континент⁴⁵. Это различие принципиально.

Евразийство было не научной школой и даже не направлением философской мысли. Евразийцы пытались прежде всего создать политическую идеологию. Наука и философия были у евразийцев служанками политики. Географическая целостность Евразии, по мнению евразийцев, является важнейшей предпосылкой для создания единого общеевразийского государства. Евразийцы доказывали, что многочисленные народы России, хотя и различаются между собой и происхождением, и образом жизни, и религией, но все-таки составляют особую «многонародную личность», «евразийскую нацию». Правда, серьезных доказательств они, на мой взгляд, так и не представили.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Дугин А.Г. Консервативная Революция... Кстати, именно эту, действительно довольно необычную идею и поведал Александру Гелиевичу «брат Маркион». Что ж, столь оригинальной трактовки еврейского вопроса мировая антисемитская мысль, кажется, ещё не знала.

⁴² Савицкий П.Н. Географические и геополитические основы евразийства // <http://gumilevica.kulichki.net/SPN/spn05.htm>

⁴³ Вернадский Г.В. Начертание русской истории // <http://gumilevica.kulichki.net/VGV/vgv04.htm>

⁴⁴ Гумилёв Л.Н. Из истории Евразии // Он же. Ритмы Евразии. С. 67–68.

⁴⁵ См.: Дугин А.Г. Основы Геополитики...

Но сейчас для нас важнее другое. Евразийцы пытались создать на основе этой концепции политическую идеологию, которая смогла бы со временем занять место коммунизма, неизбежный крах которого ожидался в самом скором времени. Перефразируя Маркса, Савицкий утверждал: «Евразийцы объясняют историческую действительность и в то же время ставят своей задачей сделать её иной»⁴⁶. На самом же деле «преображение мира», в сущности, касалось только России: смены власти и общественного строя.

Задачи Дугина несопоставимо масштабнее. Цель его — борьба с «великим злом», то есть с глобальной десакрализацией мира.

Разумеется, на боевом знамени такое не напишешь, поэтому в книгах и статьях, обращенных не к эзотерикам, а к людям попроще, Дугин все чаще заводил речь о США: «Америка — наш абсолютный враг, Западная цивилизация — смертельна для нашего исторического пути. “Торговый строй”, “карфагенский порядок”, не совместим с нашим евразийским наследием... Либо мы, либо они»⁴⁷.

Для победы в этой борьбе необходимо создание мощной континентальной империи, способной к территориальной экспансии, ибо второй закон геополитики гласит, что «логика истории диктует необходимость расширения территорий, входящих в состав либо единого государства, либо стратегического блока нескольких государств, для того, чтобы соответствовать меняющимся историческим условиям и оставаться конкурентоспособным»⁴⁸.

⁴⁶ Савицкий П.Н. Евразийство как исторический замысел // <http://gumilevica.kulichki.net/SPN/spn12.htm>

⁴⁷ Дугин А.Г. Философия войны. М., 2004 // <http://www.arcto.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=1287>

⁴⁸ Он же. Экономика — геополитика // <http://www.arcto.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=974>

Следовательно, для борьбы с атлантизмом необходимо создание «Новой Империи», гигантского континентального военно-стратегического блока, который представлял бы собой «конфедерацию больших пространств»: Европейской империи, объединённой вокруг Германии; Тихоокеанской империи (вокруг Японии); Среднеазиатской империи (вокруг Ирана); и Русской империи, которая заняла бы центральное место в этом блоке⁴⁹.

Эта «Новая Империя», «империя многих империй», со временем (после победы над атлантизмом) должна превратиться в «Империю Мировую»⁵⁰. Её создание станет важнейшим условием победы «консервативной революции». Искоренением атлантизма эта революция не исчерпывается, поскольку «смысл революционной борьбы... заключается в создании абсолютно новой общественной и государственной системы... небывалой экономической и социальной реальности»⁵¹.

На самом деле этот призыв обращен к профанам, потому что сам Дугин знает: борьба эта обречена на поражение, коль скоро десакрализация мира, «умаление сакральности» и «распыление шара бытия» составляют «смысл мировой истории». То есть Дугин поднимает на войну, заведомо бессмысленную.

Через несколько лет после выхода «Основ геополитики» Дугин признался, что еще в конце восьмидесятых начал писать книгу под названием «Тамплиеры Иного»: «Эта книга содержала метафизический взгляд на наш мир, на качество нашего исторического момента с позиции предельной безысходности»⁵². В самом деле, о какой победе в каком

⁴⁹ Он же. Основы Геополитики. С. 214–249.

⁵⁰ Там же. С. 246–249.

⁵¹ Дугин А.Г. Цели и задачи нашей Революции. М., 1995 // <http://www.arctogaia.com>

⁵² Он же. Философия традиционализма. М.: Арктогея-Центр, 2002. С. 547.

«Endkampf»⁵³ может идти речь, когда на дворе последний период Кали-юги? Впереди «ночь Брахмы», то есть «малое» уничтожение мира. А значит, Бытие вернется к Абсолюту и все начнется сначала. Зачем же тогда Endkampf? Исход «великой эсхатологической битвы» все равно предрешен.

Рене Генон и Юлиус Эвола были современниками классического евразийства, но ничего не знали о нем. В свою очередь, евразийцы, кажется, ничего не знали и о традиционализме Генона. Они жили как бы в параллельных мирах. Эсхатология индуизма, заимствованная традиционалистами, евразийцев явно не привлекала. Николай Трубецкой сравнивал ведических богов с бесами, а в буддизме видел проповедь «духовного самоубийства», в которой видна «печать сатаны»⁵⁴. Другие просто не разбирались в таких сложных, непривычных русскому и европейскому интеллектуалу тех лет материях. Православный Лев Гумилёв был намного толерантнее к другим религиям, но он эсхатологическими проблемами не интересовался.

4. Фальсификация евразийства

Каким же образом Александр Гелиевич Дугин, человек, совершенно чуждый евразийству и в его «классическом», и в «гумилевском» вариантах, оказался главным идеологом евразийства?

До начала девяностых Александр Гелиевич Дугин был вполне андеграундным персонажем. Поклонник мистика Юрия Мамлеева, соратник оккультиста Евгения Головина и тогда еще неизвестного Гейдара Джемала, Дугин выучил несколько европейских языков и увлекся идеями европейских эзотериков, мистиков, геополитиков и

просто ультраправых мыслителей, совершенно не известных в Советском Союзе. В 1989 г. Дугин написал свою первую монографию «Пути Абсолюта», где и начал пропагандировать традиционализм Рене Генона. Не стану больше утомлять читателя цитатами, книги Дугина можно найти в Интернете и в приличной библиотеке. Но вот названия нескольких глав из «Путей Абсолюта»: «Метафизика, Абсолют и Трансцендентность», «Принципы и ряды символических чисел», «Крест и слог “ом” в Трибхуване». Интересно? Интересно для любителей эзотерики и мистики. Вряд ли намного больше читателей нашлось у «Гиперборейской теории». Для простого российского неонациста чтение слишком интеллектуальное, для интеллектуала — слишком одиозное.

Хотя уже в начале 1990-х гг. Дугин приобрел репутацию правого интеллектуала, фантастически эрудированного и оригинального мыслителя, он все еще оставался подлинным маргиналом и как философ, и как политический деятель. В середине 1990-х Дугин писал о консервативной революции и национал-большевизме, трактуя идеи Эрнста Юнгера, Артура Мюллера ван ден Брука, Николая Устрялова в «геноновском» ключе, стремясь встроить их в эклектику интегрального традиционализма. Однако идеология консервативной революции также представляла скорее академический интерес. Не получилось и с национал-большевизмом.

Выбраться с обочины политической жизни, где он прозябал вместе с «нерукопожатными» тогда Прохановым и Лимоновым, Дугину помогло евразийство: «Евразийцы оказались теми, к кому можно было апеллировать в отечественной истории, для того чтобы выразить по-русски геноновский традиционалистский и консервативно-революционный <...> дискурс. В отечественной истории политической мысли — это самое подходящее. Более всего традиционалистское мировоз-

⁵³ Впервые это понятие встречается у Дугина еще в книге «Конспирология. Великая война континентов».

⁵⁴ Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. С. 284.

зрение соответствует евразийству»⁵⁵.

В сущности, здесь Дугин просто признался: евразийство — это всего лишь прикрытие для идей Генона. Причем, видимо, не самое лучшее и не самое желанное даже для самого Дугина. Павел Зарифуллин утверждает, что он, вместе «со своими евразийцами-студентами», уговаривал Дугина не отказываться от евразийства, когда Александр Гелиевич решил оставить евразийский проект, чтобы заняться созданием Консервативно-Революционной партии⁵⁶.

Дугин утверждает, будто познакомился с идеями евразийцев еще в середине 1980-х гг.⁵⁷. Однако в его ранних произведениях влияние евразийских идей не заметно. Даже в книге под названием «Мистерии Евразии» евразийству посвящен всего один абзац в начале второй главы: «Наиболее глубокие русские мыслители XX века, высказавшие действительно важные соображения о судьбе России, — это, бесспорно, “евразийцы”, идеологи особого “третьепутистского” крыла первой русской эмиграции»⁵⁸. Ни имен, ни ссылок. Дальше там много интересного про Гиперборею, Гардарiku, «Россию — Деву Солнечную» и «зелёную страну» Америку», но к евразийству и Гумилёву все это отношения не имеет. В книге «Конспирология: Великая война континен-

тов» Дугин охотно использовал словосочетание «Орден евразийцев», но там речь шла о конспирологических идеях Жана Парвулеско, от евразийства совершенно далеких.

В 1992 г. Дугин начал издавать журнал «Элементы», который получил подзаголовок «Евразийское обозрение». В этом журнале понятие «евразийство» чаще всего относилось к трудам знаменитого немецкого геополитика Карла Хаусхофера и европейских «новых правых» — Алена де Бенуа и бывшего эсэсовца Жана Тириара.

И только в «Основах геополитики» наконец появились очерки о Савицком, Гумилёве, Алексееве и Трубецком. Но места им досталось немного. Зато слово «евразийство» Дугин употреблял систематически, и со временем его стали считать главным евразийцем, точнее, неоевразийцем страны, преемником Савицкого и Гумилёва: «...все эти годы как было евразийство связано со мной, так оно и остается», — с гордостью замечает Дугин⁵⁹.

Дугину поверили не только журналисты, но также философы, политологи и прочие ученые люди. Что делать, в наши дни «интеллектуалы» поверхностно знакомятся с научными и философскими концепциями, довольно сложными для неспециалиста. Идеология, философское учение и научная теория из системы идей и доказательств превратились в набор ассоциаций.

Дугин понял раньше многих, что в современном мире важна не идеология, а бренд, не лицо, а маска. Александру Дугину хватило лишь одного слова, чтобы много лет выдавать себя за ученика и последователя евразийцев, добившись того, что его имя ставится рядом с именами Савицкого и Гумилёва.

⁵⁵ Информационный портал «Правая.ру». 22 фев. 2006 г. // <http://www.pravaya.ru/ludi/451/6742?print=1>

⁵⁶ Дугинское евразийство умерло. Да здравствует евразийство! Беседа с бывшим руководителем ЕСМ Павлом Зарифулиным // <http://www.apn.ru/publications/article22117.htm>

⁵⁷ Информационный портал «Правая.ру». 22 фев. 2006 г. // <http://www.pravaya.ru/ludi/451/6742?print=1>

⁵⁸ Дугин А.Г. Мистерии Евразии. М., 1991 // <http://www.arctogaia.com/public/mistevr/mistevr2.htm>

⁵⁹ Информационный портал «Правая.ру». 22 фев. 2006 г. // <http://www.pravaya.ru/ludi/451/6742?print=1>

Дмитрий Павлов

РУССКИЕ В СТРАНАХ БАЛТИИ: МИФЫ И ФАКТЫ

В последние два десятилетия, прошедшие с распада СССР, вновь обретшие независимость страны Балтии — Эстония, Латвия и в меньшей степени Литва — приобрели ярко выраженный негативный имидж в глазах среднестатистического российского обывателя. Причины этого вполне объяснимы: на федеральных телеканалах и радиостанциях периодически выходят в эфир репортажи, в которых рассказывается о таких малоприятных вещах, как ликвидация образования на русском языке, дискриминация наших соотечественников при приеме на работу, русофобские высказывания высокопоставленных чиновников, марши легионеров «Ваффен-СС» и их сторонников, сносы памятников героям Великой Отечественной войны и, конечно, массовое лишение полноценных гражданских прав людей, прибывших в послевоенное время в Прибалтику на постоянное место жительства из других республик Советского Союза — прежде всего РСФСР. У стороннего наблюдателя может сложиться впечатление, что русские в Прибалтике живут в условиях постоянной чрезвычайной ситуации и при первой же возможности стремятся покинуть эти «неофашистские диктатуры».

Как, впрочем, часто бывает, при непосредственном приближении оказывается, что ситуацию нельзя оценивать столь однозначно негативно. Во-первых, несколько парадоксальной выглядит статистика по эмиграции из бывших советских республик после распада СССР. Она показывает, что в

относительном измерении отток русских из Прибалтики был гораздо менее интенсивным по сравнению со странами Средней Азии и Закавказья, а также Молдовой, в отношении которых критика за нарушение прав «российских соотечественников» не звучит столь остро. Даже с территории республик Северного Кавказа русские эмигрировали более активно. Кроме того, по данным последних исследований, проведенных авторитетным Агентством Европейского союза по защите основных прав человека (FRA), большая часть русского населения Прибалтики дискриминации не ощущает. Чтобы разобраться, где действительно русские испытывают притеснения (и насколько они ощутимы в повседневной жизни), а где начинаются легенды и мифы, следует посмотреть на проблему в исторической перспективе: именно противоречивые события прошлого обусловили существующие сегодня непростые отношения между русскими и титульными народами независимых балтийских государств.

* * *

С древних времен финноугорские, балтские, проживавшие вдоль побережья Балтийского моря, и восточнославянские племена русского Северо-Запада были близкими соседями. В домонгольскую эпоху развивались экономические связи между новгородскими и псковскими землями и предками современных эстонцев и латышей. Впрочем, эти контакты периодически приобретали характер военных столкнове-

ний. Как явствует из Повести временных лет, в 1030 г. киевский князь Ярослав Мудрый предпринял поход на *чудь* и заложил на её землях город Юрьев, в честь своего небесного покровителя. По-видимому, тогда же окрестные племена начали платить дань русским князьям. На это указывают данные Новгородской первой летописи, согласно которой в середине XI в., воспротивившись сбору дани князем Изяславом, чудь сожгла Юрьев и дошла до Пскова, однако была разбита псковскими и новгородскими войсками. Зимой 1176 г. эсты напали на Псков, но взять не смогли, а в 1179 г. князь Мстислав Ростиславич предпринял успешный поход в чудскую землю. В 1191 г. князь Ярослав с новгородцами и псковичами взял Юрьев, а в следующем году — город Медвежья голова (Отепя).

Ранние восточнославянские, или «проторусские», поселения существовали на территории современной Латвии во времена раннего Средневековья. К IV—VI вв. славянские племена кривичей постепенно ассимилировались с живущими на востоке современной Латвии потомками финноугорских племён (ливами) и племён балтов (селонами и латгалами). Латышское название России (*Krievija*) происходит от древнего наименования расселявшихся по восточной границе славянских племён кривичей.

В первой половине XII в. территорию современных Латвии и Эстонии захватили крестоносцы, в результате чего земли северной Эстонии оказались под контролем датчан, а южной Эстонии и Латвии — Ливонского ордена. Одновременно начался процесс обращения балтийских народов в католичество. Эти события уменьшили русское влияние, однако полностью оно никогда не прекращалось. Так, уже в XIII в. в Ревеле была построена православная церковь и гостиный двор. Во второй половине XV в. в Ревеле, Дерпте (совр. Тарту) и Нарве значительно возрос процент русского населения, что было свя-

зано с развитием производства и торговли в самой Руси. В Дерпте основная часть славян проживала в русском пригороде, который в то время именовался Русским концом. Источники XV в. характеризуют Русский конец как юридически самостоятельное поселение, в котором находились администрация, торговый двор и церковь. На территории современной Латвии первые русские поселенцы, купцы, появились в XI—XIII вв. Начиная с XIV и в течение XV в. число русских в Риге увеличивалось, чему способствовало сближение ее с Ганзой (союз северогерманских торговых городов). Многие русские купцы жили в Риге постоянно, так как там был рынок сбыта их товаров.

Что касается самой южной части Прибалтики — Литвы, то русское присутствие там носило несколько иной характер. Дело в том, что после монгольского нашествия западнорусские земли были завоеваны и вошли в состав Великого Княжества Литовского. Это государство просуществовало до середины XVI в., пока не заключило унию с Польшей, образовав с ней единое государство — Речь Посполитую. В Великом Княжестве Литовском русская знать играла чрезвычайно большую роль, западнорусский письменный язык был основным языком делопроизводства, соблюдались нормы древнерусского права. Вероятно, не в последнюю очередь благодаря такому взаимовлиянию в ту эпоху литовцы считаются народом, более комплиментарным русскому, нежели латыши и эстонцы.

В ходе Ливонской войны Восточная Латвия отошла к Польше и стала частью одной из крупнейших зарубежных территорий, граничащих на западе с Московским государством. Русские крестьяне переселялись сюда, спасаясь от шведских интервентов и опричнины. Местные землевладельцы были заинтересованы в притоке беглых крестьян: им предоставляли землю в аренду и некоторые льготы, например, освобождали на первые годы от барщины и оброков.

В 1656–1667 гг. вся Восточная Латвия была занята русскими войсками. В Динабурге (ныне Даугавпилс) была построена русская православная церковь Бориса и Глеба, сам же город некоторое время назывался Борисоглебском.

На формирование населения Прибалтики значительно повлиял приток в XVII в. старообрядцев, которые бежали за пределы русского государства от религиозных преследований. Они впервые появились на территории Латвии еще в 1659 г., когда беглецы поселились в герцогстве Курляндском на постоянное жительство, а год спустя около Борисоглебска был построен старообрядческий храм. Старообрядцы представляли весьма разнородную в социальном отношении группу: среди них были представители духовенства, купцы, крестьяне и городская беднота. Переселение староверов продолжилось и в более поздний период, несмотря на то, что в 1772 г., по первому разделу Речи Посполитой, эта территория была присоединена к России. Приток их в Латвию был настолько значительным, что он во многом определил этническую специфику местных поселений. Современное латвийское государство считает потомков старообрядцев частью коренного населения, поэтому после восстановления независимости в 1991 г. они стали его полноправными гражданами. Значительное число русских старообрядцев появилось в тот же период и в Эстонии, на территории Западного Причудья. Они бежали из новгородских, псковских земель и центра европейской части России. Причудье отличалось от центральных районов Эстонии тем, что здесь образовался своеобразный центр притяжения для беглых русских крестьян, причем не только старообрядцев, но и православных. В XVIII в. вдоль реки Нарва и к западу от нее простиралась цепочка русских деревень.

Если до начала XVIII в. русское население в Прибалтике было довольно немногочисленным и не играло значимой

роли в социально-экономической жизни региона, то после Северной войны 1701–1725 гг. появились предпосылки к изменению ситуации. Эстляндия и Ливония оказались в составе Российской империи. Первоначально на порядке управления это сказалось мало. В этот период в административном отношении территория Прибалтики была разделена на губернии — Эстляндскую, Лифляндскую, Курляндскую, Ковенскую и Виленскую, границы которых далеко не совпадали с этническими. Кроме того, часть нынешней Латвии (почти вся Латгалия) вошла в состав Витебской губернии.

Согласно Ништадтскому договору, предусматривалось сохранение земельных владений, самоуправления и привилегий балтийского, в основном немецкого, дворянства. Особый остзейский (прибалтийский) порядок — система автономного самоуправления остзейского дворянства в Эстляндии, Лифляндии, на Сааремаа и в Курляндии — предусматривал делопроизводство на немецком языке, собственную систему налогообложения, правовую систему и др. Социальные верхи в регионе составляли остзейские немцы.

По переписи населения 1897 г. в Латвии проживали 232 тыс. русских (в до-революционном понимании, т.е. включая украинцев и белорусов), или 12%. В это время в торгово-промышленном секторе Риги было занято около 8 тыс. русских переселенцев. В столице Эстонии по переписи того же года проживало 10 тыс. русских, или около 16% всех жителей города. В Юрьевском уезде насчитывалось свыше 10 тыс. человек русскоязычных, из них в самом Юрьеве — около 4 тыс., почти все — русские. На западном берегу Чудского озера и по реке Нарва (включая город Нарву) проживало более 15 тыс. русских. В Литве в этот период на долю русских приходилось лишь 4,8% населения. Для системы политического управления Прибалтики было характерно сочетание гражданских и военных форм. Цар-

ская власть в Прибалтике была представлена генерал-губернаторами, которые все без исключения принадлежали к высшему командному составу и в основном были известными полководцами русской армии. Для царского правительства Лифляндия и Эстляндия были военным лагерем, на эти территории смотрели в первую очередь с точки зрения военных интересов России — необходимости охранять главную сухопутную дорогу, связывающую столицу через Нарву, Ригу и Кенигсберг с Западной Европой. Российское военное присутствие было здесь постоянным. В целом на территории Прибалтики к началу XX в. проживало 340–360 тыс. русских.

Во второй половине XIX в. у народов, составлявших в Прибалтике этническое большинство — эстонцев, латышей и литовцев, — начинается рост национального самосознания. Немногочисленные представители местной интеллигенции, получившие высшее образование в крупнейших университетах империи — Петербургском, Московском и Дерптском — создавали кружки, занимавшиеся изучением народной культуры, выпуском периодических изданий на национальных языках, организацией певческих праздников. Стоит отметить, что их отношение к имперской власти в России было в целом позитивным, так как в ней видели противовес остзейскому дворянству, находившемуся в привилегированном положении как по отношению к коренным народам, так и к русским, проживавшим в Прибалтике. Один из видных славянофилов Юрий Самарин в конце 1840-х гг. в качестве чиновника Министерства внутренних дел находился на службе в Риге, где стал свидетелем немецкого засилья во всех сферах социально-экономической жизни. Свои впечатления от пребывания в крае Самарин изложил в книге «Письма из Риги». Император Николай I усмотрел в его работе «стремление подорвать правительство»; публициста подвергли десятидневному аресту и переводу в Симбирскую губернию.

Впрочем, в правление Александра III энтузиазм прибалтийских националистов несколько поубавился: политика русификации в основном предусматривала лишь усиление русского начала за счет немецкого, а не развитие балтийских народов.

* * *

Распад Российской империи вследствие революции 1917 г. привел к возникновению многостороннего военного конфликта на территории Прибалтики. В нем принимали участие немецкие формирования, местные сторонники советской власти, части Белого движения и борцы за независимость балтийских стран. Последние в итоге одержали победу, и у берегов Балтики возникли три новых государства: Эстония, Латвия и Литва. Все они были признаны советским правительством посредством заключения международных договоров с каждым из государств. И в каждой из этих стран русские оказались крупным национальным меньшинством, составив 9% населения Латвии, 8% населения Эстонии и 3% населения Литвы. В тот период равноправный статус русских сомнению не подвергался. В Латвии, например, на русском языке можно было выступать в парламенте, функционировала сеть школ с русским языком обучения.

Среди латышских политиков 1920-х гг. преобладало лояльное отношение к меньшинствам. Русские, бежавшие из Советской России в Латвию, находили ситуацию для себя вполне благоприятной — и не в последнюю очередь потому, что здесь можно было получить образование на родном языке.

Однако после переворота 1934 г., когда в Латвии установилось авторитарное правление Карлиса Ульманиса, правительство взяло более этноцентричный курс в области национальной политики. В том же году были упразднены национальные отделы Министерства образования, и Сейм принял новый закон,

который позволял проводить политику сворачивания образования на языках меньшинств. Была принята инструкция распределения учащихся по национальностям, согласно которой каждый должен был учиться только в школе своей национальности. Ребенка от смешанного брака с латышом надлежало вести в латышскую школу.

В 1934 г. в Латвии работали пять правительственных русских гимназий — в Риге, Резекне, Даугавпилсе, Лудзе и Абрене (ныне Пыталово). В массе своей русское население было небогатым, особенно в Латгалии. Например, в Абрене открыли гимназию только в 1931 г., хотя в этом уезде компактно проживали 50 тыс. русских. Однако в 1935 г. её закрыли. Все это делалось, чтобы снизить расходную статью бюджета. В результате к концу 30-х гг. в Латвии остались всего две русские гимназии — в Риге и Резекне. Несмотря на дискриминационную политику, общий уровень грамотности среди русских продолжал расти. Почти половина русских детей обучались в латышских школах.

В первые годы существования независимой Литвы основная задача правящих кругов заключалась в создании литовской государственности. Литовская буржуазия не была настолько сильна, чтобы построить собственными силами государственный аппарат, что привело на первых порах к очень широкому привлечению в него старого русского чиновничества, польских военных специалистов, еврейской интеллигенции. Заполнение аппарата нового государства нелитовцами было настолько велико, что, случалось, литовского крестьянина, приходившего в учреждение, пресли говорили по-русски — чиновники не понимали по-литовски.

По договору с Советской Россией в 1920 г. к Эстонии отошел Печорский район с преимущественно русским населением. По данным переписи 1922 г. в Эстонии насчитывалась почти 100 тыс. русских. По отношению к русским в

Печорском крае проводилась политика языковой ассимиляции, в частности, здесь отсутствовали школы с преподаванием на русском языке. Для русских во всей Эстонии было гораздо меньше школ и культурных учреждений, чем для других национальностей.

Как отмечает профессор Тартуского университета Сергей Исаков, «в 1920–1930-е гг. в Эстонии шел постепенный процесс формирования особой этнокультурной общности *эстонские русские* со своей субкультурой. Эта этнокультурная группа была отлична как от русских в Советском Союзе, так и от русских, например, во Франции или в Америке, и в то же время у нее много общего с русскими в Латвии и Литве, поэтому с известной долей условности можно говорить и еще об одной, но значительно более размытой этнокультурной общности — *русские стран Балтии*. Процесс формирования особой этнокультурной группы *эстонские русские* интенсивно шел в 1930-е гг., но он, правда, не был завершен из-за событий лета 1940 г., когда Эстония вошла в состав СССР.

Да и в городах был солидный процент русских, особенно в Нарве (одна треть населения). Здесь благодаря счастливому стечению обстоятельств *как бы* сохранились остатки, осколки старой Руси. Не случайно И.А. Лаговский, посетивший Эстонию в 1930 г., назвал свой очерк о ней «Почти на родине», а В. Оболенский заметил, что он ощущал себя здесь «просто в России», добавляя, что здесь больше подлинной Руси, чем в Стране Советов. Эту же мысль позже высказала З. Шаховская, вспоминая свою поездку в Эстонию в начале 1930-х гг.: «Три дня провела в Печорах — в России — не скрою, почувствовала себя там больше на родине, чем в Москве в 1956 году».

События накануне Второй мировой войны имели определяющее значение для отношений русского и прибалтийских народов. В августе 1939 г. Советский Союз и национал-

социалистическая Германия заключили договор о ненападении, к которому прилагался секретный протокол о разделе сфер влияния в Восточной Европе. В соответствии с этим документом Прибалтика становилась частью зоны интересов Советского Союза. Между Москвой и правительствами прибалтийских стран были заключены договоры о взаимопомощи, которые предусматривали размещение советского воинского контингента во всех трех государствах Балтии. В середине июня 1940 г. советское руководство предъявило ультиматум правительствам Эстонии, Латвии и Литвы, в котором те обвинялись в нарушении пактов о взаимопомощи. В ультиматуме содержалось требование в кратчайшие сроки сформировать лояльные Советскому Союзу правительства, а также разрешить дополнительный ввод советских войск. Во избежание бессмысленного кровопролития в условиях априори неравного противостояния президенты Эстонии Константин Пятс и Латвии Карлис Ульманис согласились в полном объеме выполнить условия, поставленные Москвой. 17 июня 1940 г. Ульманис обратился к нации со словами «Я остаюсь на своем месте, и вы оставайтесь на своих», призывая тем самым предупредить сопротивление антисоветски настроенных граждан, которое бы неизбежно привело к жесткой реакции со стороны военного командования Красной Армии. Только президент Литвы Антанас Сметона попытался организовать вооруженное противостояние с Советским Союзом, однако его позиция не встретила поддержки у ближайшего окружения.

В результате во всех трех странах были сформированы дружественные СССР правительства. Новые кабинеты министров сняли запреты на деятельность коммунистических партий и проведение демонстраций и назначили внеочередные парламентские выборы. На выборах, состоявшихся 14 июля во всех трёх государствах, победу одер-

жали прокоммунистические Блоки трудового народа — единственные избирательные списки, допущенные к выборам. Вновь избранные парламенты уже 21–22 июля провозгласили создание Эстонской ССР, Латвийской ССР и Литовской ССР и приняли Декларации о вхождении в СССР. В начале августа 1940 г., в соответствии с решениями Верховного Совета СССР, эти республики были приняты в состав Советского Союза.

* * *

В эпоху Перестройки начались не прекращающиеся по сей день споры о том, как следует оценивать те события с юридической и моральной точек зрения. Современное руководство прибалтийских государств считает присоединение балтийских стран к СССР актом незаконной оккупации. Эта позиция вызывает неприятие у правительства РФ, периодически отголоски тех событий звучат во время очередных кризисов российско-прибалтийских отношений.

Нашей задачей не является выяснение правых и виноватых — на эту тему написаны десятки исследований. Скажем лишь, что те события нельзя рассматривать вне контекста исторической ситуации в Восточной Европе начала 1940-х гг. В условиях надвигающейся войны с Германией советское руководство было жизненно заинтересовано в том, чтобы обеспечить безопасность западных рубежей страны, и поэтому стремилось поставить ситуацию в Прибалтике под свой полный контроль. Законность интересов СССР в регионе признавали и западные политики, включая Уинстона Черчилля. С другой стороны, очевидно, что присоединение Эстонии, Латвии и Литвы к СССР добровольным не было. Российский историк, специалист по современной истории стран Балтии Елена Зубкова констатирует данный факт в отношении Эстонии: «Советская концепция о “добровольном вхождении” Эстонии, Лат-

вии и Литвы в состав СССР не выдерживает абсолютно никакой критики. И конечно, весь процесс вхождения той же Эстонии в состав СССР — это был акт нелегитимный, несмотря на то, что были подписаны все соответствующие бумаги, это, безусловно, была аннексия. Существует определение аннексии в международном праве — это присоединение одного государства другим без согласия этого государства. Как было получено согласие Эстонии, какой силовой нажим использовался — это абсолютно понятно».

Что касается южного соседа Эстонии — Латвии, то осуществление процедуры присоединения страны к СССР прошло при нарушениях не только духа, но и буквы закона. Так, 77-я статья Сатверсме (конституции Латвии) предусматривала возможность отмены или ограничения государственного суверенитета только путем всенародного референдума. Как известно, такой референдум в 1940 г. не проводился.

Впрочем, негативное отношение народов Балтии к тем событиям было вызвано не столько нарушением международных правовых норм и даже не столько потерей независимости, сколько неоправданно жестким курсом советизации их стран, которая проводилась по прямым указаниям из Москвы. За неполный год пребывания в составе СССР в прибалтийских республиках были проведены мероприятия по «ликвидации буржуазного элемента», включавшие в себя аресты, ссылки, а иногда и расстрелы представителей буржуазии, интеллигенции, духовенства, военных, зажиточного крестьянства. Многие видные члены национальной элиты, включая министров и военачальников, оказались в лагерях. Президент Эстонии Константин Пятс был выслан из страны и остаток жизни провел на принудительном психиатрическом лечении.

Самым тяжелым ударом для населения Прибалтики в первый год советской власти стала так называемая «июньская

депортация», которые на официальном языке НКВД назывались «очисткой» от «антисоветского, уголовного и социально опасного элемента» и членов их семей. Всего из трех республик были высланы (прежде всего в Сибирь) более 40 тыс. человек. Значительная часть депортированных погибла вследствие тяжелых условий содержания в заключении.

Летом 1941 г. Германия напала на Советский Союз, и в течение первых недель войны Прибалтика была оккупирована немецкими войсками. Значительная часть населения встречала немцев как освободителей, многие жители добровольно или по принуждению присоединились к иностранным формированиям СС, воевавшим на Восточном фронте и принимавшим участие в карательных акциях против партизан и мирного населения, оказывавшего им поддержку. После отступления немецких войск десятки тысяч жителей Прибалтики эмигрировали на Запад, еще десятки тысяч продолжали активное вооруженное сопротивление советскому режиму в подполье до начала 1950-х гг.

Ненависть к коммунистическим порядкам была столь сильна в различных слоях общества, что даже малолетние школьницы не гнушались вооруженными акциями. 8 мая 1946 г. две эстонские старшеклассницы одной из таллинских средних школ — Агееда Паавел и Айли Юргенсон взорвали деревянный монумент советским воинам на Тынисмяги, где впоследствии воздвигли знаменитый памятник «Бронзовый солдат» (перенесенный оттуда в ходе печально известных событий весной 2007 г.). Одна из девочек, Айли, свой поступок назвала мстью за уничтожение памятников борцам за независимость Эстонии: «Как долго мы должны были видеть эту красную звезду, памятник советским грабителям, в то время, когда все наши статуи разрушались?! Мы просто не могли этого вытерпеть. Мы решили, что, если уж эти мародеры хозяйничают в Эстонии, они должны

увидеть, как взрываются их памятники. Мы могли просто облить эту деревяшку бензином и поджечь, однако мы хотели ее именно взорвать». Подростки-террористки были приговорены к расстрелу, замененному на 15 лет концлагерей (позднее срок был сокращен до 8 лет).

Чтобы окончательно стабилизировать ситуацию в Прибалтике, советское правительство выбрало традиционный для себя выход из положения, заключавшийся в устранении социальной базы подполья. В марте 1949 г. была организована еще одна массовая депортация; на этот раз в ходе операции под кодовым названием «Прибой» из Эстонии, Латвии и Литвы было депортировано в Сибирь и отдаленные районы Севера более 95 тыс. человек (в масштабах небольших стран с численностью населения в пределах 1–2 млн. человек это цифра весьма существенная). В результате властям удалось провести коллективизацию — именно она вызывала резкое отторжение у более зажиточной части прибалтийского крестьянства, традиционно приверженного индивидуальному хозяйству.

Одновременно с процессом укрепления позиций советского режима в Эстонскую, Латвийскую и Литовскую ССР начинается массовая миграция русского населения из РСФСР. Применительно к периоду 1940–1950-х гг. можно говорить о формировании двухобщинной демографической структуры в Латвии, Эстонии и отчасти Литве. Вызвана она была тремя причинами. Во-первых, военные действия привели к разрушительным последствиям для экономики региона, восстановление которой требовало новых рабочих рук. А их не хватало — численность трудоспособного коренного населения сильно сократилась вследствие боевых потерь, эмиграции на Запад и сталинских депортаций. Во-вторых, по выражению американского ученого Терри Мартина, Советский Союз был «империей позитивной дискриминации» — то

есть государственным образованием, в котором развитие национальных меньшинств осуществлялось за счет наиболее многочисленной этнической группы. Разумеется, в СССР таким народом были русские. Естественным следствием такого курса становился опережающий экономический рост национальных окраин, и в Прибалтике эта ситуация проявлялась особенно ярко: уровень жизни, например, в Эстонской ССР и соседней Псковской области были несопоставимы.

В таких условиях русские люди — как по собственному желанию, так и по распределению, направлялись в те союзные республики, где их ожидали лучшие социально-экономические условия. Когда же в регионе стали размещать предприятия общегосударственного значения (например, знаменитые рижские заводы «РАФ» и «ВЭФ»), то приток русских поселенцев интенсифицировался еще больше. Некоторым исключением на этом фоне стала Литва, где ключевые позиции в местной компартии сразу же заняли «националы» во главе с первым секретарем организации Антанасом Снечкусом. Он стремился не допустить изменения национального состава своей республики и всячески препятствовал планам Москвы по сооружению больших заводов. Поэтому к концу советского правления доля русских там не превысила 10%.

Иная ситуация сложилась в Эстонии и Латвии. «Национальные» кадры в партийной номенклатуре не обладали той же степенью влияния (они состояли в основном из «советских» латышей и эстонцев типа Арвида Пельше или Карла Вайно, которые родились и выросли в СССР, толком даже не говорили на языке предков и приехали в республику уже после установления коммунистическим режимом контроля над ними), что и в Литве, и потому оказались не в состоянии препятствовать массовой иммиграции. Наиболее существенно демографический баланс изме-

нился в Латвии: доля коренной национальности упала с 80% в 1940 г. до 52% в 1989 г.

Наконец, в-третьих, прибалтийский регион, имея крайне важное стратегическое значение для обороны страны, стал местом высокой концентрации советских военных объектов. Многие военнослужащие, выходя в отставку, выбирали Прибалтику в качестве постоянного места жительства.

На массовый приезд русских местные жители реагировали в лучшем случае прохладно, в худшем — с плохо скрываемой агрессией. И дело не только в том, что в их страны массово переселялись сотни тысяч людей, никак не интегрированных в их языковую и культурную среду. Дело еще и в том, что русские воспринимались как неотъемлемая часть коммунистического режима и той политики, которая проводилась от его имени. В глазах обычного латыша, литовца или эстонца советскую власть олицетворял грубоватый русскоговорящий сотрудник правоохранительных органов (по понятным причинам, в первые послевоенные десятилетия власть воздерживалась от комплектования кадров МВД представителями титульных национальностей), не понимавший его родного языка.

Таким образом, даже на бытовом уровне у людей часто возникало ощущение, что они живут в условиях не просто враждебного тоталитарного режима, а прямой иностранной оккупации. Рядовой прибалтийский обыватель просто не осознавал, что те несчастья, которые лично ему или его близким принесла советская власть, пережил и русский народ, причем задолго до 1940 г. В его глазах советский коммунистический строй выглядел чисто русским национальным явлением. Любопытно отметить, что те люди, которые оказались в лагерях или ссылке, в гораздо меньшей степени разделяли этот стереотип: они видели, что репрессии в отношении русских носили не менее ожесточенный характер.

В качестве иллюстрации того, как в сознании людей смешивались понятия «советское» и «русское», можно привести пример известного латышского диссидента Гунара Астры — инженера завода «ВЭФ», который отсидел почти 20 лет в мордовских политзонах «за антисоветскую агитацию и пропаганду», т.е. за распространение запрещённой литературы националистического свойства. Судили его дважды — в 1961 и 1983 г. В завершающей части своего второго процесса (закончившегося приговором к семи годам лагерей) Астра произнес последнее слово, которое (редчайший случай в советской судебной практике) было тайно записано на аудио пленку адвокатом обвиняемого. Речь Астры интересна тем, что в ней содержатся практически все основные претензии национально сознательных прибалтов к советской власти:

«...Наш родной, красивый и богатый язык изгоняется из собраний, кабинетов, учреждений, с лозунгов, тем самым его все более обедняют и калечат.

Мне больно и унижительно видеть, что за светящимися буквами высоко на фасаде «Завода “Страуме”» или над крышами “ВЭФ”а и “РЭЗ”а скрывается одно-единственное — русскость: указания, приказы, таблички с надписями, лозунги, язык, техническая документация — все это русское.

Мне больно и унижительно констатировать, что мой родной язык вынужден отступить в заповедники — в этнографический музей и на сцены некоторых театров, в сферу деятельности средств массовой информации, и даже здесь его постепенно, но настойчиво вытесняет великий русский язык.

Мне больно и унижительно констатировать, что подавляющее большинство русских, родившихся и воспитавшихся в Латвии, не учит и не хочет знать латышский язык, что для выпускника русской средней школы латышский язык служит предметом насмешек и презрения, и никакой экзаменатор не требует знания этого языка от русского учащегося,

в то время как для школьника-латыша знание русского языка обязательно.

Я чувствую себя глубоко оскорбленным и униженным тогда, когда мне в общественных местах — в магазине, в учреждении, на транспорте, на улице, — повсюду на территории Латвии приходится встречаться с высокомерным шовинистическим отношением к моему языку: в лучшем случае “чево, чево? По-русски!”, в худшем тот, к кому обращаешься, посмотрит на тебя, словно ты оконное стекло, и после этого можешь лицезреть его затылок.

Все упомянутое... в этой связи заставляет меня задать вопрос: какое основание имеет формула “с целью подрыва и ослабления Советской власти” (выдержка из обвинительного заключения Г. Астры. — Д.П.). Каждому, кто не хочет выдать себя за слепого, ясно, что понятие *советское* обозначает явление по существу социальное. Все то, о чем я говорю... вытекает из явлений национальных по своей сути. Следует ли понимать терминологию, используемую следствием, государственным обвинителем и судом, как попытку доказать, что недвусмысленное, подавляющее и прогрессирующее доминирование русской нации является воплощением марксизма-ленинизма? Меня в этом убедить невозможно. Допускаю, однако, что государственные органы руководствуются формулой “советское — это русское” и слово *советское* используется как своего рода псевдоним понятия *русское*...

Я верю, что эти времена исчезнут, как рассеивается кошмарный сон. Это дает мне силы стоять здесь и дышать...».

* * *

Весь комплекс межнациональных противоречий в прибалтийских республиках, который почти полвека держала под спудом советская государственная система, был обнажен в период политики горбачевской гласности. Именно там стремление к независимости, подогреваемое национа-

листическими настроениями широких масс эстонцев, латышей и литовцев, были наиболее сильными — сравниться с Прибалтикой в этом отношении могла разве что Западная Украина. Когда в начале активной фазы Перестройки (весной 1988 г.) некоторые прибалтийские национально ориентированные общественные деятели, почувствовав сдвиги в политическом климате, наметнули широким массам на желательность поддержки Перестройки, инициатива снизу не заставила себя долго ждать. Представители всех социальных слоев сразу же проявили активную готовность к объединению.

За несколько месяцев, например, в Эстонии под программной платформой нового общенародного движения, названного Народным фронтом, подписались практически все взрослые эстонцы. В отличие от России, движения в поддержку Перестройки имели ярко выраженную националистическую компоненту. Еще весной 1989 г., когда движение еще только набирало обороты, один из лидеров Народного Фронта Эстонии академик Виктор Пальм писал о том, что революция социально-экономическая в целом невозможна в отрыве от революции «национально-антиколониальной»:

«Существует убеждение, что сначала надо решить основные социально-экономические проблемы как определяющие. Вопросы же, связанные с нациями, следует отнести во вторую очередь и решать их после успешной подготовки реального базиса...

Жизнь полностью опрокинула эту абстрактную схему, причем не только локально в Эстонии, но и в рамках всего Союза. История напомнила нам не лишний раз, что революции не делают — они происходят. Оказалось также, что и Народный фронт не может быть создан запросто, в результате чьих-то организационных усилий. Он возник на наших глазах как итог поразительного процесса самоорганизации народа; появившись, стал раз-

виваться по своим собственным законам».

В той же статье Пальм задавал риторический вопрос, сама постановка которого не оставляла места для сомнений в наличии у движения националистической повестки:

«900 ТЫСЯЧ и 600 ТЫСЯЧ — эти магические числа, отражающие численность эстонского и неэстонского населения в республике, не раз произносились вслух... Дано ли нам или кому-либо вообще справиться со свинцовой тяжестью давления сил, ставящих на карту противопоставления эти сотни тысяч?»

На раннем этапе движения национальный вопрос слишком открыто не ставился, дабы избежать ненужных на тот момент конфликтов с Москвой и приездом русским населением. Однако дальнейшее развитие событий раскрыло именно националистический потенциал Народных фронтов, изначально позиционировавших себя как сугубо общегражданские движения. По мере того как они набирали силу, требования по защите интересов именно титульных народов стали звучать все громче. На них вынуждена была реагировать и местная партийная элита. 16 ноября Верховный совет Эстонской ССР принял Декларацию о суверенитете, которая провозглашала верховенство местных законов над законами СССР. В январе 1989 г. тот же орган власти первым среди союзных республик принял закон о языке, который законодательно установил статус эстонского языка как единственного государственного и гарантии для его защиты в целях сохранения и развития эстонского народа и его культуры. В Латвии примерно в то же время был принят закон, запрещающий миграцию нелатвийского населения из-за пределов республики.

Народные фронты стали вдохновителями и организаторами крупнейшего национально-волевого акта — «Балтийского пути». 23 августа 1989 г., в 50-ю годовщину заключения Договора о ненападении между СССР и Герма-

нией, 2 миллиона человек выстроились в одну непрерывную цепь от Таллина до Вильнюса. Они выступили с требованием восстановления национальной справедливости: осуждения пакта Молотова–Риббентропа и предоставления независимости странам Балтии. Зимой 1990 г. во всех республиках на первых альтернативных выборах в Верховные советы победили Народные фронты, которые незамедлительно проголосовали за постановления о незаконности власти Советского Союза и, соответственно, о юридической ничтожности всего советского законодательства. Этими актами фактически провозглашалась национальная независимость от Москвы.

Участие русских в Народных фронтах ввиду их выражено националистического характера было довольно ограниченным. Поэтому в массе своей они примкнули к «Интернациональным фронтам трудящихся» (сокращенно «интерфронты»), программа которых предлагала поддерживать перестройку, не придавая значения национальному вопросу. Важно отметить, что противостояние в Прибалтике выявило болезненный симптом деформации русского самосознания, произошедшего в советскую эпоху. Конфликт между русскими переселенцами и «коренными» народами был не просто рядовым межэтническим столкновением. На него можно посмотреть и в другой перспективе. Это было противостояние двух общностей людей, одна из которых обладала сильным национальным самосознанием, а другая его по крайней мере частично утратила.

К такой «национальной амнезии» привела многолетняя целенаправленная советская политика по переориентации русских с этнической лояльности на государственный патриотизм. Поэтому, например, латыши просто не понимали логику русского депутата Верховного совета Латвийской ССР, которая во время дискуссий о законопроекте о гражданстве (который должен был

ограничить права лиц, не являвшихся потомками жителей довоенной Латвии) с трибуны демонстрировала свой паспорт гражданина Советского Союза и вопрошала, чем же она отличается от латышей, у которых, вообще говоря, имеется точно такое же удостоверение личности, а на встречный вопрос: «А когда вы приехали в Латвию?» — недоуменно разводила руками.

Реальность «разговора слепого с глухим» уже в наше время подтверждает и бывший депутат парламента Латвии Игорь Пименов:

«Сохраняется ксенофобия (латышей) по отношению к инородцам. С другой стороны, если говорить о нелатышах, в особенности — о людях славянской национальности, которые приехали в Латвию в советские годы, для многих из них характерен национальный нигилизм. Однако они ни в коем случае не враги латышей. Они просто ведут себя здесь, как в пространстве, и доброжелательно настроены в отношении каждого и других людей, но они не углубляются в то, почему эта земля для латышей такая особенная. Но, если кто-то скажет латышу: мне все равно, какой ты национальности, главное, что ты хороший человек, профессиональный специалист или верный коллега, — то латыш обидится, поскольку воспримет это как пренебрежение к своей национальной принадлежности, хотя это вовсе не имелось в виду.

Национальный нигилизм в основном был привит в советское время, когда под дружбой народов иногда упрощенно понимали, что все люди хорошие, и национальную принадлежность не нужно принимать во внимание. Многие до сих пор живут с таким восприятием, потому что оно очень удобно и не требует никаких внутренних усилий, углубления. Если мы хотим уменьшить недоверие между латышами и местными славянскими жителями, то надо начать с признания этих качеств — ксенофобии, с одной стороны, и национального нигилизма — с другой».

После подавления августовского путча в 1991 г. независимость балтийских государств была восстановлена де-юре и признана мировым сообществом. В новых независимых государствах осталось около полутора миллиона русских, положение которых было различно. Желание национальных элит вернуться к «дооккупационным» временам, реализовав мононациональную модель государства, привело к тому, что в Эстонии и Латвии русские жители, переселившиеся в Прибалтику после 1940 г., а также их потомки оказались лишены полноценных гражданских прав.

После обретения Латвией полной независимости в сентябре 1991 г. было принято постановление Верховного совета, закрепившее гражданские права только за жителями довоенной Латвии и их потомками. В качестве юридического основания для подобного подхода был положен принцип «ex injuria jus non oritur» (несправедливые деяния не могут быть правовым прецедентом), в соответствии с которым суверенитет Латвии не прекращался несмотря на фактическую утрату независимости (целый ряд западных стран во главе с США не признавали законность вхождения Прибалтики в состав СССР). Соответственно, продолжала существовать и общность людей, чей правовой статус был обусловлен связью с данным суверенитетом. Натурализация приезжих нелатышей началась только несколько лет спустя, когда все основные государственные институты уже были сформированы.

Аналогичное законодательство о гражданстве было принято и в Эстонии. Не удивительно, что по результатам первых парламентских выборов уже независимого государства в законодательном органе власти вообще не оказалось неэстонцев, хотя их доля от общего населения страны составляла чуть менее 40%.

В Литве национальные меньшинства составляли всего 20% населения, и

принятие дискриминационных мер выглядело на этом фоне бессмысленным: гражданство предоставили всем желающим.

В настоящее время, несмотря на массовую эмиграцию русских из Прибалтики в первой половине 1990-х гг., можно с уверенностью говорить о том, что основная часть наших соотечественников осталась там всерьез и надолго. На это указывает то обстоятельство, что большинство русских уже имеет новое гражданство, приобретенное как путем натурализации, так и по заявлениям родителей детей неграждан, родившихся после 1991 г. (в Латвии). Многие неграждане сознательно воздерживаются от приобретения гражданства, поскольку их нынешние паспорта дают им право безвизовых поездок как в государства ЕС, так и в Россию. Практически вся русская молодежь свободно владеет государственными языками своих стран.

Бытовая ксенофобия в отношении наших соотечественников за два десятилетия ослабла, и на уровне межличностного взаимодействия она практически не ощущается. Относительную «комплиментарность» русских и титульных народов подтверждает достаточно высокий процент смешанных браков. Например, в Латвии треть всех заключаемых семейных союзов носит межнациональный характер. Хотя русским непросто сделать карьеру на государственной службе, где имеет место этнический фаворитизм, их позиции в бизнесе намного более сильные. Так, большую часть списка ста самых состоятельных людей Эстонии составляют русские, хотя их доля в населении страны едва превышает четверть. Во всех трех странах Балтии свободно функционируют русскоязычные СМИ.

Тем не менее в жизни русской общины Прибалтики далеко не все благополучно. Существует дискриминация при приеме на работу в государственные учреждения и частные фирмы (особенно остро эта проблема стоит в Эсто-

нии), которая иногда вынуждает русских людей менять свои фамилии с русских на «национальные». Вообще, доля безработных среди русских примерно в полтора-два раза выше, чем у титульных этносов. Государственное финансирование районов компактного проживания русских находится на более низком уровне по сравнению с остальной территорией: самые депрессивные регионы в Латвии и Эстонии — это Латгалия и район Нарвы. Русский язык не имеет никакого официального статуса, что позволяет властям постепенно сворачивать образование на нем. А это увеличивает угрозу ассимиляции нового поколения русских детей.

И все же, несмотря на все имеющиеся проблемы, положение русских в Прибалтике оказалось значительно лучше, чем у их соотечественников в Средней Азии, Закавказье и даже некоторых районах России, прежде всего на Северном Кавказе. Как показала миграционная статистика, за первые 15 лет после распада СССР отток русских из Латвии и Эстонии (22% и 26% соответственно) был наименьшим среди всех государств постсоветского пространства, не считая Украину и Беларусь. Межнациональные конфликты там никогда не перетекали в фазу физического насилия: случаи изнасилований и убийств русских по мотивам национальной ненависти в Прибалтике не зафиксированы.

При всех различиях, противоречиях и национальных стереотипах балтийские народы и русские принадлежат к одной европейской христианской цивилизации, и их сосуществование в едином политико-правовом пространстве оказалось вполне возможным. Присоединение прибалтийских государств к ЕС способствовало интеграции русских, особенно молодежи, в общеевропейское пространство. Не удивительно, что с наступлением финансового кризиса в 2008 г. многие молодые русские специалисты предпочли уехать в поисках работы на Запад, а не в Россию.

Стоит отметить, что прибалтийские русские лишены и «синдрома россиянина», распространенного среди их единоплеменников в РФ. Как на уровне государства, так и на уровне общественного сознания русские в Прибалтике воспринимаются как отдельный, особый этнос. Пусть отношение к этому этносу не у всех доброжелательное, однако столь характерные для нашей страны разговоры про «многонациональный народ», «полиэтническую цивилизацию», «а что скажут чукчи» и пр. там не ведутся. Оказавшись в положении национального меньшинства в не самом дружественном окружении, русские сумели реанимировать базовые навыки этнической солидарности и начать отстаивать свои групповые интересы — что и показали резонансные кампании в защиту русских школ и русского языка в Латвии.

* * *

Для современного русского национального движения, прежде всего его демократического крыла, вопрос отношения к прибалтийскому опыту носит двойственный, но принципиальный характер.

С одной стороны, положение русской диаспоры в странах Балтии нельзя назвать достойным, и для претензий к дискриминационной политике тамошних высокопоставленных этнократов существуют вполне объективные основания. Впрочем, в некоторых регионах РФ, не говоря уже про Среднюю Азию и Закавказье, условия жизни русских представляются куда менее благоприятными, поэтому русским правозащитникам нет смысла бежать «спасать наших» в Прибалтике в первую или даже во вторую очередь.

С другой стороны, именно Эстония,

Латвия и Литва на собственном примере продемонстрировали, как можно в кратчайшие сроки пройти путь от режима советских социалистических республик до национальных государств европейского образца. Этот путь был не лишен перегибов и откровенно волюнтаристских решений (прежде всего в финансово-экономической сфере), обернувшихся многомиллиардными долгами, дороговизной товаров и услуг первой необходимости, а также переходом важнейших активов в руки иностранцев из более успешных стран Европейского союза. Однако именно в Прибалтике прочнее, чем во всех прочих местах постсоветского пространства, утвердились институты частной собственности и идеалы верховенства закона, без которых развитие современного национального государства не представляется возможным в принципе. Молодые республики также достигли больших успехов в борьбе с коррупцией и организованной преступностью. И пускай по своим достижениям они находятся в самом хвосте длинного европейского поезда, на страны Балтии, как на ближайший рубеж, придется ориентироваться в процессе эволюции в сторону построения национального государства на месте нынешней РФ.

Понятно, что лозунг «догнать и перегнать Эстонию» будет звучать как вопиющее богохульство в ушах наших доморожденных «патриотов-государственников». Но курс на достижение означенных ориентиров представляется наиболее целесообразным и реалистичным с точки зрения целеполагания в деле национального строительства. Кроме того, у России есть шанс избежать ошибок, которые допустили ее западные соседи в процессе своего «возвращения в Европу».

Ярослав РАЗУМОВ

КАЗАХСТАН: ЕСЛИ К ВЛАСТИ ПРИДУТ «НАЦПАТЫ»...

Нас всех прядет судьбы
веретено в один узор.
А. Гумилев. «История»

Национализм — это оружие!
Генерал Огано, х/ф «ТАСС
уполномочен заявить!»

Написать эту статью меня заставили два обстоятельства: желание продолжать жить в Казахстане — и явно растущее влияние того спектра общественных сил, который у нас принято именовать национал-патриотами (термин, на мой взгляд, не очень правильный, но — ладно).

Эта проблематика для будущего Казахстана столь важна, что требует постоянного и, по возможности, неконфликтного диалога (даже широкой дискуссии, учитывая, что заинтересованных сторон в этом вопросе намного больше, чем две). Предлагаю свой взгляд на проблемы, которые, как представляется, стоят перед одной из сторон (а значит, перед всеми) в этом диалоге — перед казахскими национал-патриотами. Надеюсь, герои моей статьи не будут слишком недовольны — ведь всегда полезно взглянуть в зеркало. Постараюсь, чтобы предлагаемое «зеркало» не было чересчур кривым...

Русская «шагреновая кожа»

Лет десять назад на одной конференции по этническим отношениям я сказал, что, в принципе, перспективы этнической истории Казахстана вполне ясны, во всяком случае, в от-

ношении двух крупнейших этносов — казахов и русских. Численность первых будет постоянно расти в общем объеме граждан, вторых — сокращаться. Все основные тенденции прошедших лет это подтверждают. Хотя явно было и есть (и будет) стремление и властей, и ряда общественных деятелей видеть этот процесс более быстрым, чем он есть на самом деле, причем в отношении не только русских, но и других этносов. Например, немцев.

Тем не менее *межэтнический «исторический развод» двух основных этносов в рамках Казахстана неизбежен: вопрос в сроках и в формах. И в интересах всех — казахов и русских, других этносов страны, в интересах государств России и Казахстана — чтобы этот развод прошел максимально цивилизованно, т.е. бесконфликтно и растянуто во времени.*

Естественно, кардинальное изменение этнической картины в Казахстане само по себе не приведет к тому, что страны полностью закроются друг от друга (такое нельзя исключать, но по другим причинам, об этом ниже); будет торговля, будет, возможно, и союзничество. Но характер и обстоятельства «русского исхода» потенциально могут серьезно повлиять на взаимоотношения двух стран.

А темпы сокращения «русской шагреновой кожи» в Казахстане во многом зависят от казахских национал-патриотов.

«Завещание» генерала Огано

То, что влияние этого спектра политических сил будет только расти, сегодня очевидно. Об этом говорят и *демографические процессы в Казахстане, и социальная динамика внутри казахского этноса (колоссальное имущественное расслоение на фоне идейного дефицита и снижения качества образования в стране), и целый ряд ошибок властей, и сама логика того исторического периода, который сейчас переживает Казахстан как страна и казахи как нация. Это — данность*, которую можно признавать, а можно продолжать прятать голову в песок. Совсем не случайно ряд общественно-активных персон молодого и среднего возраста, еще сравнительно недавно позиционировавших себя как демократы и носители «современных западных ценностей», сегодня — в числе активных национал-патриотов. «Национализм — это оружие» (см. второй эпиграф к статье).

Все это вполне объяснимо: левые идеологии дискредитированы (даже несмотря на последний всплеск интереса к ним на фоне европейского кризиса), а западные ценности для масс изначально были чужды, да еще власти постарались за 20 лет их обделать по полной... Выбор невелик: религиозно-политические формы политического самовыражения и борьбы — или национализм. Эту точку зрения в СМИ настойчиво высказывают некоторые публицисты из лагеря национал-патриотов, и здесь они совершенно правы.

Смогут ли казахские национал-патриоты прийти к власти?

Не стал бы абсолютно исключать это. *Сегодня вообще ничего нельзя исключать — при нынешней глобальной политической и экономической непредсказуемости, по времени совпавшей с тем, что в Казахстане заканчивается важнейшая для него эпоха.*

*Вот в этом хронологическом со-
впадении и кроется самый большой
набор неизвестностей для нас, казах-
станцев.*

*В этом плане нам всем крайне не
повезло.*

Немало людей считают, что казахские национал-патриоты — не более чем «инструмент» в борьбе «наверху» и «проект» околоставных политтехнологов. Что, мол, ничего самостоятельного они из себя не представляют. Думаю, это не так. Политика манипулирования властей этим спектром, попытки шантажа им, конечно, есть, но это не лишает его самостоятельного потенциала. Да и мало ли было в истории примеров, когда манипуляторы и манипулируемые в итоге менялись местами? Американская «народная» политтехнологическая мудрость насчет сложных отношений между собакой и хвостом — кто кем виляет? — тут очень кстати.

Есть мнение, что внешние силы не заинтересованы в приходе к власти в Казахстане радикалов любого вида (а национал-патриоты априори воспринимаются как таковые). И, мол, «не допустят»...

Мнение это вряд ли стоит рассматривать всерьез.

Оно, во-первых, выстроено на традиционном для нашего общества гипертрофированном представлении о всемирной важности казахстанских минеральных ресурсов и геополитического положения. Мол, важность эта *такова*, что обязательно соберется «концерт великих держав», которые договорятся, и... Всерьез сегодня в это верить могут или большие мечтатели, или «специальные люди», вроде политтехнологов, утверждавших в 2001-м, что 11-е сентября устроили сами американцы, чтобы иметь повод открыть свои базы в Средней Азии. Ей-богу, есть такие!

Во-вторых, это мнение не учитывает упомянутую глобальную непредсказуемость.

Очень бы не хотелось, но — представьте, что сбудутся, хотя бы ненадолго, самые негативные из нынешних прогнозов: кризис в ЕС не купирован, а развивается вширь; внешние рынки для Китая сужаются; мир балансирует на грани глобальной рецессии, а то и падает в нее. Да еще вдруг и вокруг Ирана «тучи» рассеются... Цены на нефть и металлы идут вниз. Все это (даже — отдельные фрагменты этой картины) неизбежно приведет к тому, что внимание внешних акторов к Средней Азии и к Казахстану снизится. Не до нас будет.

Ну, а не сбудутся эти алармистские прогнозы? Сомневаюсь, что и тогда Вашингтон, или Пекин, или кто-то еще, захотят дать вовлечь себя *напрямую* во внутриказахские дела. Зачем? Кроме немалых издержек и ненужной ответственности это чревато еще и тем, что логика таких действий заставит затем влезать в аналогичные (и тоже — скорые!) процессы в Узбекистане, а там, глядишь, и в Таджикистане. Слишком это все хлопотно. Из афганской бы трясины ноги вытянуть.

Есть другое мнение — что приход к власти националистов крайне невыгоден Кремлю (мол — ТС, ЕЭП, ОДКБ и т.д.), и «он этого не допустит». Зная историю политики Москвы в отношении постсоветского пространства, не стану даже тратить время на дискуссию. Сошлюсь только на недавнее очень интересное интервью Модеста Колерова, которое он дал моему коллеге Кенже Татия.

Кстати, есть там такой момент: рассуждая о причинах утраты Москвой влияния в Средней Азии, Колеров говорит, что когда Россия после ельцинской эпохи *«начала немножко приходить в себя и превращаться в государство, то есть к 2001 году, к этому моменту миллионы русских людей ушли из Средней Азии. Уже не было реального присутствия»*. Это к дискуссии о перспективах влияния России в Казахстане и интеграцион-

ных процессах в свете миграционной динамики.

«Иранские армяне», или «Успеем добежать до канадской границы!»?

Итак, в политической эпохе, в которую вскоре предстоит вступить Казахстану, *приход к власти людей, стоящих на позициях казахского национал-патриотизма, вполне вероятен*¹.

Во всяком случае, *на какое-то время*. А усиление таких настроений и институционализация их в политическом пространстве — абсолютно неизбежны.

Вероятно, многие казахстанцы, не принадлежащие к титульному этносу, после таких прогнозов потянутся за валидолом. Я бы не советовал сильно с этим торопиться. И не только потому, что валидол в больших количествах не полезен, а до северных границ Казахстана недалеко (как в советской киноклассике — «Успеем добежать до канадской границы!»).

Сам по себе факт прихода к власти казахского правительства, позиционирующего себя как национал-патриотическое, может и не стать для «нетитульных» сигналом, что настало «время Х». И даже попытка реализации идей и ценностей этого

¹ Это не значит, что будущих лидеров надо обязательно искать среди сегодняшних активистов национал-патриотического политического спектра. Как правило, на любой Олимп «на плечах» идеалистов и примкнувших к ним авантюристов «первого призыва» въезжают сугубые прагматики, обладающие экономическими и силовыми ресурсами. В этой связи сегодня потенциальные лидеры казахского национал-патриотизма, на мой взгляд, находятся среди нынешних администраторов. Тех, что имеют «привязку» к конкретным регионам, и, значит, к «неформальным» силовым ресурсам. То есть, скорее всего, эти лидеры — среди нынешних или недавних акимов.

правительства не обязательно должна выталкивать неказахов с мест, насильственных кем-то десятилетиями, а кем-то и веками.

В конце концов, история знает примеры существования в государствах с очень этно- или конфессионально-идеологизированными режимами таких субгрупп, которым, на первый взгляд, делать в этих странах совсем нечего. Например, влиятельная армянская община в теократическом Иране, сохраняющая тесные духовные и коммерческие связи с Арменией. Или долго существовавшая в Османской Империи и много для нее сделавшая община греков-фанариотов.

Возможно, что и в Казахстане, где к власти придут национал-патриотические силы, сложится такая же ситуация. Почему нет? И, при гарантиях соблюдения прав этнических меньшинств, почему и дальше в нем не жить? Тем более что *на сколько-нибудь серьезную политическую роль в Казахстане ни одно меньшинство уже лет 20 как не претендует*. Не относить же к такой роли наличие этно-депутатов в АНК (Ассамблея Народа Казахстана — не путать с Африканским Национальным конгрессом).

Так что *некоторые вещи, которые национал-патриотами обязательно будут реализованы, ничего нового для меньшинств представлять не будут. Все это мы уже давно знаем*.

Почему же тогда я, алмаатинец в третьем поколении и казахстанец в четвертом, желающий жить на своей родине дальше, чтобы мой сын мог сам для себя, *став взрослым*, ответить на вопрос — жить ему здесь или уезжать, почему же я не уверен, что эти мои желания при правительстве национал-патриотов могут реализоваться? И что не придется-таки брать билет в один конец?

Сказавши «а» — кто скажет «б»?

Важнейшее замечание: сегодня адресатами вопросов «Что будет дальше?»,

«Как нам обустроить Казахстан?» и «Казахстан — для кого?» являются не только национал-патриоты, а любая динамичная и амбициозная политическая сила. И та (те?), что сейчас у власти, и либералы, и — все другие. И ни одна из политических сил в Казахстане не может предложить сколько-нибудь комплексной и убедительной программы построения будущего страны. А проблем вокруг — масса, и становится их все больше. И это здорово нервирует.

Идейная слабость национал-патриотов — не исключение. Но именно они — одна из ведущих политических сил на обозримую перспективу. Поэтому они же — и один из главных адресатов вопросов о том, как будет строиться казахстанское будущее. И именно от них я (и такие как я) в первую очередь должны ожидать ответов на вопросы, которые определяют наши стратегические решения в отношении нашей малой родины, которую абсолютное большинство из нас любит, как только можно любить землю, на которой ты родился и родил детей.

Но...

Казахский национал-патриотический дискурс все постсоветские годы развивается практически исключительно в формате фобий (внешне- и внутривнутриполитических, исторических, культурно-лингвистических). В принципе, *это обязательная часть любого подобного дискурса, так как подобные идеологии не могут не ставить перед собой «определяющий» вопрос «Кто виноват?»*. Но для политической жизнеспособности необходимо делать следующий шаг: *после «а» говорить и «б» — т.е. искать ответ на вопрос «Что делать?»*. Чтобы выстоять в конкуренции с другими идеологиями, любая из них должна «пахать вширь», предоставляя обществу свои варианты ответов на сложные вопросы. Причем как те, которыми общество уже задается, так и работать на опережение, анализируя проблемы завтраш-

него дня. Вот с этим, как представляется, дела не очень...

Сразу замечу — последовательность ответов на «вызовы-угрозы» может быть совсем иной, чем предлагаемая мной ниже; иерархичность, особенно в вопросе угроз — дело субъективное. Главное — не упустить чего-то важного.

О «вульгарном экономизме». И о его отсутствии

Я не сторонник экономизма, тем более в его наиболее вульгарной форме — марксизме; но никуда не деться от истины, что экономика первична. По крайней мере, для массовых процессов в обществе.

Как вообще национал-патриоты видят модель развития экономики Казахстана? То есть основу основ бытия любой нации (как ее ни трактуй, «по крови» или по гражданству) и государства. Да — душа народа, безусловно, существует! Но только до тех пор, пока народ, в рамках своего государства или вне их, способен себя прокормить и освоить ресурсы для защиты и воспроизводства. *За все годы независимости Казахстана я не встречал сколько-нибудь проработанной программы «казахской национальной экономики».* В многочисленных статьях и выступлениях на эту тему речь шла лишь о двух стратегических направлениях — минеральных ресурсах и сельском хозяйстве.

Это немало. Будь в Казахстане возможность масштабно развить экспорто-ориентированное сельское хозяйство и гарантировать стабильность функционирования добывающей сферы, этого бы вполне хватило для существования государства и нации. Но бытующие у национал-патриотов представления о ресурсах этих сфер экономики глубоко идеологизированы и очень далеки от серьезного критического взгляда на них. Как *и представления главных оппонентов казахских национал-патриотов, ны-*

нешних властей. Хотя у них все же есть некая критическая динамика². И те, и другие исходят из посыла, что Казахстан — априори Страшно Богатая Страна.

Почему бы национал-патриотам не инициировать проведение большой, международной (по-настоящему, а не как то, что у нас обычно называется этим словом) конференции или даже серии конференций на тему «Реальное состояние и перспективы казахского агропромышленного комплекса»? Что-то будет сказано там? Я лично смотрю на ее возможные выводы очень осторожно. Сошлюсь на один факт. Балташ Турсунбаев, которого трудно упрекнуть в том, что он не знает «изнанки» нашего сельского хозяйства, когда-то в клубе «Политон» заявил: знаменитый «казахстанский миллиард» пудов зерновых мог быть получен только в условиях, когда республика была частью системы, обладавшей огромными ресурсами. «Мы сами и убрать бы его не смогли», — сказал он тогда. Примерно то же можно сказать и о скотоводстве.

Возможно ли ныне интенсифицировать развитие агросектора так, чтобы создать много рабочих мест, приостановить отток сельской молодежи в города, разработать приличный экспортный ресурс и налоги, которые бы были одной из главных «рек», формирующих национальный бюджет?

Очень бы хотелось услышать ответы на эти вопросы.

С нефтью даже проще. Все идеи,

² На мой взгляд, стоит задуматься — нет ли внутренней связи между бесконечными проблемами с Кашаганом и провальным разведочным бурением на других структурах казахстанского шельфа, и — «внезапно» усилившимся в самые последние годы процессом экономической интеграции с Россией. Не является ли эта интеграция результатом наконец-то сделанного в Астане критическое переосмысления безумных, внушенных извне «нефтяных амбиций» 1990-х годов?

идущие от оппонентов нынешних властей, здесь можно свести к тому, что, мол, власти плохо распорядились национальными нефтяными богатствами, «распродав их иностранцам», и что, если их вернуть в нацсобственность, все будет хорошо. Помню, на одной пресс-конференции кто-то даже подсчитывал, сколько можно получить нефтедолларов, если... В общем, все это вариант явления, которое сейчас широко известно в мире как «ресурсный национализм».

С некоторыми тезисами можно с ходу согласиться. Но вот с базовыми...

Реалии казахстанского нефтяного потенциала, его перспективы — это самая главная проблема будущего государства и нации. Предлагать варианты ответов на нее должна любая политическая сила, претендующая на серьезное политическое влияние в Казахстане. Но этих вариантов не предоставляет никто, в том числе и нацпаты.

Задам два главных вопроса в этом контексте.

1. Способен ли Казахстан сам, без финансового, и главное — технологического и политического участия внешних инвесторов интенсивно разрабатывать свои крупные нефтегазовые месторождения?

2. Попытка пересмотреть условия договоренностей с крупными компаниями, хотя бы только американскими — не приведет ли к внешнеполитической изоляции Казахстана?

Ведь, тронь сейчас хотя бы только «Шеврон» или даже кого поменьше, и «звонок» о потенциальной угрозе интересам зазвенит и в Вашингтоне, и в Лондоне, и в Риме, и — Пекине. Тише всего он будет звенеть в Москве. Кстати, интересный вопрос — это хорошо или плохо с точки зрения интересов Казахстана? Но каким бы ни был ответ, он не важен принципиально, ибо «концерт» держав, которые не захотят позволить новым лидерам Казахстана затронуть свои интересы (даже не потому, что они в Казахстане у них слиш-

ком большие, но — зачем поощрять прецедент?), и без Москвы будет вполне многоголосым.

Коснусь здесь вскользь еще одной темы.

Мне кажется, что, будь Казахстан связан контрактами в основном с западными компаниями, как это было *до строительства нефтепровода на Китай* и прихода в нефтедобычу китайских компаний, *в принципе можно было бы* попытаться поставить вопрос о пересмотре контрактов 1990-х годов с «западниками». Но с утверждением в этой казахстанской сфере Китая «ворот» закрылись. Противостояния за пересмотр контроля над ресурсами сразу с Западом и Пекином Астана, *кто бы в ней ни сидел, не выдержит.* Ни с поддержкой Москвы, ни без нее.

И в этом смысле вчерашние «успехи» в развитии пресловутой многовекторности в виде уступки части национальных нефтяных ресурсов *в том числе и Китаю* могут завтра обернуться еще большими политическими и экономическими проблемами, чем если бы этого не было.

Ну ладно, этот вопрос-упрек — не к нацпатам. Но — и им придется формулировать свои ответы на этот блок вопросов. Опыты же национализации нефтедобычи в Южной Америке, на мой взгляд, прямого отношения к нам не имеют: Астана — ну никак не Каракас... Ни вчера, ни сегодня, ни завтра.

В целом складывается ощущение острого дефицита у нацпатов (еще раз подчеркну, во избежание непониманий — не только у них) системного, критически выверенного и пропущенного через «огранку» честной и широкой дискуссией видения экономических перспектив Казахстана. В котором они, возможно, все-таки окажутся у власти.

Сцилла и Харибда урбанизации

Следующая задача, стоящая перед национал-патриотами, — начать искать ответы на вопрос: как пройти

между Сциллой и Харибдой *вызовов, с которыми связана задача быстрой и массовой урбанизации и сохранения высокой демографической динамики.*

Конечно, если иметь в виду эффективную, модернизирующую урбанизацию, а не ее латиноамериканские и африканские вариации, в виде фавелл и бидонвилей. Видел лично некоторые из них — это куда более безнадежный цивилизационный тупик, чем сегодня самый дальний аул в казахстанской провинции. Идеологам казахского национализма необходимо уже сейчас изучать вопросы — как сделать, чтобы сегодняшние «шаныраки» смогли претендовать на путь, пройденный, например, бывшим лондонским криминально-портовым пригородом Гринвичем, а не знаменитой бразильской фавеллой Росинья, которая начинала формироваться в точности как постсоветские предместья наших городов.

Правы те, кто отмечает принципиальную важность урбанизации для формирования современной конкурентоспособной нации. Напомню, что первым в Казахстане об этом начал говорить еще в начале 1990-х Н. Масапов. Позже эту идею переняли и его крайние идейные оппоненты. Все это так. Но у этого процесса есть и обратная сторона — снижение позитивной демографической динамики нации. Мне не известен ни один случай, когда бы успешная массивированная модернизация и урбанизация не влекли за собой уже в кратко- или среднесрочной перспективе депопуляцию этноса. Если такие примеры есть, то, видимо, они малочисленны.

Зато очень характерен самый близкий и доступный нам пример — мы, русские. Сегодняшняя *общеизвестная драматическая картина с нашей демографией — это, в очень большой мере, результат и коммунистического террора, и коммунистических социальных экспериментов, и неоправданно колоссальных жертв Великой*

Отечественной; но, в том числе, и форсированной урбанизации середины прошлого века. Доля городского населения России с 1921 по 1961 г. возросла с 15% до 50% (Миронов Б. Социальная история России. СПб., 2003. Т. 2). На примере разных ветвей моей большой семьи эта закономерность очень убедительно иллюстрируется. Но не буду абсолютизировать личный опыт, а предложу читателям посмотреть вокруг. Причем *посмотреть на казахов, горожан не в первом поколении, среднего возраста — 30–50 лет. Много ли среди них тех, кто имеет трех и более детей?* Среди моих многочисленных друзей детства, одноклассников и однокашников — мало.

Можно, конечно, считать, что такая «демографическо-урбанистическая эволюция» — это позитивный факт, и он проистекает из резкого улучшения социально-экономических условий, ведет к более качественному уровню жизни и т.д. (так называемая демографическая «К-стратегия»). Наверное, так и есть, но *с точки зрения политико-демографических процессов и перспектив — какая разница, в чем глубинные социо-психологические мотивы того, что люди начинают все меньше рождать?* А последствия этого мы наблюдаем и в Европе, и в России. То, что происходит там сегодня, с ростом этнической преступности, ксенофобии, популярности правых партий, — это только «цветочки». Повторение этого пути в Казахстане чревато очень большими проблемами, учитывая, в том числе, демографическую динамику в соседних с нами южных странах СНГ. Стоит ли успокаиваться тем, что «это будет еще не скоро»?

Так как же *быть этносу, который должен решить две равно архиважные задачи: стать современным и конкурентоспособным, и при этом поддерживать серьезную демографическую динамику?* Такую, что позволила бы в течение жизни 1–2 поколений выйти на уровень численности

населения, гарантирующий возможности для *уверенного осваивания* и контроля больших пространств Казахстана? Я не специалист в таких оценках, но, как представляется, с учетом ресурсных, ландшафтных, географических и геополитических аспектов, а также и мобилизационных потребностей (и, опять же, динамики в соседних странах), для *уверенного* контроля над собственной страной желательно иметь население в Казахстане не менее 30–40 млн. человек.

И здесь надо бы предложить свой вариант ответа. Если претендовать на что-то всерьез.

Эту проблему я поставил на второе место потому, что именно *от ответов на нее будет зависеть, кроме всего прочего, и степень управляемости и стабильности в Казахстане.*

Экзистенциальные фобии?

Если говорить о внешнеполитических задачах, или, зеркально, о внешних фобиях, то сегодня, безусловно, на первых местах окажутся *россофобия* (важно отметить, что далеко не у всех национал-патриотов она совпадает с русофобией, хотя и такое имеет место) и *китаефобия*. Довольно ограниченно — фобия вестернизации культуры. Остановлюсь на двух первых.

На встрече с Досом Кошимом в «Айт Парке» Н. Еримбетов (кстати, именно та дискуссия меня во многом подтолкнула к написанию этой статьи) спросил гостя о причинах *россофобии* — не лежит ли в ее основе просто боязнь большого соседа? «Я так не считаю, потому что тогда мы бы от Китая давно убежали», — ответил Дос Кошим.

Представляется, что все не так просто.

В мировоззрении казахских национал-патриотов в той или иной мере присутствует феномен, давно описанный историками этнополитических процессов, такими, например, как Иштван Бибо и Алексей Миллер. Последний, анализируя одну из базовых работ

первого, отмечает «особую психологическую черту» народов Восточной Европы — *«экзистенциальный страх, переживаемый на коллективном уровне, страх перед реальной или воображаемой угрозой гибели национальной общности... Этот страх был связан сперва с турками, позже с немцами, в некоторых случаях с поляками, позднее с Россией... последние полвека был сконцентрирован на СССР и перенесен после 1991 г. на современную Россию»* (Миллер А. Империя Романовых и национализм. М., 2008. С. 10).

Если поменять в этом контексте Восточную Европу на Среднюю Азию и Казахстан, а Германию заменить на Китай, убрав Польшу и оставив Россию, то получится картина, включающая немало блоковых пазлов из мировоззрения национал-патриотов Казахстана. И здесь мы подходим к одной из базовых задач, стоящих перед национал-патриотами.

С любой точки зрения *им необходимо более четко определить место России в своей идеологии.* Просто — «Россия как Носитель Непреходящей Угрозы Для Казахова», порождающая «троянских коней» в виде Тамсоюза и т.п. — не продуктивно в принципе. Это, как минимум, дает и будет давать немалые политические и полемические преимущества оппонентам казахских национал-патриотов, особенно из официальной Астаны.

Наиболее проницательный из казахских политиков данного спектра Алтынбек Сарсенбаев это хорошо понимал (не думаю, что только в силу работы послом РК в Москве), судя по его статье, посвященной этой проблематике (*Сарсенбаев А.* «Если называть вещи своими именами» // Известия. 2005. 21 апреля). Там он, в частности, писал:

«В казахстанской демократической оппозиции нет антироссийски настроенных политиков»; «там все ответственные люди, которые адекватно оценивают роль России в прошлом,

настоящем и будущем Казахстана»; «мы не хотим терять Россию!».

Я ни в коем случае не хочу сказать, что нужно воспроизводить именно эту позицию. Но — нужна определенность. В ту или иную сторону. В условиях неопределенности удобнее маневрировать, но всегда надо помнить, что рано или поздно придется определяться. В условиях РК сегодня это не надо откладывать в долгий ящик.

А определяться приходится и насчет союзников, и насчет противников.

Вот недавно ряд известных представителей национально-патриотических кругов распространили открытое письмо — «Всем Гражданам Казахстана! Президенту, Правительству и Парламенту Республики Казахстан». Там в частности есть такие слова по поводу интеграционных процессов последнего времени:

«Чтобы оправдать вхождение, по сути, в состав Российской Федерации, некоторые пугают нас якобы страшным и коварным соседом — Китаем. Мы считаем это избитым популистским приемом. Китай — торговец, и он скупает у нас только то, что мы сами ему по-компрадорски продаем. Спасаться от него, присоединяясь к другому огромному соседу, это как будто “лучше сгореть, чем утонуть”. Даже двухмиллионная Монголия показывает нам пример суверенного существования возле и России, и Китая!».

Не стану полемизировать по сути, однако тезис, что Китай — «только торговый экспансионист», хорош для спора, но его явно мало для серьезного, программного, форматирования. Да, впрочем, и насчет спора...

Не могу не вспомнить, что совсем недавно ряд подписантов этого обращения били в набат по поводу якобы планировавшейся передачи Китаю сельскохозяйственных территорий Казахстана. А другие в позапрошлом году в дискуссионном клубе журнала «Эксклюзив», во время приезда амери-

канского политолога Бориса Румера, горячо старались обратить его внимание на то, что влияние КНР в РК стремительно растет, и — куда же смотрят Штаты?! «А вы думаете, Штаты все-таки сильные?» — парировал г-н Румер.

Так как же быть с иерархией внешних угроз?

Публицистические «пулеметы» — вещь необходимая, но они обязательно должны стоять на некоей «бронированной платформе». Подвижной, но не выходящейся.

Остановимся на постсоветской интеграции.

Нацпаты активно критикуют власти за эту политику. Но стоит задуматься — а почему она возникла? Неужели из-за рософилии наших властей? Смешно говорить.

У нас в истеблишменте есть все кто угодно — националисты, западники (другой вопрос — характер этого западничества), и — очень много (не возьму на себя смелость утверждать, что большинство, хотя...) — АБСОЛЮТНЫХ ПРАГМАТИКОВ. Не будем дешифровать это определение, всем и так ясно. Но кого там точно нет — это рософилов.

Те немногие персоналии истеблишмента, которые потенциально могли попасть под это определение (в основном из тех, кто получил московское образование — не гуманитарное! — еще в 1970–80-х) были целенаправленно выдвинуты из власти еще в середине 1990-х. Понятно, почему.

Так почему же наша власть вдруг стронулась в сторону интеграции? После всех-то экспериментов, типа «стратегического партнерства с США» и столь же изначально абсурдных попыток построить некое центральноазиатское объединение? Может, потому, что там (во власти и непосредственно около нее) есть четкое представление о реальном состоянии казахстанского экономического потенциала (опять же — см. сноску 2)? А у нас всех его нет?

Кстати, разработка моделей выстраивания взаимоотношений с Узбекистаном и Средней Азией в целом — тоже большая задача для казахских национал-патриотов, и пока не заметно в этом направлении серьезных шагов, если не считать серьезным шагом обращение к такому «ископаемому идеологическому реликту», как пантюркизм. Если у кого-то есть желание поспорить на эту тему — готов, но не к дискуссии в стиле Паниковского с Балагановым.

Ориентир для русских

Национал-патриотам необходимо концептуально определиться самим с тем, как будут строиться их отношения с русскими РК, и предложить это видение своим визави. Сейчас, судя, с одной стороны, по публичным заявлениям на открытых мероприятиях, а с другой — по некоторым публикациям в казахоязычной прессе, этого определения еще не произошло. Это надо сделать даже прежде, чем формулировать внешнеполитическую концепцию, т.к. от отношения к русским в РК в значительной мере будут зависеть отношения с Россией. А от отношений с ней — вся внешнеполитическая картина мира.

Речь не о том, что официальная Москва может использовать нас здесь как своих «агентов» — этого не было, нет и не будет, несмотря на опасения некоторых нацпатов. Но радикализация межэтнических отношений в РК или, тем более, явная русофобская политика вызовет новую большую волну эмиграции. И, как говорил Н. Маманов еще в 1993 г. в интервью газете «Азия», это «будет способствовать выталкиванию из страны людей, которые эмигрируют в России неизбежно составят электорат тех сил, которые во взаимоотношениях России с соседними странами будут ориентироваться на конфликтность». Национализм растет по всему миру, Россия не исключение, и нетрудно предположить, ка-

кие политические силы там будут видеть в репатриантах из РК свой электорат. Скорее всего, русские нацпаты к власти в России не придут, но усиливаться будут неизбежно: «Манежная площадь–2010» и последующая реакция на нее напугала власти не меньше, чем «Болотная–2012». И радикальные, и умеренные националисты в России, и даже некоторые либералы постоянно критикуют Кремль за его политику на Северном Кавказе, за игнорирование проблем русских в Прибалтике, за неадекватное, по их мнению, отстаивание интересов России в отношениях с США. Приток русских репатриантов из РК однозначно усилит эти настроения, и Кремлю будет сложно не реагировать на это. А какой может быть реакция?

Для нормального будущего и казахских национал-патриотов, и русских в РК, и отношений двух соседних стран лучше, если эта проблематика будет уже сейчас предметом открытой дискуссии. В которой сразу откажутся от пропагандистского штампа, что в РК «нет этнических проблем», и можно будет открыто обсуждать эксцессы на этой почве. Коих немало.

Сказанное выше касалось внешнего эффекта от ускорения эмиграции. Есть и внутренние.

Ни от околотовластных экспертов, ни от национал-патриотов ни разу не звучало видение моделей развития РК в случае новой массовой волны (и — возможных последующих волн) массовой эмиграции неказахского населения из страны. В силу, опять же, объективных причин, ясно: и сегодня, и в историческом «завтра» в этом контексте доминировать будут русские.

Попробую своими скромными силами это восполнить.

В интересах всех в Казахстане, чтобы те его граждане, кто сочтет невозможным жить здесь далее, не струнулись с места *вдруг*. Это было бы очень неприятно и для них самих (хотя бы потому, что в России цены на жилье резко выра-

стут от притока за 1–2 года сотен тысяч переселенцев), и для государства Казахстана. Я уже упоминал об этой проблеме в других статьях, скажу еще раз.

В силу всем известных исторических процессов даже сегодня русские и русскоязычные составляют очень значительную прослойку технических специалистов в стране. Но не только. Ни для кого не секрет, что среди огромного по численности «клина» самозанятых в РК абсолютно доминируют казахи — достаточно прийти на рынки или на вокзалы. И, соответственно, наоборот — среди тех, кто работает на частного работодателя или госструктуры, русских и русскоязычных очень много. Значит, их доля среди вкладчиков в пенсионную систему РК, вероятно, пропорционально значительно выше, чем их (наша) численность в структуре работоспособного населения. Думаю, что в какой-то мере (хотя уже не так абсолютно) это справедливо и для банковских депозитов среднего уровня.

Представим, что политика некоего правительства поднимет новую миграционную волну. Предположим, что резко, пусть даже в течение 1–2 лет, из страны уедет 500 тыс. человек работоспособного возраста (прогноз совсем не фантастичный, скорее заниженный), и каждый в среднем изымет с банковских депозитов и с пенсионных фондов по 2 млн тенге. Подсчет очень грубый, но общую картину по нему можно представить. Даже в очень «щадящем» масштабе. И ведь каждый

что-то еще увезет «из-под подушки», и те деньги, что будут выручены за проданное жилье.

Как будут себя после этого чувствовать банковская и пенсионная, и вслед за ними в целом финансовая система страны?

А если (не дай Бог!) это совпадет даже со среднесрочным снижением цен на нефть?

В принципе, все постсоветские годы в РК проводилась политика «мягкой этнократизации», которая и влекла за собой умеренные (кроме всплеска первой половины 1990-х) темпы эмиграции русских. И, пожалуй, это и является оптимальным для бесконфликтных форм «исторического развода». Но как будет с этим при вероятной смене власти и изменении идеологии?

P.S.

Друг, которому я дал прочесть эту статью во время работы над ней, посоветовал также поднять вопросы: как видят национал-патриоты пути решения проблем качества работы судов, полиции, как будут они развивать культуру и формировать информационную сферу. Но не объять необъятного в одной статье, хотя вопросы, конечно, важные.

Главное, мне кажется, это не забывать истину, высказанную Л. Гумилевым в стихотворении «История», что приведена в первом эпиграфе в статье. И ударение делать в ней на слове «всех».

Егор Холмогоров

НАЦИОНАЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ И ГОСУДАРСТВО

Надлежит сказать несколько слов о национально-демократическом отношении к государству. В этом вопросе врагами национальных демократов создано немало враждебных мифов, а сами национал-демократы часто ленятся их развеивать.

Например, распространяется дезинформация о том, что национальные демократы питают патологическую ненависть к государству, к чиновникам, являются едва ли не анархистами или, по крайней мере, минархистами. Соответственно, любое, даже нейтральное их высказывание оппоненты национал-демократов пытаются подать как «антигосударственное».

Поэтому необходимо дать по данному вопросу некоторые пояснения.

Национальные демократы выступают за мирную трансформацию РФ в Россию — национальное государство русского народа. Поэтому, как и любые националисты, русские национальные демократы — государственники. Националист не может не быть государственным, поскольку обладание своим национальным государством является важнейшей политической задачей любой нации. Русский националист не за то, чтобы государство Россия прекратило свое существование или было слабым, а за то, чтобы оно было сильным и национальным.

Поскольку мы демократы, то это значит, что как полноценную и эффективную форму государственности мы рассматриваем современную демократию — институционально развитую,

обладающую разнообразными инструментами защиты интересов нации в целом и прав конкретных граждан. Авторитарные формы государственности и квазигосударственности мы рассматриваем как элемент ослабления государства, а не его усиления.

Это важно подчеркнуть, поскольку в политической демагогии, популярной в современной РФ, очень часто выстраиваются ложные уравнения — «сильное государство = авторитарное государство», «демократия = слабое государство». Это совершенно ошибочные уравнения. Особенно абсурдно выслушивать такие рассуждения со ссылками на РФ 1990-х годов как на пример демократии. РФ того периода — это диктаторский режим, установленный в 1993 году при помощи государственного переворота и кровавой бойни в центре столицы. В этой диктатуре фальсифицировались результаты выборов — президентских и парламентских; шли систематические убийства по политическим и экономическим мотивам; отсутствовала свобода слова, монополизированная кастой «уникальных творческих коллективов»; расхищалась государственная и частная собственность; формировались регионы с тотальной гражданской дискриминацией русского населения, а в некоторых местах проводилась его этническая чистка; доминировала неподконтрольная никакому закону олигархия. Представлять как образец демократии диктатуру, основанную на насильственном поспрании демократического волеизъявления, — это, конеч-

но, «креативно», но методологически просто нечестно.

Примеры хорошо устроенных демократических государств показывают, что, как правило, это сильные государства, контролирующие свою внутриполитическую ситуацию, эффективно принуждающие всех граждан и проживающих неграждан исполнять свои законы, проводящие внешнюю политику в соответствии со своими интересами. Такие государства иногда способны на чрезвычайно жесткие меры по своей самозащите. Следовательно, приписывать национальным демократам концепцию слабого государства на основании защиты ими демократических ценностей нет никаких оснований.

При этом необходимо сразу устранить некоторую политическую омонимию в понятии «демократия». Демократией сейчас именуется не только демократическое государственное устройство в интересах большинства граждан, но и сколь угодно насильственный, антинациональный и антидемократический строй, который *нравится* демократическим странам Запада. Сами страны Запада при этом имеют достаточно развитые демократические режимы, но в своей внешней политике исходят из предположения, что в других странах такие режимы не обязательны, достаточно, чтобы там были режимы, проводящие политику, нравящуюся западным демократиям. Поскольку режим Ельцина западным странам в целом нравился, то его и именовали «демократией», а мы его ненавидели как «демократию».

Сразу рассеем это недоумение. Русские национальные демократы выступают за формирование в России развитой демократии, аналогичной тем, которые имеют западные страны, но никак не за формирование политического режима, который нравится западным странам. Более того, мы отдаем себе отчет в том, что, скорее всего, формирование подлинной демократии в России Западу совершенно не по-

нравится, поскольку, во-первых, повысится контроль русской нации за ресурсами и финансовыми потоками, а во-вторых, демократическая Россия будет проводить независимую внешнюю политику, которая может и не совпасть с интересами Запада, ибо будет проводиться в национальных интересах русских.

При этом необходимо отметить, что национальные демократы выступают против политики бессодержательного и беспомощного внешнеполитического «троллинга» Запада, выражающегося в пустой риторике о «многополярности», в символических конфронтационных акциях, в демонстративной поддержке самых отвратительных политических режимов. Эта стилистика политического забияки не имеет ничего общего с реальной защитой национальных интересов, поскольку, как уже неоднократно было замечено, символический конфликт сопровождается реальными тотальными внешнеполитическими уступками (характерный пример — Ливия), а взаимная порча отношений РФ и западных стран не окупается никаким реальным результатом для РФ — ни материальным, ни символическим капиталом, ни усилением военных и геоэкономических позиций.

Антизападническая риторика в совокупности с прозападной политикой имеет лишь тот результат, что она дискредитирует понятия демократии, правового государства, прав человека и т.д., поскольку к ним апеллирует в своей империалистической политике Запад. А в противоположность им апологизируются авторитаризм, произвол, деспотизм, коррупция, как нечто якобы антизападное и едва ли не выражение «русского духа». Национальные демократы, подчеркну еще раз, против такой символической конфронтации в сочетании с реальной капитуляцией. Мы исходим из предположения, что политика спокойная, дружелюбная, чуждая элементов «троллинга»

и нарочитой конфронтационности, политика, основанная на реальном и последовательном проведении национальных интересов России, при этом трезвая, исходящая из реальной ограниченности наших сегодняшних возможностей и направленная на то, чтобы сделать наши возможности больше, будет гораздо эффективней.

Претензия национальных демократов к существующему государству РФ, равно как и к его правящему слою и чиновничеству, которые пытаются отождествить себя с государством *in toto*, состоит не в том, что это государство *есть* или что оно *сильное* и на многое посягает. Претензия национальных демократов к РФ состоит в том, что *по сути этого государства нет* — это невятное, антинациональное, местами и временами полуанархическое-полуфеодалное политическое образование, которое старается более казаться, чем быть. Его чиновничество, проводя антигосударственную политику, разрушающую государство, тем не менее требует, чтобы мы отождествляли его и его политику с государством. Мало того, требует от нас, чтобы мы переносили принцип уважения к государству на разрушающих государство чиновников. Для нас это категорически неприемлемо.

За последнее время антипатриоты научились чрезвычайно искусно манипулировать патриотической риторикой. Прошли те времена, когда государственные интересы предавались под барабанный бой «вступления в мировое цивилизованное сообщество». Теперь они чаще всего предаются под пятикратно более сильный грохот: «Не сдадим ни пяди государственных интересов! Еще теснее сплотимся вокруг... Всякий, кто критикует и сомневается, — изменник, предатель и враг...». Собственно, вступительный аккорд про «не сдадимся» необходим для мощной коды «всякий, кто нас критикует, — враг», поскольку это позволяет устранить как врагов большую часть

тех, кто будет препятствовать реальной измене государственным интересам. *От нас требуют «во имя патриотизма» не противодействовать антипатриотическим действиям.*

Конечно, национальные демократы в такую игру играть не хотят и не могут. Если мы видим расхождение между словами и делами — мы об этом говорим.

Чтобы избежать подобных коллизий, национально-демократическое мировоззрение выстраивает определенную иерархию взаимоотношений нации и государства, национализма, патриотизма и государственничества.

Нация является для националиста высшей социальной целью и ценностью. Любые личные цели и ценности — Бог и вера, совесть, справедливость, свобода — националист стремится социально привязать именно к нации.

Высшей целью и ценностью для русского националиста является русская нация. Если кто-то именуется русским националистом, но предпочитает интересы другой нации, то он не русский националист, а националист этой другой нации.

Нация устойчива и жизнеспособна только тогда, когда обладает собственным национальным государством, являющимся инструментом её самозащиты, саморазвития, самообеспечения и исторического самовыражения. Стремиться к формированию своего национального государства для националиста нормально.

Русские националисты исходят из обоснованного предположения, что в созданной историческим подвигом русской нации стране под названием Россия должно существовать национальное государство русского народа.

Для национальных демократов в высшей степени желательно, чтобы самоорганизация нации в государстве происходила при помощи демократических механизмов, позволяющих, в первую очередь, максимально учесть права и

интересы каждого конкретного представителя нации (а нация — это не абстрактная категория, а совокупность живых личностей), во-вторых, при помощи механизмов народного контроля предотвратить трансформацию национального государства в ненациональное, измену национальным и государственным интересам и т.д. *Спору нет, даваемые демократией гарантии часто несовершенны. Но при авторитарной форме правления их вообще нет и быть не может.*

Нация для нас является высшей земной ценностью, государство — важнейшей ценностью для нации в той мере, в которой оно служит интересам нации, демократия — важнейшим принципом для государства в той степени, в которой этот принцип усиливает государство и позволяет ему более эффективно служить интересам нации.

Сама по себе, без национального государства, *демократия ценна для русских националистов в той степени, в которой позволяет защищать конкретные интересы конкретных русских граждан, отстаивать идейные и политические позиции русского национализма и интересы русской нации.* Именно поэтому, а не из какого-то «западничества», вненациональная демократия нам симпатичней антинациональной диктатуры. При этом мы исходим из предположения, что если демократия реальна, то быть совсем уж антинациональной она не может. В той степени, в которой демократия антинациональна, она отходит от принципов демократии.

Из вышесказанного следует, что мнимая «враждебность национальных демократов к государству» есть на деле активное неприятие антинациональной политики, проводимой от имени этого государства присвоившим его чиновничьим слою, вкупе с нежеланием ловиться на крючок требований подчиниться антинациональной государственной политике из соображений патриотизма.

Претензия русских национальных демократов к государству РФ состоит не в том, что оно существует и функционирует, не в том, что чиновники какие-то «вечные враги» русского народа. Претензия русских национальных демократов к сложившейся в РФ системе состоит в том, что она проводит политику систематического нанесения ущерба русской нации.

Это политика демографического замещения русских при помощи стимулирования внешней и региональной миграции, следствием которой является захват исконных русских областей лицами не просто другого этнического происхождения, а другой культуры, другого менталитета, не останавливающихся перед насилием, самосудом, мафиозными сговорами и т.д.

Это политика дискриминации русских в вопросах гражданства РФ, от которого оказались фактически отсечены десятки тысяч наших единокровных братьев, в то время как выходцы из Средней Азии получают гражданство России сотнями тысяч.

Это политика «антиэкстремизма» и «толерантности», ведущая к жестокому подавлению любых протестов русских и выражения ими недовольства.

Это бюджетное и юридическое неравенство регионов, ведущее к тому, что в то время как в одних, русских, регионах отсутствует нормальная дорожная сеть, в других строятся межрайонные шестиполосные шоссе.

Это политика разрушения экономической базы русского народа, распродажи его сельхозугодий, передачи промышленных активов и т.д. в руки иностранцев или региональных лоббистов, которые направляют, к примеру, прибыли, выжатые из труда русских рабочих одного из краев, на поддержку дорогостоящего кавказского футбольного клуба.

Это политика юридического неполноправия простых русских граждан, когда перед лицом полиции, прокура-

туры, судов, они оказываются гражданами четвертого сорта по сравнению с привилегированными категориями представителей других национальностей, чиновников и богачей. Это юридическая незащищенность, бесправность, сочетающаяся с демонстративным унижением человеческого достоинства.

Это политика торможения гражданского и демократического развития русских, когда в большинстве случаев граждане не имеют возможности сменить коррумпированных, некомпетентных, проводящих антинациональную политику руководителей всех уровней. Когда на пути наиболее естественной и мирной формы протеста против неверной политики — протеста при помощи избирательного бюллетеня — стоят мощные фильтры из коррумпированных избиркомов, фейковых партий, дискриминационных избирательных законов, манипулирующих общественным мнением СМИ.

Собственно, тот факт, что правящая элита РФ обеспечила себе практически полную несменяемость, и породил миф о конфликте между национальными демократами и государством, в то время как речь идет о конфликте в рамках политической системы государства между представителями разных взглядов и партий.

Но еще раз повторяю, конфликт между безнаказанным чиновничьим слоем и национальными силами — это не конфликт с государством как таковым. *Мы выступаем не за крах, а за оздоровление и нормализацию государства.*

Мало того, по каждому конкретному вопросу мы всегда готовы видеть и различать проявления здорового функционирования государства (увы, все более редкие) и проявления антинациональной политики.

А главное — мы, как национальные демократы, никогда не должны путать причину и следствие. Мы возмущаемся тем, что в Демьяново полиция

фактически защищала дагестанцев и позволяла им палить в русских из-за спин своих сотрудников. Такие события формируют у нас, понятное дело, негативное отношение к полиции. Мы начинаем рассматривать ее как вольного или невольного изменника своему долгу перед государством и русской нацией.

Но если те же самые или другие этномафиози начнут расстреливать эту же самую полицию как чем-то не угодившую или в чем-то помешавшую их интересам, если они начнут оказывать ей сопротивление при задержании и отстреливаться, как делали «студенты Академии имени Маймонида», то со стороны русских националистов будет и глупостью и самоотречением от принципов не то что поддерживать этномафию, но хотя бы сомневаться в выборе стороны.

Совершенно очевидно, что в конфликте с преступниками из «Маймонида» российский ОМОН выступает ровно в той функции, для которой он и существует в государстве, в то время как, избивая мирно протестующих русских, он выступает в противоположность своей государственной роли и национальному призванию.

Точно так же, как в деле об убийстве «чеченским предпринимателем» главы района в Волгоградской области, сопровождавшемся обвинением этого главы в коррупции. Интонация «отличный мужик, правильно сделал с продажным чинушей» для русских националистов и национальных демократов не уместна.

Поддерживать субъект А в расправе над субъектом Б на том основании, что субъекты класса Б вызывают наше острое неудовольствие тем, что не оказывают сопротивления субъектам класса А и выдают нас им на поругание и расправу — это верх шизофрении. Максимум, что тут можно сказать, — это то, что субъекта Б убило то, чему он потакал и служил. Но убившее его зло от этого не станет добром.

При этом, разумеется, мы должны в каждом случае отделять правду от лжи и не попадаться на демагогические крючки. То есть мы не должны прощать ОМОНу на том основании, что он отлавливает «маймонидов», разгоны мирных русских протестов. Первое никак не оправдывает второго. Точно так же, как наличие чиновников, которые стараются защищать русские интересы, если таковые удивительные факты имеют еще место, никак не снимает наших общих претензий к государственной политике и к нравам этого сословия. Мы не можем от конкретной позиции в конкретной ситуации, где государство так или иначе совпадает со своими задачами и своей идеей,

переходить к апологетике общей политики, ведущей к уничтожению нации и разрушению государства.

Но не должно быть и обратного. Мы не имеем права позволять внешним врагам или пришельцам разрушать государство. На развалинах возникнет *не наше* «более лучшее» государство, а лишь *их* оккупационный режим, который будет еще более кровавым и жестоким (там, где им это удалось, как в дудаевской Чечне, они очень хорошо показали ждущую русских судьбу).

Задача национальных демократов состоит в том, чтобы спасти и освободить нацию, укрепив и оздоровив государство. Ничего общего с анархией это не имеет.

Открылся сайт журнала «ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛИЗМА»: <http://vnatio.org/>

На сайте:

- Выпуски предыдущих номеров журнала, избранные статьи
- Анонсы новых материалов
- Интервью с авторами, статьи и рецензии
- Ориентировка для читателя: где приобрести новые выпуски журнала

Кроме того:

- Новостная лента, ориентированная на читателя, интересующегося национальным вопросом в России и русским движением
- Библиотечка «ВН»: книги наших авторов
- Сообщество читателей журнала
- Путеводитель по Сети: коллекция ссылок на ресурсы русского движения и мировые националистические ресурсы

НИКОЛАЙ ЛЫСЕНКО

НАЦИЯ ИЛИ СУБЭТНОС?

РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ КАЗАЧЕСТВА

Муза — только свобода и воля,
 Песня — только к восстанию зов.
 Вера — только в Дикое поле,
 Кровь — одна лишь в стране казаков!
Николай Туроверов, казачий поэт

Вместо предисловия

В шестом номере журнала «Вопросы национализма» опубликована подборка материалов «круглого стола» — «Что России делать с Кавказом?». Не пытаюсь сейчас полемизировать с привлеченными к сему обсуждению специалистами, должен, тем не менее, сказать, что некоторые из заявленных на «круглом столе» суждений имеют подчеркнута субъективистский, иногда явно умозрительный характер, а следовательно, с трудом дружат с реальностью. Например, политолог А. Епифанцев, позиционирующий самого себя как «наполовину казак» (выражение, с точки зрения казацкого словаря, нелепое, ибо для обозначения индивидуума, который «наполовину казак», есть давно бытующий термин — «болдырь»), проявил прямо-таки шокирующую пристрастность в отношении современного российского казачества¹.

Я не имею ни малейшего желания даже прикасаться к употребленной А. Епифанцевым в отношении казачества «терминологии» («побрякушки», «полуалкоголики», «дискредитация» и т.п.). Однако этот эпизод, при всей внешней малозначимости, вновь напомнил мне о факте увеличивающего-

ся день ото дня мировоззренческого разрыва между взглядом лучшей части русских националистов на казачество и взглядом лучшей части казачества на самое себя. Наличие этого разрыва как-то недооценивается русской национальной интеллигенцией, особенно в Москве, но он, этот разрыв, существовал в историческом прошлом, имеется сейчас, а главное, к сожалению, имеет устойчивую тенденцию к углублению. Если эта негативная тенденция не будет преодолена — уже в самой ближайшей перспективе неизбежно возникнет ситуация, когда русские националисты будут смотреть на казаков примерно так же, как ныне они смотрят на украинских самостийников или на представителей неказацкого Кавказа. Чтобы сохранить веками вызревавший этнополитический альянс между русскими и казаками, очень нужны, как и во многих других аспектах межнационального взаимодействия, — своевременный диалог, заинтересованное «узнавание» друг друга, непредвзятость и доброжелательность взаимных оценок.

В свое время я положил немало времени и сил за идеалы русского возрождения, отчетливо понимая при этом, что хотя я и являюсь по мироощущению и происхождению родовым казаком, русскость моя не подлежит (для меня, по крайней мере) ни малейшему сомнению. Ныне я только укрепился в этой своей оценке. Чтобы подобное же мироощущение разделяла также наиболее ценная, быстро восстанавливаемая национальный архетип часть казачества, нужно начать, причем не-

¹ Что России делать с Кавказом? // ВН. 2011. № 6. С. 31–32.

замедлительно, основательный и откровенный русско-казацкий диалог. Нам — казакам и русским — есть что прояснить в собственной нелегкой истории, есть о чем договариваться и есть ради чего объединяться. В качестве первого шага к такой конструктивной (хотя, уверен, весьма непростой) дискуссии я предлагаю редакции «ВН» свою статью об этногенетической природе казачества.

Тема эта сложнейшая, очень политизированная, но, без всякого сомнения, для сохранения русско-казацкого этнополитического альянса — краеугольная. В статье я попытался показать русской аудитории, на какой основе исторически возникли представления о самобытной казацкой идентичности — представления, которые были, есть, будут и которые могут исчезнуть только тогда, когда исчезнет с лица Земли последний родовой казак. Замечания и оценки друзей, равно как и критику конструктивных, неравнодушных оппонентов, с благодарностью прочту в своей электронной почте: rusiasia777@gmail.com.

Вся история России сделана странным народом?

История и современное бытие казачества необычайно сложны, интересны и, к сожалению или счастью, разновекторны. Не станет ошибкой утверждение, что вне истории казачества немислимо понять историю России, по крайней мере, совершенно точно — невозможно иметь верное представление об истории и природе Российского государства.

Лев Николаевич Толстой — один из наиболее глубоких русских мыслителей рубежа XIX — XX вв., остро предчувствовавший всю опасность надвигавшегося на Россию революционного фантома, высказал любопытную мысль, показавшуюся современникам почти смехотворной, но в итоге оказавшуюся пророческой. Толстой заявил, что Россия может спастись от

ужаса революции только одним способом — если вся она проникнется казацким духом, введет у себя казацкие обычаи и казацкое право — главным образом в сфере земельного устройства.

Как мы знаем, процесса разумного оказачивания России не произошло. По этой и по многим другим, столетиями вызревавшим внутри России причинам — страна рухнула в пропасть антинациональной, антирусской по своей глубинной сущности революции, логичным следствием которой явился чудовищный по жестокости геноцид казачества, а вслед за ним методичное и катастрофическое обескровливание русского народа.

Рубеж конца XX — начала XXI в. ознаменовался напряженными поисками казачеством (по крайней мере, его наиболее мыслящей, лучшей частью) своего собственного, утраченного в горниле революции и «мясорубке» Советов, подлинно казацкого пути. Один из важнейших, поистине фундаментальный вопрос, который неизбежно встает сегодня перед политически мыслящими казаками, адресован определению внутренней сущности, подлинной природы казачества. Проще говоря, определению того, *что есть казак?* Кто он — социальный служащий (воин, опричник, пограничник и т.п.) или же полноправный, а потому национальнообязанный представитель самобытного казацкого племени.

Важность означенной проблемы понимают сегодня многие: и те, кто считает себя горячим сторонником возрождения казачества, и те, кто весьма яро и последовательно противятся этому процессу. Действительно, от того, как мы ответим на вопрос: являются ли казаки военно-служилым сословием, субэтносом русского народа или все же они — этнически субъектная общность, самобытный народ — очень многое может поменяться как в исторической судьбе самого казачества, так и в судьбе Российского го-

сударства, волей Божьего провидения распространившегося на земли Казацкого Присуда².

«Фактор этничности казачества» — так для краткости назовем означенную выше проблему — на протяжении всей истории России вызывал непримиримые идеологические столкновения генетически не имеющих никакого отношения к казачеству российских интеллектуалов. Сегодня представители некоторых интеллектуальных кругов (заведомо неказацкого происхождения) вынужденно говорят о казачестве только как об «этнокультурном образовании русского и частично украинского происхождения». При этом они же настойчиво пропагандируют идеологему о том, что сторонниками версии об этнической субъектности казачества являются сплошь склонные к антироссийскому сепаратизму казаки либо интеллектуально опьяненные аурой самостийности казачества необъективные люди.

Однако следует признать, что и из среды казачества время от времени озвучиваются «самостийные страшилки», например, об узколобых агентах влияния Запада, числящихся по ведомству казаков-националистов, которые де спят и видят — как бы им выломать из тела «встающей с колен» России наиболее лакомый кусок земель Присуда Казацкого.

Известный писатель-историк из казаков В.Е. Шамбаров в своем недавнем трактате «Казачество. Путь воинов Христовых» без всякого лукавства, например, заявляет: «...В ходе

*работы над книгой мне доводилось получать письма и указы казаков, требующих “дать достойный отпор проискам ЦРУ”*³. Логично предположить, что коль скоро ширится праведный гнев казаков против происков цэрэушников, значит — не дремлет враг, жив, стало быть, курилка...

Несколько выше Шамбаров красочно описывает сцену якобы состоявшейся вербовки кубанского атамана А.Ф. Ткачева агентами все того же, по видимому, вездесущего ЦРУ (государственная принадлежность вербовщиков из текста трактата не ясна). В ходе сей операции «вербовщики», по словам Шамбарова, — «неотрывно глядели» на атамана Ткачева, временно «удалялись» из-за стола, «обменивались какими-то малозаметными знаками». Жуть, да и только! Однако негибемый Ткачев на это глядение и малозаметные знаки, разумеется, не поддался, и тогда, ничтоже сумняшеся, ему было предложено: «любое финансирование и помощь». Оные средства предоставлялись, конечно же, не для питья горилки и не на подарки секретарше, а токмо для решения поистине геополитической задачи — «отделить Кубань от России». Когда же в результате похвальной стойкости кубанца Ткачева вербовка бездарно провалилась (а могло ли быть иначе?), один из вражеских резидентов, подобно подпившей рязанской бабе, — «даже разрыдался». (Хорош вербовщик! Какие же слабаки, оказывается, эти хваленые «агенты 007».)

Я предоставляю читателю отнестись к душераздирающей сцене, подробно описанной В.Е. Шамбаровым, в меру собственного разумения. Мне же отчего-то она убедительной или хотя бы минимально правдоподобной не показалась.

Возникает, правда, вопрос: зачем же вообще взялась столь откровенно по-

² Казацкий Присуд — священные земли казачества, издавна завоеванные и населенные казаками. «Бог нам землю дал, деды наши ее своей кровью полили — значит и внукам нашим здесь взрастать!» — говорили в старину казаки. В широком смысле к землям Казацкого Присуда нужно относить полосу лесостепи, степи и гор, протянувшуюся в широтном направлении от бассейна реки Днепра до бассейна реки Урал включительно.

³ Шамбаров В.Е. Казачество. Путь воинов Христовых. М., 2009. С. 654.

тешная мизансцена в этом обстоятельном и, по сути, безусловно полезном трактате о казачестве?

Не хочу снискать себе лавры Зоила, но мне показалось, что для единственной только цели — чтобы слегка озадачить казацкую (и припугнуть — око-локазачью) аудиторию перед предъявлением главного идеологического постулата автора. Этот постулат прост, как автомат Калашникова: *«производить казачество в “отдельную нацию” нельзя»*⁴.

Шамбаров старается особенно не углубляться в тему: почему и зачем «нельзя», а также до какого времени это «нельзя» может действовать. Вместе с тем он пытается подпереть это «нельзя» наукоемкими рассуждениями, что казаки якобы до революции «от великорусской нации себя не отделяли». А при последней переписи населения будто бы (ибо как это может быть известно Шамбарову?) «подавляющее большинство казаков обозначало себя как “русский” или “русский, казак”».

Мне трудно судить, но, вероятно, один раз вступив на шаткий мостик откровенного агитпропа, далее уже трудно удержаться на нем без дополнительных балансиров. Одним из таких балансиров стало весьма небрежное, с научной точки зрения, «притягивание за уши» в систему аргументации автора теории этногенеза Л.Н. Гумилева. В результате казаки оказались не только субэтносом великорусского народа, но и сами стали состоять (как мнится В.Е. Шамбарову) — *«из ряда субэтносов — казаков донских, кубанских, тевских, уральских и др., отличающихся друг от друга рядом особенностей»*⁵. Казацкая фантазмагория на этом, разумеется, не заканчивается, и далее казачество вполне логично раскладывается Шамбаровым буквально на этнически атомарные

уровни, для чего термином *субэтносы казачества* наделяются казаки «верхнедонские и нижнедонские, черноморцы и линейцы и т.п.».

Агитпроп о «субэтносе» не дает, к сожалению, В.Е. Шамбарову увидеть недопустимость (во всяком случае для казака!) смысловых параллелей между понятием «казачество» и «молекулой, состоящей из атомов». А желание придать своим рассуждениям наукообразность приводит автора к весьма неуклюжим ссылкам на Л.Н. Гумилева, который казацкой темой никогда специально не занимался и (не будем лукавить!) был не слишком авторитетен как исследователь в скифо-аланско-казацкой проблематике. Однако даже великий этнолог Лев Николаевич, обладавший отменным чувством юмора (памятью о личном знакомстве с которым я дорожу и учеником которого себя числю) был бы, вероятно, в некоем интеллектуальном шоке, если бы узнал, что согласно якобы его теории этногенеза, субэтнос какого-либо народа сам, в свою очередь, распадается на более мелкие субэтнические составляющие. Прямо скажу — принцип складывания русской матрешки может быть и хорош для иллюстрации преемственности власти в Кремле, но в качестве наглядного пособия в этнологии он явно избыточен.

Я сознаю, конечно же, что любые историсофские экскурсы с использованием понятийного аппарата теории этноса, равно как и любые методологические штудии в этой сфере требуют более-менее специальной подготовки (которую, к слову сказать, писатель Шамбаров вовсе не обязан иметь). Однако тем основательнее должна быть, на мой взгляд, историографическая корректность объективного популяризатора, особенно когда он начинает размышлять о сложнейшей проблематике этносоциального статуса казачества, ибо даже для специалистов «тайна сия велика есть!». Именно поэтому наш дальнейший анализ «фактора эт-

⁴ Там же. С. 643–650.

⁵ Там же. С. 653–654.

ничности казачества» следует начать, как мне представляется, с упоминания о научном труде известного историка, научная репутация которого в смысле апологетики казацкой самостийности абсолютно беспорочна, ибо он глубоко, последовательно и по-своему ярко не любил казачества.

Николай Иванович Ульянов, известный историк Русского зарубежья, создал подлинно антиказацкий шедевр — основательный историографический опус «Происхождение украинского сепаратизма». В этом предельно идеологизированном труде есть немало размышлений о «хищной природе казачества», обильных цитат из польских источников, сравнивающих казаков с «дикими зверями». С особым, без преувеличения сказать, сладострастием Н.И. Ульянов цитирует путевые впечатления некоего московского попа Лукьянова, невесть каким ветром занесенного на земли Присуда Казацкого: *«Вал земляной, по виду не крепок добре, да сидельцами крепок, а люди в нем что звери;... страшны зело, черны, что арапы и лихи, что собаки: из рук рвут. Они на нас стоя дивятся, а мы им и втрое, что таких уродов мы отроду не видали. У нас на Москве и в Петровском кружале не скоро сыщешь такого хочь одного»*⁶.

Примечательно, что таковым описанием поп Лукьянов «наградил» казацкий городок Хвастов — атаманскую ставку прославленного казацкого вождя Семена Палия. Логично домыслить (хотя этого напрямую и нет в тексте Ульянова) — уж коль скоро в Хвастове у самого Палея все казаки сплошь «звери и уроды», то что же говорить о более заурядных, так сказать — более близких народу — представителях казацких станиц?

Мнение Н.И. Ульянова и попа Лукьянова можно было бы подкрепить еще десятком подобного же сорта цитат из

эпистолярного наследия российских интеллектуалов как дореволюционного, так и советского периода истории России (достаточно вспомнить, например, в каком стиле высказывались Лев Троцкий и Владимир Ульянов-Ленин, клеймившие казаков как «зоологическую среду»). Это один полюс мнений.

Другой полюс представлял, например, русский генералиссимус Александр Васильевич Суворов, восторженные суждения которого о казаках общеизвестны. Именно Суворов, вместе с князем Потемкиным, сумели убедить Екатерину II прекратить в отношении запорожских казаков политику «тихого геноцида», переселив оставшихся после разгрома Запорожской и Новой Сечи запорожцев на Кубань. Так на Кубани возникло сорок казацких станиц, из которых 38 получили традиционные наименования куреней Запорожской Сечи.

В когорту «казакофилов» входил, бесспорно, Лев Николаевич Толстой, неоднократно высказывавший мысль о том, что Россия как государство — в неоплатном долгу перед казаками.

Приведу лишь наиболее известное из высказываний Льва Толстого: *«...Вся история России сделана казаками. Недаром нас зовут европейцы казаками. Народ (очевидно, что имеется в виду русский народ. — Н.Л.) казаками желает быть. Голицын при Софии (канцлер Голицын при правлении царицы Софьи. — Н.Л.) ходил в Крым — осрамился, а от Палея (тот самый казачий атаман Семен Палий из Хвастова. — Н.Л.) просили пардона крымцы, и Азов взяли всего 4000 казаков и удержали, — тот самый Азов, который с таким трудом взял Петр и потерял...»*⁷.

Удивительно, но остается, по видимому, фактом, что позитивная или отрицательная оценка казачества тем или иным русским интеллектуалом

⁶ Ульянов Н.И. Происхождение украинского сепаратизма. М., 1996. С. 17.

⁷ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. М., 1952. Т. 48. С. 123.

зависела от того, насколько позитивно или отрицательно оценивал этот интеллеktуал собственно русскую жизнь во внутренних областях страны.

Показательна в этом смысле психологическая реакция на пребывание в среде казачества известного путешественника по Дальнему Востоку Михаила Ивановича Венюкова, уроженца мелкопоместной дворянской семьи из села Никитского Рязанской области. В своей работе «Описание реки Уссури и земель к востоку от нее до моря» М.И. Венюков пишет: *«...Во все время моего путешествия по Сибири и Амурскому краю я сознательно пытался уклониться от постоя, или даже ночевки в домах здешних казаков, предпочитая всякий раз постоянные дворы, казенные учреждения или, по необходимости, избы русских переселенцев. Пусть в казачьих домах и богаче и чище, но мне всегда была невыносима эта внутренняя атмосфера, царящая в семьях казаков, — странная, тяжелая смесь казармы и монастыря. Внутренняя недоброжелательность, которую испытывает всякий казак к русскому чиновнику и офицеру, вообще к русскому европейцу, почти нескрываемая, тяжелая и язвительная, была для меня невыносима, особенно при более-менее тесном общении с этим странным народом»*⁸.

Примечательно, что эти строки о «тяжелом и странном» народе писал весьма дотошный и объективный исследователь, который совершил свое путешествие по Уссури в окружении тринадцати казаков и только одного «русского европейца» — унтер-офицера Карманова.

Справедливости ради стоит подчеркнуть, что казаки действительно крепко недолго любили «русских европейцев», не распространяя, впрочем, эту нелюбовь на весь русский народ. Осо-

бую же неприязнь, граничащую с ненавистью, вызывало у казаков исторически сложившееся в среде русского социума, а потому воспринимавшееся этническими русскими как социальная норма, деление общества на рабов и господ, на высокомерную «белую кость» и унижаемое «быдло».

Иллюстрацией к сказанному может служить исторический очерк казачьего писателя Г. Немченко, описавшего действительно произошедший в 1914 г. инцидент. После объявления Россией войны Германии и Австрии из станицы Отрадной началась передислокация на запад Хоперского казачьего полка. Вслед за уходящим на войну казачьим воинством, как это было издавна принято у казаков, какое-то время, иногда достаточно долгое (два-три дня), ехали провожающие — старики и женщины. Так было и в этот раз: за полковым строем и параллельно ему ехали подводы и брички провожающих станичников. Одна из казачек, спеша поравняться с полком, выехала за пределы дороги и промяла колесами брички край колосющегося помещичьего поля. Заметив сию «дерзость», к женщине подскочил один из офицеров штаба, русский дворянин Эрдели, и наотмашь хлестнул казачку плетью. Возмездие за унижение казачьей женщины не замедлило свершиться: из походного строя выломился молодой казак и, не вступая в пререкания и выяснение обстоятельств, зарубил шашкой офицера Эрдели.

Аналогичный случай описывает в своих мемуарах известный русский террорист Борис Савинков. На одной из площадей Петербурга, накануне отречения Николая II от престола, происходил многолюдный митинг рабочих какого-то завода. По приказу свыше на площадь выехало до полусотни казаков, которые, по мысли градоначальников, должны были разогнать и вытеснить с площади людское собрание. Однако казаки не спешили пускаться в дело нагайки, они растянулись це-

⁸ Венюков М.И. Описание реки Уссури и земель к востоку от нее до моря // Архив ИРГО (СПб.). Папка 135 (Венюков). Л. 52.

пью вдоль края площади и наблюдали. Видя полное отсутствие «державного рвения» у казаков, власти выдвинули на площадь русский полицейский патруль, офицер которого обрушился на сгрудившихся людей, среди которых были женщины и дети, с грязной бранью. Тогда один из казаков молча, без всяких объяснений и предупреждений, вскинул винтовку и убил полицейского офицера наповал. После этого казаки, под восторженные крики оторопевших было работяг, выстроились в походную колонну и ускакали с площади.

Важно подчеркнуть, что в революционных событиях 1917–1918 гг. в казачьих воинских формированиях не произошло ни одного случая бессудной расправы рядовых казаков с казачьим офицером. В русских же полках в эти годы подобные инциденты исчислялись десятками, если не сотнями. На русском флоте, где казаков вообще не было, офицеров расстреливали, топили, подымали на штыки еще в больших масштабах, чем в сухопутной армии. Очевидно поэтому, что описанные Г. Немченко и Б. Савинковым случаи иллюстрируют ненависть казаков отнюдь не к офицерам вообще, — например, в связи с их более высоким иерархическим статусом в армии. Эта ненависть адресована и не русской этничности как таковой — исторически казаки никогда не отличались агрессивным национализмом. Здесь перед нами, как видится, предстает картина глубинной брезгливости, даже онтологической нетерпимости казачества по отношению к явлению, пользуясь терминологией М.И. Венюкова, — «русского европейства». По-видимому, именно это: причудливая смесь общеевропейской безликости и исторически русских ухваток разнузданного барства вызывала в казачьих душах такой мощный пароксизм отчуждения и ненависти, что при определенных обстоятельствах это вело к стремительным кровавым расправам с русскими соотечественниками.

В свое время Л.Н. Гумилев ввел в научный оборот понятие этнической комплиментарности (две категории: положительная и отрицательная), которая определялась исследователем как ощущение подсознательной взаимной симпатии (или антипатии) этнических индивидуумов, определяющее деление на «своих» и «чужих».

Если воспользоваться предложенным Гумилевым научным инструментарием, то окажется, что М.И. Венюков (а также другие «русские европейцы») и амурские казаки — суть два различных, причем взаимно отрицательно комплиментарные («чужие») друг другу этносы. Но почему же тогда положительно комплиментарны казачеству, абсолютно «свои» для него такие бесспорно этнически чистые русские, как А.В. Суворов, Л.Н. Толстой, А.И. Солженицын?

Причиной столь полярно различных оценок казачества со стороны русских интеллектуалов, вызывавшей в равной степени как восхищение и желание быть с казаками у одних (вспомним, например, повесть Толстого «Казаки»), так и искреннее неприятие, отторжение, даже антагонизм у других, стала, как мне представляется, полноценно сформировавшаяся уже к исходу XVI в. этничность казаков. В отличие от казачества, национальное становление собственно великорусов, насильственно остановленное, надломленное и во многом исковерканное так называемыми реформами патриарха Никона, а затем пароксизмальной деятельностью Петра I, не могло дать русской интеллигенции единой ментально-идеологической платформы для оценки того или иного общественного или национального явления.

Отсюда происходит столь шокирующая внешнего наблюдателя полярно различная оценка русскими людьми самых разнообразных общественно-политических явлений, причем подчас поистине судьбоносных для России. Один русский интеллектуал готов

восславить приход большевистской революции, другой с ужасом проклинает его; для одного русского человека Петр Алексеевич Романов — Петр Великий, а для другого этот же персонаж — Петр Антихрист (Кровавый, Отступник и т.п.). Столь же полярны и даже взаимно антагонистичны оценки русскими людьми, причем по всему диапазону социального спектра, деятельности Распутина и Николая II, политики Сталина, эпохи «застоя» Брежневца, событий 90-х годов, наследия Советского Союза и т.д. Отсутствие единой ментально-идеологической платформы для оценки важнейших для собственной нации явлений — это тревожный симптом недоразвития, недосформированности этноса, чреватый утратой как в ближнесрочной, так и в долгосрочной перспективе фактора этнической конкурентоспособности для данного народа.

На фоне внутренней ментально-идеологической разобщенности русских (утрачен идеал собственно национального образа жизни), на фоне их обрядовой ущемленности (национальный обряд практически утрачен, а православный ритуал собственно русским никак не назовешь), на фоне русских перманентных этнополитических метаний (кто мы? русские европейцы или все же скифы-азиаты?) казаки поражали всех сторонних наблюдателей (причем как доброжелательных, так и враждебных) прочно укорененным в национальном менталитете собственно казацким мировосприятием, завершенным, полноценно сформированным стереотипом поведения, признаваемым всеми казаками как национальный идеал, отсутствием каких-либо внутренних метаний в пользу смены своей этнополитической идентичности. Как представляется, именно эти цельность, самоценность и непоколебимость казацкого менталитета, завидная монолитность казацкой общественной среды как раз и породили ту резкую полярность при оценке

казачества внешними, в первую очередь русскими наблюдателями.

Если же оценивать означенные выше ментально-психологические и общественные явления, свойственные внутренней среде казачества, с точки зрения их соответствия теории этничности по ее классической версии в интерпретации Ю.А. Бромлея, то попросту невозможно не прийти к выводу: **казацкое общество в России на рубеже XIX–XX вв. обладало всеми признаками, особенностями и только ему присущими социальными свойствами, которые со всей очевидностью свидетельствовали о полноценной, завершенной в своем формировании этничности казаков.**

«О, Сечь! Ты верного казачества колыбель!»

История любого народа отчетливо троична: в ней всегда можно выделить древнейший этап — становление этноса; некую среднюю полосу, более-менее продолжительную; последняя историософски логично переходит в историю новую, а уже ее новейшая часть представляет по сути своей обобщенное жизнеописание трех-четырёх ближайших к современности поколений. В нашем размышлении о «факторе этничности казаков» мы как-то сразу оттолкнулись от среднего периода истории казачества. А как же период древней истории? Может быть, там мы найдем неопровержимые доказательства того, что казаки представляют собой некую органичную, хотя и весьма своеобразную ветвь русского или украинского народов?

Увы, таких доказательств нет. Вернее, доказательства есть, но сугубо противоположные по знаку: в древних и средневековых источниках Евразии есть достаточно много сообщений, которые однозначно могут трактоваться как четкие указания на постепенно формирующуюся самобытную этничность казачества, начиная с XIII в. Чтобы не обременять заинтере-

сованного читателя повторением этого текстологически весьма объемного материала, сделаю ссылку на известный и на сегодняшний день, пожалуй, самый обстоятельный труд Е.П. Савельева «Древняя история казачества». В этой добротной с научной точки зрения работе (при том, разумеется, что необходимо делать поправку на существенные изменения методологии научных исследований с рубежа XX в. до наших дней) подробно проанализирована фактура и достоверность абсолютного большинства древних и средневековых источников о процессе формирования казачьего этносоциума.

Предваряя свое, еще раз подчеркиваю, — весьма авторитетное с точки зрения научной аргументации исследование, Е.П. Савельев пишет: *«Казачи прежних веков, как это ни странно звучит для историков, не считали себя русскими, т.е. великороссами или москвичами; в свою очередь и жители московских областей, да и само правительство смотрели на казаков, как на особую народность, хотя и родственную им по вере и языку. Вот почему сношения верховного правительства России с казаками в XVI и XVII вв. происходили чрез Посольский Приказ, т.е. по современному — чрез Министерство иностранных дел, чрез которое вообще сносятся с другими государствами. Казачьих послов или, как их тогда называли, “станции” в Москве принимали с такою же пышностью и торжественностью, как и иностранные посольства...»*.

Чуть ниже, в комментарии к этому выводу, Савельев добавляет: *«...А. Филимонов в “Очерках Дона” в пятидесяти годах прошлого столетия (1850-е годы. — Н.А.) и В.Ф. Соловьев в своей брошюре “Особенности говора Донских казаков” в 1900г. писали, что казаки, несмотря на то, что стоят за Русь, что полки их оберегают ее окраины и что все они имеют рвение постоять за Царя, сами*

себя не считают русскими; что если любому казаку предложить вопрос: “Разве ты не русский?” — он всегда с гордостью ответит: “Нет, я казак!”. Филимонов и Соловьев не были казаками»⁹.

В качестве общего контекста всех более-менее древних источников можно привести, например, сведения «Гребенской летописи», составленной в Москве в 1471 году. Здесь говорится следующее: *«...Там, в верховьях Дона, народ христианский воинского чина зовоми казаки, в радости сретяюще (встречающие. — Н.А.) его (великого князя Дмитрия Донского. — Н.А.) со святыми иконами и со кресты поздравляюще ему о избавлении своем от супостатов и, приносяще ему дары от своих сокровищ...»¹⁰.*

Не только в большинстве, а, пожалуй, и во всех без исключения источниках по истории Руси-России XIV–XVII веков мы не найдем упоминаний казаков в контексте «русскости»; даже отмечая, что «казаки» — народ христианский и православный, русские источники тем не менее никогда не отождествляют их с собственно великорусским, московским людом. Описывая деяния казаков, русский исторический хронограф в десятках деталей находит возможность подчеркнуть наличие принципиальных различий в природе коренной русскости, вернее — великорусскости, и казачества.

Первый отечественный энциклопедист В.Н. Татищев, обладавший, в отличие от всех прочих историографов, уникальным собранием древнейших русских манускриптов, погибших затем в пожаре Москвы в 1812 году, уверенно выводил родословную донских казаков от запорожцев, которые во главе с гетманом Дмитрием Вишневецким сражались вместе с войсками Ива-

⁹ Савельев Е.П. Древняя история казачества. М., 2008. С. 17–18.

¹⁰ Цит. по: Быкадоров Ис. Ф. История казачества. Кн. 1. Прага, 1930. С. 86.

на Грозного за Астрахань. Татищев допускал вместе с тем, что еще одним компонентом при формировании первичного этносоциального массива донского казачества выступали, возможно, так называемые мещерские казаки, т.е. принявшие Православие тюркоязычные мангыты («татары»), которых Иван Грозный перевел на Дон¹¹. Важно подчеркнуть, что с этногенетической концепцией Татищева в целом был солидарен бесспорно крупнейший историк XIX века по проблеме казачества В.Д. Сухоруков¹².

Таким образом, становится понятным, что по крайней мере донские казаки — альфа и омега российского казачества — как прямые потомки генетического альянса запорожцев и мещерских татар имели, в силу этого факта, весьма мало общих генетических корней с великорусским этносом.

Столь же незначительна была, по видимому, генетическая связь самих запорожцев, этого краеугольного камня феномена казачества Евразии, с собственно украинским (или, как писали до 1917 года, — малорусским) народом. Упомянутый уже мною последовательный борец с казацкой идеей Н.И. Ульянов размышлял по этому поводу так:

«Здесь (в Запорожской Сечи. — Н.Л.) существовали свои вековые традиции, нравы и свой взгляд на мир. Попадавший сюда человек переваривался и перетапливался, как в котле, из малоросса становился казачком, менял этнографию, менял душу... Фигура запорожца не тождественна с типом коренного малороссиянина (т.е. украинца. — Н.Л.), они представляют два разных мира.

¹¹ Татищев В.Н. Лексикон Российский исторический, географический и политический // Избранные произведения. Л., 1979. С. 267–284.

¹² Сухоруков В.Д. Историческое описание земли Войска Донского // Дон. 1989. № 4. С. 151.

Один — оседлый, земледельческий, с культурой, бытом, навыками и традициями, унаследованными от киевских времен. Другой — гулящий, нетрудовой, ведущий разбойную жизнь, выработавший совершенно иной темперамент и характер под влиянием образа жизни и смешения со степными выходцами. Казачество порождено не южнорусской культурой, а стихией враждебной, пребывавшей столетиями в состоянии войны с нею»¹³.

Можно было бы поспорить с автором этих строк о степени взаимовлияния казачества и носителей южнорусской культуры, однако им бесспорно точно отмечен факт весьма малой генетической связи запорожцев с окружающей, генетически весьма далекой от казаков, украинской средой. Это указание тем более важно, что именно родовые запорожцы, переселившиеся под водительством атаманов Захара Чепеги и Антона Головатого на Кубань, стали этнической основой как для кубанского, так и для терского казачества.

Механизм довольно быстрого распыления и последующей аннигиляции украинских выходцев в казацкой среде лаконично, но достоверно описан все тем же Н.И. Ульяновым.

«В Запорожье, как и в самой Речи Посполитой, хлопов (украинских крестьян. — Н.Л.) презрительно называли «черню». Это те, кто, убежав от панского ярма, не в силах оказались преодолеть своей хлебоборобной мужицкой природы и усвоить казачьи замашки, казачью мораль и психологию. Им не отказывали в убежище, но с ними никогда не сливались; запорожцы знали случайность их появления на Низу и сомнительные казачьи качества. Лишь небольшая часть хлопов, пройдя степную школу, бесповоротно меняла крестьянскую долю на профессию лихого добытчика. В большинстве же своем хлоп-

¹³ Ульянов Н.И. Указ. соч. С. 27–28.

ский элемент расплылся: кто погибал, кто шел работниками на хутора к реестровым...»¹⁴.

Итак, в качестве предварительного вывода, мы можем признать, вслед за В.Н. Татищевым, В.Д. Сухоруковым, Е.П. Савельевым, Н.И. Ульяновым и другими крупными историками России и Украины, что казацкое сообщество издревле формировалось как бы из самого себя, путем постепенного прочного слияния небольших корпусов разнородных этнических элементов, включая великорусов, украинцев, представителей некоторых тюркских народностей, которые постепенно и разрозненно, в разные исторические периоды наслаивались на некий весьма мощный в генетическом плане, издревле сформировавшийся в междуречье Днепра и Дона этнический стержень. В задачу настоящей работы не входит выяснение этногенетической природы этого стержня — это может стать задачей специального, причем находящегося на стыке разных исторических дисциплин, этнологического исследования. Моя задача в данной работе значительно более локальна: определить обоснованность (или, напротив, тщетность) претензий современного казачества на собственную, отличную от русской или украинской, этничность. До сих пор, анализируя данные источниковедения и историографии, а также бытовые наблюдения совершенно разных по мировосприятию современников, мы могли констатировать объективную обоснованность этнологической версии о казачестве как об издревле сформировавшемся в междуречье Днепра и Дона, генетически цельном и культурологически самобытном народе.

Казаки произошли от казаков

Наш дальнейший экскурс целесообразно, по-видимому, продолжить по тому вектору, который был задан в

начале статьи, а именно — попытаться более детально сравнить основные ментально-психологические особенности казаков и великорусов. В свое время американский исследователь Т. Парсонс охарактеризовал этнический феномен как совокупность «поведенческого и культурного символов», тесно связанных с «физиологической данностью», т.е. с биологическим родством, с конкретной генетической популяцией людей, объединенных в рамках единого социально-исторического организма¹⁵. Важно подчеркнуть, что задолго до Т. Парсонса на важнейшее значение устоявшегося комплекса поведенческих реакций (стереотип поведения) для формирования конкретного этноса указывал А.Н. Гумилев. Выдающийся русский этнолог рассматривал укорененный в народном сознании и безотчетных реакциях стереотип поведения, принятый как национальный идеал, — как важнейшее, определяющее свойство реально существующего этноса¹⁶.

К аналогичному выводу пришла, по существу, и В.Ф. Чеснокова (Ксения Касьянова) — известный социолог и культуролог, автор наиболее фундаментального на сегодняшний день научного труда о русском национальном характере.

Какие же основные поведенческие черты русских видятся К. Касьяновой? И как эти черты соотносятся с таковыми же у казаков?

Не углубляясь в «наукоемкие» размышления, подобные размышлениям о некоем «судейском комплексе» русских или так называемом «эго-сверхконтроле», выделю из материала Касьяновой лишь два основных, бесспорно наличествующих ментальных

¹⁵ *Parsons T. Some Theoretical Considerations on the Nature and Trends of Change Ethnicity // Ethnicity: Theory and Experience. N. Y., 1998. P. 74–75.*

¹⁶ *Гумилев А.Н. Этногенез и биосфера Земли // Собр. соч. М., 1997. Т. III. С. 611 и сл.*

¹⁴ Там же. С. 30.

свойства русских, причем таких, которые лежат в основе всех основных стереотипов поведения этого народа.

Первое и главное — терпение. К. Касьянова отдает бесспорную «пальму первенства» этому ментальному качеству русских, считая, что именно терпение является основой русского национального характера. Исследователь отмечает, что терпение для русских — это не только общенациональная «модель поведения», но и *«...принципиальная ценность, без этого нет личности, нет статуса у человека, нет уважения к нему со стороны окружающих и самоуважения»*¹⁷.

Второе и столь же определяющее свойство — внеисторичность и вненациональность русских.

К. Касьянова пишет: *«В нашей культуре нет ориентации на прошлое, как нет ее и на будущее. Никакого движения, этапов, промежуточных ступеней и точек не предполагает... Апокалиптичность мышления, внеисторичность его»*¹⁸.

Не берусь утверждать, что русскому национальному менталитету присуща апокалиптичность мышления, но очевиден факт — среднестатистический русский человек находится вне истории собственного народа, не осознает себя в ней, не видит в национальной истории русских места для своего рода (своей фамилии). Отсюда происходит прямо-таки наплевательское отношение среднего русского к родовой памяти собственной фамилии: в обычной русской семье с трудом вспоминают, какими были имена-отчества прадедушек и прабабушек, а уж об именах и судьбах прапрадедушек в абсолютно подавляющем большинстве русских семей не помнит никто.

Внеисторичность русских логично ведет к их вненациональности. Это странное и, с казацкой точки зре-

ния, абсолютно неблагоприятное ментальное свойство русских вынуждены признавать сегодня даже русские интеллектуалы-националисты. Известный теоретик русского национализма В.Д. Соловей по этому поводу пишет: *«...Понятия “русского национального характера”, “родовых ценностей” и культурных “архетипов” (а также любви их эквиваленты и производные), которыми пытаются оперировать социогуманитарные науки, суть интеллектуальные фикции»*¹⁹.

Однако казачество — ни в среде своих интеллектуалов, ни в среде простых станичников — никогда не считало и не считает казацкий характер и казацкие родовые ценности — фикциями, т.е. чем-то неживым, искусственным, умозрительным. Напротив, в среде родового казачества существуют очень четкие представления о том, что может и должен делать казак в той или иной жизненной ситуации, как должны вести себя казацкие дети, как должна быть одета и что может позволить себе казачка, какие песни петь пристойно казаку и как по-казацки должна быть вырыта могила для усопшего родственника. В абсолютном большинстве родовых казацких семей вам с легкостью назовут полные имена родственников по отцовской линии до 6–8, а в некоторых семьях — и до 20 поколения.

Понятно, что все вышеперечисленные качества менталитета и стереотипа поведения, понимаемые и признаваемые в казацкой среде как национальный идеал, почти полностью отсутствуют у этнических русских. Отсутствуют примерно в той же степени, в какой в казацкой среде отсутствует свойство долготерпения и привычка к нему. О нетерпеливости казаков, об их неумении и нежелании обуздывать собственную национальную «выть» исписано столько страниц в художественной, мемуарной и научной лите-

¹⁷ Касьянова К. О русском национальном характере. Екатеринбург, 2003. С. 127.

¹⁸ Там же. С. 135.

¹⁹ Соловей В.Д. Кровь и почва русской истории. М., 2008. С. 36.

ратуре, что нет смысла, конечно, даже углубляться в эту тему. Желаящим указать казакам на их свойство долготерпения советую просто перечитать «Тараса Бульбу» и «Тихий Дон». Можно даже сказать так: значительное число военно-политических достижений казачества, равно как и подавляющее большинство наших этнополитических провалов объясняются именно этим — отсутствием гена долготерпения, генетически закрепленным у казаков свойством взрывной реакции на раздражитель.

С особенной четкостью различия в национальных менталитетах (и, соответственно, в стереотипах поведения) казаков и русских видны на примере отношения этих народов к межнациональным связям.

В интереснейшем исследовании А.В. Сергеевой «межнациональный комплекс» русского человека описывается так: *«Иметь предка-иностранца в России было престижно — и в старину, да и теперь: такой факт в родословной записи и раньше выделял русского аристократа из общей массы... Другие нации всегда представляли для русских какую-то особую притягательную силу, к ним их тянуло, как к магниту... До сих пор для русских сравнение с англичанином или французом в манере держаться — самый высокий комплимент... Для мужчины (русского. — Н.А.) сравнение с французом говорит о его элегантной одежде, хороших манерах, жизнелюбии. Сравнение же с англичанином дает представление об особой выправке, элегантности и отличных манерах абсолютно порядочного человека — “джентльмена”. Сравнение с немцем говорит о порядочности, обязательности и пунктуальности человека, с которым просто приятно иметь деловые контакты»²⁰.*

²⁰ Сергеева А.В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. М., 2004. С. 190.

Отношение казачества к инонациональному субстрату прямо противоположно. С гениальной лаконичностью это отношение описано Михаилом Шолоховым в «Тихом Доне». Поистине хрестоматийна даже для современного казачества сцена, где на реплику комиссара Штокмана о том, что казаки, дескать, от русских произошли, — казак пренебрежительно, даже с вызовом бросает: *«Казаки произошли от казаков!»* Этот гордый девиз всего казачества — от запорожского войска до семиреченского — сохранился неизблемым донине. Собственно, только эта фундаментальная платформа казацкого мироощущения обеспечила физическое выживание казацкого этнического сообщества, несмотря на многие десятилетия большевистского геноцида.

В объеме журнальной статьи я не имею, к сожалению, возможности провести сравнительный анализ всего комплекса поведенческих реакций казаков и русских (великорусов), поэтому я выделил лишь некоторые доминирующие реакции (императивы) мировосприятия и, соответственно, поведения сравниваемых этносов. В смысловом плане эти императивы казацкого и русского стереотипов мировосприятия сведены мною в четыре группы: «Семья и дом», «Межнациональные отношения», «Социальные отношения», «Общественные мотивации». Вот что получилось (см. с. 132–134).

Даже самый краткий анализ некоторых ключевых императивов мировосприятия и поведенческих реакций казаков и русских непредвзято подводит к выводу о том, что перед нами два совершенно разных народа, сформировавшихся в совершенно разных исторических, этногенетических и географических (ландшафтных) условиях.

Один народ — великорусы — сформирован архетипом земли, земледельческий в своей сути, с генетически закрепленным в подсознании культом женщины-домоправительницы, склон-

ный к безграничному терпению и социальному выживанию в любых условиях, упорный в монотонном труде, при наличии внешних организующих начал способный к длительной обороне.

Другой народ — казаки — сформирован архетипом пространства, народ выпестованный и вскормленный набеговой системой, олицетворяющий начала мужской инициативы и дерзости, способный уверенно находиться на гребне бушующей военной стихии, но которому с трудом удаются долговременные и методичные усилия в условиях серого, брэнного существования.

В славянской мифологии у карпаторусов (русинов) существует замечательное предание о появлении первочеловека в результате удара громовой стрелы (мужское начало) в землю (женское начало). Если перенести эту эпическую аллегория на исторические взаимоотношения казаков (громовая стрела) и русских (земля), то без всякого преувеличения можно сказать, что результатом этого союза стала Россия. Притом, конечно, не та Россия, которая известна как государственный механизм и система административного принуждения, а Россия как уникальное по ценности, поистине мировое социокультурное явление, простирающееся от восточных рубежей Европы через всю Азию.

Действительно, не погрешая против исторической истины, придется согласиться с тем, что известное нам по дореволюционным, советским, а ныне российским учебникам истории «русское освоение Сибири и Дальнего Востока» без участия казаков было бы принципиально невозможным. Ибо пуствующих на нашей маленькой планете земель нет, и чтобы что-то «освоить», нужно было первоначально это что-то «завоевать». На последнее действие русский народ, как показывает его история, бывает способен, увы, только при тотальном принуждении со стороны государственного аппарата.

В эпоху превращения захолустного

по европейским меркам царства Московия в крупнейшую европейскую державу русское самодержавие не обдало ни навыками, ни механизмами для тотальной мобилизации русского населения к достижению каких бы то ни было крупных внешнеполитических задач. Полное отсутствие в русской правящей среде, вплоть до эпохи Петра I, привычки и механизмов к тотальному контролю над собственной нацией вскоре убедительно доказала многолетняя, в финале проигранная Ливонская война и последующее лихолетье Смутного времени. Между тем территориальное расширение Московской Руси, начиная с XVI в., происходило поистине геополитическими темпами.

Как неоднократно отмечалось в аналитических работах русских историков: только между серединой XVI в. и концом XVII в. Московская Русь в среднем ежегодно (150 лет подряд!) приобретала земли, равные по площади современной Голландии. К началу XVII в. Московское государство равнялось по площади всей остальной Европе, а присоединенная в первой половине XVII в. атаманом Ермаком Олениным Западная Сибирь по масштабу вдвое превышала площадь Европы. К середине XVII в. Московия — без политических пароксизмов и чудовищных военных усилий Петра I, по сути без особых финансовых и материальных вложений — стала «де-факто» самым большим государством в мире.

Чья же громовая стрела произвела эту, никогда более не повторявшуюся в мире (после Чингисхана и Тимура) военно-территориальную экспансию? Этой громовой стрелой стало казачество.

Изучение процесса освоения славянами Сибири и Дальнего Востока убеждает: такой сверхмобилизационный этносоциальный рывок, который сделали на восток Евразии казаки, был под силу (среди европейских народов) только им. Только казаки — этнос сла-

вянских самураев, народ, для которого идеалы человеческого достоинства, духовной свободы, национальной и социальной взаимоподдержки были не чем-то отвлеченным и далеким, а фактом их повседневной реальности, могли совершить этот подвиг: всего за столетие не только завоевать, но и привести в полную покорность (как писали в летописях — «замирить») почти половину географической территории евразийского материка.

Собственно же русское освоение Сибири и Дальнего Востока было, как представляется, освоением третьей волны. Первая волна — казацкая — завоевание, политическое «замирение» и первичное хозяйственное освоение азиатских территорий (сбор ясака, охота, рыболовство). Вторая волна — административно-армейская — создание необходимой государственной инфраструктуры на завоеванных казаками территориях (остроги, военные городки, почтовые коммуникации, перевалочные базы). И только третья волна была собственно русская — административно переселяемые, зачастую даже принудительно переселяемые государственные крестьяне (распашка целинных земель, создание первичной сети земледельческих поселений).

Мы — казаки. И этого достаточно для нас

Свою этническую отделенность, в хорошем смысле — самостийность от кого бы то ни было казачество остро чувствовало во все времена. В отношении великорусов это чувство самостийности диктовалось отнюдь не желанием противопоставить себя русскому народу как некий недостижимый для последнего образец. Со времен борьбы с польским шляхетством казак был чужд этнического высокомерия, и его отношение к русским людям в целом всегда было благожелательным и уважительным. Однако чувство самостийности все же всегда было

и определялось только одним: желанием сохранить свой самобытный казацкий остров в том поистине безбрежном великорусском море, которое неудержимо накатывалось с севера на земли Присуда Казацкого под водительством «русских европейцев», немецких управляющих и еврейских комиссаров.

В недавнее время двумя российскими издательствами был переиздан любопытный сборник материалов-размышлений по проблемам казачества, впервые вышедший в свет в 1928 г. в Париже по инициативе атамана А.П. Богаевского. В этом сборнике, помимо прочих важных сведений, есть весьма ценные для нашего исследовательского интереса наблюдения по этничности казачества, причем сделанные как самими казаками, так и близко знающими этот народ ионациональными наблюдателями. Некоторые из означенных наблюдений прямо подтверждают те предварительные выводы, которые я сформулировал в начале настоящей статьи.

«У казаков было, да и есть еще, выраженное сознание своего единства, того, что они, и только они, составляют войско Донское, войско Кубанское, войско Уральское и другие казачьи войска... Мы совершенно естественно противопоставляли себя — казаков — русским; впрочем не казачество — России. Мы часто говорили о каком-либо чиновнике, присланном из Петербурга: "он ничего не понимает в нашей жизни, он не знает наших нужд — он русский", или о казаке, женившемся на службе, мы говорили: "он женат на русской"» (И.Н. Ефремов, донской казак).

«Я знаю, что в глазах простого народа воин идеальный, воин по преимуществу — мыслим всегда как казак. Так было в глазах великороссов, так и малороссов. Немецкое влияние на строй и народные понятия всего менее отразились на нравах казачества. В начале еще XX века, когда я спрашивал одного юнкера Констан-

тиновского училища, — участвуют ли юнкера-казаки в их ночных похождениях, он отвечал: «Не без того, но казаки никогда не хвалятся друг перед другом своим распутством и никогда не кощунствуют» (Митрополит Антоний (Храповицкий), русский).

«Во время моего четырехлетнего пребывания в прежней, царской, а позднее в Белой армии, я часто жил среди казачьих полков и был в лучших отношениях с казачьими офицерами. Я сражался вместе с многими из них против их врагов за их Родину: сперва с немцами, а затем с большевиками. Имея связь со всеми известными казачьими племенами России (казаками Дона, Кубани, Терека, Урала, Оренбурга, Забайкалья и Уссури), я изучил их организации, их нравы; мне приходилось наблюдать их и на поле битвы, и в станицах.

...Мои впечатления: русский народ — по преимуществу крестьяне; в сражениях они проявляют свои самые ценные качества: выносливость и храбрость, но им не хватает порыва, присущего врожденным воинам... Казачество — один из редких примеров, оставшихся нам от античного военного наследия, классическое представление всех древних цивилизаций о котором возводит класс воинов в высшую социальную группу, стоящую над сословием торговцев и капиталистов» (Л.Г. Грондис, французский журналист).

«Нам, русским, нечего распространяться о казачьих доблестях. Мы знаем историческую колонизационную и окраинно-оборонительную миссию казачества, его навыки к самоуправлению и воинские заслуги на протяжении многих веков. Многие из нас, жителей северной и центральной части России, ближе познакомились с укладом казачьей жизни, найдя вместе с белым движением убежище в казачьих областях юго-востока России. В эмиграции мы оценили солидарность и спаянность каза-

ков, выгодно отличающих их от общерусской “людской пыли”» (Князь П.Д. Долгоруков, русский).

«Казачество всегда едино, цельно в разрешении и понимании своих внутренних казачьих вопросов. Во мнениях же, взглядах, отношениях к вопросу внешнему для него — русскому, — казачья интеллигенция разделяется, распыляется, забыв о главном, единственно неизблемом, — об интересах своего народа — народа казачьего.

У русской интеллигенции здесь, за рубежом, и у советской власти там, в СССР, получилась удивительная согласованность в устремлениях внедрить в сознание казачества — у первой в эмиграции, у второй — в родных наших краях, — убеждение, что казаки являются русским (великорусским) народом, а казак и крестьянин — тождественные понятия.

Заботы советской власти о подобном “воспитании” казачества вполне понятны: они преследуют практические цели: затемнением национального самосознания у казачества, внедрением психологии великоросса ослабить сопротивление советскому строительству.

...Однако казаки никогда себя не осознавали, не ощущали и не считали великороссами (русскими), — считали русскими, но исключительно в государственно-политическом смысле (как подданные Русского государства)» (Ис. Ф. Быкадоров, донской казак)²¹.

Я полагаю, что вышеприведенной ссылкой на мнение генерала Быкадорова можно завершить наш этнологический экскурс в части развернутого ответа на вопрос: являлось ли казачество накануне Великой Катастрофы 1917 года самобытным этносом? Ответ очевиден: конечно же, являлось,

²¹ Казачество. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. М., 2007. С. 30, 37–38, 42, 105–107.

чему есть масса свидетельств как историко-этнографического, так и чисто этнографического порядка. Сознавало себя казачество как отдельный, не сводимый к статусу субэтноса русских, самобытный народ и в чисто политическом плане: социополитические интересы казачества осознавались (и, при возможности, отстаивались) казачьей интеллигенцией именно как этнические (национальные) интересы, а не как интересы некоего умозрительного военно-служилого сословия.

Вопрос же о том, почему государственный аппарат Российского самодержавия, поддержанный широкими кругами русской интеллигенции, выпестовал идеологему этногенетической русскости казачества, ввиду своей неоднозначности и масштабности может и должен служить предметом отдельного исследования. Тема эта, чрезвычайно политически острая и важная, равно как и изучение почти четырехсотлетнего процесса творческого созидания казацкого уклада жизни, все еще ждет внимания неравнодушных историков и этнологов. Мне же в рамках настоящей работы следует осветить, пожалуй, только завершающий аспект проблемы этничности казачества, а именно: сохранился ли потенциал для восстановления этничности у современных казаков, не исчерпаны ли не только генетические, но и ментально-психологические ресурсы казачьего этноса.

«Достанет еще, батько, пороху! Не погнулись еще казаки!»

Ситуацию с этничностью у современного казачества не назовешь простой — чудовищный геноцид казаков, реализованный Советской властью после 1917 г. в рамках методичного и долговременного государственного курса, не прошел даром. Казачество понесло колоссальные утраты в генетическом фонде, практически уничтожены Терское и Уральское казачьи войска, сохранившиеся, к стати сказать, к 1917 г.

хотя бы какие-то живые элементы создавшей феномен казачества набеговой системы. Разумеется, все эти утраты не прошли даром для казачества как этногенетического целого, что в свою очередь не могло не отразиться на менталитете и этноидеологической доктрине современных казаков.

Наряду с традиционной точкой зрения казачества на самое себя как на самобытную, генетически и культурологически отличную от великорусов нацию, в среде казачества имеет место (и, понятно, горячо поддерживается актуальной властью и русской интеллигенцией) точка зрения на казаков как на весьма обособленный, но тем не менее генетически единый с великорусским народом субэтнос. Понятно и то, что идею этнической самобытности казачества защищают в первую очередь потомственные казаки, сохранившие связь с землями Присуда и имеющие независимый финансовый статус. Концепция же «этнической аффилированности» казачества с русским народом популярна в среде казацких болдырей (в том или ином разведении крови), в среде инациональных «казачков», примкнувших к казацкому движению из-за нездорового (как у всех неофитов) пристрастия к внешней казацкой атрибутике, а также среди немногочисленных приспособленцев из числа родовых казаков, алчущих найти для себя материальные выгоды в Реестре и не желающих показаться «вольнодумцами» в глазах власть предержащих. Точка зрения первых популярно изложена в разноплановой и очень полезной книге В.Ф. Никитина «Казачество. Нация или сословие?» (М., 2007). Этногенетические воззрения «аффилянтов» широко рекламируются в многообразной «околоказачьей» прессе, транслируются в официальных речах и публикациях чиновников от казачества, приобретают лоск наукообразности в дилетантских изысканиях так называемых писателей-историков.

Чтобы не бороться с ветряными мельницами и не повторять уже многократно обоснованное людьми куда более авторитетными в казацкой проблематике, я предлагаю сейчас более углубленно рассмотреть классическую теорию этноса, прежде всего для того, чтобы определить — насколько обоснованна сама претензия современного казачества на статус «этнос». Определение этноса, долгое время считавшееся в советской исторической науке классическим, принадлежит академику Ю.В. Бромлею. Напомню это определение: этнос — это *«исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая совокупность людей, обладающих общими относительно стабильными особенностями языка и культуры, а также сознанием своего единства и отличия от других подобных образований (самосознанием), фиксированном в самоназвании (этнониме)»*²².

Очевидно, что по всем указанным критериям — устойчивости социума, особенностям культуры, сознанию своего единства, сознанию своей отличности от других народов — казаки до революции 1917 г. безусловно являлись самобытным народом. Ни к русским людям, ни к украинцам, как было уже отмечено, казаки себя никогда не причисляли, более того, — очень не любили, когда их кто-то к какому бы то ни было иному народу, кроме казачества, причислял.

Из указанных Ю.В. Бромлеем этнических критериев вызывает вопросы только происхождение языка, на котором говорят казаки. Исключая экстравагантные и явно ненаучные версии о том, что издревле казаки говорили на каком-то ином, отличном от русского языке, можно утверждать, что казачество пользуется именно русским языком, с примесью какого-то количества

тюркской и украинской (малорусской) лексики.

Свидетельствует ли это в пользу предположения, что казаки являются субэтносом русского народа, образовавшимся в зоне этнического контакта великорусского этноса с тюркской и малорусской этническими средами? Ведь именно такая точка зрения пропагандируется в некоторых популярных трудах.

На мой взгляд, не свидетельствует.

Почему?

Прежде всего потому, что фактор языка является хотя и весомым, но только сопутствующим, подчиненным этническим репером. Примеры этой этнологической соподчиненности общеизвестны: сербы и хорваты говорят, по существу, на одном языке, который и именуется поэтому сербохорватским, однако более антагонистичных друг другу народов даже на этнически раскаленных Балканах невозможно найти.

Если в языках сербов и хорватов имеются хотя бы некоторые мало-значимые диалектные отличия, то современные англичане и ирландцы безусловно говорят на одном языке — на английском. Стало ли обладание английским языком как родным «дорожной картой» для ирландцев на пути органичного вхождения в состав английского этноса? Нет, не стало и, совершенно очевидно, что никогда не станет. Пример ожесточенной борьбы за Ольстер красноречиво говорит об этом историческом факте.

Ю.В. Бромлей опубликовал свои основные работы по теории этноса на рубеже конца 70-х — начала 80-х гг. XX в. С тех пор прошло уже более тридцати лет. Что изменилось за эти годы в базовых постулатах теории этноса?

Практически ничего, за исключением двух аспектов. Во-первых, стало более понятным весьма немаловажное, во многом определяющее значение генетического (или иначе — популяци-

онного) ядра этноса²³. А во-вторых, этнология вернулась по существу к давнему утверждению американского исследователя Нейделя, что наиболее важным из специфических признаков, формирующих конкретный народ, является этническое самосознание, фиксируемое в этнониме.

Еще в 1947 г. Нейдель высказал верную, как признается сегодня абсолютным большинством этнологов, мысль о том, что в ситуациях взаимопроникающей этнолингвистической мозаики, при чересполосице относительно близких этнических культур наименее двусмысленным, а иногда и единственным реальным критерием в определении того, где кончается одна этническая общность и начинается другая, является самоидентификация народа, опирающаяся на этноним. Нейдель писал: *«Культура и язык не могут предоставить безошибочный критерий племенной принадлежности, ибо культура и язык допускают степени и оттенки единообразия или различия, в то время как представление о принадлежности к племени (т.е. этническое самосознание. — Н.А.) имеет тенденцию к более резкой кристаллизации — некто либо является членом племени, либо нет»*²⁴.

Перефразируя цитату из Нейделя с научного сленга на общеупотребительный, скажем так: некто, т.е. конкретный человек, является либо казаком, либо русским, либо украинцем и, по большому счету, в современном мире, ввиду очевидной близости социальных условий и господства в западной части Евразии общеевропейской культуры, этническая принадлежность этого конкретного человека зависит преимущественно от одного — какой

из трех народов он сам, этот человек, для себя выбирает.

Самозапись конкретного человека из казачество — вне зависимости от имеющегося процента подлинно казацкой крови — облегчается еще и тем весьма важным фактором, что этнический стереотип поведения, казацкие традиции, казацкое мировоззрение и обычаи являются буквально на несколько порядков более выраженными, характеристичными, нежели стереотип поведения, традиции, национальное мировоззрение и обычаи русских. Без всякого преувеличения можно сказать, что казаки успели состояться как самобытный народ, а русские (великорусы), в силу костоломной реформы патриарха Никона, кровавого «чужебесия» Петра I и антирусского геноцида большевиков, в полной мере как самобытный этнос, к великому сожалению, состояться не смогли. Чем и объясняются, причем в абсолютно определяющей мере, и прогрессирующий русофобский прессинг на постсоветском пространстве, и утраты исконно русских территорий, для удержания которых русским достаточно было только слегка пошевелить пальцами, и оголтелый аморализм, деструктивность и антинациональность той масскультуры, которая беззастенчиво и безальтернативно насаждается ныне в Российской Федерации.

Таким образом, исходя из фундаментальных положений теории этноса, не существует, по-видимому, никаких этногенетических ограничений для процесса самовосстановления казачества до статуса самобытной нации (именно нации, а не русского либо украинского субэтноса).

Удержать казачество на прокрустовом ложе субэтничности, а значит — неизбежной вторичности, некоей дешевой этнографичности по отношению к основному массиву будь то русского либо украинского народов, как это ни парадоксально прозвучит, могут только сами казаки. Если сбуй-

²³ Рыбаков С.Е. Этнос и этничность // Этнографическое обозрение. 2003. № 3. С. 22.

²⁴ Цит. по: Moerman M. Ethnic identification in a complex civilization: who are the Lue? // American Anthropologist. 1965. Vol. 67. P. 1219–1220.

дется угроза, провидчески определенная генералом Ис. Ф. Быкадоровым еще в 1928 г. о «внедрении психологии великоросса в казачество», винить в этом казакам нужно будет, brutally говоря, не дядю Ивана и не дядю Абрама, а исключительно и только — самих себя.

В 2008 г. в Москве вышла в свет обстоятельная книга одного из самых нестандартно мыслящих идеологов русского национального возрождения, профессора В.Д. Соловья. Книга имеет примечательное название «Кровь и почва русской истории». С этим академическим манифестом прогрессивного русского национализма можно спорить в отдельных аспектах или соглашаться во всем, но невозможно не отметить главного: объективность, высокую корректность научного анализа приведенных фактов. Эта бескомпромиссная (не побоюсь в данном случае «высокого стиля») научная честность исследователя привела его к, казалось бы, убийственной для всякого националиста мысли — об отсутствии «трансвременных («архетипических») русских ценностей», т.е., говоря проще, — к невозможности определения этнических критериев русскости.

Исследователь пишет: *«Невозможно какую-то одну из ценностных систем представить национальной (имеется в виду — этнически русской. — Н.Л.) и аутентичной. Ведь тогда пришлось бы лишить права на русскость миллионы, даже десятки миллионов современных русских людей, для которых выделенные интеллектуалами “исконно русские” ценности находятся на периферии сознания, если не дальше. А другого русского народа у нас нет и не предвидится»*²⁵.

Выше мне уже приходилось цитировать В.Д. Соловья, который в другом месте своего политологического эссе заявлял о том, что понятия

«русский национальный характер», «родовые ценности» и культурные «архетипы» в отношении актуальных русских попросту неприменимы, а потому являются «интеллектуальными фикциями».

Я внутренне содрогнулся, прочитав вышеприведенные рассуждения Соловья, — и всякий этнически живой человек (как мне кажется) тоже содрогнется, прочитав о великорусском народе подобный приговор. Ибо этнически полноценного народа нет и быть не может, если у него отсутствует «национальный характер», а его «родовые ценности» и «культурные архетипы» на проверку оказываются только фикциями. По Соловью, современный русский — это некий этнически навсегда умерший «зомби», в лучшем случае — «общеевропейец», на груди которого приклеен яркий стикер: «Я — русский!»

Теперь задумаемся о том, что несет казачеству объединение с многомиллионным русским «общеевропейцем» в такой, с позволения сказать, — «русскости»? Не нужно быть провидцем, чтобы понять, что, искренне уверовав в свою субэтничность по отношению к основному великорусскому массиву, казаки фактически воссоединятся с некой «черной дырой» — с точкой безвозвратной утраты этнической материи. Подобная перспектива ни в каком интеллектуальном обрамлении и ни за какие материальные блага не может увлечь казаков.

В эпистолярных и публичных выступлениях видных русских националистов часто звучит предостережение, — что вот, дескать, уже недалеко то время, когда казаки провозгласят собственное сообщество этнически отдельным от русского. Пойдут, мол, негодники по стопам украинцев — станут сепаратистски сокрушать общерусскую идентичность, а затем неизбежно доберутся и до незабвенной территориальной целостности Российской Федерации.

Мне представляется, что все страшилки о возможном политическом сепаратизме казаков грешат, мягко говоря, явным преувеличением. В своем нынешнем фрагментарном состоянии, отнюдь не оправившись от большевистского геноцида, казачество не может (даже если бы очень захотело) реализовать идею собственного этнополитического суверенитета. Сотни лет, проведенные казаками в составе Российского государства, тысячи нитей, связывающих казаков с русскими, совершенно очевидно, никак не способствуют развитию политикосепаратистских настроений в казачестве, по крайней мере, в среднесрочной перспективе. В абсолютно подавляющем большинстве казацких голов зреет не идея поскорее «отложиться» от Москвы, а скорее идея максимально быстрого освобождения Москвы от идеологических и политических последствий долгого «ига иудейского».

Какие факторы могут вызвать в среде казачества резкое усиление политических позиций вполне маргинальных ныне казацких «самостийников»?

Таких факторов, по существу, только три. Первый — дальнейшее ослабление российской государственности, ныне покорно тянущейся в поводу у региональных, вот уж действительно в полной мере сепаратистских амбиций национальных республик. Второй фактор — дальнейшее ослабление собственно великорусского народа, в котором казачество уже не сможет видеть надежного политического союзника, а увидит только аморфный, страшный в своей многомиллионной безликости «общеевропейский» субстрат, вполне покорный воле верховного кремлевского «барина». Третий фактор — назойливость попыток псевдорусификации казачества, чем издавна и доньше грешна, к сожалению, русская национальная интеллигенция.

Следует признать как явное — русским трудно, а вернее, практически

невозможно русифицировать сегодня кого бы то ни было (именно по тем объективным причинам, о которых пишет В.Д. Соловей). Русским сегодня, и это видно со стороны каждому доброжелательному наблюдателю, — нужно прежде всего русифицировать самих себя: сформулировать для самих себя представление об общенациональном стереотипе поведения (русским адате), о русском национальном характере, о едином русском обряде, о стандарте национальной одежды, наконец. Не пытаюсь заняться этой важнейшей работой для собственного народа, русские интеллектуалы-националисты тем не менее упорно пытаются похлопать по плечу казаков, снисходительно заявляя при этом: вы что же, братья-казаки, окститесь, ну какие же вы казаки, вы — русские! А уж если вы — казаки, то только в разряде пожарных, дружинников, егерей, добровольных помощников полицейских, вы же — сословие, служилые люди, этнокультурная группа!

Более близорукой позиции трудно придумать: для продолжения русско-казацкого диалога, для укрепления нашего исторически сложившегося этнополитического союза подобная позиция попросту смертельна. Из актуального сегодня казачество выглядит настолько специфической формой социального и этнокультурного бытия, которую могла осуществить только этнически полнокровная, обладающая собственными духовными скрепами нация. Пытаться оспорить это утверждение, конечно, можно; но зачем?

В нынешнем тяжком положении казачеству прежде всего, говоря словами И. Ф. Быкадорова, — «необходимо обрести свободу духа». Собственно, именно этим объясняются попытки лучшей части современного казачества добиться признания независимого этнического статуса казаков. «Немногие уцелевшие казаки» (Туроверов), пожалуй, как никто иной в России хорошо

понимают, что следование национальным идеалам и обладание национальной свободой невозможны в компании многоликих общеевропейских «зомби», в которых пытаются превратить великий русский народ кремлевская деспотия.

Есть давний, но невероятно глубокий по смыслу афоризм: «Как назовешь корабль — так он и поплывет!». Мне кажется, что лучшая часть казачества — пусть нас хоть тысячу раз назовут «самостийниками» — абсолютно правильно назвала свой корабль.

I. СЕМЬЯ И ДОМ			
№	ИМПЕРАТИВ	КАЗАКИ	ВЕЛИКОРУСЫ
1.	Идеал достойной семейной жизни	Наличие сыновей. Большой сельский дом. Наличие коня. Станичная или хуторская жизнь.	Как целостный мотивационный комплекс отсутствует: нужно жить богато, комфортно и безопасно, желательно в крупном городе.
2.	Доминирование в семье	Только мужское.	В основном женское. Для оценки исторического аспекта данного императива см.: <i>Энгельгардт А.Н.</i> Из деревни. 12 писем: 1872–1887 гг. М., 1987.
3.	Наиболее желательный пол детей	Только сыновья.	Индифферентное отношение (для каждой конкретной семьи свое).
4.	Общественная реакция на попытку женщины к доминированию в семье или в обществе	Крайне отрицательная.	Спокойная («Раз уж так ей хочется, и она так может, то пускай!»).
II. МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ			
№	ИМПЕРАТИВ	КАЗАКИ	ВЕЛИКОРУСЫ
1.	Существуют ли в общественном мнении априори плохие нации?	Конечно, существуют.	Плохих наций нет, есть плохие люди.
2.	Отношение к межнациональным бракам в своей среде	Крайне отрицательное.	Спокойное («Лишь бы человек был хороший!»).

3.	Отношение к мнению (высказыванию) о казаках/русских других народов	Безразличное отношение (действительно важно только то, что думают о своем народе сами казаки).	Приоритетная важность мнения представителей других, особенно европейских, народов. Устойчивое желание выглядеть в глазах других народов как можно лучше.
4.	Отношение к народам Европы	Подчеркнуто сдержанное, без всякого пиетета.	Нарочитая почтительность, органичное желание «походить и соответствовать».
5.	Отношение к народам Азии	Спокойное и открытое.	Изначально недоверчивое, безотчетная реакция отторжения.

III. СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

№	ИМПЕРАТИВ	КАЗАКИ	ВЕЛИКОРУСЫ
1.	Отношение к старикам, вообще к пожилым людям	Безусловное уважение.	Индивидуальное отношение в зависимости от авторитетности конкретного пожилого человека.
2.	Взаимоотношения внутри своей этнической среды	Демонстративно дружелюбное и открытое: казак казаку — брат.	Состояние спокойного индивидуального (семейного) отчуждения («Моя хата с краю — никого не знаю!»).
3.	Отношение к диктатуре власти и закона	Изначально критическое («Дрянную власть должно свергнуть, а закон исполнять в том случае, если он выгоден и справедлив»).	Всякая власть от Бога. Любой закон, утвержденный властью, лучше не нарушать.

IV. ОБЩЕСТВЕННЫЕ МОТИВАЦИИ

№	ИМПЕРАТИВ	КАЗАКИ	ВЕЛИКОРУСЫ
1.	Качества человеческого характера — наиболее ценные с точки зрения общественной морали	Твердость характера. Сильная воля. Неустрашимость.	Терпение. Доброта. Умение понять (любить, жалеть) ближнего.

2.	С точки зрения общественной морали – что важнее для человека: личная свобода или материальный достаток?	Однозначно свобода.	Однозначно материальный достаток.
3.	Коллективный выбор общественной реакции на невыносимую, очень опасную обстановку	«Лучше ужасный конец, чем ужас без конца».	«Лучше ужас без конца, чем ужасный конец».
4.	Реальная угроза насилия против личности или общества	Желание опередить факт насилия встречным (превентивным) насилием.	Желание любым способом уклониться от факта насилия, уйти в тень, не обострять обстановку.
5.	Общественное отношение к войне	Война в принципе неизбежна, а значит — нужно уметь воевать, и победа будет за нами.	Война в принципе неприемлема, а значит — нужно предпринять все возможное, чтобы уклониться от нее (Популярный мотив: «Лишь бы не было войны!»).
6.	Этнополитический идеал	Идеалы казачества — вот высшая ценность. Достойная жизнь казаков в Присуде.	Бытовой и политический идеал Запада как вечный источник ностальгии и перманентного чувства собственной обделенности.
7.	Общественное отношение к воззрениям и традициям предков	Безусловно уважительное. Пращуры — вот реальный (или воображаемый) идеал. Традиции более-менее известны и априори почитаемы.	Индифферентное (никакое). Традиций не знают; предков в большинстве случаев не помнят.

Файль Ибяттов

О КАЗАЧЕСТВЕ БЕЗ ПРИСТРАСТИЙ И МИФОВ

Предложение редакции журнала «Вопросы национализма» — написать объективный (так сказать, равноудаленный от собственно русской или этнически казачьей точек зрения) комментарий к статье Н.Н. Лысенко «Нация или субэтнос? Размышление об этногенетической природе казачества» — повергло меня первоначально в некое замешательство. Мою нерешительность можно понять. Казачья тема, разогретая удушающим политическим климатом современной России и лавиной историографической, мемуарной и архивной информации, обрушившейся на российских граждан в последние два десятилетия, никак не способствует выдерживанию исследователем некоей срединной, равновекторной позиции. Тем не менее по прошествии некоторого времени, уняв «смятенный дух», я предпринял попытку написать предложенный комментарий, а вернее — своего рода развернутый очерк «по поводу». Так сказать: размышления Н.Н. Лысенко я решил проверить своими размышлениями. Что из этого получилось — судить читателям «ВН». Надеюсь, что их суд не будет для меня лишком суров.

В объемном научно-популярном очерке Н.Н. Лысенко есть несколько аспектов, с которыми трудно согласиться (по соображениям фактологического характера) и очень хотелось бы поспорить (разумеется, корректно). Примерно столько же здесь историографически удачных, совершенно верных наблюдений. Понимая, что комментарий никак не должен догонять

рецензируемый материал в объеме, я решил сократить свои pro и contra до двух позиций — по паре на каждую из сторон водораздела взыскания исторической правды.

I. Что бесспорно

Славянская генетическая основа казачества. Н.Н. Лысенко осторожно, но для вдумчивого читателя очень внятно проводит мысль, что все подлинные казаки — это славяне. (А как же иначе, коль даже заголовком одного из важнейших разделов статьи избрана поэтическая строка Тараса Шевченко «О, Сечь! Ты всего казачества колыбель!»)

В академической и политической средах современной России эту мысль казачьего историка будут, скорее всего, активно опротестовывать. Возможные оппоненты Н.Н. Лысенко могут привести такой, например, факт. В начале XX в. национальный состав Оренбургского казачьего войска выглядел так: русских (казаки официально считались русскими) — 87,6%, татар — 6,6%, нагайбаков (крещеных татар) — 2,9%, мордвы — 1,8%, башкир — 0,8%, калмыков — 0,3%¹. Исторически бесспорным фактом является наличие в составе Терского казачьего войска значительного числа осетин, в составе Уральского казачьего войска — калмыков, в составе Забайкальского казачьего войска — бурят.

Опираясь на эти фактические све-

¹ Ганин А.В. Накануне катастрофы. Оренбургское казачье войска в конце XIX — начале XX вв. (1891–1917 гг.). М., 2008. С. 61.

дения, многие современные историки (и всегда административные функционеры, приставленные к казачеству) в угоду ложно понятой толерантности делают вывод о полиэтничности казачества. Вывод ложный, поскольку вольно или невольно смешиваются две разные категории — этнический состав того или иного казачьего войска как военно-административной структуры и этническое самосознание основной массы индивидуумов, которые составляют списочный состав данной военно-административной структуры.

С точки зрения дореволюционного законодательства казачество — это не народ, а особое воинское сословие Российской империи, имевшее привилегии за несение обязательной военной службы. С этой позиции в «казаки» можно было зачислить хоть эскимоса, хоть китайца, а после прохождения этими индивидуумами необходимых формальностей зачисления с полным основанием именовать их казаками. Российский чиновник считал поверстанных эскимоса с китайцем казаками. Но вот вопрос: сами-то они стали бы считать себя казаками или нет?

Возьмем для примера достаточно значительную часть списочного состава Оренбургского казачьего войска: тюркоязычных «казаков» — татар, башкир и татар-нагайбаков (крещеных). В списочный состав ОКВ все тюркоязычные «казаки» попадали сугубо административным путем: еще в 1798 г. указом Павла I некоторую часть башкир и мишарей (татар) перевели в военно-казачье сословие с образованием 11 башкирских и 5 мишарских кантонов. Видимо, около этого же времени в казаки поверстали и нагайбаков — крещеных татар ногайского происхождения. Известно, по крайней мере, что в 1842 г. именно нагайбаки формировали списочный состав «казаков» 3-го и 5-го кантонов Оренбургского казачьего войска².

Итак, уже с середины XIX в. нагайбаки считались петербургским администратором казаками (поверстанные башкиры с мишарями и того раньше). Однако как в то время, так и в наши дни нагайбак на вопрос о своей национальности никогда не сказал бы, что он — казак, а ответил бы что его народ вообще-то *нагайбаклар*, т.е. нагайбаки. Полагаю, понятно, как ответили бы на этот же вопрос башкир с татаринном (мишарином). В отличие от них ответ казака-славянина (по крайней мере до революции) на вопрос о его этничности был бы однозначным: *казак*.

Таким образом, с политкорректностью или без оной, но исторически никакой полиэтничности казачества не было. Было административное «верстание» в казаки инонациональных людей, этническая сущность и этническое самосознание которых от этого действия не менялись.

Термин «полиэтничность казачества» придумали современные историки, в основном из той многочисленной когорты, что обслуживает национальный дискурс политики Кремля³. Вместо «полиэтничности» существовало достаточно замкнутое этносоциальное сообщество казаков, обладавшее на рубеже XX в. развитой этнической спецификой. Это сообщество было сформировано исключительно славянами. В разные исторические периоды разные части этого сообщества включались петербургскими администраторами в состав того или иного казачьего войска как военно-административной структуры. Туда же включались и представители иных, неславянских народов, кото-

ненного Ставропольского калмыцкого войска, белопахотных солдат и солдатских малолетков. СПб., 1843. С. 34.

³ См. например, яркий образчик указанного идеологического тренда: *Зайцев Г.С.* Казачество и иноземцы в истории Сибири: фактор веротерпимости и толерантности // Современное казачество: история и современность: Сб. научн. статей. Омск, 2011. С. 123.

² Правила о переселении на земли Оренбургского казачьего войска казаков упразд-

рые от этой административной разверстки подлинными казаками, конечно, не становились. Казачья папаха и шаровары с лампасами не делали из бурята и нагайбака казаков. Так же как монгольский халат на семиреченском казаке не превращал последнего в монгола.

Вопрос о том, зачем администрации Петербургской империи потребовалось смешивать в отношении казаков критерий сословности с критерием этничности, — относится к числу дискуссионных. Возможно, это было просто канцелярское «недомыслие», но не менее возможно, что это было одно из мероприятий (в значительном ряду других) для постепенного, но глубокого и необратимого размывания собственно казачьего (запорожского) субстанционального ядра в российском казачестве.

Хотя ни к чему хорошему для династии Романовых последнее решение (если только, подчеркну, оно принималось осознанно) не привело, ныне на те же грабли наступает и актуальная администрация Российской Федерации. Уже созданы (бесспорно, с одобрения Кремля) так называемые Аланское и Абазинское казачества. А при проведении антитеррористических операций в Чечне у убитых боевиков нередко находили удостоверения «чеченских казаков», выданные в Грозном.

В этом смысле внятная артикуляция Н.Н. Лысенко, что подлинный казак — это всегда и только славянин — относится, конечно, к сильным сторонам анализируемой работы.

Запорожская основа этносоциальной природы казачества. Другой важной позицией, которую аргументировано отстаивает Н.Н. Лысенко, является тезис о запорожских истоках традиционной казачьей культуры. Последнюю, по мнению казачьего историка (с которым трудно не согласиться в этом вопросе) никак невозможно вывести из культуры беглых холопов, которые якобы в стародавние времена бежали от бояр и детей боярских на Днепр и Дон.

Почтенная древность феномена казачества была понятна уже Н.М. Карамзину, который писал: «Откуда произошло казачество, точно не известно, но оно, во всяком случае, древнее Батыева нашествия в 1223 году. Рыцари эти жили общинами, не признавая над собой власти ни поляков, ни русских, ни татар»⁴.

Славяне Нижнего Поднепровья и Приазовья, по мнению ведущих современных историков, действительно могли самостоятельно сформировать первичный казачий этносоциум⁵. После нашествия монголов, когда весь регион Северного Причерноморья вошел в состав золотоордынского Улуса Джучи, казаки выполняли, по всей видимости, функции легкой пограничной кавалерии, обеспечивали безопасность караванных путей и почтовых коммуникаций на границах Улуса. Если сопоставить карту Золотой Орды с картой политической ответственности Войска Запорожского и Войска Донского, то отчетливо видно, что родовые земли запорожских и донских казаков — это фактически окраинные западные и северные земли Золотой Орды.

Вместе с тем я убежден, что значение влияния тюркского фактора в начальном этногенезе казаков явно преувеличено обывательским мнением, в котором партию «первой скрипки» играют, как ни странно, некоторые казачьи идеологи, тщательно пытающиеся найти «десять отличий» казаков от русских.

Тюркское влияние на казаков исчерпывается, по существу, названием и формой некоторых видов традиционной казачьей одежды, а также небольшими лингвистическими заимствованиями. Эти сравнительно поздние инновации пришли в казачество в XIV—

⁴ Карамзин Н.М. История государства Российского. Калуга, 1993. Т. 4. С. 126.

⁵ Глуценко В.В. Казачество Евразии: зарождение, развитие, интеграция в структуру российской государственности. М., 2006. С. 62–73.

XVI вв. вместе с тюркскими (татарскими, турецкими и ногайскими) женщинами, которые, как всем известно, регулярно привозились казаками из военных походов.

В исконном, запорожском казачестве гораздо явственнее, чем тюркский, просматривается скифо-аланский генетический след. Не от тюрков, а от скифов и алан происходят специфические, онтологически базисные черты образа жизни запорожских казаков. Походные кибитки запорожцев — это почти точная копия скифских и сарматских кибиток. Строительная морфология куреней и расположение куреней в гуляй-городках носит явное аланское влияние. Система дружинной демократии казаков — это точный слепок с военно-демократической организации аланских дружин; тюркские воинские дружины функционировали совершенно на других принципах. Запорожский оселец — точная копия прически взрослых аланских дружинников (кстати, даже этимология слова «оселец» происходит, по-видимому, от слова *ос* (*ас*) — древнего самоназвания алан).

Список скифо-аланских культурологических реликтов в казачестве можно продолжать долго. Особенно рельефно выглядит скифо-аланский след в древней похоронной обрядности запорожских и донских казаков. В соответствии с традиционной обрядностью могилы казаков всегда делались как у древних сарматов и алан, с подбоем: основной шурф могилы переходил в глубокую боковую нишу, куда и ставился гроб. При проходах казака в последний путь за гробом шел не священник с кадилом, как во внутренних областях России, а боевой конь под черным чепраком, с притороченным к седлу любимым оружием усопшего. Мотивы этого обычая уходят в скифскую древность, из современных народов России этот обычай, насколько мне известно, имеется (с небольшими изменениями) только у осетин — генетических наследников аланской традиции.

Резюмируя эту часть своего комментария, могу повторить, вслед за Н.Н. Лысенко, что запорожская культурологическая основа стала на все времена доминирующей, первенствующей основой этносоциального бытия казачества, на которую уже впоследствии и с гораздо меньшей степенью воздействия накладывалось татарское, польское, горское, а в более позднее время — все более крепнущее русское влияние. Запорожская Сечь сформировала казачество, стала его единственной смысловой матрицей, а в дальнейшем превратилась, как мне кажется, в некий недостижимый уже для актуальных казаков легендарный идеал — в поэтическое воспоминание о «золотом веке».

В этом смысле в большей степени казаками, если можно так выразиться, являются представители тех казачьих регионов, которые географически располагались ближе к Запорожью — казаки Кубани, Нижнего Дона, Терека. Чем дальше на восток — в Оренбуржье, на реку Урал, в степи Забайкалья, на Усури и Амур — тем слабее в тамошнем казачестве собственно запорожский след и тем более рельефно видно в нем доминирующее уже русское и частично тюркское влияние. Хотя влияние тюрков на казаков приобретало преимущественно внешние формы, все же в Средней Азии и Забайкалье к рубежу XIX–XX вв. оно в бытовом аспекте было весьма сильным. Знаменитый исследователь Азии Н.М. Пржевальский писал, например, так: «Казаки перенимают язык и обычаи своих инородческих соседей; от себя же не передают им ничего. Дома казак щеголяет в китайском халате, говорит по-монгольски или по-киргизски; всему предпочитает чай и молочную пищу кочевников»⁶.

Таким образом, запорожский архетип являлся уникальной, в своем роде,

⁶ *Пржевальский Н.М.* О возможной войне с Китаем (Урга, 22 окт. 1880 г.) // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1883.

и единственной исторической и этнологической основой казачества. Угадал этот архетип — на его месте не создавалось ничего нового, а происходило замещение лакуны уже сформированным русским или тюркским этносоциальным субстратом. Сегодня в наибольшей степени архетип запорожца сохранился на Кубани в генетических потомках казаков Черноморского войска, переселившихся сюда во времена Екатерины II из Запорожья и с Дуная под началом атаманов З. Чепеги и А. Головастого.

Еще во второй половине XIX в. в среде казаков-черноморцев сохранялся запорожский воинский орден «пластунов» — удивительный этносоциальный осколок древней Сечи, имеющий, вероятно, сармато-аланское происхождение. Пластуны отрабатывали так называемое «характерство» — сложные, по сути языческие (ведические) заговорные практики, призванные защитить казака от пули, горячего коня от запада, их обоих от укуса змеи, осуществляли наговор на ружья противника, «замовляли» кровь, текущую из глубокой раны. Некоторые заговорные практики пластунов позволяли, по-видимому, моделировать защищенное пространство вокруг воина, которое перемещалось вместе с ним⁷.

В этой связи в качестве примера «небывальщины», которая, однако же, бывала, можно привести рассказ старожилы станицы Мингрельской И.А. Бирюка, который так рассказывал о боевой практике пластуна Строкача. Встретив в разведке большой отряд черкесов, Строкач сказал молодому казаку (из непосвященных), который был с ним:

«Ты заховайсь, шоб ны нашлы, а я буду сам с ыма воювать...» «Заховавсь. А вин полиз в камыша. Пролиз, камыш обвязав, вроди чоловик стоять, эти [черкесы. — *Ф.И.*] на конях подбылы: бах, бах, бах, туда пострелялы. Подбылы — нема никого, а он просто обишов и назад вернувся... Заднего пиймав всадника, забрал його ружье, йему кинжалом набыв добре, коня забрал, сил и поихав. Воны выскочилы, за им поихалы до Кубани... Он коня бросив и поплыв через Кубань. Воны за ним. Давай кидать [аркан. — *Ф.И.*]... Пиймав його, сталы тянуть. Он вытяг кинжал, раз пэрэризав пэтлю... вылез в каюк [долбленая лодка. — *Ф.И.*], сив и сыдить. Ну, каже, запомните, цэ Строкач прыходыв до вас»⁸.

Отмечу, что уровень боевой подготовки профессиональных горских абреков был в XIX в. высочайшим. Невозможно поверить, чтобы такую многоходовую борьбу с целым черкесским отрядом мог выиграть один человек, не знакомый со специальными мистико-психологическими практиками.

Молодой казак мог стать «пластуном» только исполнив кровавый, аланский же по происхождению, обряд — отрубив и доставив в лагерь голову поверженного врага. Известный исследователь кубанского казачества О.В. Матвеев приводит такой красноречивый рассказ старика-пластуна М. Седых. «Если кто из “новоиспеченных” пластунов рассказывал о встрече с черкесом и приходил с пустыми руками, то его упрекали в трусости, называли его бабой и долго язвительно смеялись над ним. Бывало, юноша лет 16-ти употребляет все усилия, чтобы добыть вражью голову, и гибнет в большинстве случаев, в борьбе с хитрым и отважным горцем. Поговорят о неудачнике, погорюют и скоро забудут, а удастся победить — все казаки его хвалят: “Добре, добре,

⁷ *Бондарь Н.И.* Воинские охранительные молитвы и заговоры кубанских казаков // Мужской сборник. Вып. 2. «Мужское» в традиционном и современном обществе. Константы маскулинности. Диалектика полка. Инкорнация «мужского». Мужской фольклор / Сост. И.А. Морозов; отв. ред. Д.В. Громов, Н.А. Пушкарева. М., 2004. С. 251.

⁸ ПМ КФЭЭ–2000. Ст. Мингрельская Абинского района Краснодарского края. Аудиокассета №2186. Информатор: Бирюк Иван Артемович, 1918 г.р.

сынку! Зараз видно, що с тебе вийде гарний пластун»⁹.

Полагаю, что на этом эпизоде — суровом, конечно, но весьма характерном для древних, закрытых для непосвященных запорожских практик инициации, можно завершить мой комментарий позитивных, с исследовательской точки зрения, постулатов статьи Н.Н. Лысенко. Список удачных находок в его работе этими двумя, отмеченными мною позициями, разумеется, не ограничивается. Статья в целом написана бодро, идеологически позитивно, в ней немало удачных мест, ценных наблюдений. Тем досаднее, к сожалению, те методологические и фактические изъяны, которые столь основательно зрудированному в казачьей проблематике исследователю стоило бы, наверное, обойти стороной.

II. Что спорно

Миф о генетическом единстве всех казаков. В статье последовательно и где-то даже безапелляционно проводится мысль о том, что все казаки, помимо духовного и некогда сословного единства, имеют общую генетическую основу. С этой мыслью, хотя и с некоторыми оговорками, можно согласиться лишь имея в виду терских, кубанских и донских казаков.

Даже более-менее генетически единые кубанцы отчетливо подразделяются на казаков-черноморцев (потомков запорожцев Черноморского войска З. Чепеги и А. Головатого) и казаков-линейцев (потомков переселенных на Кубань казаков Войска Донского). Черноморцы до сих пор говорят на специфическом диалекте украинской «мовы», линейцы пользуются преимущественно русским языком. Так же генетически «едины» донские казаки, которые ментально и даже физионо-

мически разделяются на казаков Азова и Нижнего Дона и казаков Верхнего Дона и реки Воронеж. Первые испытали сильнейшее воздействие Запорожья и вообще Восточной Украины, вторые в столь же значительной мере русифицированы. По линии генетических истоков (от черноморцев или от донцов) подразделяются казаки Терского казачьего войска.

Однако, невзирая на имеющиеся различия в геноме, все казаки этих трех войск Прикавказья и Кавказа действительно едины в своей изначальной генетической основе: у кубанцев, терцев и донцов эта основа запорожская (в той или иной степени сохраненности). Вполне понятное чувство «первородства», а также осознаваемое генетическое и духовное родство всех трех войск объективно всегда подталкивали представителей кубанцев, донцов и терцев рассуждать и делать политические заявления от имени всех казаков.

Так, в свое время известный белый генерал П.Н. Краснов, будучи донцом, выдвинул идею государственного суверенитета «Юго-восточного союза казачьих войск». Вступление в этот гипотетический государственный альянс оренбургских и уральских казаков П.Н. Краснов вряд ли детально согласовывал, но тем не менее свободно декларировал их участие. Один из крупных теоретиков казачьей самостоятельности, донской генерал Ис. Ф. Быкадоров в своих исторических и публицистических эссе также любил рассуждать от имени гипотетического «казачьего единства». Выдающийся идеолог этого единства, кубанец Ф.А. Щербина не уставал подчеркивать единый «характер казачьих порядков и управления, землепользования, отстаивания своих интересов на принципе казачьего права, идею общности всех казачьих войск»¹⁰. В этом смысле ку-

⁹ Матвеев О.В. Период ученичества в воинской культуре пластунов 30–60-х годов XIX века // Сибирское казачество: история и современность: Сб. научн. статей. Омск, 2011. С. 65.

¹⁰ Цит. по: Казачество. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. Париж, 1928. С. 349–350.

банец Н.Н. Лысенко, заявляя о существующем, по его мнению, генетическом единстве всего казачества и называя современных казаков России «нацией», имеет маститых предшественников.

Мысль о «генетическом единстве казачества» выглядит привлекательно, но как обстоит дело с реальностью?

Реальность же такова: на 1917 год в Российской империи имелось 11 казачьих войск: Донское, Кубанское, Терское, Астраханское, Уральское, Оренбургское, Семиреченское, Сибирское, Забайкальское, Амурское, Уссурийское, а также два приравненных к статусу войск казачьих конных полка — Иркутский и Енисейский. Говорить о сколько-нибудь реально сохранных к 1917 г. генетических, ментальных и ценностных дискурсах Запорожской Сечи в этих войсках, как я уже отмечал выше, можно было лишь применительно к кубанцам, терцам, донцам, астраханцам и, возможно, к семиреченцам. Казаки всех остальных шести войск к этому времени были в генетическом и бытовом аспектах столь сильно русифицированы, что вряд ли в чем-то принципиально важным отличались от окружающего их русского населения.

В качестве примера проанализируем, как шел процесс генетических (и, соответственно, ментальных) трансформаций в Оренбургском казачьем войске. Первичным генетическим модусом ОКВ, причем численно очень небольшим, стали несколько сотен малороссийских и донских казаков, переселенных на формирующуюся укрепленную линию ОКВ в первой половине XVIII в. На этом приток исконного казачества в Оренбургское казачье войско по существу закончился, поскольку в дальнейшем основу войска формировали из так называемых «городовых казаков» Самары и Уфы, а также дворян, детей боярских и рейтаров. Как последние, так и первые категории этих «казаков» к генетическому казачеству не имели ни малейшего отноше-

ния, все это были представители великорусского этноса¹¹.

Начальный состав Яицкого (Уральского) казачьего войска был этнически более пестрым, чем Оренбургское войско, но и здесь основную массу казаков составляли не выходцы с Дона или запорожцы, а великорусские люди центральных и поволжских губерний. Первым официальным документом, подтверждающим этот факт, является перепись яицких казаков 1723 г., проведенная полковником И.И. Захаровым. Согласно этому документу, в составе Яицкого войска численно доминировали великорусы: тут были стрельцы, посадские люди, пушкари, государевы неводчики, самарские дворяне, подьячие. Здесь же присутствовали в небольшом числе гребенские и донские казаки, запорожцы, а также представители неславянских народностей: волохи, черкесы, татары, мордва, чуваша, вотяки, калмыки, даже несколько пленных турков, шведов, поляков и немцев¹².

Аналогичным образом формировались казачьи войска Сибири и Дальнего Востока, поэтому вряд ли правомерно рассматривать все казачество России как единый этносоциальный организм, а тем более как генетически и ментально консолидированную нацию, отличную от великорусского народа. Постепенное исчезновение запорожской генетической основы в казаках Зауралья и Сибири (кроме, как я уже подчеркивал, семиреченцев) закономерно вело к образованию в этих социумах общих с остальным русским народом социальных язв. Главной из которых во все времена оставалось пьянство.

Атаман В. Путинцев так, например, описывал социальные будни оренбургских казаков накануне 1917 г.: «...Пьянство, лень и праздность царят в казачьей среде, разъедая ее в корне, так как теперь пьют меньше старики, а боль-

¹¹ Глущенко В.В. Указ. соч. С. 139.

¹² Бородин Н.А. Уральское казачье войско: в 2 т. Уральск, 1891. Т. 1. С. 3.

ше молодежь. Пьют малолетки, пьют девушки-подростки... Пьют, пользуясь каждым удобным и неудобным случаем, начиная с покупки коня или коровы и кончая именинами... Благодаря такому пьянству в наших станицах и поселках в праздничные дни господствует бесшабашный разгул, приправленный бранью, пьяными скабресными песнями, дракой между молодежью, уличным развратом... Во время этого разгула молодежи почтенному казаку, старушке, священнику, учительнице лучше и не показываться на улице в местах сборищ пьяных головорезов, ибо того и гляди, что, ни за что ни про что, каждый может получить незаслуженное оскорбление...»¹³.

Что можно сказать после прочтения этого печального наблюдения? Только то, что сцены, подобные описанной атаманом Путинцевым, были в этот исторический период *просто немислимы* в области Войска Донского, не говоря уже про казачьи станицы Терека и Кубани, где молодые люди в присутствии старика без его разрешения не могли даже присесть, а за публичную площадную брань публично же пороли нагайками.

Размывание запорожских генетических начал стало все явственнее чувствоваться на рубеже XX в. и в казачьих станицах Дона, особенно расположенных в верховьях этой реки. В военном аспекте это способствовало падению воинской дисциплины в донских казачьих частях, в целом очень негативно сказывалось на боеспособности донцов. Атаман П.Н. Краснов с горечью писал о своих казачьих земляках: «Все погрязли в хозяйственных заботах. Все думы о гарнцах, выгодной покупке сена, экономической крупе. Перед вами хозяева и коммерсанты, недурные управляющие скотными дворами, но уже не кавалеристы».

В указанной связи любопытно сопоставить данные о боеспособности ку-

банцев и донцов, взятые из справочной сводки Южного фронта красных на 1 марта 1919 г. (анализ тенденций четырех месяцев).

«...Кубанская армия — боеспособна, обучена, обмундирована и снаряжена хорошо. Командный состав хорош. Настроение противосоветское. Кубанские казаки (47 000) (здесь и далее в круглых скобках число личного состава. — Ф.И.). Открытых возмущений — нет, перешедших на сторону большевиков — нет, расформированных частей — 2% (1000), надежных для белых — 98% (46 000)...»

«...Донская армия — боеспособность средняя. К обороне неспособна, к наступлению в широком масштабе тоже. Молодые казаки сочувствуют Советской власти. Командный состав слаб. Донские казаки (56 000). Открытых возмущений — 16% (9000), расформированных частей — 27% (15 000), перешедших на сторону большевиков — 28,5% (16 000), надежных для белых — 28,5% (16 000)...»¹⁴.

Как видим, декларируемое Ис. Ф. Быкадоровым, Ф.А. Щербиной и Н.Н. Лысенко «генетическое единство» казаков Предкавказья и Кавказа не смогло гарантировать синхронность настроений и действий кубанцев и донцов даже в условиях судьбоносного для них военного испытания Гражданской смуты. Как же можно говорить о реальности этого «генетического единства» в наши дни — после перенесенного российским казачеством многолетнего геноцида большевиков?

Миф о существовании современной казачьей нации, основанной на «полноценно сформировавшейся уже к исходу XVI в. этничности казаков». Неслучайно я привел в этом подзаголовке часть цитаты из комментируемой мною статьи Н.Н. Лысенко. Всякий исторический миф имеет в своей основе кусо-

¹⁴ Коровяковский С. Кавказские казаки в ПМВ и Гражданской войне // www.diorama.ru/workshop/revies/147/

¹³ Ганин А.В. Указ. соч. С. 90.

чек исторической правды. И тем лучше, убедительнее для неофитов миф, чем этот кусочек правды больше. В добротном сработанном Н.Н. Лысенко мифе о существовании современной казачьей нации этой инкорпорированной в ткань мифа правдой является мысль о сформировавшейся к исходу XVI в. этничности казаков. Эта мысль имеет под собой реальное историческое основание: преобразование Войска Запорожского из военного ордена в полноценное государство при гетмане Петре Сагайдачном (первое гетманство в 1606 г.). Процесс казачьего государственного становления опирался, конечно, на реально существующий в эту историческую эпоху казачий этнос. Другое дело: как этот этнос распорядился своей историей или как эта история распорядилась им.

Попробуем ретроспективно взглянуть на генезис Войска Запорожского и Войска Донского (в XVI и XVII вв. это, по существу, единый этносоциум) после гетмана Сагайдачного. Умирая в 1622 г., П. Сагайдачный оставил Войско Запорожское с фактическим статусом автономной казачьей республики во главе с демократически избираемым гетманом. Взаимодействие Сечи с Войском Донским было оперативным и постоянным, осуществляясь при посредничестве Динского (Донского) куреня, в который принимались исключительно выходцы с Дона. Внешнее и внутреннее устройство Войска Запорожского было столь основательно укреплено при Сагайдачном, что его не могли поколебать последующие десятилетия напряженных усилий Речи Посполитой, предпринятые для ликвидации вновь возникшего казачьего государства. Историк М. Карауллов писал в начале XX в. в «Очерках казачьей старины»: «Вторая половина XVI века и весь XVII век — время наибольшего расцвета и развития казачьих сил. В эти полтора столетия казачество растет, крепнет, вырабатывает свой строй, завоевывает себе положение крупной государствен-

ной силы и совершает длинный ряд изумительных подвигов»¹⁵.

После смены нескольких гетманов разной степени политической талантливости и удачливости Войско Запорожское попало в продолжительный системный кризис. Этот кризис был предопределен международной обстановкой в Северном Причерноморье того времени. Ни одно из могучих и влиятельных государств, соседей Войска Запорожского, не было согласно с существованием у своих границ демократического, в военном отношении сильного государства православных славян. Персия и Турция того времени — мусульманские деспотии, Польша — онтологический враг, Россия быстрыми темпами становилась абсолютистской империей, властную элиту которой при одном слове «народоправство» скручивали колики. Казачье государство Войска Запорожского оказалось в полной международной изоляции, и его скорый финал был предопределен.

Вся ирония в том, что фатальный уничтожающий удар по государству Запорожской Сечи нанесли не «безбожные агаряне» — турки и татары, не извечные инославные враги — ляхи, а православные единоверцы, коих не раз спасала казачья сабля, нанесла та самая династия Романовых, которая своим фактом своего воцарения на Руси была обязана казакам¹⁶. Органически не выносящий казаков Петр I уничтожил (вместе со всем казачьим наследием) гетманскую столицу Батурин, разорил и сжег Запорожскую Сечь, частью уничтожил, а частью разогнал по миру оставшихся в живых родовых запорожцев.

Деяния Петра I в относительно скором времени продолжила Екатерина II,

¹⁵ Цит. по: Андреев А.Р., Андреев М.А., Мастеров А.В. Запорожская Сечь. М., 2008. С. 54.

¹⁶ Широкопад А.Б. Казачество в Великой смуте: от Гришки Отрепьева до Михаила Романова. М., 2007.

довершившая разгром запорожцев и распродавшая за бесценок земли Сечи. Лишь благодаря невероятной политической изворотливости атаманов Сидора Белого, Захария Чепеги и Антона Головатого, с помощью полновесного золота из атаманских сундуков, которым атаманы наполняли сундуки многих высокопоставленных имперских вельмож, запорожцы сумели чудом удержаться на краю исторической пропасти и сохраниться. Под именем казаков Черноморского войска на Кубани.

Даже эта короткая ретроспективная инверсия показывает: нормальный ход этногенеза казачьего этносоциума был на рубеже XVII–XVIII вв. прерван. Дальше искусственно разорванные части казачьего этносоциального организма развивались в значительной мере изолированно. Лучшее подтверждение этому — объективные и существенные различия между донскими, кубанскими и терскими казаками. О русской генетической основе сибирских и дальневосточных казаков я уже упоминал выше.

Могла ли возникнуть на основании изолированных фрагментов разорванного этносоциума запорожцев генетически единая казачья нация — как пытается убедить нас в своей статье казачий историк Н.Н. Лысенко? В возможность такого процесса поверить трудно, ведь для этногенеза нации, как неоспоримо доказывает известный концептуалист теории этногенеза Ю.В. Бромлей (на мнение которого, кстати, в положительном аспекте ссылается и сам Н.Н. Лысенко), нужны значительные массы *территориально консолидированного* населения.

В этой связи сама методологическая обоснованность употребления в отношении казачества слова «нация» вызывает серьезные возражения. Дело в том, что в исторической науке существует общепризнанное определение данного понятия — *это государственно оформленный этнос*. Казачество толь-

ко единственный раз в своей долгой истории, и то на очень короткое время — от гетманства Петра Сагайдачного (1606 г.) до краха Ивана Мазепы (1709 г.) — имело свое фактически независимое казачье государство. Юридически же, с точки зрения международного права того времени, казаки и в этот период не обладали государственным суверенитетом, поскольку признавались лишь автономией Речи Посполитой.

Я не являюсь категоричным противником теории об особой этнической природе российского казачества — такая теория существует, поддерживается авторитетными исследователями и функционерами казачества и, конечно же, имеет неотъемлемое право на существование. Однако стать сторонником этой теории, оставаясь на позициях исторической объективности, несколько затруднительно. Моя позиция — оставаться на платформе историографической и политической беспристрастности.

Осмысление этнического генезиса российского казачества наталкивает на вывод, что казачье сообщество в исторической ретроспективе являлось полиэтнической общностью. Существенная роль в этногенезе казачества скифо-аланского, половецкого, отчасти горского элементов, просматривается очень четко. Вместе с тем преобладающее влияние славянских, прежде всего великорусского и украинского элементов, не позволило казачеству утратить русский язык, а приверженность православной религии обеспечила сохранение фундаментальных основ славянской духовной и материальной культуры. Эти соображения не позволяют рассматривать казачество как особый этнос (а тем более нацию), но допускают оценку казачьего сообщества как самобытного субэтноса русских, обладающего собственным историческим и культурно-мировоззренческим базисом.

Андрей Епифанцев, Юрий Сошин

Причины радикализации молодежи Кабардино-Балкарии

В последнее время стал активно обсуждаться вопрос о причинах радикализации молодежи Кабардино-Балкарии, но есть ощущение, что поиск этих причин ведется совсем не там, где они находятся.

Радикализация молодежи не является чем-то, присущим только Кабардино-Балкарии или только адыгским республикам. Можно говорить о радикализации значительной части горской молодежи всего Северного Кавказа. Этот процесс был неминуем и совершенно логичен. Он должен был произойти, он происходит, и обстановка в этом смысле будет только ухудшаться.

Основной, коренной и главной причиной этой радикализации является очевидный структурный кризис российской государственной политики на Кавказе, следствием которого стали неконтролируемые процессы замещения роли и влияния государства кланами, этническими, религиозными, преступными и иными группами.

Формула взаимоотношений с Кавказом, избранная федеральным центром и имеющая целью обеспечение несменяемости центральной российской власти, подразумевает под собой наличие некоего неформального договора с кавказскими региональными элитами, представляющими титульную в данной местности нацию, в соответствии с которым Москва обязуется предоставлять в распоряжение этой элите боль-

шие бюджетные дотации («залить Кавказ деньгами») и полную (почти полную) свободу действий на местах в обмен на фасадную, внешнюю лояльность субъекта федерации к России и на полную поддержку федеральной власти на разнообразных выборах.

Поддержанные центром кавказские элиты, всегда являющиеся выразителями интересов своих кланов, у которых теперь появились деньги и над которыми исчез контроль, начинают вести собственную политику, направленную не столько на преследование российских государственных интересов и не ради благополучия всех членов общества, а, наоборот, ориентированную на доминирование своей семьи, своего клана, своей национальности, отодвигая всех остальных от доступа к социальным благам, распределения активов, равноправного применения закона и т.д. В результате, в ходе подобной политики совершенно неизбежно складываются условия, приводящие к народному недовольству и, как следствие, к попытке выразить свой протест путем радикальных акций. Это общее положение, характерное для всего Северного Кавказа в целом. В Кабардино-Балкарии же условиями, непосредственно приводящими к радикализации, являются несколько факторов, описанных ниже.

Отсутствие перспектив для молодежи. Некоторое время назад в КБР была проведена клановая приватиза-

ция, в результате которой узкая группа местных элит, поддержанных Москвой, установила почти тотальный контроль над экономикой и бизнесом в республике вплоть до среднего уровня и в значительной степени подавила или подчинила себе мелкий и средний бизнес. При этом в социально-правовой среде деление активов сопровождалось полным следованием золотому правилу клановой системы: «Если кланы где-то приходят к власти, то законность оттуда уходит». В КБР расцвели коррупция, родовые понятия, бесправие народа, пропасть между бедными и богатыми, игнорирование властями проблем населения и т.д.

От подобной приватизации массы кабардино-балкарской молодежи ничего не получили и теперь уже не получают никогда. Пробриться в бизнес, поделенный между немногими избранными, имеющими опору среди федеральной элиты и сросшимися с политиками и силовиками, им уже не удастся. При нынешних порядках их уделом на будущее является выбор между работой таксистом, продавцом в ночной палатке и гастарбайтером либо уходом в криминал, и если при этом криминал будет облечен неким ореолом борьбы за справедливость, то молодые люди выберут именно его.

У большей части населения какой-либо перспективы на достойную самореализацию в экономическом плане не существует, но если старшее поколение более равнодушно относится к этому факту, то молодежь не собирается терпеть это и начинает бороться своими средствами.

Этнизация политического пространства и деградация культуры. С внедрением формулы, отдающей внутреннее политическое и идеологическое пространство на откуп местной элите, сама элита повела дело к обособлению в национально-территориальных рамках. В КБР это выражается в политическом этноциде — в насильственной «кабардинизации» политического простран-

ства — когда на всех уровнях власти навязываются только устраивающие доминирующую нацию порядки, а все остальные этносы, проживающие там, так или иначе вытесняются на второй план. Проявлением «кабардинизации» является и ситуация со 131-м законом о межселенных территориях, и запрет балкарских общественных организаций, и игнорирование русских организаций с «приурочением» лидеров казачества и его дискредитацией, и кадровая политика, ведущаяся в республике, и т.д. Это приводит кабардинцев, особенно молодых, к ощущению себя привилегированным народом, которому позволено намного больше, чем другим, и кому остальные просто «должны».

Следствием и частью политики обособления народа Кабардино-Балкарии, в частности кабардинцев, является ведущаяся частью их собственной элиты завуалированная антироссийская пропаганда и навязываемая народу идеология «адыгоцида» — «страшного геноцида», который якобы был устроен их предкам Россией во время Кавказской войны XVIII–XIX вв., и вытекающая отсюда теория «исторической вины России» и ее обязанности расплатиться за «преступления прошлого».

В течение многих лет «идеология геноцида» буквально накачивает общество ненавистью к России. Причем если в работах идеологов «адыгоцида» этот вопрос выступает хоть в более-менее благопристойном виде «признания исторической правды», то, спускаясь в массы, идеология геноцида приобретает форму черного иррационального россиененавистничества, перерастающего в бытовой антирусский криминал или вооруженную борьбу. Много лет наряду с комплексом собственного величия и исключительности народу усиленно навязывается комплекс жертвы, что неизбежно приводит его к идеям «оккупации» и «продолжения борьбы». Неудивительно, что эта борьба и ненависть нередко переносится на местных жите-

лей иной национальности, а также на административно-властные структуры, состоящие, по мнению ваххабитов, из «коллаборантов-мунафикиков, пособников оккупантов».

Весьма характерный символический показатель происходящих в республике процессов — немалое количество машин, на номерах которых российский триколор заклеен черным скотчем либо черкесским национальным зеленым флагом со стрелами. Местная милиция за нарушение это не считает и водителей не наказывает.

Правительство республики регулярно и традиционно покрывает националистические выходки молодежи титульной национальности. За последние несколько лет в Кабардино-Балкарии произошло несколько случаев массовых избиений жителей целого ряда русских и балкарских сел со стороны больших и организованных групп молодых кабардинцев, избиений, которые имели совершенно четкий националистический подтекст. Подобные случаи происходили в станицах и селах Александровская, Екатериноградская, Котляревская, Солдатская, Янтарное, Новая Балкария, Бабугент, Яникой, Хабез, причем в некоторых из них по несколько раз (!), а число нападавших могло достигать до сотни человек.

Произошел целый ряд других дичайших случаев националистически окрашенных преступлений, виновники которых также традиционно не несут никакого наказания. Так, в июле 2010 г. в городе Майском военнослужащий-контрактник кабардинец Асланбек Дошонов среди белого дня попытался изнасиловать 13-летнюю девочку, зверски избил ее и ее мать, пришедшую ей на помощь. Все это сопровождалось криками: «Вы еще должны извиняться передо мной за то, что живете на моей земле!». Невозможно даже представить, что случилось бы, если подобное преступление было совершено против представителей титульной нации, но здесь его виновнику все сошло с рук!

Кто может объяснить, почему кабардинской молодежи НЕ радикализироваться, если даже за такие выходки и преступления не следует никакого наказания? Что ей в этом мешает? Как радикализации препятствуют сами власти Кабардино-Балкарии, искренне недоумевающие на публике — что же является причинами этой радикализации?

На наших глазах в Кабардино-Балкарии в условиях отсутствия или примитивизации российской государственнической идеологии и пропаганды происходит осознанное разрушение единой государственной общности и подмена общероссийских ценностей национальными и клановыми — такими как черкесский вопрос, исламский фактор и т.д. Так, в современной Кабардино-Балкарии практически предано забвению имя Шоры Ногмова — российского офицера и первого адыгского историка и просветителя. Поставленные в советский период памятники Шоре Ногмову в городах Майском и Прохладном по непонятным причинам исчезли. В то же время всемерно насаждается культ памятников жертвам Кавказской войны, а сама Кавказская война устами значительной части интеллигенции объявляется «Русско-Кавказской».

Как известно, единство народа создается не толерантностью и политкорректными речами, а общим видением прошлого и будущего, общими символами, ценностями, наличием согласия по поводу места народа и страны в мире. То, что происходит сейчас, разрывает единую общероссийскую общность и способствует созданию некой отдельной политической нации в Кабардино-Балкарии, что приводит к отчуждению населения КБР от остальной России, а в будущем может стать предпосылкой к отпадению от нее этого региона.

Низкий образовательный и культурный уровень. Еще одной очень важной причиной радикализации молодежи является удручающе низкий образо-

вательный и культурный уровень большинства молодежи КБР, ставший как следствием, так и условием кабардинизации политической жизни общества.

Дело в том, что экспорт идей национального превосходства, ваххабизма можно вести только там, где условия жизни подавляющего числа населения являются ужасающими, а в обществе напрочь отсутствует широкая образованная прослойка населения. Оба этих условия соблюдаются в Кабардино-Балкарии. В республике налицо кризис образования, деградация культуры и идеологии, «ценностный голод», алкоголизация. С огромным сожалением нужно констатировать, что большинство молодежи КБР — это полунитая, малообразованная, духовно дезориентированная и слабая в культурном развитии прослойка, которая наряду с этим социально активна и недовольна своим положением.

Это тем более печально, что исторически кабардинцы были одним из самых «европеизированных» кавказских народов. По сравнению с другими народами Кавказа в кабардинском обществе были очень слабы как патриархальные традиции, что явилось следствием более длительного контакта с Россией, так и исламские — не успев окрепнуть изначально, они были почти утрачены в советское время.

Если уход в патриархальность и в догосударственные формы саморегулирования у дагестанских, вайнахских и тюркских народов во многом сглаживал и амортизировал социально-экономический и культурный шок 90-х годов, то у кабардинцев постперестроечная разруха, олигархизация и т.д. привели к резкому социальному распаду и кризису самоидентификации. В качестве защитного средства от него возникли два процесса — кабардинизации и великочеркескости, с одной стороны, и уход в ваххабизм — с другой. Оба эти процесса требовали наличия благодатной питательной среды, каковой стала кабардино-балкарская молодежь.

Именно описанная выше молодежная прослойка является наилучшей питательной средой для ваххабизма, и чем сильнее в обществе будут идти процессы деградации, в первую очередь экономической и идеологической, тем активнее будет происходить его радикализация. Если город, тем более такой довольно крупный и образованный как Нальчик, сопротивляется ваххабизму, то кабардино-балкарское село — особенно отдаленное, где господствуют нищета, беспросветность и безысходность, — гораздо более ему подвержено. У села разрушена «иммунная система защиты», оно гибнет во всех отношениях. Даже вырвавшись из своего закрытого сельского мирка в город, молодые сельчане не имеют надежного противоядия от постороннего влияния и легко увлекаются различными разрушительными идеями.

В отношении подобных довольно закрытых социальных групп ставший притчей во языцех ваххабизм зачастую является не столько подрывной и антигосударственной идеологией в чистом виде, сколько своеобразной психологией микросоциума — молодежи отдельного села или части молодежи в пределах большого села, т.е. средством создания и скрепления определенного «мужского братства», все члены которого разделяют общие представления о справедливости, законе, лучшей жизни и т.д. Ближайшей аналогией этого явления будут молодежно-территориальные банды, которые в 1990-х терроризировали российские города. Вспомните, в них, как и в ваххабистских ячееках, тогда было престижно состоять.

В описанной среде религиозный экстремизм выполняет, в числе прочего, компенсаторную функцию в ситуации культурного и общественного конфликта. Слабое знание русского языка, недостаточный уровень культуры и невозможность реализоваться в более достойной среде порождают не ощущение ущербности, а чувство высоко-

мерия, превосходства и силы. У такого человека поднимается самооценка, вступают в действие факторы, блокирующие моральный ущерб, наносимый безысходностью, отсутствием социальных лифтов и т.п.

То есть мы наблюдаем ситуацию, когда в Кабардино-Балкарии в последние несколько лет слились воедино несколько факторов. Государство и его «наместники» стали вызывать в народе негативные чувства, ассоциироваться с созданием неблагоприятных, «антинародных» условий — социального неравенства, несправедливости, отсутствия перспектив, отсутствия законности, неравного доступа к благам, коррупции — и порождать у него протестные настроения. С другой стороны, часть элиты исподволь, но совершенно явно прививала молодежи чувство собственной этнической исключительности, добивалась осознания себя народом-жертвой и подталкивала к реальным действиям. Сформировалось тревожное и неустойчивое положение — одновременно повысились и социальная активность населения, и градус его недовольства. Это должно было во что-то вылиться.

Одним из предпочтительных и «спокойных» выходов из подобной ситуации мог бы стать уход в традиционную религию — «религиозный ренессанс» на основе традиционного ислама, но в случае Кабардино-Балкарии это не могло сработать по причине кризиса последнего и падения к нему доверия со стороны народа.

Бурный расцвет радикального ислама в КБР неотделим от кризиса ислама традиционного. Эту тему мало кто предпочитает затрагивать, хотя в последнее время среди экспертов все чаще раздаются голоса о том, что традиционный ислам закостенел и требует модернизации, а его духовные лидеры не избежали слабостей, присущих нашему обществу. В целом в условиях Северного Кавказа среди молодежи, негативно настроенной по отношению к

власти, традиционный ислам воспринимается не как обретение веры и нахождение выхода из сложившейся ситуации, а как инструмент этой самой ненавистной власти. В их глазах «сотрудничество с властью» дискредитирует традиционный ислам, и молодежь в протестной форме его отвергает. Государство выделяет деньги, в республике восстанавливаются мечети, строятся новые, а молодежь в них не идет — она выгоняет мулл из сел и устраивает моления по 300 человек не в мечетях, а на берегу реки Нальчик, в спортзалах и т.д.

Запрос на религию среди молодежи Кабардино-Балкарии был удовлетворен радикальными идеями, привнесенными извне. Их проповедниками стали молодые муллы, в основном дети элиты, которые в 1990-х уехали учиться исламу в арабские страны, и результат их проповедей теперь хорошо виден в повсеместном распространении ваххабизма.

В несколько похожей ситуации оказались и **правоохранительные органы.** В отношении них можно говорить по крайней мере о двух факторах, посредством которых они сами способствовали усилению радикализации молодежи.

Очевидно, что в клановом обществе правоохранительная система в первую очередь стоит на защите интересов правящей элиты. Вместе с ней она все больше отдаляется от общества, теряет с ним связь, начинает жить «сама по себе» и служить не народу и не закону, а своим начальникам. Соответственно, в обществе начинает явно ощущаться «нехватка законности» и нарастают протестные явления. В КБР протесты против правоохранительной системы проявлялись порой в очень своеобразных формах, можно обратиться хотя бы к попытке саможжения на Красной площади Давлета Капушева в знак протеста против отказа милиции расследовать дело об убийстве его брата. (К слову говоря, череда арабских рево-

люций тоже началась с попытки саможжения тунисца Мохаммеда Буази-зи.)

В условиях вакуума законности в обществе неминуемо начинает появляться спрос на структуру, которая бы взяла на себя защиту интересов людей, и в определенных кругах эту функцию начинают выполнять не кто иные, как экстремистские джамааты, которые, в отличие от официальной власти, начинают восприниматься в народе как борцы за его права и его защитники, а тот факт, что органы правопорядка борются против них, является в глазах людей дополнительным аргументом, усиливающим делигитимацию власти.

Еще одной ошибкой наших правоохранительных органов стало то, что когда радикальный ислам стал угрожать общественной системе, система пошла по наипростейшему пути — начала бороться с исламом как таковым. Людей, просто живущих по нормам мусульманской религии, зачастую преследовали именно за это — за посещение мечети, выполнение намаза, ношение бород и т.п. Если для сотрудников силовых ведомств подобные «операции» становились лишь галочками в отчете, то в глазах простого народа это принимало форму настоящих гонений за веру, что только усиливало протест и давало возможность религиозным экстремистам активно вербовать сторонников из политически нейтральной мусульманской среды.

Есть еще один фактор, несомненно, повлиявший на усиление радикализации кабардино-балкарской молодежи. Имя ему — Чечня.

Не секрет, что, несмотря на все победные реляции, Рамзан Кадыров не уничтожил «лесных» в Чечне. Частично он принял их в ряды свои войск, а частично выдал. Выдавленные боевики осели в Ингушетии, Дагестане и в Кабардино-Балкарии и, что неудивительно, продолжили заниматься «любимым» делом, активно привлекая к нему новичков. В какой-то степени

усиление террористической деятельности объясняется именно этим.

Другая сторона влияния Чечни на процессы радикализации молодежи в КБР заключается в привлекательности современного чеченского примера для определенной части молодежи Кабардино-Балкарии.

Лет 15 назад, когда еще шли боевые действия, а Грозный лежал в руинах, одному из нас пришлось принять участие в дискуссии молодых адыгов по поводу Чечни — что делают чеченцы, правильно ли они поступают, нужно ли так делать и т.д. Итог дискуссии подвел старший из ее участников, человек уже среднего возраста, который сказал: «Посмотрите, как выглядит Грозный. Это не наш пример. Мы такого не хотим и по такому пути не пойдём».

Современная молодежь КБР не помнит чеченские войны и не знает, как выглядит лежащий в развалинах Грозный. Ее экстремистски и националистически настроенная радикальная часть видит сейчас лишь ситуацию т.н. «чеченского счастья» — то, что из Чечни выдавлены все нечеченцы, что Россия отстроила город-красавец Грозный, который даст огромную фору всем городам КБР вместе взятым, что Чечня фактически вышла из российского правового поля и живет по своим законам, что она, как когда-то Крымское ханство, дерет с Москвы огромный ясак, что у чеченцев фактически иммунитет по отношению к закону, и если они что-то натворят и уйдут в Чечню, то находятся там в полной безопасности, что они не платят за коммунальные услуги, в то время как тарифы на газ в КБР — одни из самых высоких в РФ, и т.д. Все это выглядит очень привлекательно и в неокрепших умах радикально настроенной молодежи служит примером того, к чему нужно стремиться.

В условиях наличия зримого, осязаемого и такого близкого примера «чеченского счастья» никакая пропаганда мира, согласия, законопослушания и

единой российской государственности работать не будет. Радикально и националистически настроенные молодые люди всегда будут кивать в сторону Чечни и говорить, что чеченцы попали в сказку не потому, что соблюдали российские законы, а совсем наоборот — потому что они с Россией воевали и победили ее, и этот пример достоин подражания.

Еще одной очень важной причиной, приведшей к радикализации кабардинского общества, стало **добровольное самоослепление власти**. Причины, по которым происходит это самоослепление, просты, понятны и, к сожалению, далеки от того, чтобы являться уникальной чертой Кабардино-Балкарии.

Местные элиты стремятся доказать Москве, что они выполняют свою часть договора и «держат» регион. Москве, в свою очередь, нужно показать электорату, что формула «деньги в обмен на лояльность и контроль» работает, что регионы находятся под надежным присмотром, что там все хорошо, а значит, на следующих выборах голосовать нужно опять за те же персоналии. В результате в действие вступает золотое чиновничье правило: «главное — не быть, а слыть», и власти начинают ткать вокруг КБР и Северного Кавказа в целом пелену информационного благодушия и умиротворения. Крайне опасные, деструктивные и взрывные процессы, происходящие в действительности, обволакиваются ореолом положительности и покоя, на здание с прогнившим фундаментом наносится веселенькая, легкая краска.

Методы добровольного самоослепления просты и широко известны. Главное здесь — создание ситуации отсутствия критики политики властей со всеми вытекающими отсюда последствиями. В этом отношении можно перечислить несколько проверенных способов.

Подминание под себя реального (не марионеточного-парламентского, а реального) политического оппози-

ционного спектра, с официальным запрещением неудобных и активных балкарских общественных организаций и приручением и прикармливанием русских и казачьих (особенно реестровых) организаций до степени их слияния с властью и полной оторванности от народа.

Создание провластной направленности кабардино-балкарских СМИ. После того как несколько лет назад главного редактора нальчикской «Газеты Юга» Милослава Битокова зверски избили на пороге собственного дома, кабардино-балкарские СМИ потеряли остроту и злободневность, они самоустранились от аналитики, не вскрывают причин явлений, не дают оценочных категорий и в основном занимаются бытописанием в стиле Ильфа и Петрова «попал под лошадь». С центральными СМИ годами ведется работа по фильтрации публикаций о КБР, имеющих критический характер.

Расстановка на всевозможных официальных постах своих людей, главное качество которых не профессионализм (или не только профессионализм), но обязательно лояльность, которые не критикуют положение вещей (не дай Бог!), не высказывают свое мнение, а лишь преданно смотрят начальству в рот. Этаких маленьких градоначальников Брудастых из «Истории одного города» Салтыкова-Щедрина, от которых можно услышать лишь 2–3 верно-подданические фразы, и все.

Ну и конечно же, нельзя не упомянуть о сложившейся в последние несколько лет модной практике обвинения во всех трудностях (как КБР, так и Северного Кавказа в целом) Запада, Михаила Саакашвили, а также неких неназываемых темных сил, которые желают России вреда. Подобные аргументы стали очень популярны и используются повсеместно. Вспомним, что вплоть до самого своего расстрела в конце 2010 г. председатель Духовного управления мусульман КБР Анас Пшихачев твердил, что проблем с при-

теснением мусульман в республике нет, а в возникшей напряженности виноват Запад.

В результате власти ограждают себя от реальной ситуации и пребывают под впечатлением благостных отчетов, они «широко закрывают глаза» на запросы общества, а в это же время «этот... как его... народ» бесится от отсутствия возможности «достучаться до верхов» и в его среде возникает протест, доходящий до террора. И вот когда ситуация начинает взрываться, власть заламывает руки и начинает причитать: «Как же эта радикализация могла произойти у нас, если все докладывают, что у нас все так хорошо?!»

Подытоживая, хотелось бы сказать, что уже сейчас видна ошибка, которую мы все допустили несколько лет назад. Тогда казалось, что проблему радикализации Кавказа, распространения террористической угрозы можно устранить, решив вопросы с непримиримыми — уничтожив их либо убедив вернуться к нормальной жизни и инкорпорировав их в политическую или военную прослойку России, вплоть до элитной. Первоначальное снижение террористической активности, возникшее в результате этого процесса, было радостно принято нами за структурный, переломный процесс, при этом мы упустили северокавказскую молодежь и то, что слабости и уязвимые места нашего общества и нашего метода общения с Кавказом начинают широко вовлекать ее в стан таких же непримиримых.

Выводы. 1. Основной причиной радикализации молодежи Кабардино-Балкарии является явно оформившийся структурный кризис российской политики на Северном Кавказе.

2. Усиление радикализации представляет из себя неизбежное явление в рамках существующего договора федеральных и региональных элит, осложненного общими деструктивными процессами, происходящими в Рос-

сии, и грузом ошибок, допущенных российской властью с момента распада Советского Союза. В рамках этого договора и при сохранении основных параметров нынешних взаимоотношений «власть—общество», «Москва—Кавказ» рецепт против радикализации не может быть найден. Это невозможно просто по определению.

3. В отсутствие системной и комплексной борьбы с причинами, а не с проявлениями радикализации это явление будет только усиливаться, причем, возможно, резко. Попытки борьбы лишь с наиболее «удобными» и безопасными для властей причинами радикализации, например, такими как беспредел силовых органов, не могут привести к успеху, ибо не затрагивают самих основ этого явления.

4. В той или иной степени радикализация горской молодежи присуща всем республикам Северного Кавказа, и борьба с нею в одном отдельно взятом субъекте — КБР — не может увенчаться успехом.

5. Борьба с радикализацией молодежи в КБР немыслима без борьбы с кабардинизацией общества Кабардино-Балкарии и обеспечения равноправия всех ее жителей вне зависимости от их национальной принадлежности и вероисповедания.

6. При сохранении нынешних тенденций в области радикализации молодежи и террористической активности разработанная А.Г. Хлопониным, очень важная и нужная экономическая стратегия развития Северного Кавказа бессмысленна. Нельзя одновременно строить туристические кластеры и взрывать их.

7. Отсутствие успехов в снижении уровня радикализации молодежи Кабардино-Балкарии поставит российскую государственность в этом регионе под вопрос уже в среднесрочном периоде.

Тогда говорить о причинах радикализации молодежи Кабардино-Балкарии будет уже поздно.

Вадим Колмаков

КИЕВСКИЕ НАЦИОНАЛИСТЫ И ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС В 1916 г.

Одним из наиболее болезненных и едва ли разрешенных вопросов русской истории является польский вопрос. Два варианта его решения были сформулированы еще XIX в.: даровать Польше свободу (например, Н.Я. Данилевский полагал, что Россия владеет Польшей «к несчастью» и что Александр I совершил в свое время ошибку, получив Царство Польское вместо Галиции)¹ или удерживать ее бесконечно долго в надежде интегрировать ее в имперский организм².

Однако если бы польский вопрос сводился лишь к судьбе этнической Польши, его однозначное решение скорее всего было бы найдено. Ситуация осложнялась тем, что на территории Юго-Западного (как и Северо-Западного) края происходила борьба двух имперских национальных «проектов» — русского и польского. Первый, пользуясь поддержкой государства и церкви, нацеливался на уменьшение польского влияния, а второй, опираясь на культурное влияние шляхты и костела, стремился восстановить утраченный в результате разделов status quo.

Как идеологи русского национализма, так и его исследователи почти единодушно признают, что польское вли-

яние всегда представляло фактор, который осложнял, если не препятствовал процессу органичного включения западных губерний в состав империи. После двух неудачных восстаний польское дворянство рассматривалось властями как ненадежное и даже враждебное по отношению к России сословие. Поэтому со времен М.Н. Муравьева политика в отношении польской шляхты выражалась в виде постепенного вытеснения ее из экономической сферы.

Поляки (как дворяне, так и крестьяне) были ограничены в покупке и аренде земли в 9 западных губерниях, а с 1865 г. был взят курс на постепенное вытеснение поляков из государственной службы³. Одновременно был введен десятипроцентный налог на прибыль с тем, чтобы принудить польских землевладельцев продавать своим имения русским. После подавления второго польского восстания правительство прибегло к частичной конфискации земель у мятежных польских помещиков, которые проживали в Юго-Западном крае. Но даже в начале XX в., как свидетельствует А. Миллер, «половина земельных угодий оставались здесь в руках поляков»⁴. На Правобережье шесть тысяч больших польских имений занимали большую площадь, чем

¹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 35.

² Подробнее см.: *Сергеев Сергей*. Столетняя война с «воскресающими мертвецами». Польский вопрос и русский национализм в XIX — начале XX в. // Вопросы национализма. 2011. № 6.

³ Подробнее см.: *Дякин В.С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // Вопросы истории. 1995. № 5. С. 130–142.

⁴ *Миллер А.* Русификации: классифицировать и понять // *Ab Imperio*. 2002. № 2. С. 138.

наделы трех миллионов крестьян. Число же русских помещиков не превышало там 1 тыс. семей⁵. Невзирая на политически непопулярные и экономически не обоснованные меры, позиции поляков в экономике западных губерний, особенно в аграрном секторе, оставались очень прочными. В 1910 г. в руках поляков находилось 73% помещичьих земель в Виленской губернии, 53% в Гродненской, 49,7% в Минской, 40,6% в Витебской и 33% в Могилевской⁶.

Сложность противостояния полякам заключалась в том, что наиболее важным фактором оставалось их культурно-политическое влияние в Малороссии. В попытках удержать влияние в своих бывших землях поляки весьма эффективно использовали «мягкую силу». По выражению Дж. Найя, последняя есть «способность добиваться того, что требуется, при помощи сотрудничества и привлекательности». При этом первостепенное значение для наращивания «мягкой силы» имеют «ценности, культура, политика и институты»⁷. В силу ряда причин русскому государству противостоять «мягкой силе» поляков было сложно. Польские институты культурного влияния, прежде всего костел, оказывали глубокое воздействие на население западных губерний.

Беспокойство правых по поводу Польши достаточно ясно обозначил М.О. Меньшиков, который в 1913 г. писал: «С Польшей что-нибудь надо делать». И далее: «Польский вопрос необходимо обдумать и решить, иначе он

даст несколько независимых от нас решений, одно хуже другого»⁸. Ряд консерваторов рассматривали возможное изменение русской политики в отношении Польши как проявление слабости, на которую поляки скорее всего ответят новым заговором. Эту парадигму Т.Ю. Павельева формулирует следующим образом: «Генетическая память о национально-освободительных восстаниях 1830–1831 и 1863–1864 гг. была настолько сильна во властных структурах, что любое “послабление” полякам становилось в этих условиях невозможным»⁹.

Стремление перейти в решении польского вопроса подстегивалось растущей польской активностью в австрийской Галиции. Еще в 1910 г. во Львове вполне легально был создан «Союз польских стрелков», потенциально нацеленный против русских¹⁰. Это означало, что австрийцы пытаются разыграть «польскую карту», чтобы в военное время ослабить русские тылы, населенные этническими поляками. На польских территориях, входивших в состав Австро-Венгрии, были созданы польские легионы, а 6 августа 1914 г. польские стрелки выступили на стороне Тройственного союза и перешли русскую границу¹¹. К 1914 г. отряды, которые возглавлял Ю. Пилсудский, насчитывали около 6500 человек¹². Польские легионеры состоя-

⁸ Меньшиков М.О. Преступная романтика // *Нация и империя в русской мысли начала XX века*. М., 2004. С. 77.

⁹ Павельева Т.Ю. Польская фракция в Государственной думе России 1906–1914 годов // *Вопросы истории*. 2000. № 3. С. 119.

¹⁰ Наленч Т. и Д. Юзеф Пилсудский. Легенды и факты. М., 1990. С. 59.

¹¹ Там же. С. 61–62.

¹² Парасаданова В.С. Юзеф Пилсудский // *Вопросы истории*. 1996. № 1. С. 59. Судя по всему, Пилсудский был завербован австрийской разведкой. Известно, что в 1906 г. он встретился с представителями австрийских военных. Австрийцы обещали поддер-

⁵ Бовуа Д. «Борьба за землю на правобережной Украине с 1863 по 1914 год»: новая книга об украинско-польско-русских отношениях // *Россия — Украина: история взаимоотношений*. М., 1997. С. 173.

⁶ Алексюн Н., Бовуа Д., Дюкрё М.-Э., Клобовский Е., Самсонович Г., Вандич П. *История Центрально-Восточной Европы*. СПб., 2009. С. 346.

⁷ Nye J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. N.Y., 2004. P. 3.

ли из трех бригад, и с осени 1915 г. они противостояли русским войскам на Волини¹³. В русской прессе писали, что число поляков, воевавших с русскими, доходит до миллиона. На самом деле польские легионы, воевавшие с русскими, насчитывали около 30 тыс. человек¹⁴.

С началом Первой мировой войны польский вопрос обострился. Поляки, подобно евреям, оказались народом, разделенным между воюющими государствами. С целью успокоения живших в России поляков 1 августа 1914 г. было опубликовано «Воззвание» Великого князя Николая Николаевича к народам Австро-Венгрии и полякам. В нем была определенно зафиксирована возможность возрождения Польши, «свободной в своей вере, языке и самоуправлении»¹⁵. В воззвании прямо говорилось о том, что вскоре «сотрут границы, растерзавшие на части польский народ. Да воссоединится он воедино под скипетром русского царя».

Русские националисты высоко оценили воззвание. Один из киевских националистов, известный правый публицист Д.В. Скрынченко (1874–1947), писал: «Какое польское сердце не дрогнет, прочитав эти слова, скоро имеющие быть запечатленными русской кровью»¹⁶. Воззвание Великого князя вселило в поляков надежду на государственное возрождение. В то же время некоторые поляки высказы-

вали опасения, что воззвание — лишь уловка, так как подписано оно Великим князем, а не императором. Однако цель воззвания была достигнута — население Польши «сохраняло лояльность по отношению к России вплоть до оккупации немцами Варшавы в 1915 г.»¹⁷.

Вместе с отступающей русской армией в 1915 г. в Россию хлынул поток польских беженцев, не желавших оставаться в занятой немцами Польше и Белоруссии. К этому времени некоторые русские консерваторы вспомнили известную идею В.О. Ключевского, который считал ошибкой разделы Польши и полагал, что Польшу следовало бы «ввести» в свои этнографические границы и сохранить ее государственность, предусмотрев невозможность ее претензий на Западный край. Д.В. Скрынченко занимал примерно такую же позицию. «Мы желаем если не всяческих, то, во всяком случае, больших свобод этнографической Польше», — писал он¹⁸. Но при этом все ограничения относительно поляков в западных губерниях должны остаться без изменений, считал он. Дать некоторые свободы Польше — возможно, но никак нельзя уравнивать поляков Западного края с его коренным населением.

Эти мысли он повторял неоднократно и в связи с тем, что в 1915 г. русские армии откатились с территории Польши, и в связи с тем, что внимание к польскому вопросу привлекли польские депутаты Думы, которые предложили отменить законы, ограничивающие права поляков в Империи. 2 сентября 1915 г. ими был внесено законодательное предложение, целью которого было улучшение прав польского

жать антирусское движение в Галиции, а взамен предлагали поставлять разведывательную информацию (см.: *Наленч Д. и Т.* Указ. соч. С. 46).

¹³ *Тымовский М., Каневич Я., Хольцер Е.* История Польши. М., 2004. С. 386, 388.

¹⁴ *Парасаданова В.С.* Указ. соч. С. 62.

¹⁵ *Бахтурина А.Ю.* Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М., 2004. С. 24.

¹⁶ *Скрынченко Д.* Обращение к «душе» польской // Киев. 1914. № 207. С. 2.

¹⁷ *Бахтурина А.Ю.* Указ. соч. С. 34; *Ее же.* Воззвание к полякам 1 августа 1914 г. и его авторы // Вопросы истории. 1998. № 8. С. 132–136.

¹⁸ *Скрынченко Д.* Национализм поляков // Киев. 1915. № 683. С. 2.

населения девяти западных губерний, на что правительство в лице министра юстиции А.А. Хвостова дало отрицательный отзыв. В позиции польских депутатов был свой расчет. Они считали, что Россия в войне потерпит поражение и неизбежно пойдет на соглашение с Германией и Австрией за счет Польши. Поэтому степень недоверия друг к другу русских и польских политических элит во время войны выросла. Посол Франции в России дал в дневнике точную характеристику польской политической элиты: «не доверяя России, они считают себя ничем не обязанными по отношению к ней...»¹⁹

Понимая необходимость решения польского вопроса, русские правящие круги стремились отложить решение его до конца войны, но в 1916 г. война эту позицию изменила. В условиях, когда русская армия оставила этническую Польшу, активизировалось польское лобби в Петрограде, которое откровенно поддерживали Англия и Франция. Союзники рекомендовали России объявить Польшу независимой, а поляков уравнивать в правах с остальными подданными Империи. К тому же русская либеральная, или, как ее называли консерваторы, «освободительная» пресса поддерживала поляков, рассматривая их как угнетенных.

Одним из инициаторов перемен стал министр иностранных дел С.Д. Сазонов, который считал, что для России Польша — «чужой государственный организм», а само присоединение ее он считал ошибкой²⁰. Ведомство Сазонова пришло к выводу, что этнической Польше следует предоставить самоуправление при сохранении основных прав имперских властей в управлении краем²¹. Учитывая ситуацию на фронтах, летом 1916 г. Сазонов подго-

товил записку, в которой предложил дать Польше автономию. Проект соответствующего закона поручили разработать специалисту по международному праву кадету барону Ю.Э. Нольде, а затем передали бумаги государственному секретарю С.Е. Крыжановскому для согласования с имперскими законами²².

Следует учитывать, что импульс дать Польше автономию, а на самом деле хотя бы объявить об этом (поскольку Польша была оккупирована немцами), исходил не столько от самого Сазонова, сколько от французской правительственной делегации во главе с министром юстиции Р. Вивиани, который прибыл в Петроград в мае 1916 г.²³ 29 июня 1916 г. в Могилеве ведомством Сазонова императору был представлен проект будущего «конституционного устройства Польши». Но 7 июля Сазонов был отправлен в отставку, и Совет министров после обсуждения проекта манифеста пришел к выводу о его несвоевременности²⁴. Таким образом, историческая инициатива в возможном разрешении польского вопроса Россией была упущена: осенью 1916 г. Германия провозгласила образование Польского государства, а Австро-Венгрия дала автономию Галиции. Скорее всего, причина неуступчивости русских властей крылась в том, что стремление изменить порядки в пределах польских этнических земель неизбежно привело бы к противоречию — принцип автономии нарушал принцип неделимости империи, хотя сам ход войны уже в 1914 г. этот принцип нарушил.

²² Бахтурина А.Ю. Окраины Российской империи... С. 69; Палеолог М. Указ. соч. С. 543–544.

²³ Уткин А.И. Забытая трагедия. Россия в Первой мировой войне. Смоленск, 2000. С. 230; Его же. Первая мировая война. М., 2001. С. 270.

²⁴ Бахтурина А.Ю. Окраины Российской империи... С. 69.

¹⁹ Палеолог М. Дневник посла. М., 2003. С. 560.

²⁰ Сазонов С.Д. Воспоминания. М., 1991. С. 369.

²¹ Там же. С. 373.

Русские националисты, объединенные в Киевском клубе националистов, летом 1916 г. сформулировали свое видение возможного решения польского вопроса по окончании войны. Свет на их позиции проливают материалы, которые Д.В. Скрынченко послал одному из видных представителей русских правых академику А.И. Соболевскому²⁵. Они сохранились в Российском Государственном архиве литературы и искусства.

Исходная позиция киевских националистов опиралась на идею, согласно которой предполагаемое объявление автономии Польши преждевременно, так как «последние два года войны не дали сколько-нибудь существенных данных, свидетельствующих о коренной перемене в отношении к России поляков»²⁶. Так как победа в войне связывалась с включением в состав России Галиции, Буковины и Угорской Руси, то для интеграции этих территорий в имперский организм властям надлежит прежде всего «очистить эти края от преобладающего в смысле влияния и значения польского элемента и сделать их действительно русскими»²⁷.

Меры в отношении остающихся в западных губерниях поляков предлагались жесткие, если не сказать жестокие, но стоит задать вопрос: были ли они реализуемы, если предположить, что Россия выиграла бы войну? Учитывая последующий опыт XX в., можно полагать, что эти меры были осуществимы. Но они привели бы к массовому изгнанию сотен тысяч людей и подняли бы еще выше градус ненависти

поляков к русским. Поэтому государство они устроить никак не могли.

Скрынченко утверждал, что никакой речи о равноправии или о расширении польских прав быть не может. Он считал, что в силу ненадежности они представляют прямую угрозу для России, и призывал подумать об очищении русских государственных учреждений от поляков²⁸. При этом он писал, что поляки всегда «выступали только врагами России, ни одного светлого момента не дает нам история русско-польских отношений»²⁹. Стремление устранить существующие ограничения для поляков в западно-русских губерниях он считал «данью тому историческому сентиментализму, который причинил России и русскому народу так много вреда»³⁰. Вопрос этот, как полагал Д.В. Скрынченко, искусственно поддерживался «прогрессивной» интеллигенцией, которая дозволяла полякам «расправляться с темным народом, потому что не обладала элементарным государственным инстинктом»³¹. В одной из публикаций он писал, что ограничения в Северо-Западном и Юго-Западном краях, введенные после последнего польского восстания, должны быть постоянными, так они сохраняют за Белоруссией и Малороссией русский характер³².

Скрынченко выдвинул предложение, согласно которому вся администрация — «от губернатора до урядника» — должна состоять из русских. Неоднократно он повторял важную, с его точки зрения, мысль о русской школе как единственной для всего населения с обязательным преподаванием на русском языке. Кроме того, русский язык должен стать обязательным

²⁵ Соболевский Алексей Иванович (1857–1929), филолог, академик (с 1900 г.), тайный советник, член Государственного Совета, проф. Киевского и Петербургского университетов, руководитель Славянского общества, член Главного совета Союза Русского Народа.

²⁶ РГАЛИ. Ф. 449. Оп. 1. Ед. хр. 341. Л. 3.

²⁷ Там же.

²⁸ Скрынченко Д. По стопам Болгарии // Киев. 1916. № 990. С. 2.

²⁹ Там же.

³⁰ РГАЛИ. Ф. 449. Оп. 1. Ед. хр. 341. Л. 3.

³¹ Скрынченко Д. По стопам Болгарии...

³² Его же. «Весьма скромный законопроект» // Киев. 1916. № 806. С. 2.

в костеле. Это предложение было частью общегосударственной политики, которая была направлена на резкое ограничение употребления польского языка. Польский язык рассматривался властями как основа и проявление культурного сепаратизма, от которого, как считали власти, один шаг до сепаратизма политического³³. Наконец, предводителей дворянства (этот институт оставался неизменным!) он предлагал не избирать, а назначать только из русских.

Основным вопросом, лежавшим в основании польской проблемы, был вопрос о земле. В принятых тезисах указывалось, что «земли ни в каком случае не могут переходить в руки лиц нерусского происхождения, причем существенным и единственным признаком, определяющим русскую национальность, должно считать лишь принадлежность того или иного лица к православной вере»³⁴. Киевские националисты предлагали создать государственный фонд для скупки польских имений. Последняя идея была предложена Скрынченко, который полагал, что «необходимо создать государственный фонд для скупки польско-панских экономий в Белоруссии и Малороссии и тем разрушить эти цитадели полонизма»³⁵.

Скрынченко предлагал сохранить преобладание русских над поляками в земствах и городских самоуправлениях и резко уменьшить число служащих-поляков на русских железных дорогах, так как если все же польское государство возникнет, «оно будет иметь прекрасный кадр лучших агентов для себя на наших же железных дорогах»³⁶.

³³ Rodkiewicz W. Russian National Policy in the Western Provinces of Empire (1863–1905). Lublin, 1998. P. 42, 127.

³⁴ РГАЛИ. Ф. 449. Оп. 1. Ед. хр. 341. Л. 3.

³⁵ Скрынченко Д. Г. Туру и Честмиру // Киев. 1916. № 762. С. 2.

³⁶ РГАЛИ. Ф. 449. Оп. 1. Ед. хр. 341. Л. 3. Наличие большого числа поляков среди же-

Обсуждая судьбу западных губерний, Скрынченко задавал естественный вопрос: «Что же будет с Белоруссией, Волинью и Литвой?»³⁷ Поляки, как считал он, молчаливо подразумевают, что Россия вернет Польшу земли в соответствии с границами 1772 г. Ведь поляки, активно требовавшие свобод, «нигде не говорили и не желают заявлять, что они отказываются от Белоруссии, Литвы и правобережной Малороссии...»³⁸. Вопрос этот был не случайным, потому что 23 октября в Австро-Венгрии и Германии был провозглашен акт двух императоров о создании Королевства Польского, правда, без определенных границ. В ответ в декабре 1916 г. предпоследний председатель Совета министров А.Ф. Трепов объявил о провозглашении свободной Польши в унии с Россией³⁹. Сравнивая скорость принятия решений немецкого и русского правительств, можно сделать вывод, что немцы действовали быстрее, стремясь перетянуть поляков на свою сторону. Заняв «русскую» Польшу, они разрешили использовать польский язык в административной переписке и сразу же открыли в Варшаве университет и политехнический институт⁴⁰.

Одна из идей, которая была широко распространена в Польше и которую поляки стремились внедрить в сознание публики, сводилась к тому, что русские ничего не дали западным тер-

лезнодорожных служащих объясняется тем, что в Юго-Западном крае обреталось немало бедных польских шляхтичей, которые имели право учиться и, таким образом, поставляли техническую интеллигенцию. Все вместе они, как сообщает Д. Бовуа, составляли весомую группу около шестидесяти тысяч человек (Бовуа Д. Указ. соч. С. 174).

³⁷ Скрынченко Д. К польскому вопросу // Киев. 1916. № 965. С. 1.

³⁸ Там же.

³⁹ Тымовский М., Каневич Я., Хольцер Е. Указ. соч. С. 390.

⁴⁰ Там же. С. 388.

риториям, присоединенным к империи. В противовес этой позиции Скрынченко считал, что Россия «закладывала тут здоровые зерна того, что зовется русской культурой»⁴¹. Это высказывание скорее относится к западным губерниям России, но вряд ли оно применимо по отношению собственно к Польше.

Скрынченко считал невозможным дать полякам равноправие на окраинах Империи: «это значит отказаться от своих вековых исторических задач и еще хуже того — это значит помогать полякам устремлять свои взоры в сторону востока...»⁴². Чтобы закрепить территорию западных губерний за Россией, или, как тогда выражались, расползчатить их, Скрынченко предлагал открыть в Малороссии и Белоруссии православные духовные академии, общеобразовательную часть в которых следует приравнять к университетам⁴³. Опыт открытия университетов (например, в Вильне) дал негативный результат — «университет стал цитаделью польского политиканства», которое дало толчок восстаниям⁴⁴. Другое дело духовная академия. «Однородный православный состав слушателей, — писал Д.В. Скрынченко, — будет служить гарантией того, что академии, во всяком случае, не сделаются очагами полонизма, а постоянное пребывание молодых коренных русских в местах, где творится безудержный натиск на Русь польской культуры, будет гарантией того, что эта наша молодежь самой жизнью будет *воспитываться на основах национализма*, овеянного лучами Православия»⁴⁵.

Рассматривая этнополитическую

ситуацию в рамках соперничества польского и русского национальных проектов, Скрынченко справедливо писал, что с ослаблением или даже уходом Православия из западных губерний исчезнет и русскость, присутствующая малороссам и белорусам. «Помните, — заключал он, — что в тот момент как уйдет из Белоруссии и Волыни Православная церковь, отомрут от русского народа и те его ветви, которые хотя и значительно покрыты польским лаком, все же являются и признают себя русскими»⁴⁶. Поэтому, как он считал, «пришло время вырвать у поляков здесь то, что присвоено ими захватным порядком: пришло время определенно и без ложной конфузливости заявить, что здесь была, должна быть и *будет Русь*»⁴⁷.

Отношение к полякам как к «неблагодарным» со стороны русских националистов дополнялось идеей польской интриги против России, которую поляки проводили то открыто, то латентно, но никогда от тайных действий не отказывались⁴⁸. Хорошо известно, что польское политическое влияние, особенно в столице, было всегда значительным. Националисты сознательно его преувеличивали, «прогрессисты» стремились приуменьшить. Поэтому любое действие властей всегда оценивалось с двух крайних позиций.

В качестве примера успешной польской интриги Д.В. Скрынченко привел перемещение минского епископа Митрофана (Краснопольского) в Астрахань. Православные епископы, писал Скрынченко, стали такими же чиновниками, которых можно легко перевести из одной епархии в другую, хотя исполнение обязанностей епископа

⁴¹ Скрынченко Д. Западная Русь и русская культура // Киев. 1916. № 845. С. 1.

⁴² Там же.

⁴³ Скрынченко Д. Какие высшие учебные заведения нужны России? // Киев. 1916. № 963. С. 2.

⁴⁴ Там же. С. 1.

⁴⁵ Там же. С. 2

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Подробнее см.: Литатов А.В. Россия и Польша: «домашний спор славян» или противостояние менталитетов? // Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание. М., 2000. С. 19.

требует долговременного пребывания в епархии. А перемещение епископа из Западного края, да к тому же пробывшего в Минске всего четыре года, Скрынченко расценивал не просто как бюрократическую глупость, но видел в этом польскую интригу. Он полагал, что «поляки добиваются не только автономии этнографической Польши, но и господственного положения в Белоруссии и правобережной Малороссии»⁴⁹. А для этого они способствовали перемещению активного епископа из Западного края куда дальше. Скрынченко справедливо считал, что от такого рода перемещений не выигрывает ни паства, ни сами епископы, а лишь поляки, укрепляющие свое влияние на бывших своих землях.

Быть может, современного читателя удивит та настойчивость, с которой русские националисты все время го-

ворили о польской угрозе. Эти разговоры имели под собой определенные основания. Но опасность, исходившая от поляков, была несоизмерима с теми вызовами, с которыми империя столкнулась к концу 1916 г.

Как известно, польский вопрос нашел свое решение в конце Первой мировой войны, когда возникло независимое польское государство. Но традиционную неприязнь к Польше Д.В. Скрынченко сохранил надолго. Будучи в эмиграции в июле 1920 г. в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев и узнав о разгроме польских войск красными, он записал в дневник: «В Новом Саду прочитал, что поляки разбиты большевиками. Хотя и тяжело, что это устраняет мне возможность видеть семью, но я рад, что зазнавшаяся шляхетская Польша разбита»⁵⁰.

⁴⁹ Скрынченко Д. По поводу епископских перемещений // Киев. 1916. № 919. С. 2.

⁵⁰ Скрынченко Д. Обрывки из моего дневника (рукопись в архиве автора). С. 44.

Издательская группа «Скимень» выпустила в свет книгу Константина Крылова «Прогнать чертей»

Константин Крылов — признанный интеллектуальный лидер русского национального движения. Последовательный националист, радикальный критик российской политической и культурной реальности, продолжатель традиций классической публицистики — и блестящий мыслитель, чье творчество стало одним из самых ярких явлений интеллектуальной жизни России «нулевых».

Запрещенный в официальных СМИ, он сумел завоевать популярность и внимание читателей благодаря электронным сетям. Личный интернет-дневник www.krylov.livejournal.com — один из самых популярных блогов Рунета.

В сборнике представлены тексты, посвященные общественно-политическим темам: начиная с устройства современного российского государства и кончая положением русского народа.

По вопросам распространения и приобретения: 8-964-551-49-54, kkrylov@mail.ru (Константин Крылов); 8-964-580-19-12, lasido@mail.ru (Надежда Шалимова).

АЛЕКСАНДР ХРАМОВ

«Ура, русские!»: НАЦИОНАЛИЗМ 1812 ГОДА

Первой войной, о которой я узнал в детстве, была война 1812 года. Лет в пять я до дыр затрепал тоненькую иллюстрированную книжку, посвященную вторжению Наполеона в Россию. Дни напролет я листал страницы с гусарами, кирасирами и пехотинцами и решил, что война должна выглядеть именно так. Поэтому, когда в 1995 году страна помпезно отмечала пятидесятилетие победы над Германией, я очень удивился, узнав, что в нашей истории были и другие войны.

Мне и сейчас кажется, что Отечественная война 1812 года — это своего рода эталонная, священная, *первая национальная война*. Здесь нет фальши, сюда не тянутся липкие советские руки, обмотанные георгиевскими ленточками. Войну 1812 года не захватили, не запачкали, и, может быть, именно поэтому ничего не мешает праздновать ее двухсотлетний юбилей с тем же радостным детским чувством, с которым Петя Ростов отправлялся в партизанский отряд, прихватив изюму без косточек.

Эпопея 1812 года является базовым событием нашей истории, точкой отсчета, с которой ведет свое существование русская нация в современном смысле этого слова. Наполеоновские войны стали для европейских народов подлинной школой национализма, и Россия не явилась здесь исключением. На эпоху наполеоновских войн приходится молодость наций, это было время задорной ксенофобии и по-детски огромных ожиданий, только некоторым из которых суждено было воплотиться в жизнь.

Французские штыки подарили нам национальное чувство. Война из забавы государей сделалась народным достоянием. Простой мужик Тихон из партизанского отряда Долохова, описанный Толстым, впервые получил возможность хотя бы на время сделаться полноправным членом сражающейся нации, в которую слились дворяне и крестьяне, объединенные общей ненавистью к врагу. За это надо сказать спасибо французским солдатам, которых Тихон крушил своим топором.

* * *

Когда национализм отсчитывают с 1789 года, с начала Великой французской революции, это не историческая условность, а вполне осязаемый факт. За 20 лет Франция инфицировала старую, династическую Европу «вирусом» национализма, и разносчиками этого «заболевания» стали французские армии. Французская революция сделала из подданных короля — граждан, а из граждан — солдат. Франция первой изобрела мобилизационную национальную армию, укомплектованную на основе всеобщей воинской повинности. На смену наемникам и рекрутам пришли сражающиеся граждане.

В августе 1793 г. ультралибералы-якобинцы издали указ о созыве *levee en masse* — народного ополчения. К этому времени молодая республика находилась в окружении — Пьемонт, Испания, Австрия, Голландия, Пруссия, Англия объявили ей войну и начали наступление по всем фронтам. Указ

о созыве народного ополчения позволил якобинцам поставить под ружье более миллиона человек. В короткие сроки массовая французская армия разгромила армии европейских монархов и перешла в контрнаступление. Это повергло остальную Европу в шок и впервые заставило правящие элиты задуматься о силе национализма.

В то время как старый династический порядок рушился под ударами французских армий — сначала республиканских, затем наполеоновских, — интеллектуалы разных стран поняли, что противопоставить французскому национализму можно только *свой собственный* национализм. В России это был национализм русский, в Пруссии и северогерманских государствах — немецкий. Далее мы будем говорить преимущественно об этих двух национализмах.

Сила Богатырев как русский Фихте

В 1803 г. одновременно в Гамбурге и Санкт-Петербурге выходят книги Эрнста Морица Арндта и Алексея Семеновича Шишкова. Арндт, родоначальник немецкого национализма, провозгласивший знаменитое «отечество немца там, где звучит немецкий язык», противопоставлял в книге «Германия и Европа» поверхностный французский *esprit* и глубокомысленный основательный немецкий *Geist*. Шишков, родоначальник славянофильства, в «Рассуждении о старом и новом слоге русского языка» писал о «песчаной бесплодной почве французского языка» и о «плодородной земле» славянского наречия, которую надо очистить от галлицизмов. Критические выпады против галломании, верность народному духу и любовь к родному языку легли в основу оборонительного национализма европейских интеллектуалов.

Чем больше поражений терпели Пруссия и Россия от французских войск, тем ожесточеннее и глубже становился оборонитель-

ный национализм. Иван Матвеевич Муравьев-Апостол, отец двух будущих декабристов, в «Письмах из Москвы в Нижний Новгород» (1813) провозглашает: «я всегда презирал нынешних французов всеми силами моей души... Нынешнее слово француз — синонима чудовищу, извергу, варвару»¹. Фридрих Людвиг Ян, основатель общенемецкого гимнастического движения, предлагает создать вдоль границ с Францией непроходимую чащу, полную диких зверей. Уже цитировавшийся Арндт после оккупации немецких территорий Наполеоном пишет: «Я ненавижу всех французов без исключения во имя Бога и моего народа, я учу моего сына этой ненависти»². *Франция, став нацией, подарила русским и немецким интеллектуалам образ врага*, столь необходимый для их собственных проектов нацистроительства.

В декабре 1807 г. в Берлине, оккупированном французами после сокрушительного поражения Пруссии в битве при Йене, Иоганн Готлиб Фихте выступил с «Речами к немецкой нации». В них он критикует «новых римлян» (французов), призывает к древнему германскому духу, обрушивается на «чуждую немцам иностранщину» и тех, кто предпочитает «чужое, не немецкое наречие» и французские нравы и платья. В том же 1807 г. граф Федор Васильевич Ростопчин издает «Мысли вслух на красном крыльце российского дворянина Силы Андреевича Богатырева». После разгрома русской армии при Фриланде и унижительного для России Тильзитского мира произведение Ростопчина звучало столь же остро, что и выступления Фихте, и получило не меньшую известность (оно

¹ Цит. по: *Альтшуллер М.* Беседа любителей русского слова. У истоков русского славянофильства. М., 2007. С. 332.

² Цит. по: Национальная идея в Западной Европе в Новое время / Ред. В.С. Бондарчук. М., 2005. С. 412.

вышло огромным по тем временам тиражом в 7 тысяч экземпляров). И хотя простодушный Сила Андреевич не знаком с философией, слова, вложенные в его уста Ростопчиным, несут абсолютно тот же смысл, что и построения немецкого философа.

Сила Богатырев возмущается, наблюдая «молодежь одетую, обутую по-французски, и словом, и делом, и помышлением французскую», и призывает вернуться к истокам: «всё по-французски, всё на их манер; пора уняться. Чего лучше быть русским?» Сила Андреевич шокирован кровавым рождением французской нации и ее последующей экспансией: «вить что, проклятые, наделали в эти двадцать лет! Сперва стали умствовать, потом спорить... начальство уничтожили, храмы осквернили, царя казнили... Мало показалось своих резать, стрелять... опрокинулись к соседям и почали грабить и душить немцев и венгерцев, итальянцев и гишпанцев». И дальше он продолжает уже про Наполеона: «Италию разграбил, двух королей на острова отправил... пруссаков донага раздел и разул, а всё мало! он-таки лезет вперед на русских!»³ Силе Богатыреву остается призвать русскую нацию к обороне и воскликнуть: «ура, русские! Вы одни молодцы».

Этот первый манифест русского национализма, написанный нарочито простоватым языком, так бы и остался историческим курьезом, если бы его автор, Федор Ростопчин, пять лет спустя, в 1812 г., накануне вторжения Наполеона, не стал бы московским градоначальником. На этом ключевом посту он получил возможность воплотить свой национализм на практике, мобилизуя общество на борьбу с неприятелем. Депортация французов и, главное, знаменитые *афишки*, которыми Ростопчин поднимал в простонародье боевой дух — всё это обернулось пер-

вым проявлением русского массового национализма, который, как и всякий другой национализм, насаждался сверху. Ростопчин презрел сословные границы, чем шокировал многих своих современников-дворян, и непосредственно обратился ко всем московским обывателям, от купцов до приезжающих в город крестьян. Как восклицал Ростопчин в одной из афишек, «все мы одним крестом молимся, все мы братья родные»⁴.

Русская теория партизана

Ростопчин был одним из тех, кто наиболее громогласно провозгласил принципы народной партизанской войны. В конце августа, после Бородинского сражения, когда стало ясно, что регулярные войска оказались не способны разбить противника, Ростопчин воззвал посредством своих афишек к *иррегулярной войне народа*. «Хорошо с топором, недурно с рогатиной, а всего лучше вилы-тройчатки: француз не тяжелее снопа ржаного», — призывал он к сопротивлению крестьян Московской губернии. «Готовьтесь с чем бы то ни было: с косой, серпом, топором, дубиной и рогатиною! Неситесь!.. поражайте злодея козненного!.. пса гладного!»⁵. *Впервые война стала национальной, а следовательно, войной тотальной, войной всего народа, которая должна вестись любыми средствами вплоть до полного уничтожения противника.*

Призывы к тотальной, неограниченной войне явились непосредственным ответом на появление во Франции мобилизационной национальной армии. Как писал Карл фон Клаузевиц, «пока все надежды возлагали на очень ограниченные вооруженные силы, в 1793 г. появилась такая сила, о которой никто не имел представления. Вдруг война

³ Ростопчин Ф.В. Ох, французы! М., 1992. С. 148–152.

⁴ Цит. по: Мещерякова А.О. Ф.В. Ростопчин: у основания консерватизма и национализма в России. М., 2007. С. 158.

⁵ Там же. С. 162.

стала делом народа, и притом народа, исчисляемого тридцатью миллионами, среди которого каждый считал себя гражданином государства... Через участие в войне всего народа (а не Кабинета и Армии) значение приобрела вся нация со всем ее весом. Теперь доступные силы, те силы, которые могли быть призваны, были беспредельны, теперь *ничто не сдерживало той энергии, с какой можно было вести войну*⁶.

Благодаря конскрипциям в наполеоновской Франции все граждане мужского пола от 20 до 25 лет стали потенциальными солдатами. Срок службы равнялся пяти годам, и, хотя в военное время демобилизация в связи с истечением срока службы не проводилась, французские солдаты не чувствовали себя оторванными от остального населения и надеялись вернуться к гражданской жизни. Национальное государство стирало грань между армией и народом (об этом есть замечательная работа Жерара де Пюимежа «Шовен, солдат-землепашец»). В России же, напротив, к 1812 г. армия фактически была замкнутой корпорацией, рекруты в нее призывались на 25 лет и навсегда выпадали из обычной жизни. Созыв народного ополчения, провозглашение партизанской войны и раздача оружия населению — короче, всё, чем занимался Ростопчин незадолго до вступления Наполеона в Москву — было призвано компенсировать разрыв между профессиональной армией и народом, свойственный Российской империи, как и любому другому донациональному государству.

Когда Фихте сделал национальное воспитание центральной идеей «Речей к немецкой армии», это тоже было отнюдь не случайно. Национальное воспитание у Фихте в обстановке французской оккупации было прозрачным намеком на необходимость всеобщей

военной мобилизации немецкого народа. В юношах, прошедших школу национального воспитания, говорит философ, государство «располагало бы войском, какого не выдвигала еще ни одна эпоха истории». «Государство может, когда пожелает, призвать и поставить таких юношей под ружье, и может быть уверено, что никакой враг их не одолеет»⁷. Однако проект всеохватного национального образования в тогдашних условиях был явно утопичен, и немецкая интеллигенция, подобно русской, обратилась к другой форме национальной мобилизации — к партизанской войне.

Через год после афишек Ростопчина, в апреле 1813 г., необходимость партизанской войны была провозглашена прусским эдиктом о ландштурме. Эдикт, подписанный прусским королем, призывал сопротивляться врагу всеми доступными средствами и настоятельно рекомендовал использовать топоры, вилы, косы и дробовые винтовки. Однако, несмотря на всё сходство ситуации в Пруссии и России, Карл Шмитт в своем сочинении о партизанстве счел возможным противопоставить русским реалиям прусскую теорию партизана, над которой работал Клаузевиц, корреспондент Фихте. «Русская партизанская война 1812 г. была стихийным, автохтонным движением набожного народа, чья религиозная традиция не испытывала влияние философского духа революционной Франции и была в этом отношении *слаборазвита*»⁸, — полагает Шмитт, который сближает по степени этой интеллектуальной неполноценности Россию и Испанию.

Действительно, испанская герилья 1808–1814 гг. одинаково вдохновляла как немецких, так и российских интеллектуалов. Когда в конце авгу-

⁶ Цит. по: *Тилли Ч.* Принуждение, капитал и европейские государства 990–1992 гг. М., 2009. С. 130.

⁷ *Фихте И.Г.* Речи к немецкой нации (1808). М., 2008. С. 203.

⁸ *Шмитт К.* Теория партизана. М., 2007. С. 70.

ста 1812 г. Федор Ростопчин приказал сжечь свое имение Вороново, чтобы оно не досталось наступающим французам, он не скрывал, что руководствуется примером «испанских патриотов». Хотя русские последовали испанцам на практике, но, как считает Шмитт, лишь немцам удалось осмыслить испанский опыт *в теории*: «искра, залетевшая в 1808 г. из Испании на север, нашла в Берлине теоретическую форму, которая дала возможность сохранить ее горение и передать ее дальше в другие руки»⁹. Однако мнение Шмитта о *стихийном русском партизанстве, не предвосхищенном теоретически*, явно ошибочно.

Русское образованное общество осмыслило феномен испанского партизанства и вполне сознательно перенесло его на русскую почву. Как писал дипломат Григорий Александрович Строганов в предисловии к книге статс-секретаря Фердинанда VII дона Педро Цеваллоса, посвященной испанской войне и опубликованной с июля по сентябрь 1812 г. в официальной газете российского МИДа: «испанцы предприняли войну, существенно отличающуюся от всех других политических войн. В политических войнах, ведущихся между цивилизованными государствами, подчиненными законным королям, воюют армии, а народы живут в мире. Но в войне захватнической, когда речь идет о защите своих очагов, храмов, могил предков и свободы, воюют все: мужчины, женщины, подростки. *Вся ненависть и всё зло, которое может обернуться против тирана и его сообщников, становится священной обязанностью*»¹⁰.

Национальная война требовала священной ненависти. Когда Ростопчин в

своих афишках призывал поднимать французов на вилы, он прекрасно отдавал себе отчет в том, что он делает. Когда на страницах журнала «Сын Отечества», издаваемого петербургскими поэтами и художниками, появлялись картинки, на которых «русская героиня-девица, дочь старостихи Василисы» протыкала вилами французского солдата, это тоже делалось осознанно. Российские интеллектуалы, поняв, что война сделалась национальной, начали добиваться от всех групп населения, даже от женщин и подростков, тотальной ненависти к врагу. Посредством афишек, манифестов и лубков русские интеллектуалы спускали в народные массы образ иррегулярной войны.

Так что русское партизанство, вопреки Шмитту, не было стихийным процессом. Оно, как и в Пруссии, имело свое теоретическое измерение. Но если в Пруссии призыв взяться за топоры и вилы так и остался чистой теорией, то в России теория сомкнулась с практикой. Русский народ в 1812 году приобщился к первой полноценной национальной войне. Эта задорная война священной ненависти нашла свое отражение в веселых лубках, на которых русский мужик Вавило Мороз дубасил французов, а бабушка Спиридоновна их конвоировала. Эти лубки еще долгие годы украшали кабаки и крестьянские избы, напоминая о первых проявлениях русского национального чувства.

* * *

После окончания наполеоновских войн европейские монархи во главе с Александром I судорожно пытались вернуться к старым порядкам и загнать националистического джина в бутылку Венской системы. Но и националисты, разбуженные Наполеоном, не собирались сдаваться. В России стали бурно развиваться националистические декабристские организации. Тайные общества декабри-

⁹ Там же. С. 75.

¹⁰ Цит. по: Парсамов В.С. К генезису политического дискурса декабристов. Идеология «народная война» // Декабристы: Актуальные проблемы и новые подходы / Ред. О.И. Киньявская. М., 2008. С. 159–194.

стов, подобно своим немецким и итальянским аналогам в лице Тугендбунда («Союза добродетели») и карбонарских вент, стремились продвигать республиканский национализм вопреки абсолютистской реакции.

Прошли годы, и семена национализма дали свой урожай. На карте Европы одно за другим начали появляться

национальные государства. И только русскому национальному государству возникнуть было не суждено. Ново-рожденный русский национализм, по-детски резвившийся в 1812 году и затем взлелеянный декабристами, вскоре был похищен из колыбельки и подменен горбатым имперским уродцем. Но это уже другая история.

НОВАЯ КНИГА ИЗДАТЕЛЬСТВА «СКИМЕНЬ»

Александр Храмов. «Катехизис национал-демократа»

В книге молодого политика и публициста Александра Храмова затрагивается проблематика отношений нации и империи в российской истории, рассматриваются особенности и генезис российского федерализма. Что такое русский демократический национализм, возможно ли трансформировать Российскую Федерацию в русское национальное государство — на эти и другие вопросы автор пытается дать ответ в рамках национал-демократической парадигмы. Книга предназначена широкому кругу читателей, интересующихся историей и современным политическим процессом в России.

По вопросам распространения и приобретения: 8-964-580-1912, lasido@mail.ru (Надежда Шалимова).

Аркадий Минаков

ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС

«РУССКОЙ ПАРТИИ»

Выдающуюся роль в событиях 1812 года сыграли русские консервативные националисты, лидеры так называемой «русской партии». Особо стоит выделить заслуги А.С. Шишкова, Ф.В. Ростопчина, С.Н. Глинки.

* * *

Адмирал Александр Семенович Шишков, несмотря на болезни и возраст, оставался еще весьма живым и деятельным человеком, производящим яркое и глубокое впечатление на окружающих. В воспоминаниях Э. Арндта, сотрудника фон Штейна, Шишков описан очень характерно: «Шишков был великий оригинал, истый русский и, как сдаётся мне, — самого лучшего закала. В нем выразился основной тип его народа — веселость, шутливость и неописанная ловкость как в телодвижениях, так и в игре физиономии. В нем должно быть нечто Суворовское, — шестидесятипятилетний старец, скорее худощавый, чем полный, с лицом весьма характерным, чертами ироническими с быстротою, невиданною мною ни на каком другом лице»¹.

На посту государственного секретаря Шишков должен был находиться при императоре в качестве личного секретаря для составления манифестов, указов и других бумаг канцелярии Александра. Обязанности государственного секретаря по Государственному Совету переданы были старше-

му из статс-секретарей — А.Н. Оленину. Манифесты, написанные Шишковым, зачитывались по всей России. Фактически он блестяще выполнил роль главного идеолога и пропагандиста Отечественной войны 1812 г. Составленные им манифесты, являясь откликами на все ее важнейшие события, поднимали дух русского народа, усиливали и укрепляли его патриотический дух, поддерживали в тяжелые дни поражений. В воспоминаниях почитателя Шишкова С.Т. Аксакова говорится о том, что «писанные им манифесты действовали электрически на целую Русь. Несмотря на книжные, иногда несколько напыщенные выражения, русское чувство, которым они были проникнуты, сильно отзывалось в сердцах русских людей»². А.С. Стурдза отмечал: «он написал чистым языком множество манифестов, в которых отразилось все изумительное величие тогдашних событий. И таким образом водимое любовью к отечеству перо Шишкова врезало неизгладимые черты на скрижалях нашей современной истории»³.

Оценки Аксакова и Стурдзы — это оценки единомышленников Шишкова, но даже и литературные противники вице-адмирала иногда вынужде-

² Аксаков С.Т. Воспоминания об А.С. Шишкове // Собр. соч.: В 5 т. М., 1986. Т. 2. С. 276.

³ Стурдза А.С. Беседа любителей русского слова и Арзамас в царствование Александра I и мои воспоминания // Москвитянин. 1851. №21. Ноябрь. Кн. 1. С. 9.

¹ Арндт Э.М. Из воспоминаний о 1812 году // Русский Архив. 1871. Кн. 1. Стлб. 092–093.

ны были признать востребованность манифестов народом и обществом. В 1841 г. П.А. Вяземский вспоминал: «Во время оно мы смеялись нелепости его манифестов <...> но между тем большинство, народ, Россия, читали их с восторгом и умилением, и теперь многие восхищаются их красноречием; следовательно они были к стати»⁴.

Буквально с первых же дней, не в последнюю очередь благодаря формулировкам в официальных документах А.С. Шишкова, выражавшего, как представлялось общее мнение, война начинает восприниматься как столкновение двух миров с диаметрально противоположными приоритетами. Растрепанная Франция настойчиво противопоставлялась благоденствующей в мире и тишине России, русское понимание свободы как национальной независимости — французскому «своеволию», восходящему к революционным понятиям, русские «коренные добродетели» — французскому «безверию и разврату»⁵. В манифестах Шишкова французы и Наполеон изображались как порождение дьявольского начала, как средоточие мирового зла, а революция — как вселенская катастрофа. Противостояли этим явлениям те ценности, которые были дороги Шишкову и его единомышленникам: самодержавная монархия, православие, русский патриотизм.

Среди основных мыслей, которые развивал в своих манифестах Шишков, активно внедряя в сознание всех сословий консервативно-патриотические настроения, следует выделить следующие: русские стоят «за веру против безверия, за свобо-

ду — против властолюбия, за человечество — против зверства. Бог видит нашу правду!»⁶. О цели войны Шишков заявлял: «всеобщая война сия была не о землях или границах: главное дело состояло в том, чтоб привести все царства в прежнее их состояние, низринуть беззаконие, воцарить истину и благонравие, низложить пример соблазна, восстановить права народные, снять с них руку насильственного преобладания и потушить пожар лжи и пороков, угрожавших во всем свете пожрать правду, любовь к отечеству и добродетель»⁷. Конечно, ключевыми словами в данном случае являются: «привести все царства в прежнее их состояние». После падения Наполеона Шишков предлагал уничтожить все следы революции и даже Просвещения во Франции⁸.

Разумеется, сама ситуация беспрецедентной по масштабам войны позволила Шишкову открыто демонстрировать и поощрять презрение и ненависть к французам, которые, с его точки зрения, являлись безбожным и развращенным народом, легко поддавшимся влиянию разрушительных идей. Обличение галломании стараниями Шишкова превратилось в одну из главных государственных задач: «Долго мы заблуждались, почитая народ сей достойным нашей приязни, содружества и даже подражания. Мы любовались и прижимали к груди нашей змею, которая, терзая собственную утробу свою, проливала к нам яд свой и наконец за нашу к ней признательность и любовь всезлостью жалом своим уязвляет»⁹. Русские с их славной историей и добродетелями противопоставлялись французам, причем даже мародерство

⁴ Вяземский П.А. Записная книжка. 1813–1852 гг. // Собрание сочинений. СПб., 1884. Т. IX. С. 195.

⁵ Бокова В.М. Беспокойный дух времени. Общественная мысль первой трети XIX в. // Очерки русской культуры XIX века. Т. 4. Общественная мысль. М., 2003. С. 76.

⁶ Шишков А.С. Записки, мнения и переписка. Берлин. 1870. Т. 1. С. 183.

⁷ Там же. С. 265.

⁸ Мартин А. «Допотопный» консерватизм Александра Семеновича Шишкова // Консерватизм: идеи и люди. Пермь, 1998. С. 62.

⁹ Шишков А.С. Указ. соч. Т. 1. С. 442

в русской армии трактовалось как следствие злокозненного иностранного влияния.

Написанием текстов политическая роль Шишкова не исчерпывалась. В первые же дни войны он предпринял инициативу, которую описывают все историки войны 1812 г., отмечая ее позитивный эффект. К примеру, Е.В. Тарле отмечал, что Шишков оказал армии важную услугу¹⁰. Шишков был введен Александром I в состав комитета «для отправления государственных дел», в который, помимо Шишкова, были включены несколько лиц из его самого ближайшего окружения, в частности, А.А. Аракчеев и А.Д. Балашов. Обстоятельства создания комитета подробно описаны в «Записках» Шишкова.

Главным деянием комитета было удаление императора из действующей армии, инициатором чего и выступил Шишков. Он считал, что в ситуации, когда руки Барклая де Толли, с одной стороны, были скованы присутствием императора, а с другой — когда вождем армии для общества выступал император, это делало ситуацию очень уязвимой: «вся Россия, не предворенная и не приготовленная к толь близкой опасности, обеспечивалась обороною войск, предводимых самим государем; и ежели бы <...> неприятель, против всякого ее чаяния, разбил и преследовал нас, то скорым и внезапным появлением своим пред воротами столицы распространил бы он повсюду самых надежных поборников своих — страх и ужас, или тут же на месте принудил бы заключить с ним постыдный мир»¹¹.

При этом Шишков имел серьезные основания опасаться, что самолюбивый и тщеславный император может разгневаться на него в том случае, если он попытается довести до него эту точку зрения: «Некоторые даже утверж-

дали, что если кто сделает ему такое предложение то он сочтет его преступником и предателем»¹². Преодолев страх, Шишков составил текст письма и согласовал его с Балашовым и Аракчеевым, которые также поставили под ним свои подписи, причем Аракчеев «взялся, как скоро можно будет отдать оное государю»¹³. С этим эпизодом связан апокриф о якобы антипатриотической мотивации Аракчеева, который вышел из-под пера Е.Ф. Комаровского¹⁴, состоявшего в то время инспектором внутренней стражи и также находившегося при главной квартире¹⁵. «Когда Шишков и Балашов представляли графу Аракчееву, что необходимо государю ехать в Москву, и что это единственное средство спасти отечество, граф Аракчеев возразил: “Что мне до отечества! Скажите мне, не в опасности ли государь, оставаясь долее при армии?”. Они ему отвечали: “Конечно, ибо если Наполеон атакует нашу армию и разобьет ее, что тогда будет с государем? А если он победит Барклая, то беда еще не велика!”. Это заставило Аракчеева идти к государю и упросить его величество на отъезд из армии. Можно сказать, что душа и чувства графа Аракчеева были совершенного царедворца и были чужды любви к отечеству»¹⁶.

Тактическое и своевременное «удаление» из армии императора в ночь с 6 на 7 июля сыграло положительную роль в войне, развязав руки Барклаю де Толли, а затем и Кутузову. Так, П.К. Щебальский даже заявлял в связи с этим, что эта акция «сообщила начавшейся войне ее исключительный, величественный и грозный характер <...> положено было начало народному ха-

¹² Там же. С. 140.

¹³ Шишков А.С. Там же. С. 141.

¹⁴ [Комаровский Е.Ф.] Из записок генерал-адъютанта графа Е.Ф. Комаровского // Русский Архив. 1867. Стлб. 774.

¹⁵ Шишков А.С. Записки...Т. 1. С. 141.

¹⁶ Там же. С. 142.

¹⁰ Тарле Е.В. Нашествие Наполеона на Россию 1812 года. М., 1992. С. 59–61.

¹¹ Шишков А.С. Записки... Т. 1. С. 139.

рактору войны Двенадцатого года»¹⁷. Однако подобные оценки представляются явным преувеличением.

Шишков принадлежал к тем, кто считал, что к концу 1812 г. задача русской армии была в основном выполнена, поскольку в пределах России Наполеон был разгромлен. Он не был сторонником заграничного похода, о чем высказывался в частных разговорах. Кутузов также был противником зарубежного похода, причем многие генералы были с ним согласны¹⁸.

Накануне заграничного похода, в Вильно, у Шишкова состоялся разговор с Кутузовым, который он подробно передал в своих записках: «Зачем продолжать ее (войну. — А.М.), когда она кончена? Можно ли предполагать, что Наполеон, пришедши сюда со всеми своими и европейскими силами, и сам, по истреблении всех его полчищ и снарядов, насилу отселе ускоривший, может покуситься вторично сюда придти?». Кутузов отвечал, что этого не будет: «Довольно и одного раза быть так отпотчивану». Шишков выразил сомнение в дееспособности немецких союзников России: «не будучи в них уверены, мы идем единственно для них, оставляя сгоревшую Москву, разгромленный Смоленск и окровавленную Россию без призрения, с новыми надобностями требовать от ней и войск и содержания их». При этом он задавался логичным вопросом: «Для чего бы не остаться нам у себя в России, предлагая утесненным державам, чтоб они воспользовались удобностью случая освободить себя из-под ига Франции? Можно, если они ополчатся, обещать им вспомоществование частью наших войск, как Павел I помогал Австрии, послав к ней Суворова с войсками, но не участвуя в том всем

своим царством. Тогда, если б и последовали какие неуспехи, уважение других держав к могуществу России, особливо же низложением исполинских Наполеоновских сил приобретенное, нимало бы через то не уменьшилось». На это Кутузов отвечал, что он и сам так думает, однако «государь предполагает иначе и мы пойдем далее». При этом Кутузов признался, что не может противостоять царю: «когда он докажет, что мои оспорить не может, то обнимет меня и поцелует; тут я заплачу и соглашусь с ним»¹⁹.

Оценивая позицию Кутузова, Шишкова и Ростопчина, великий князь Николай Михайлович писал: «кажется, они были правы, и с точки зрения интересов России казалось выгоднее не вмешиваться в дела Европы. Будущее показало весьма скоро, что такое мнение имело свои основания, и что России последующие войны принесли мало пользы, а скорее даже вред»²⁰.

В декабре 1812 г. Шишков был награжден орденом Александра Невского «за примерную любовь к отечеству», а в 1813–1814 гг. сопровождал русскую армию в заграничном походе. Он по-прежнему составлял тексты манифестов, причем они пользовались популярностью не только у русских. В своих позднейших записках Шишков вспоминал, что «манифесты наши в немецких краях с жадностью читаются, возбуждают дух народный и производят великое действие над умами»²¹.

В тот период антифранцузские настроения охватили практически все русское общество. Наполеону за несколько месяцев удалось сделать то, что Шишков не мог сделать за многие годы. В.К. Надлер, опирающийся на свидетельства современников, отмечал по этому поводу: «Высшие классы нашего общества внезапно переродились;

¹⁷ *Щебальский П.К.* А.С. Шишков, его союзники и противники // *Русский Вестник.* 1870. Т. 90. № 11–12, pag. 1. С. 202.

¹⁸ *Добнар-Запольский М.В.* Обзор новейшей русской истории. Киев, 1914. Т. 1. С. 170.

¹⁹ *Шишков А.С.* Записки... Т. 1. С. 167–168.

²⁰ *Великий князь Николай Михайлович.* Император Александр I. М., 1999. С. 110.

²¹ *Шишков А.С.* Записки... Т. 1. С. 176.

из французов и космополитов они вдруг превратились в русских. Дамы и светские кавалеры вдруг отказались от французского языка. Они начали говорить по-русски и с удивлением замечали, что говорить на родном языке для них легче и что русский язык совершенно удобен для употребления в гостиницах. Французская мода также подверглась всеобщему гонению. Многие дамы поспешили нарядиться в сарафаны, кокошники и повязки; мужчины начали носить серые ополченские кафтаны. В Петербурге никто не хотел более слышать французских актеров; толпа встречала их неистовым свистом, криком, ругательствами и гнала их со сцены. Правительство поспешило закрыть французский театр»²². Однако подобного рода галлофобия оказалась сравнительно кратковременным явлением.

В записках Шишкова в связи с этим приводится весьма характерный эпизод. В начале 1813 г. М.И. Кутузов (его Шишков назвал в «Записках» «почтенным впрочем, но приверженным к иностранным нравам и обычаям вельможею») в одном из разговоров заявил: «если мы бросим французский язык, перестанем отдавать детей наших на воспитание им и прогоним от себя театральные французские зрелища, то впадем в прежнюю неуклюжесть и невежество»²³. Вскоре после этого Кутузов во время обеда у Александра I начал ходатайствовать «за французский театр, чтоб, невзирая на военные обстоятельства, позволить ему в Петербурге (для чего уже и не на пепле сожженной Москвы!) продолжаться по-прежнему, приводя в доказательство сей необходимой надобности то, что спектакль их в совершенстве, что мы давно привыкли им услаждаться, и что русские наши

актеры никогда не могут сравниться с французскими»²⁵.

Реакция Шишкова была вполне предсказуема: «Как! думал я, это перед русским царем говорил тот, кто сам рожден от русского отца, дворянина посредственного состояния, воспитан дома без чужеземных дядек, одарен разумом, приобрел познания, достиг сам собою до высокого сана, и при всем этом думает, что Россия, без французского воспитания и спектаклей их, не может быть просвещенной! Утверждая, что русские актеры, или по-нашему лицедеи, не могут никогда сравниться с французскими, не зная почему не утверждать того же о русских живописцах, ваятелях, зодчих, судьях, полководцах и проч. и проч.»²⁶.

Галлофобия Шишкова имела оборотной стороной нежелание вообще входить в соприкосновение с врагом на его собственной территории, дабы избежать массового воздействия на армию и общество его культуры, начиная от идей и заканчивая устройством быта. 6 ноября 1813 г. он написал Александру эмоциональное письмо, умоляя его не переходить Рейн и не продолжать войну во Франции. По его словам, «самой безопаснейшей и нужнейшей оградой» для России было «исцеление внутренних ран и восстановление сил своих»²⁷. Война за освобождение Германии еще могла быть полезна, поскольку «неукротимый и дерзкий враг уменьшался в силах своих <...> восстанавлился оплот между им и нами <...> великодушно и достойно всякой чести и славы — исторгнуть невинную жертву из когтей лютого хищника»²⁸. Однако посылать армию во Францию было, с точки зрения Шишкова, бессмысленно и рискованно.

В начале 1814 г. Шишков составил проект манифеста, который, однако,

²² *Надлер В.К.* Император Александр I и идея Священного Союза. Т. 2. Рига, 1886. С. 13.

²³ *Шишков А.С.* Записки... Т. 1. С. 176.

²⁴ Там же. С. 176–177.

²⁵ Там же. С. 177–178.

²⁶ Там же. С. 178.

²⁷ Там же. С. 239.

²⁸ Там же. С. 239–240.

так и не был опубликован. В нем Шишков еще раз изложил свои представления о французах как концентрированном мировом зле. Его галлофобия достигла в этом документе наивысшего пика: «Истребление всех вас с лица земли не удовлетворит достаточно правосудию»²⁹.

В тексте этого документа Шишков не допускал и мысли, что за преступления наполеоновского режима должны нести ответственность конкретные лица, а не французский народ как единое целое, даже — единое тело и душа, утратившая веру: «Тщетно во всех сих лютостях станете вы обвинять одного Наполеона. Нет! Вы прежде него показали до какой степени разврата и свирепства безверие довело нравы ваши; оно издавна между вами посеянное росло, распространялось и созревало; оно, одержав над вами силу, из глубины ада извергало к вам воспитанников и любимцев своих Маратов, Робеспьеров, и, наконец, послало Наполеона. Вы для того избирали их владыками над собою, что видели в них ум самый зловреднейший, сердце самое жестокое. Такой человек надобен вам был для заглушения гласа любви к человечеству, для погашения в сердцах ваших последних искр благонравия, и для соединения всех вас во одно злоторное тело и душу <...> Каким образом при общих богопротивных поступках ваших различить между вами доброго с худым, правого с виноватым? <...> Неразрывная связь ваша с Наполеоном и ревностное ему служение делают имя ваше нераздельным с его именем»³⁰.

Тем не менее, несмотря на столь суровую оценку французов, Шишков призывал их к восстанию: «решитесь свергнуть с себя иго беззаконной власти; престаньте, повинувшись разбойнику, носить на себе постыдное имя слугителей его!»³¹.

Воззвание не было опубликовано, конечно, не случайно. Сам Шишков в «Записках» сопроводил его следующим комментарием: «Читатель да простит мне помещение здесь сего мечтательного и пустого провозглашения моего: оно конечно отзывается тем отвращением или лучше сказать омерзением, какое чувствовал я всегда ко многим издаваемым французскими писателями злочестивым сочинениям, распространившим между ими безверие и безнравственность, за которыми последовали гнусные, богомерзкие дела их <...>. К сим чувствам моим, питаемым при болезни моей в скуке и уединении, присовокуплялись еще тревожившие меня слухи обо успешных действиях Наполеона, о переговорах с ним, о принятии всею Францией сильных мер к обороне своей, и тому подобным»³².

В любом случае не следует думать, что Шишков всерьез мог помыслить об «истреблении» французов. В других его воззваниях к русским войскам, напротив, содержались призывы к гуманному отношению к поверженному противнику: «Вы — Русские! Вы — Христиане! <...> Я не угрожаю вам наказаниями; ибо знаю, что никто из вас не подвергнется оным. Вы видели в земле нашей грабителей, расхищавших дома невинных поселян. Вы праведно кипели на них гневом, и наказали злодеев! Кто ж захочет им уподобиться? Если же кто, паче чаяния, таковой сыщется да не будет он Русский! Да исторгнется из среды вас!»³³.

Значение манифестов Шишкова точно отметил М.Г. Альтшуллер: «Написанные от имени царя и правительства манифесты дали Шишкову уникальную возможность изложить свою политическую программу не только перед образованными искусственными в политике интеллигентными дворянами, но и перед всем народом. Он остал-

²⁹ Там же. С. 271.

³⁰ Там же. С. 271–272.

³¹ Там же. С. 277.

³² Там же.

³³ Там же. С. 173.

ся в этих пламенных воззваниях верен своим излюбленным идеям»³⁴.

2 апреля 1813 г. умер Президент Российской Академии А.А. Нартов. При получении этого известия Шишков обратился к императору, заявив, что «охотно принял бы на себя сие звание, если б это мое желание не противно было его величеству». Император «лестно и милостиво отозвался, что он со свечкой не съест лучшего человека, и приказал заготовить указ, который тогда же и подписал»³⁵.

30 августа был подписан «милостивый манифест», в котором подводился итог войне 1812 г года и заграничным походам следующих годов, перечислялись «отличные и важные заслуги» всех сословий страны. Во время редактирования этого документа между императором и Шишковым произошел конфликт из-за порядка перечисления сословий в манифесте. Шишков перечислял их в следующем порядке: «священнейшее духовенство», «благородное дворянство», «именитое купечество», «почтенное мещанство и крестьянство» и «победоносное воинство». Александра I настоял на том, чтобы «дворянство» и «воинство» были переменены местами. Но в еще большей степени возмутили императора слова Шишкова о связи между помещиками и крестьянами, «на обоюдной пользе основанной», которые Александр вычеркнул из второго варианта манифеста³⁶.

Этот документ ознаменовал конец его карьере государственного секретаря: 30 августа датирован указ Сенату о

назначении вице-адмирала, «в воздаяние долговременной ревностной службы и трудов, понесенных в минувшую войну», в департамент законов Государственного Совета³⁷. Обязанности государственного секретаря, ранее разделенные между А.Н. Олениным, который исправлял эту должность, со времени отставки М.М. Сперанского представляя императора в Совете, и Шишковым, состоявшим в этом звании непосредственно «при особе государя» и трудившимся над «изложением <...> монарших повелений»³⁸, целиком перешли к Оленину. Впоследствии Шишков по просьбе Александра неоднократно выступал в роли «уст монарших», но если за два года и почти пять месяцев его официальной деятельности в качестве государственного секретаря число написанных им манифестов, приказов и рескриптов перевалило за восемьдесят, то в последующие годы из-под его пера вышло не более двух десятков такого рода текстов³⁹.

Шишков сыграл свою роль, она была очень значительной, но больше его национализм не был востребован на государственном уровне, начиналась эпоха Священного союза и религиозно-мистических экспериментов, окрашенная в космополитические тона.

* * *

С 11 июля 1812 г. начался торжественный визит царя в Москву. 15 июля собрание дворянства и купечества Москвы выразило «твердую решимость спасти Россию пожертвованиями и людьми». Александр I писал о результатах этого собрания следующее: «В Москве одна сия губерния дает мне десятого с каждого имения, что со-

³⁴ *Альтшуллер М.* Беседа любителей русского слова. У истоков русского славянофильства. М., 2007. С. 347.

³⁵ *Шишков А.С.* Записки... Т. 1. С. 207.

³⁶ *Лямина Е.* Новая Европа: мнения «детального очевидца». А.С. Стурдза в политическом процессе 1810-х годов // Россия. Russia. Культурные практики в идеологической перспективе. Россия, XVIII — начало XX века. М.—Венеция, 1999. С. 139.

³⁷ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива первого отделения Собственной его императорского величества канцелярии. СПб., 1891. Вып. 4. С. 78.

³⁸ *Шишков А.С.* Записки... Т. 1. С. 120.

³⁹ *Лямина Е.* Указ. соч. С. 137–138.

ставит до 80 000, кроме поступающих охотою из мещан и разночинцев. Денег дворяне жертвуют до трех миллионов, купечество же слишком до десяти. Одним словом, нельзя не быть тронутым до слез, видя дух, оживляющий всех, и усердие и готовность каждого содействовать общей пользе»⁴⁰.

Несомненно значительная роль Ф.В. Ростопчина, ставшего с началом войны московским генерал-губернатором, в создании атмосферы подобного энтузиазма. 19 (31) июля 1812 г. император заявил Ростопчину: «Я даю вам полную власть действовать, как сочтете нужным. Как можно предвидеть в настоящее время, что может случиться? Я полагаюсь на вас». — «Он, — вспоминал Ростопчин, — оставил меня полновластным распорядителем, вполне облеченным его доверенностью и в чрезвычайно затруднительном положении покинутого импровизатора, которому дали задачу: Наполеон и Москва»⁴¹.

Повседневные обязанности Ростопчина были связаны с поддержанием жизни столицы и обеспечением всем необходимым армии. Благодаря искусному использованию патриотической риторики, обращенной к дворянству и купечеству, Ростопчин обеспечил сбор богатейших пожертвований на нужды армии. По оценке Н.Ф. Дубровина, «в первое время пожертвования были невероятны»⁴². Немалую роль сыграл он и в создании народного ополчения. Ростопчин возглавил комитет для организации московского ополчения. Помимо этого, он возглавил организацию ополчений в шести губерниях: Тверской, Ярославской, Владимир-

ской, Рязанской, Калужской и Тульской.

«Всякий, даже самым поверхностным образом знакомый с формированием какой-либо новой части войск, может себе легко представить, — какая масса забот и какая переписка возлагалась <...> на Ростопчина не только по одному набору ополченцев, но и по обмундированию, вооружению и снаряжению их и затем дальнейшей отправке их по сношениям с главнокомандующим, — более 106 тыс. ратников по семи губерниям, — писал автор неопубликованной биографии Ростопчина П.М. Майков. — Только при неутомимой деятельности Ростопчина, его железной воле и настойчивости могла быть собрана и организована в несколько недель та новая военная сила, которая вскоре вступила в бой с неприятелем, пополняя собою немалые убыли в полках действующей армии»⁴³.

Кроме формирования ополчения, Ростопчин ведал также размещением и лечением раненых, поступавших из армии⁴⁴.

О деятельности Ростопчина Карамзин замечал в письме к И.И. Дмитриеву: «Хорошо, что имеем Градоначальника умного и доброго, которого искренно люблю как патриот патриота»⁴⁵.

18 сентября 1812 г. царь уверял в письме великую княгиню Екатерину Павловну, что к решению назначить главнокомандующим Кутузова его окончательно подтолкнуло письмо Ростопчина от 5 августа, где последний говорил, что «в Москве все за Кутузова, не считая Барклая и Багратиона годными для главного начальства, и

⁴⁰ Цит. по: Шильдер Н.К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. СПб., 1904. Т. 3. С. 90.

⁴¹ Там же. С. 92.

⁴² Дубровин Н.Ф. Москва и граф Ростопчин в 1812 году (материалы для внутренней стороны 1812 года) // Военный сборник. СПб., 1863. № 7. С. 124.

⁴³ РГИА. Ф. 1646. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 91.

⁴⁴ Горностаев М.В. Ф.В. Ростопчин // Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия. Воронеж, 2005. С. 126–129.

⁴⁵ Цит. по: Рожанковская И.И. Судьба одного семейства: Карамзины. Вяземские. СПб., 2008. С. 147.

когда, как нарочно, Барклай делал глупость за глупостью под Смоленском, мне не оставалось ничего другого как сдать на общее желание и я назначил Кутузова»⁴⁶. После сдачи Смоленска Ростопчин и «русская партия» сделали ставку на Кутузова.

Одной из акций, связанных с именем Ростопчина, была высылка иностранцев из Москвы; это мотивировалось тем, что «ненависть к французам и вообще ко всем иностранцам доходила до крайних пределов». Народ «обижал их на каждом шагу, при встрече на улицах, относясь даже очень недоброжелательно и нередко с дерзостью и к тем из русских, которые имели привычку говорить по-французски или на каком-нибудь иностранном языке»⁴⁷.

Высылка иностранцев не была единой инициативой Ростопчина. Еще в начале войны, во время пребывания Александра I в Дриссе, было составлено положение об иностранцах вообще, находившихся в России и оставшихся в ней с открытием военных действий. В положении этом предписывалось «выслать всех иностранцев ненадежного поведения за границу, за исключением тех, которые могли бы своими разглашениями в чужих краях вызвать неблагоприятные о внутреннем нашем положении: таковых приказано было ссылать на жительство во внутренние губернии. Оставить же иностранцев в районе военных действий или поблизости его можно было только тех, за которых губернатор мог ручаться, что они благонадежного поведения и что своими внушениями или какими-нибудь другими средствами не подадут повода к нарушению спокойствия или к совращению с пути русских подданных»⁴⁸.

На основании этого положения Ростопчин и организовал высылку из Москвы некоторых иностранцев на барке «струи волжские». «Для удовольствия народа, — писал Ростопчин в донесении А.Д. Балашову, — отобрав сорок три человека из самых замечательных по поведению и образу мыслей французов, наняв до Нижнего Новгорода барку, завтра ночью забрав, отправлю водою, а оттуда в Саратов и далее. Сухим путем отправление в десять раз стоило бы дороже».

В числе отправленных на барке французов были актеры, ремесленники, аферисты и четырнадцать человек учителей. В отношении к министру полиции от 23 августа 1812 г. Ростопчин препроводил их список характеристикой — «выборная каналья из каналий»⁴⁹.

Депортация сопровождалась экспрессивным напутствием Ростопчина: «Французы! Россия дала вам убежище, а вы не переставали злоумышлять против нее. Чтобы избежать кровопролития, не зачернить страницы нашей истории, не подражать сатанинским бешенствам ваших революционеров, правительство вынуждено удалить вас отсюда. Вы будете жить на берегу Волги посреди народа мирного и верного своей присяге, который слишком презирает вас, чтобы делать вам вред. Вы на некоторое время оставите Европу и удалитесь в Азию. Перестаньте быть негодями [mauvais sujets] и сделайте хорошими людьми, превратитесь в добрых русских граждан из Французских, какими вы до сих пор были; будьте спокойны и покорны или ждите еще большего наказания»⁵⁰.

Большие усилия затрачивал Ростопчин на формирование общественного

⁴⁶ [Александр I] Самооправдание императора Александра Павловича в письме к великой княгине Екатерине Павловне 18 сентября 1812 г. // Русский архив. 1911. Кн. 1. С. 304.

⁴⁷ Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 137.

⁴⁸ Там же. С. 138.

⁴⁹ Граф Ростопчин — Балашову. 23 августа 1812 г. Москва // Дубровин Н.Ф. Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.). М., 2006. С. 108–110.

⁵⁰ Цит. по: Попов А.Н. Москва в 1812 г. // Русский архив. 1875. № 10. С. 130–131.

мнения и военно-патриотическую пропаганду. Он «посадил по всем окрестным и городским кабакам своих запевал и краснобаев», причем «каждому из них высказывал свои ухватки, припевы и побасенки», с тем, чтобы они в свою очередь управляли мнением своих посетителей»⁵¹.

Одновременно Ростопчин выпускал знаменитые «ростопчинские афишки» (по формату они напоминали театральные афиши), информирующие и разъясняющие московскому простонародью происходящие в стране и в Москве события. Это были своего рода «мысли вслух», которыми Ростопчин хотел успокоить народ, вселить в него уверенность в русской армии, показать, что «побойчей французов твоих были поляки, татары и шведы, да тех старики наши так откачали, что и по сю пору круг Москвы курганы, как грибы, а под грибами-то их кости»⁵².

Все «афиши» были подчинены одной цели — не допустить паники среди населения столицы и, напротив, внушить уверенность в будущей победе над Наполеоном. Французы изображались в свойственной Ростопчину карикатурной манере, что, вообще говоря, является характерной особенностью русской военной пропаганды: «От капусты раздует, от каши перелопаются, от щей задохнутся, а которые в зимуто и останутся, так крещенские морозы поморят»⁵³.

Ростопчин сознательно преувеличивал известия о победах русских войск, старался сгладить сообщения о поражениях. В простонародье, в среде мещан и купечества, они читались с восторгом: «слова его были по сердцу на-

роду русскому»⁵⁴. Стоит заметить, что Карамзин с одобрением писал об «афишах» Ростопчина: «Такое единение народа и власти прекрасно! Я готов предложить вам содействие, располагайте мною и моим пером»⁵⁵. Друг и единомышленник Ростопчина генерал П.И. Багратион в письме от 22 августа 1812 г. также восторгался «афишами»: «Со слезами читал лист печатный, вами изданный. Истинный ты русский вождь и барин. Я тебя давно обожаю и давно чтил везде и по гроб чтить не перестану»⁵⁶.

П.М. Майков, автор неопубликованного исследования о Ростопчине, чьи оценки, с нашей точки зрения, отличаются меткостью и глубиной, следующим образом оценивает ростопчинские «афиши»: «Ростопчин, очевидно, должен был не только основываться, но строго держаться сообщений, получаемых им от главнокомандующих армиями (сперва Барклай де Толи и Багратиона, а позднее кн. Кутузова-Смоленского) и не мог допускать от себя каких-либо даже незначительных изменений или просто толкований этих донесений, чтобы не породить этим в народе какого-либо недоверия или даже сомнения к сообщаемым в афишах сведениям, коль скоро они являлись бы не совсем согласными с донесениями главнокомандующих императору, также во всенародное известие и тем самым вселять в народ недоверие к правительству вообще, которое именно в первоначальные минуты нуждалось более в доверии и преданности ему народа. Ростопчин, как главнокоман-

⁵⁴ Обвинников Г.Д. «И дышит умом и юмором того времени...» // *Ростопчин Ф.В. Ох, французы!* М., 1992. С. 13.

⁵⁵ Цит. по: *Рожанковская И.И.* Указ. соч. С. 153.

⁵⁶ Князь Багратион — графу Ростопчину. 22 августа 1812 г. // *Дубровин Н.Ф.* Отечественная война в письмах современников. С. 107.

⁵¹ *Дубровин Н.Ф.* Указ. соч. С. 116.

⁵² *Ростопчин Ф.В.* Афиши 1812 года, или дружеские послания от главнокомандующего в Москве к жителям ее // *Ох, французы.* М., 1992. С. 209–210.

⁵³ Там же. С. 209.

дующий Москвы, обязан был придавать этим сообщениям полную веру и в таком виде передавать их в своих афишах, что он и выполнил до того точно, что даже не по всем дошедшим до нас афишам можно восстановить главный ход совершавшихся военных событий 1812, со времени назначения Ростопчина генерал-губернатором»⁵⁷.

Что касается дворянского общества, то здесь отношение к «афишам» было неоднозначным. М.А. Дмитриев, называя их «мастерской, неподражаемой вещью», писал, что Ростопчина тогда «винили в публике: и афиши казались хвастовством, и язык их казался неприличным»⁵⁸. А.Д. Галахов считал, что ростопчинские «афиши» «принадлежат к образцовым произведениям по духу народных понятий и по чистонародному складу речи. Каждая их мысль вылита в пословицу. Они оказывали именно то действие, какого желал их автор: ободряли робких, успокаивали взволнованные умы, обуздывали самоуправство толпы и извещали о военных действиях настолько, насколько это находило нужным начальство по соображению тогдашних обстоятельств. <...> живой, бойкий язык, не стесненный рутинерством, меткое и резкое остроумие, своеобразность колкой и желчной сатиры ставят его в число немногих оригинальных писателей наших. Он, как говорится, не ходил в карман за словом и не чувствовал ложного стыда, если слово являлось крупное, под пару его крупной мысли. Легко предугадывать, что бы из него вышло, если б он посвятил себя исключительно литературе»⁵⁹.

Н.С. Тихонравов справедливо писал о том, что главной целью афиш были «чисто-практические» результаты, прежде всего — разжигание пар-

тизанской войны против французов⁶⁰. 12 августа 1812 г. Ростопчин обращается к крестьянам Московской губернии: «Готовьтесь с чем бы ни было: с косой, серпом, топором, дубиной и рогатиною!.. Неситесь!.. поражайте злодея козненного!.. Пса гладного!.. дерзнувшего потоптать ваши нивы, пожрать ваш хлеб...»⁶¹. В афише от 30 августа он призвал «молодцов и городских и деревенских», явиться «с топором, недурно с рогатиной, а всего лучше вильтройчатки: француз не тяжелее снопа ржаного»⁶². Н.Ф. Дубровин даже утверждал, что именно вследствие подобных призывов Ростопчина «поднялась всеобщая народная война»⁶³, когда неприятель вошел в Москву.

Прокламация от 20 сентября фактически содержала призыв к всеобщей партизанской войне против французов: «Крестьяне, жители Московской губернии! Враг рода человеческого, наказание Божие за грехи наши, дьявольское наваждение, злой француз, взошел в Москву!». Далее следовало красноречивое описание поведения неприятеля в древней столице, совершенно в шишковском стиле: «предал ее мечу, пламени; ограбил храмы Божии; осквернил алтари непотребствами, сосуды пьянством, посмешищем; надевал ризы вместо попон; посорвал оклады; венцы со святых икон; поставил лошадей в церкви православной веры нашей, разграбил дома, имущества; надругался над женами, дочерьми, детьми малолетними; осквернил кладбища и, до второго пришествия, тронул из земли кости покойников, предков наших родителей» и т.д.⁶⁴.

⁶⁰ Тихонравов Н.С. Гр. Ф.В. Ростопчин и литература в 1812 г. // Отечественные записки. 1854. №7. Отд. II. С. 2.

⁶¹ Цит. по: Мещерякова А.О. Ф.В. Ростопчин: у основания консерватизма и национализма в России. Воронеж, 2007. С. 162.

⁶² Ростопчин Ф.В. Афиши 1812 года. С. 218.

⁶³ Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 449.

⁶⁴ Ростопчин Ф.В. Афиши 1812 года. С. 219.

⁵⁷ РГИА. Ф. 1646. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 106–107.

⁵⁸ Цит. по: Обчинников Г.Д. Указ. соч. С. 13.

⁵⁹ Галахов А.Д. Русская патриотическая литература 1805–1812 гг. С. 25–26.

Надо признать, что это воззвание Ростопчина отличалось очень сильным эмоциональным накалом: «Истребим достальную силу неприятельскую, погребем их на Святой Руси, станем бить, где ни встренутся. Уж мало их и осталось, а нас сорок миллионов людей, слетаются со всех сторон, как стаи орлиные. Истребим гадину заморскую и предадим тела их волкам, вороньям; а Москва опять украсится; покажутся золотые верхи, дома каменные; навалит народ со всех сторон»⁶⁵.

Ростопчин предсказывает бесславный конец завоевателям: «Уж один им конец: съедят все, как саранча, и станут стенью, мертвцами непогребенными; куда ни придут, тут и вали их живых и мертвых в могилу глубокую. Солдаты русские помогут вам; который побейт, того казаки добьют; а вы не робейте, братцы удалые, дружина московская, и где удастся поблизости, истребляйте сволочь мерзкую, нечистую гадину»⁶⁶.

П.М. Майков писал: «Это воззвание Ростопчина не осталось без последствий. Вскоре началась та народная война, которая вместе с партизанскими отрядами охватила полки Наполеона со всех сторон, и, если можно так выразиться, скоро лишила их возможности двигаться»⁶⁷.

В литературе советского периода Ростопчина принято обвинять в сдерживании покидающего город населения, в позднем и неполном вывозе государственного имущества, в нерациональном использовании транспорта. Однако все эти обстоятельства были вызваны прежде всего тем, что М.И. Кутузов вплоть до 1 сентября 1812 г. заверял Ростопчина в невозможности сдачи Москвы: «ни граф Ростопчин, ни кто-либо другой, конечно, не имел никакого основания заподозрить лукавства или обмана

со стороны князя Кутузова и не имел никакого права словам его “защищать Москву и драться под ее стенами” — придавать какое-либо иное значение, кроме вытекающего из буквального смысла означенных слов»⁶⁸. Конечно, после Бородина Кутузов «продолжал еще надеяться на спасение Москвы, о чем писал бодрые письма Ростопчину и для чего распорядился избрать у стен города позицию для нового сражения 1 сентября»⁶⁹.

Поэтому можно говорить о введении в заблуждение Ростопчина Кутузовым, это не могло быть случайным недоразумением: они переписывались почти каждый день, а иногда по нескольку раз в день⁷⁰. Отношения Кутузова с Ростопчиным испортились после того, как Кутузов, вопреки ожиданиям, продолжил отступление русской армии.

В письмах к Александру I московский главнокомандующий, «осуждая бездействие и преступное, по его мнению, равнодушие фельдмаршала, с обычным ему злословием называл Кутузова старой бабой, сплетницей, которая потеряла голову и думает что-нибудь сделать, ничего не делая. Поэтому Ростопчин советовал императору для предотвращения мятежа “отозвать этого старого болвана и пошлого царедворца” <...> В письмах Ростопчина к графу П.А. Толстому встречаются еще более резкие отзывы о фельдмаршале. “Кутузов”, писал Ростопчин, “самый гнусный эгоист, пришедший от лет и развратной жизни почти в ребячество, спит, ничего не делает”.

В руководящих сферах немногие отдавали должную справедливость Кутузову и понимали значение его кажущегося бездействия, как, например, гене-

⁶⁸ Там же. Л. 100.

⁶⁹ *Гартаковский А.Г.* Неразгаданный Барклай. Легенды и быль 1812 года. М., 1996. С. 159–160.

⁷⁰ *Дубровин Н.Ф.* Указ. соч. С. 143.

⁶⁵ Там же. С. 219.

⁶⁶ Там же. С. 220.

⁶⁷ РГИА. Ф. 1646. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 93.

рал Кнорринг, который по поводу обвинения главнокомандующего в том, что он спит по 18-ти часов в сутки, сказал: «Слава Богу, что он спит; каждый день его бездействия стоит победы. Он возит с собою переодетую в казацкое платье любовницу. Румянцев возил их по четыре. Это не наше дело»⁷¹.

После оставления Москвы взбешенный Ростопчин пишет Кутузову в письме от 17 сентября 1812 г.: «Ваша светлость, рассудя за благо оставить и Московскую губернию, так как оставили Москву, должность моя главнокомандующего с выступлением войск кончилась, и я, не желая ни быть без дела, ни смотреть на разорение и Калужской губернии, ни слышать целый день, что вы занимаетесь сном, отъезжаю в Ярославль и в Петербург. Желая, как верноподданный и истинный сын отечества, чтобы вы занялись более Россиею, войсками вам вверенными, и неприятелем; я же, с моей стороны, благодарю вас за то, что не имею нужды никому сдавать ни столицы, ни губернии и что я не был удостоен доверенности вашей»⁷².

Наиболее компрометирующим моментом биографии Ростопчина в 1812 г. традиционно выступает дело купеческого сына М.Н. Верещагина. Как писал Н.Н. Булич: «Казнь Верещагина, без суда и следствия, была произведением только дикого разгула власти, до которого дошел Ростопчин со своими инстинктами чисто татарского свойства»⁷³.

Верещагин был казнен 2 сентября 1812 г., в день оставления Москвы, именно по приказу Ростопчина. Ранее

он был арестован за распространение «прокламаций»: «письма» Наполеона «К прусскому королю» и «речи, произнесенной Наполеоном перед князьями Рейнского союза», где говорилось, что «прежде шести месяцев две северные столицы Европы будут видеть в стенах своих победителя света», т.е. Наполеона, а также поминался «недостойный союз с потомками Чингизхана» курфюрста Бранденбургского⁷⁴.

Изложим фактическую канву этого дела. В афише от 3 июля 1812 г. Ростопчин «предостерегал народ не верить распускаемым в Москве слухам, что Наполеон обещается через 6 месяцев быть в обеих столицах»⁷⁵. 2 августа по Москве разошелся слух о появлении прокламации Наполеона, «где он обещает быть в обеих Российских столицах через шесть месяцев». Поиски злоумышленника привели к аресту купеческого сына Михаила Николаевича Верещагина, который «по многом заpiresательстве и обвинении других напрасно, показал, что прокламации и письмо к Его величеству королю Прусскому <...> перевел с Гамбургской газеты, поднятой им на Кузнецком мосту 16-го числа в 7 часов утра и отдал перевод коллежскому секретарю Мешкову, от коего уже и разошлись списки в большом числе»⁷⁶.

27 августа отец Верещагина сделал письменное показание, что «сын его 17-го числа объявил ему, что перевод прокламации сделал он с немецкой газеты, данной ему сыном почт-директора Ключарева. После очной ставки с Ключаревым Верещагин заявил Ростопчину, что «прокламацию и письмо к Прусскому Королю сочинил сам, в чем и теперь удостоверяет: в комнате его найдены только портрет Императора Наполеона в богатой

⁷¹ Цит. по: Шильдер Н.К. Указ. соч. Т. 3. С. 120.

⁷² Граф Ростопчин — князю Кутузову. 17 сентября 1812 г. Село Вороново // Дубровин Н.Ф. Отечественная война в письмах современников. С. 149–150.

⁷³ Булич Н.Н. Очерки по истории русской литературы и просвещения с начала XIX века. СПб., 1912. С. 389.

⁷⁴ ГА РФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 164. Л. 4.

⁷⁵ РГИА. Ф. 1646. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 107–108.

⁷⁶ ГА РФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 164. Л. 1.

раме и книги с портретами французских генералов»⁷⁷.

Таким образом, Ростопчин получил в свое распоряжение факты, которые в его глазах свидетельствовали о связи Верещагина с ненавистными московскому главнокомандующему масонами. Московский почт-директор Ф.П. Ключарев был видным масоном, которого еще Н.И. Новиков посвятил в одну из высших розенкрейцерских степеней, дав ему розенкрейцерский герб⁷⁸. Он вызывал особые подозрения Ростопчина.

Приведем мнение современного исследователя русского масонства А.И. Серкова: «В условиях, когда войска Наполеона приближались к Москве, тайные ночные встречи Х.А. Чеботарева, П.И. Голенищева-Кутузова и Ф.П. Ключарева, конечно же, выглядели подозрительными, но главной причиной жестких действий Ф.В. Ростопчина было распространение через Московский почтамт в приватном порядке рукописных бюллетеней относительно хода военных действий. В этих бюллетенях Ф.В. Ростопчин обоснованно усмотрел пораженческие настроения. <...> После же недопущения полицеймейстера в газетную экспедицию почтамта и защиты Ф.П. Ключаревым «шпиона» Верещагина высылка московского почт-директора в Воронеж представлялась для Ф.В. Ростопчина естественной»⁷⁹.

Ростопчин писал Александру I об опасности, исходящей от масонов и Ключарева, и даже угрожал отставкой, если против них не будут приняты меры: «эта адская секта не может удержаться своей ненависти к вам и России и своей преданности неприятелю <...> Осмеливаюсь просить вас, Государь, в случае если вы найдете нужным оставить здесь Ключарева, прислать

другого на мое место; потому что я почти себя недостойным занимать его с честью»⁸⁰.

В ходе следствия над Верещагиным Ростопчин арестовал Ключарева и сослал его в Воронеж⁸¹. Публичная же казнь 2 сентября Верещагина, приговоренного Сенатом к наказанию кнутом и вечной ссылке в каторжные работы в Нерчинск⁸², вызванная чрезвычайными обстоятельствами, была в дальнейшем использована противниками Ростопчина для того, чтобы скомпрометировать его в глазах царя и дворянского общества.

Казнил Верещагина Ростопчин не в состоянии паники и страха, он был человеком не робкого десятка. Казнь была по сути элементом массивированной военной пропаганды, которую он вел. П.А. Вяземский, отнюдь не симпатизант Ростопчина, писал: «Ростопчин принес Верещагина в жертву для усиления народного негодования, а вместе с тем давал Наполеону и французам как будто предчувствие того ожесточения, с которым будут встречены они в гостеприимной Москве»⁸³. М.В. Горностаев отмечает, что «факт расправы над дважды осужденным преступником, распространявшим документы, способствующие возникновению в Москве беспорядков, насколько бы аморальным он ни казался, надо оценивать с точки зрения условий военного времени и особенно общей сумятицы 2 сентября 1812 г.»⁸⁴.

Так или иначе, «верещагинская» история достаточно сильно повредила впоследствии репутации Ростопчина. «Его казнь была не нужна, особен-

⁸⁰ [Ростопчин Ф.В.] Письма графа Ф.В. Ростопчина к Александру I. Москва, 4 августа 1812 г. // Русский архив. 1892. №7. С. 442–443.

⁸¹ ГА РФ. Ф. 1165. Оп. 1. Ед. хр. 169.

⁸² Горностаев М.В. Указ. соч. С. 124.

⁸³ Вяземский П.А. Полн. собр. соч. князя П.А. Вяземского. Т. VII. СПб., 1882. С. 212.

⁸⁴ Горностаев М.В. Указ. соч. С. 124.

⁷⁷ ГА РФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 164. Л. 1об.

⁷⁸ Серков А. И. История русского масонства XIX века. СПб., 2000. С. 53.

⁷⁹ Там же. С. 91.

но ее отнюдь не следовало производить подобным образом», — заявил в письме от 6 ноября 1812 г. император. «Повесить или расстрелять было бы лучше»⁸⁵. В 1816 г. Александр «вызвал к себе отца Верещагина, московского купца второй гильдии, и долго с ним беседовал; на другой день велено было послать ему один из самых богатых бриллиантовых перстней, находившихся между вещами государя. Кроме того, в особом рескрипте на имя московского главнокомандующего графа Торماسова разрешалось выдать Верещагину двадцать тысяч рублей»⁸⁶.

3 сентября, после занятия французами Москвы, вспыхнул грандиозный пожар, продолжавшийся до 8 сентября и уничтоживший девять десятых города. В силу ряда обстоятельств Ростопчин скрывал свою причастность к организации этого пожара. Между тем в письме к А.Д. Балашову от 27 августа Ростопчин писал: «если, по несчастью, столицы спасти нельзя будет, то я оставшееся предаю огню, т.е. комиссариатское и в арсенале»⁸⁷. Дореволюционный исследователь В.К. Надлер как о само собою разумеющемся писал, что первые поджоги в городе сделаны были по приказанию Ростопчина полицейским чиновником Вороненко⁸⁸. Дело довершил патриотический порыв москвичей: «Русские жгли свое последнее достояние не по приказанию правительства или его агентов, а по своей собственной доброй воле»⁸⁹.

Ныне историки склоняются к вер-

сии, что именно Ростопчин подготовил все необходимые условия для этой акции: создал команду полицейских-поджигателей и вывез из Москвы все пожарные принадлежности⁹⁰. Сожжение Москвы имело огромное стратегическое и моральное значение и повлияло на весь дальнейший ход войны. В результате армия Наполеона была лишена жилья, в котором можно было перезимовать, и необходимых запасов продовольствия.

За сожжением Москвы последовало сожжение богатейшего имения Ростопчина Воронова. Английский наблюдатель Р. Вильсон в письме от 19 сентября 1812 г. так характеризовал это деяние Ростопчина: «Я поехал с гр. Ростопчинным смотреть, как он сжег великолепный дом свой со всеми принадлежащими строениями. Поступок прекрасный, исполненный с чувством, достоинством и истинным философским духом. Повод к этому — чистый патриотизм. <...> Как дом, так и другие строения могут сравниться с лучшими находящимися в Англии. Зажигатель Эфесского храма доставил себе постыдное бессмертие; разрушение Воронова должно пребыть вечным памятником российского патриотизма»⁹¹.

В течение двух последующих лет Ростопчин оставался на посту Московского главнокомандующего. Деятельность его проходила в исключительно сложных условиях. Его обвиняли в пожаре Москвы, гибели имущества

⁹⁰ См. например: *Тарле Е.В.* Указ. соч. С. 167; *Холодковский В.М.* Наполеон ли поджег Москву? // Вопросы истории. 1966. № 4. С. 31–43; *Троцкий Н.А.* Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты. М., 2002. С. 217–221; *Горностаев М.В.* Генерал-губернатор Москвы Ф.В. Ростопчин: страницы истории 1812 года. М., 2003. С. 35–51; *Мещерякова А.О.* Указ. соч. С. 193–200.

⁹¹ Роберт Вильсон — к П*. 19 сентября (1 октября) 1812 г. Боровск // *Дубровин Н.Ф.* Отечественная война в письмах современников. С. 154.

⁸⁵ Переписка императора Александра Павловича с графом Ф.В. Ростопчиным 1812–1814 гг. // Русская старина. 1893. № 1. С. 183–184.

⁸⁶ *Шильдер Н.К.* Указ. соч. Т. 4. С. 56.

⁸⁷ Граф Ростопчин — Балашову. 27 августа 1812 г. Москва // *Дубровин Н.Ф.* Отечественная война в письмах современников. С. 112–113.

⁸⁸ *Надлер В.К.* Указ. соч. Т. 1. Рига, 1886. С. 377.

⁸⁹ Там же.

огромного количества дворянских семей. В эти годы он занимался восстановлением Москвы, вывозом из города и захоронением огромного количества мертвых тел, организацией помощи пострадавшим от пожара московским жителям.

Отношение Ростопчина к французам после изгнания их из России не изменилось. В письмах к императору (24 сентября 1813 г. и 19 января 1814 г.) он настаивал: «Необходимо сей же час меры к искоренению нового зла, каким является пребывание пленных французов — генералов и офицеров в наших внутренних губерниях. Они проникли в частные дома и проводят весьма опасные взгляды. <...> Мания к французам не прошла в России, а их настоящее положение внушает к ним еще более участия со стороны глупцов и дворян <...> Так как 1812 год не мог излечить их от нелепого пристрастия к этому проклятому отродью, то надо будет серьезно приняться за уничтожение этих восторженных поклонников, а их много во всех классах общества, особенно среди учащейся молодежи»⁹².

30 августа 1814 г. Ростопчин был отправлен в отставку с назначением в члены Государственного Совета. Напомним, что в этот же день был отправлен в отставку Шишков. Тогда же был уволен с поста министра юстиции «по расстроенному здоровью» И.И. Дмитриев. 31 августа 1814 г., т.е. на следующий день, император разрешил М.М. Сперанскому покинуть место ссылки. Вряд ли это было случайным совпадением.

* * *

Отечественная война стала временем наибольшей популярности С.Н. Глинки, именно в это время масштабы его деятельности, общественной и публицистической, были особен-

но велики. Согласно усердно распространяемой им самим легенде, 11 июля 1812 г., Глинка «первый в Москве записался в ратники (ополчения. — А.М.) и первый обрек все, что имел, на алтарь отечества»⁹³. «1812 г. Июля 11 прочитав воззвание Государя к Москве, Глинка поспешил к Московскому Главнокомандующему, графу Ф.В. Ростопчину, на дачу его в Сокольниках, — и, услышав, что Граф в это время беседовал с Московским преосвященным Архиепископом Августином, оставил записку: “у меня нет поместья, у меня нет в Москве никакой недвижимой собственности, и хотя я не уроженец Московский, но где кого застала опасность Отечества, тот там и должен стать под хоругви отечественные. — Обрекая себя в ратники Московского Ополчения и на алтарь Отечества возлагаю на триста рублей серебром”»⁹⁴.

15 июля 1812 г. Глинка в присутствии Александра I выступил на собрании московского дворянства и купечества в Слободском дворце с речью, которая длилась более часа. Глинка поразил всех присутствующих заявлением, что от Немана до Москвы нет естественных препятствий, которые помогли бы остановить врага, что Москва в течение истории неоднократно «страдала» за Россию, поэтому ее сдача будет спасением России и Европы. Он «говорил так громко, так свободно, что многие были удивлены смелостью с которою он излагал свои мысли»⁹⁵. Речь Глинки была прервана появлением в зале собрания Ростопчина и государственно-го секретаря Шишкова, зачитавшими манифест от 6 июля 1812 г.

Выступление Глинки обратило на него внимание царя. 19 июля Глинка был вызван к Ростопчину, который встретил его с распростертыми объятьями. Он был пожалован 18 июля 1812 г. высочайшим рескриптом в ка-

⁹² Переписка императора Александра Павловича с графом Ф.В. Ростопчиным. 1812–1814 гг. С. 200, 204.

⁹³ РГАЛИ. Ф. 141. Оп. 3. Ед. хр. 35. Л. 1.

⁹⁴ ИРЛИ РАН РО. Ф. 265. Оп. 2. № 675. Л. 5.

⁹⁵ Там же. Л. 5об.

валеры ордена Св. Владимира четвертой степени за «любовь к отечеству», «доказанную сочинениями и деяниями». Судя по некоторым деталям, награда была иницирована Шишковым. В частности, С.Т. Аксаков вспоминал, о том, что когда читал соответствующий рескрипт, то обратил внимание на то, что «он особо замечателен потому, что был написан на листочке самой простой почтовой бумаги и написан рукою А.С. Шишкова. Это обстоятельство вполне выражает время: видно, тогда было не до того, чтобы соблюдать обыкновенные приличия и формы»⁹⁶.

Александр I дал Глинке «особые поручения», заключающиеся в том, чтобы следить за народом, «успокаивать умы и внушать им меры предосторожности, предостерегая их от смущения и торопливой робости»⁹⁷. Кроме того, ему были вручены 300 тыс. руб. на издательскую деятельность, сумма по тем временам огромная. Сын Глинки, В.С. Глинка вспоминал: «Он не хотел и прикасаться до вверенной ему суммы и старался помочь, где видел необходимость, из собственных своих средств. Заложив драгоценные вещи жены своей, продав свою библиотеку, Глинка помог поступить на службу в ополчение до 20 человек. В числе их были полковник Козлов Угрюмин, офицеры в дружине его, и несколько университетских студентов. — Между ними находился известный трудами по Русской истории Константин Федорович Калайдович»⁹⁸. В итоге Глинка не потратил ни рубля казенной субсидии. По окончании войны деньги были возвращены им в казну.

В событиях 1812 г. в Москве Глинка сыграл весьма важную роль: он стал

«рупором» Ростопчина, народным трибуном, агитатором и пропагандистом. По словам И.В. Евдокимова, Глинка «выступал на площадях, на рынках, где произносил перед простонародьем возбуждающие речи. Обладавший громким голосом, простой, умевший приспособляться к народу, Глинка оказывал на него огромное влияние <...> доверяли каждому его слову. Глинка смело и мужественно выступал перед народом, успокаивал его, ободрял и возбуждал на борьбу с Наполеоном»⁹⁹.

П.А. Вяземский писал, что Ростопчин, обладая «в высшей степени русским чувством и умением действовать на массы, <...> хорошо понял значение Глинки в подобных обстоятельствах. <...> Глинка был рожден народным трибуном, но трибуном законным, трибуном правительства. Он умел по-православному говорить с народом православным. Речами своими он успокаивал и ободрял народ. И то, и другое по обстоятельствам было нужно»¹⁰⁰.

Глинка работал в тесном взаимодействии с Ростопчиным. И.В. Евдокимов отмечал: «Эти два деятеля работали вместе, часто встречались глухими ночами, советовались и обдумывали меры воздействия на народ. Глинка разъезжал по окрестностям Москвы, составлял ополчение, призывал к партизанской войне, сочинял и издавал летучие листки и все время был в движении. Плоды этой работы сказались впоследствии»¹⁰¹.

В своих позднейших воспоминаниях Глинка мимоходом обронил: «В то время деланы мне были тайные и важные поручения, от которых жизнь моя неоднократно подвергалась опасности»¹⁰². Глинка утверждал

⁹⁶ Аксаков С.Т. Литературные и театральные воспоминания // Собрание сочинений: в 3 т. Воспоминания; Литературные и театральные воспоминания. М., 1986. Т. 2. С. 382.

⁹⁷ РГАЛИ. Ф. 1246. Оп. 3. Ед. хр. 75. Л. 23.

⁹⁸ ИРЛИ РАН РО. Ф. 265. Оп. 2. №675. Л. 6об.-7.

⁹⁹ РГАЛИ. Ф. 1246. Оп. 3. Ед. хр. 75. Л. 17а.

¹⁰⁰ Вяземский П.А. Сергей Николаевич Глинка // Глинка С.Н. Записки. М., 2004. С. 440.

¹⁰¹ РГАЛИ. Ф. 1246. Оп. 3. Ед. хр. 75. Л. 23.

¹⁰² РГАЛИ. Ф. 141. Оп. 3. Ед. хр. 35. Л. 1об.-2.

дал, что авторство идеи создания партизанских отрядов принадлежит ему, а Ростопчин лишь широко ее озвучил: «я, по взятии Смоленска, подал графу Ростопчину записку о вооружении охотничьих дружин по уездам московским, и излагал, что начиная от Гжатской пристани, откуда по обеим сторонам тянутся с небольшими промежутками леса, эти лесные дружины могли бы сильно тревожить Наполеона. <...> Летучие или партизанские отряды появились после битвы Бородинской, а я о них писал в 1809 и 1810 годах в “Русском Вестнике”. Следовательно, не храброму Денису Давыдову пришла о них первая мысль»¹⁰³.

Впрочем, отношения между Ростопчиным и Глинкой были не безоблачными. Последний как-то заметил, что «главнокомандующий подозревал и его самого и устроил даже над ним бдительный надзор»¹⁰⁴.

В водовороте событий Глинка не забывал и о журналистской деятельности. В 1812 г. антифранцузская направленность его «Русского Вестника» резко усилилась. Наполеон представлял на страницах «Русского Вестника» как «исчадь греха, раб ложной, адской славы, изверг естества, лютей сын геенны». Глинка утверждал: «Все разноплеменные народы, игу его порабощенные, хочет он претворить не в прежних французов, но во французов людоедов, порожденных адской революцией <...> от самого младенчества в каждом подданном Бонапарте истребляется все человеческое и поселяется все зверское».

Одновременно с материалами антифранцузского содержания Глинка публиковал статьи, оды и гимны, где воспевал героизм русского народа и армии в войне против Наполеона. Первый номер журнала за 1812 г. открылся статьей «Обеты русских воинов»,

которая сопровождалась эпитафией: «Никому живому не сдаваться, всем умирать за одного; биться до смерти за веру, за царя, за землю русскую». Не случайно патриотическая публицистика Глинки в «Русском вестнике» была названа биографом Глинки «Уложением любви к Отечеству»¹⁰⁵.

Уже стариком Глинка вспоминал о своем журнале: «то, о чем я писал в “Русском Вестнике” с 1808 до 1812 года перешло не в пустой звук слов, но в живые события своего времени. Разверните “Русский Вестник” и вы увидите»¹⁰⁶.

После Бородинского сражения Москва была наполнена ранеными, Глинка перевязывал им раны и ухаживал за умирающими. «Он поспевал всюду, оказывая помощь и, не покладая рук, работал с утра до ночи»¹⁰⁷.

Символично поведение Глинки в момент оставления русскими войсками Москвы. В «Письмах русского офицера» его брат Ф.Н. Глинка вспоминал, что С.Н. Глинка «жег и рвал <...> все французские книги из прекрасной своей библиотеки, в богатых переплетах, истребляя у себя все предметы роскоши и моды. Тому, кто семь лет пишет в пользу отечества, против заразы французского воспитания, простительно доходить до личной степени огорчения в те минуты, когда злодеи уже приближаются к самому сердцу России. Сергей Николаевич бил французские зеркала, рвал французские книги, истреблял все, чтобы ничего не оставить неприятелю. Глинка замешкался в Москве и едва не попал в плен»¹⁰⁸. При виде начавшегося пожара московского он «упал на землю и зарыдал»¹⁰⁹.

По окончании войны 1812 года

¹⁰⁵ Федоров Б.М. Пятидесятилетие литературной жизни С.Н. Глинки. СПб., 1844. С. 10.

¹⁰⁶ РГАЛИ. Ф. 1246. Оп. 3. Ед. хр. 75. Л. 16.

¹⁰⁷ РГАЛИ. Ф. 1246. Оп. 3. Ед. хр. 75. Л. 22.

¹⁰⁸ Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. М., 1987. С. 23.

¹⁰⁹ РГАЛИ. Ф. 1246. Оп. 3. Ед. хр. 75. Л. 25.

¹⁰³ Глинка С.Н. Записки. М., 2004. С. 299–300.

¹⁰⁴ Надлер В.К. Указ. соч. С. 143.

Глинке, как известному всей России издателю «Русского Вестника», присылали пожертвования в пользу раненых и семейств их. «Более сорока тысяч рублей С.Н. Глинка раздал немущим. Пожертвования денежные в пользу воинов присылались большей частью безымянные и отдавались в безотчетное распоряжение издателя Русского Вестника»¹¹⁰.

В 1912 г. И.В. Евдокимов высказал следующую оценку общественной роли Сергея Николаевича, причем вряд ли она существенно преувеличена: «Литературная деятельность Глинки немало повлияла на пробуждение национального самосознания, на собиранье национальных сил, на укрепление муже-

ства, проявившихся в Отечественную войну»¹¹¹.

* * *

Значительный вклад лидеров русских консервативных националистов в победу над врагом был неоспорим. По-своему прав был Н.Н. Булич, который заявлял: «В войне народной победила патриотическая партия; она была убеждена, что восторжествовали ее консервативные начала, что побеждена французская революция, глубоко ненавидимая ею»¹¹².

¹¹⁰ ИРЛИ РАН РО. Ф. 265. Оп. 2. №675. Л. 8.

¹¹¹ РГАЛИ. Ф. 1246. Оп. 3. Ед. хр. 75. Л. 16а.

¹¹² Булич Н.Н. Указ. соч. С. 590.

Издательская группа «Скимень» выпустила в свет книгу великого русского мыслителя Василия Розанова «Мимолётное. 1915 год»

Впервые вниманию читателя будет представлен полный текст книги, выверенный по авторской рукописи и содержащий более 1500 разночтений с её первым изданием.

«Мимолётное. 1915 год» — книга, составленная из уникальных записей в знаменитом розановском жанре «опавших листьев». Перед вами пронесётся подлинный «вихрь чувств» великого мистика русского слова, вбирающий в себя все его излюбленные темы: христианство, пол, еврейство, русская литература, философия и политика. Одной из важнейших линий книги является страстное изобличение антирусских сил в политике и литературе. Только с высоты XXI века стала понятна пророческая боль писателя за грядущие муки и судьбу русского народа.

По вопросам распространения и приобретения:

8-964-580-19-12; lasido@mail.ru (Надежда Шалимова).

АЛЕКСАНДР СЕВАСТЬЯНОВ

ИДОЛЫ КОНСТРУКТИВИЗМА

Статья вторая

II.3. Сказки Андерсона¹

Интересно отметить: популярность и слава трех главных конструктивистов строго обратно пропорциональна их реальному вкладу в развитие обществознания. Я согласен и готов признать: Хобсбаум, который все же пытается делать ссылки на факты и исследования, несколько умнее и основательнее совершенно пустого Геллнера. Но по большому счету, на статус ученого может претендовать из этой тройки только Бенедикт Андерсон, который, как-никак, попытался подвести исторический фундамент под свою теорию «воображаемых сообществ» и проделал для этого большую самостоятельную работу. Но что это за фундамент?!

Андерсон, видимо, считает всякую скромность ложной, называя собственную книгу о воображаемых сообществах «непревзойденной» и стоящей «на передовых рубежах новей-

шей науки о национализме» (22). Но в середине книги внезапно признается, что его «серьезные специальные познания» ограничиваются регионом Юго-Восточной Азии (181). И вообще, первый вариант «Воображаемых сообществ» был написан по поводу вооруженных конфликтов 1978–1979 гг. в Индокитае, когда автора «тревожила перспектива грядущих полномасштабных войн между социалистическими странами» (21). Если быть точным, Андерсон профессионально занимался лишь новыми государствами Индокитая, возникшими сравнительно недавно, не ранее 150–200 лет тому назад.

С этим-то багажом он и замахнулся на тему колоссального значения, пожав завидные лавры по обе стороны наших границ. Причем по сю сторону, возможно, даже бóльшие: недаром в предисловии под названием «Воображаемые сообщества как социологический феномен» Светлана Баньковская возвела книгу Андерсона в «образцовое социологическое сочинение новейшего времени» (16). Образцовое — то есть представляющее пример для подражания.

Что же в нем образцового?

Как скоро убедится читатель — ничего, кроме апломба и типичных для конструктивиста ошибок и заблуждений. Недаром та же Баньковская замечательно высказалась о книге Андерсона: «Невероятная легкость как симптом невероятной учености». Гоголевский Хлестаков выражался куда сдержаннее!

Образцовость книги Андерсона Баньковская утверждает своеобраз-

Статью первую см.: «ВН», № 10.

¹ Здесь анализируется в основном главный труд Бенедикта Андерсона «Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма» (М.: Канон-пресс-Ц, Кучково поле, 2001). Ссылки на страницы даются в скобках. Язык книги ужасен (имею в виду перевод), слова и смыслы сплошь нерусские, неуклюже подделанные под западный понятийный и терминологический лексикон. Иностранцам такое читать не нужно, лучше взять на английском, а русскому адекватно прочесть этот «русский» текст весьма затруднительно. Приходилось все время сверяться с оригиналом.

ным абсурдиком: «Все сообщества, строго говоря, воображаемы. Они существуют лишь постольку, поскольку участвующие в них люди воспринимают себя именно в качестве членов таковых» (5). Зададим себе вопрос: а что, если люди не воспринимают себя в качестве членов сообщества — просто не задумывались об этом или расхотели себя так воспринимать, — перестают ли они ими быть?² Неужели всегда и всюду «мы — то, чем себя вообразили»? Более махровый субъективный идеализм и представить себе трудно.

Чтобы разубедить подобного записного берклианца, есть один хороший проверенный способ. Надо тихонечко, незаметно подкрасться сзади, когда он тебя не видит, и дать здоровенную затрещину! Возмущению подопытного не будет предела: он-то считал, что вы лишь плод его воображения, а этот плод почему-то натурально дерется. Да еще как больно!

Именно такое беспредельное возмущение мы наблюдаем у конструктивистов, когда они сталкиваются с «весомым, грубым, зримым» проявлением наций и национализмов в истории и жизни. С их точки зрения это совершенно алогично и противоестественно: воображенные сообщества не должны так себя вести, не должны так материально проявляться! И не проявлялись бы, конечно, кабы были и впрямь воображенными...

Ошибка Баньковской важна своей типичностью для российской, растерявшей твердые философские ориентиры и строгую школу научной мысли, аудитории. Суть в том, что дама-социолог подменяет сущность —

«очевидностью»: «Воображение предполагает все-таки некоторое усилие, выход за пределы очевидного» (6).

Но разве всякое сообщество обязательно «очевидно»? Кроме семьи или небольшого племени, таких, пожалуй, и нет, и тут они с Андерсоном правы. Однако есть огромная разница между «неочевидным» и «воображаемым». Неочевиден стул, если стоять к нему спиной, но он, тем не менее, — сущность, он реален. А воображаемый стул — не реален. Такая вот маленькая разница. «Воображенный» — еще не значит «существующий». И в этом весь пафос книги Андерсона.

Назови Андерсон свою книгу «Неочевидные сообщества» — и не было бы претензий: мало ли что кому в данный момент неочевидно. Неочевидные сообщества могут, тем не менее, реально существовать, а воображенные — нет. В первом случае мы остаемся материалистами, а во втором сваливаемся в выгребную яму идеализма.

Недаром последователь нашего автора некий Филдс логически заходит еще дальше, позволяя подчеркнуть абсурдность самого подхода: «Чтобы вообще существовать, все сообщества должны быть воображаемы» (11). В то время как для того, чтобы существовать, надо просто существовать на самом деле — и ничего более!

Для того чтобы так настойчиво пытаться преобразить реальность в вымысел, должна быть чрезвычайно сильная мотивация, подвигающая выполнить задачу, невыполнимую по определению.

В чем она? Чего хочет Андерсон?

Развенчать национализм любой ценой, выставить его как беспочвенную игру воображения. Сознвая грозную силу и растущее значение национализма в современной жизни, Андерсон всячески пытается его принизить. Он, в частности, пишет в сборнике «Нации и национализм»: «Если нам сегодня кажется, что в мировой политике двух последних веков национализм

² Интересно, а в стае диких собак или обезьян ученая дама также увидела бы «воображаемое сообщество», созданное лишь самосознанием индивидов собачьей или обезьяньей породы? Но ведь принципиальной разницы между популяциями разных видов (человека в том числе) нет: это все объективные реальности.

сыграл грандиозную роль, то почему столь многие плодovитые мыслители современности — Маркс, Ницше, Вебер, Дюркгейм, Беньямин, Фрейд, Леви-Стросс, Кейнс, Грамши, Фуко — так мало что сказали о нем²». И в «Воображаемых сообществах» — о том же: «В отличие от других “измов”, национализм так и не породил собственных великих мыслителей: гоббсов, токвилей, марксов или веберов» (30).

Но в этом как раз нет ничего удивительного: именно в указанную эпоху на первый план вышла борьба классов, миру предстояло увидеть величайшие классовые битвы. Лучшие умы предчувствовали, предвидели, а то и наблюдали это (на то они и лучшие), вот и занялись соответствующей темой. Зато очень много о нациях и национализме сказали более ранние мыслители, описывавшие этнические войны, начиная с Геродота, Тита Ливия и Иосифа Флавия. Просто они использовали другие термины. Это во-первых.

Во-вторых: дело в том, что вообще европейская философия как феноменология духа расцвела именно в эпоху, на которую пришлось грандиозные социальные брожения и классовые битвы, начиная с Великой Французской революции, представлявшей материю наполеоновских войн и революций, перевернувших всю Европу вверх тормашками. Философия все это и отразила: тут связь самая прямая. Хотя нельзя сказать, что историософия XX века вообще обошла национальный вопрос, во всяком случае — в русской традиции. Но мы не станем сейчас на этом останавливаться, а заметим лишь главное.

Сегодня маятник качнулся в обратную сторону, и в грандиозных войнах XX века, включая холодные, мы вновь увидели всегдашнюю схватку наций, в том числе за мировое господство, а потому историософы вновь возвращаются к главному конфликту всех времен и народов: национальному. Неудивительно, что сегодня эта тема вышла на

первый план, отодвинув дискурс классовой борьбы. Уверен, что она еще даст своих марксов, ницше и фрейдов.

В-третьих, сознанию вообще свойственно отставать от бытия в процессе его осмысления. Французскую революцию (как и Октябрьскую) осмысливают до сих пор. Эпоха национализма, наиболее яркими проявлениями которого стали Третий Рейх и Израиль, еще слишком близка. Она далеко не окончена, она слишком сильно задевает лично несметное количество живущих ныне людей. Это осложняет отстраненный историософский анализ, бросает вызов мыслителям. Слабейшим из них выход представляется в том, чтобы представить, что на самом деле изучать нечего, ибо предмет изучения — существует только в нашем сознании: он вымышлен, воображен. Это приглушает страх перед жизнью и снимает ответственность с мыслителя, коемy остается только умыть руки.

Андерсон стоит в первом ряду таких мыслителей, робких и дерзких одновременно (робких до дерзости). Парта Чаттерджи в известной статье «Воображаемые сообщества: кто их воображает?» так отразил его вклад: «Бenedикт Андерсон весьма изящно и оригинально продемонстрировал, что нации не являются окончательными продуктами конкретных социологических обстоятельств, таких, как язык, раса или религия; в Европе и во всем остальном мире они обрели бытие благодаря воображению... Книга Андерсона в последние несколько лет имела наибольшее влияние на развитие новых теоретических идей о национализме»³.

Сам же Андерсон в поддержку своей позиции с удовольствием цитирует ехиднейший пассаж такого же, как он сам, марксиста Тома Нейрна, именующего «благожелательным (?)» исследователем национализма: «“Национализм” — патология современно-

³ Нации и национализм. М., 2002. С. 285.

го развития, столь же неизбежная, как “невроз” у индивида, обладающая почти такой же сущностной двусмысленностью, что и он, с аналогичной встроеной вовнутрь нее способностью перерастать в помешательство, укорененная в дилеммах беспомощности, опутавших собою почти весь мир (общественный эквивалент инфантилизма), и по большей части неизлечимая». Да уж, благожелательность так и фонтанирует!

Однако если и можно видеть в чем патологию, так это именно в марксистском классовом сознании, перемноженном, как у наших конструктивистов, на субъективный идеализм берклианского толка. А потому не способном осознать ни феномен нации, ни существо национализма.

Продемонстрирую этот вывод на материале книги, проведя анализ ее основных понятий и главных, по мнению Андерсона, факторов нациеобразования.

Он пошел туда, не знаю куда, и принес то, не знаю что

Так же, как и Геллнер, и Хобсбаум, Андерсон застрял на первом же шаге: на понимании феномена нации. Он горько сетует на неразработанность как в либеральной, так и в марксистской традиции базовых понятий и определений:

«Нацию, национальность, национализм оказалось очень трудно определить, не говоря уж о том, что трудно анализировать. На фоне колоссального влияния, оказанного национализмом на современный мир, убогость благовидной теории национализма прямо-таки бросается в глаза. Хью Сетон-Уотсон, автор самого лучшего и всеобъемлющего текста о национализме в англоязычной литературе и наследник богатой традиции либеральной историографии и социальной науки, с горечью замечает: “Итак, я *вынужден* заключить, что никакого «научного определения» нации разра-

ботать нельзя; и вместе с тем феномен этот существовал и существует до сих пор”. Том Нейрн, автор новаторской работы “Распад Британии” и продолжатель не менее богатой традиции марксистской историографии, чисто-сердечно признается: “Теория национализма представляет собой великую историческую неудачу марксизма”. Но даже это признание вводит в некоторой степени в заблуждение, поскольку может быть истолковано как достойный сожаления итог долгого, осознанного поиска теоретической ясности. Правильнее было бы сказать, что национализм оказался для марксистской теории неудобной *аномалией*, и по этой причине она его скорее избегала, нежели пыталась как-то с ним справиться» (28).

Очень меткое наблюдение. У марксизма, как уже отмечалось, нет шансов для понимания национализма, это взаимоисключающие дискурсы. Марксист онтологически не способен понимать феномен нации, для него это именно аномалия, не укладывающаяся в односторонний дискурс ни классового, ни политэкономического подхода⁴. Но на

⁴ Андерсон ищет опору в словах Сетон-Уотсона: «Все, что я могу сказать, так это, что нация существует тогда, когда значительное количество людей в сообществе считают себя образующими нацию или ведут себя так, как если бы они ее составляли» (*Seton-Watson. Nations and States*, p. 5; прим. пер.: «считают себя» можно перевести и как «воображают себя»). Интересно, если нацию характеризует такое трогательное духовное сплочение, как бы Андерсон, Сетон-Уотсон и их единомышленники откомментировали бы гражданскую войну внутри одной нации? Наверное, соблазнились бы узреть «две нации» в одной нации, как это и сделал Ленин, только в более буквальном смысле. И тогда повели бы речь о национально-освободительной борьбе одной нации против другой: так это делал когда-то Ленин, так это делают сегодня Соловей и Сергеев. Все очень логично, жаль только, неверно по существу.

этих коньках, как мы уже знаем, в теорию нации не введешь, тут нужны другие, этнополитические подходы, которых марксистам не дано по определению.

Сие мы видим и на примере самого Андерсона. Забавна и показательна его обиженная ссылка на Маркса, выдающая бессильное недоумение перед феноменом национальности, что и характерно для настоящего марксиста:

«Чем... объяснить, что Маркс не растолковал ключевое понятие в своей памятной формулировке 1848 г.: “Пролетариат каждой страны, конечно, должен сперва покончить со *своей собственной буржуазией*”? И чем... объяснить, что на протяжении целого столетия понятие “национальная буржуазия” использовалось без сколь-нибудь серьезных попыток теоретически обосновать уместность содержащегося в нем прилагательного? Почему теоретически значима именно эта сегментация буржуазии, которая есть класс всемирный, поскольку определяется через производственные отношения?» (28).

Как же так: выходит, сам основоположник марксизма косвенно признает существование не какой-нибудь всемирной, а именно национальной буржуазии, но при этом не дает своим верным адептам ключа к этому понятию, представляющему, с точки зрения марксизма, жестокий оксюморон! Обидно...

Посетовав на труднопостижимость проблемы, Андерсон, по примеру коллег, приступает к главке под названием «Понятия и определения», что похвально. Да только вот получается у них это прямо по русской пословице: «начал гладью, а кончил гадью». Не даются им дефиниции, ускользают из рук!

В отличие от Маркса, Андерсон не допускает даже мысли о реальности наций: «Отправной точкой для меня стало то, что национальность — или, как было бы предпочтительнее сфор-

мулировать это понятие в свете многозначности данного слова, *национальность* (nation-ness), а вместе с ней и национализм являются особыми родами культурными артефактами» (29).

Факт отождествления Андерсоном нации и национальности говорит о том, что и этот марксист не справился с дефиницией, элементарно запутался, как многие, в двусмысленных, многозначных английских лексемах.

Естественно, что выход Андерсон видит там, где его не существует. Он стремится показать, что наций нет в принципе, а есть лишь воображаемые сообщества, которым по тем или иным соображениям небескорыстные политики наклеивают этот ярлык:

«Я предлагаю следующее определение нации: это воображенное политическое сообщество, и воображается оно как что-то неизбежно ограниченное, но в то же время суверенное. Оно воображенное, поскольку члены даже самой маленькой нации никогда не будут знать большинства своих собратьев-по-нации, встречаться с ними или даже слышать о них, в то время как в умах каждого из них живет образ их общности» (30–31).

Интересные люди, эти западные марксисты! Ведь это вновь перед нами берклианство в чистом виде, против которого основоположники бились насмерть: я не вижу тебя, значит, ты существуешь только в моем воображении. С этой точки зрения и микробы — воображаемое сообщество, ведь мы и их тоже никогда не видели. Налицо запредельный, злостный идиотизм субъективного идеализма. Как будто перед нами махровый деревенщина, привыкший доверять только собственным глазам и не верящий ни в каких «микробов», не признающий никаких абстракций. А вот поди ж ты — высокообразованный марксист!

Хотелось бы спросить Андерсона: а как в таком случае быть с такой общностью, фундаментальной для марксизма, как класс? Готов побиться об

заклад, что никогда рабочие Владивостока не видели в глаза рабочих Калининграда, или Глазго, или Торонто, или Бразавиля. Не отнести ли к «воображаемым сообществам» и эту социальную абстракцию?⁵ Но к кому же тогда был обращен лозунг Карла Маркса «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»?

При этом Андерсон, на первый взгляд, благоразумно дистанцируется от оголтелого Геллнера, а на деле доходит до сугубой оголтелости. Цитируя его максималистский тезис: «Национализм не есть пробуждение наций к самосознанию: он изобретает нации там, где их не существует», Андерсон критикует его с еще более максималистских позиций: «Геллнер настолько озабочен тем, чтобы показать, что национализм прикрывается маской фальшивых претензий, что приравнивает “изобретение” к “фабрикации” и “фальшивости”, а не к “воображению” и “творению”. Тем самым он предполагает, что существуют “подлинные” сообщества, которые было бы полезно сопоставить с нациями. На самом деле, все сообщества крупнее первобытных деревень, объединенных контактом лицом-к-лицу (а, может быть, даже и они), — воображаемые» (31).

Ну что ж, стало быть, и рабочие как класс не существуют за рамками одного цеха, много — завода...

⁵ Невероятно, но марксист Андерсон в своей погоне за «воображенными сообществами» в конечном счете именно так и поступил: договорился даже и до воображенности классов. Так, он пришел к мысли, что четырехчленная «классовая структура» (правители, дворяне, простолюдины и рабы), обнаруженная конкистадорами на Филиппинских островах, есть лишь «учетный» образ, созданный воображением простаков с испанских галеонов» (184). Приехали... Конечно, испанцы XVI века не владели марксистской терминологией, по простоте душевной, но значит ли это, что в их эпоху классов не было, в том числе на Филиппинах?

Какой дешевый парадокс нам предлагает Андерсон! А ведь попросту запутался в мнимом противоречии логического (абстракции) и исторического (конкретии), которое отлично известно философам и давно никого не смущает, его учат преодолевать («снимать») еще на студенческой скамье. Нет, он явно не проходил основ диамата и истмата!

Но так можно поставить под сомнение и обозвать воображаемой любую абстракцию: воду, потому что мы не можем искупаться одновременно во всей воде мира или попробовать ее на вкус (а ведь она разная!); или воздух, ибо мы способны дышать только тем, что вокруг нас... Радиус действия наших органов чувств ограничен, а любая абстракция не имеет концов и начал: вот и поди познай ее непосредственно.

Но принцип «не вижу — следовательно, воображаю несуществующее» вряд ли устроит научно мыслящую особь. Что же, науке следует отказаться от абстракций? Нелепое предложение, не правда ли?

Но не менее нелеп и ход от обратного: «то, что я (мы) уже вообразил(и), реально существует именно в силу этого». Между тем на этот компромисс особенно охотно идут некоторые работники умственного труда в России, которым не хватает бессовестности открыто признать, вслед за геллнерами-андерсонами, что нация есть конструкт, но и не хватает смелости сказать, что король, явившийся к нам в блеске славы с Запада, — голый.

Новенькие «нации» Андерсона

Почему Андерсон, вопреки исторической очевидности, ведет отчет нациям не с их исходных исторических позиций, восходящих к Шумеру и Вавилону, а с конца XVIII века? Потому что именно тогда массово появляются искусственные, сотворенные волей человека сообщества, которым некая традиция, восходящая к аббату Сийесу и Эрнесту Ренану, произвольно и не

без задней мысли присвоила имя «наций». Что позволило их искусственность возвести в перл творения и выдать за эталон. И этим породить волны недоразумений.

Андерсон сознательно вошел в эту традицию и возглавил ее на современном этапе. Он не случайно обращается к сравнительно новым, недавно созданным государствам, полагая именно в них образец «наций». Это, с одной стороны, государства Латинской Америки, а с другой — и вовсе вчера (по историческим меркам) созданные государства Юго-Восточной Азии (Аннам, Камбоджа, Сиам, Лаос, Тонкин, Кохинхину, Филиппины, Малайя, Сингапур, Бирма, Индонезия и проч.), а также Африки (Гвинея, Мали, Берег Слоновой Кости, Сенегал, Мозамбик, Танзания, Замбия и проч.). Таков был отчасти материал его диссертации, что и породило излишне гипертрофированное представление о значительности данных примеров для мирового опыта.

Но мало ли какие нынешние сообщества, имеющие очевидно антропогенное происхождение, являются на деле лишь модифицированными вариациями природного материала? Русская борзая, к примеру, в дикой природе не встречается, эта порода — плод усилий многих поколений селекционеров, но это не повод утверждать, что на Земле до ее появления не было собак! Точно так же появление на карте Французской Республики, Соединенных Штатов Америки, латиноамериканских, индокитайских или африканских государств вовсе не означает, что история наций начинается с них.

Андерсон принципиально игнорирует тот факт, что народы и нации бывают естественными (нации Старой Европы в своем большинстве) — и искусственными, как в обеих Америках, Франции, Индокитае или Африке. Он не только пытается не замечать это различие, но и пытается выдать латиноамериканские, буквально вчера

произвольно созданные руками людей, произвольно сконституированные псевдонации — за эталон (89–90). Оказывается, перуанцы, гватемальцы, боливийцы и проч. — это эталонные нации. Обхохочешься! Опять нам пытаются «впарить» морскую свинку, которая на деле и не морская, и не свинка! А старые, заслуженные нации Старого Света — немцы, поляки, русские — это, стало быть, некое недоразумение, которое подлежит испытанию, проверке указанным эталоном.

Все без исключения примеры якобы истинных наций Андерсона — это новые государства, «нациям» этим без году неделя. На фоне старых, настоящих, веками проверенных наций всего мира (от немцев до эфиопов) — это новорожденные инфузории, чья судьба пока подвешена на волоске и представляет сплошной вопрос. Их границы, не имеющие этнического соответствия, зыбки и непрочны. Пограничные войны Китая с Вьетнамом, Эфиопии с Сомали, Грузии с Абхазией и Южной Осетией, Армении с Азербайджаном, Сербии с Косово (и др.) позволяют уверенно говорить о том, что процесс приведения политических, государственных границ в соответствие с границами того, что действительно заслуживает названия наций, будет происходить долго, а может быть — и всегда, как он всегда и шел до того. Одна из гарантий тому — категорическая неприемлемость нынешних границ России и проблема разделенной русской нации, оставленная нам в наследство коммунистами-интернационалистами. Вглядимся поближе в наглядный пример, приводимый Андерсоном, чтобы разобратся в злокачественности его идей.

Он пишет о тех революциях и войнах, что принесли суверенитет 18 бывшим колониям в Латинской Америке:

«Это были движения за национальную независимость. Боливар позже

изменил свое мнение о рабах⁶, а его соратник Сан-Мартин в 1821 г. постановил, дабы “в будущем местных жителей не называли более индейцами или туземцами; они дети и граждане Перу и впредь будут известны как перуанцы”...

Итак, здесь есть загадка: почему именно креольские сообщества так рано сформировали представление о том, что они нации, — задолго до большинства сообществ Европы (это утверждение на совести Андерсона. — А.С.)? Почему такие колониальные провинции, обычно содержавшие большие, угнетенные, не говорившие по-испански населения, породили креолов, сознательно переопределивших эти населения как испанцев по нации? А Испанию, с которой они были столь многим связаны, — как враждебных иностранцев?» (73).

Отгадка этой «загадки» — в самом декрете Сан-Мартина! Дословно и буквально там сказано: уроженцы и граждане Перу — вот кто такие перуанцы. Так определила не природа, не история; так определил некий человек по имени Сан-Мартин. Но нацию нельзя создать декретом, и сие создание Сан-Мартина — не нация. Нациями это все назвали постфактум ученые марксисты — Андерсон в первую голову (который и тут не мог не обмишуриться, ибо никаких «испанцев по нации» население колоний не дало и до сих пор дать, конечно же, не может).

Снова и снова приходится объяснять элементарное: антропогенное согражданство — не природное сообщество, и оно не может оное ни отменить, ни заменить. Декретом нельзя присвоить этничность, а без этнического содержания нация — не нация. Вещи надо называть точно своими именами: согражданство, например, «перуан-

цы», — это согражданство, а нация — это нация⁷ (напомню, что латинский корень «нат» — по-русски значит «род»).

Приведу в полном смысле слова убийственный аргумент. От того, что тутси и хуту — все «уроженцы и граждане» Руанды, они не превратились в единую нацию, не составили общность, даже воображаемую! Эти сограждане разной национальности с примерным усердием режут друг друга при каждой возможности, не имея для этого особых религиозных, языковых, или социальных оснований, но зато имея более чем достаточные основания вековой этнической вражды и ненависти.

А что творили друг с другом еще недавно сограждане Грузии, такие как грузины, с одной стороны, и осетины и абхазы — с другой? Или, опять-таки, недавние сограждане Югославии — сербы, хорваты, боснийцы и албанцы?

Никаким андерсонам объяснить эти простейшие факты не по силам. Потому-то их так и бесят подобные проявления этнической природы нации, проявления природного, органического, инстинктивного национализма!

Было ли, однако, у испанских колоний, в момент их отделения от Испании, некое реальное основание для порыва к суверенитету? Реальное, то есть основанное на природе вещей? Сложилось ли на этих территориях новое природное сообщество, новая этническая идентичность?

⁷ Андерсон иногда раздражается сентенциями, которые просто невозможно прокомментировать, например: «Будучи как исторической фатальностью (!), так и воображенным сообществом, нация преподносит себя как нечто в одно и то же время открытое и закрытое» (164). Если понимать под нацией согражданство, чем он до сих пор только и занимался, то что же тут закрытого? Подай запрос, получи документы и стань гражданином этой «нации»... Но вот в подлинную нацию (без кавычек) вам никто, кроме папы с мамой, пропуски не даст!

⁶ Очевидно, Андерсон имеет в виду ранее цитированные слова Боливара о том, что негритянский бунт «в тысячу раз хуже, чем испанское вторжение».

Конечно, было. Конечно, сложилось. Оставим в стороне хроническое заблуждение Андерсона, якобы рождение наций в Латинской Америке опередило Европу, и ответим на этот, в сущности, очень простой вопрос. Собственно, на него письменно уже ответил пресловутый Симон Боливар. Дело в том, что вторичная раса «метисов» (Андерсон неточно пишет о «креолах»⁸) к этому времени уже состоялась, и Боливар в 1819 г. высказался с ясным и острым пониманием этого собственного нового единства и своеобразия:

«Следует вспомнить, что наш народ не является ни европейским, ни североамериканским, он скорее является собой смешение африканцев и американцев, нежели потомство европейцев... Невозможно с точностью указать, к какой семье человеческой мы принадлежим. Большая часть индейского населения уничтожена, европейцы смешались с американцами, а последние — с индейцами и европейцами. Рожденные в лоне одной матери, но разные по крови и происхождению наши отцы — иностранцы, люди с разным цветом кожи»⁹.

Именно отсюда, из этой причины — неизбежное следствие: необходимость самоопределиваться и утвердить свою

⁸ Слово «креол» имеет несколько значений. Мы привыкли понимать под этим — лиц с примесью негритянской крови (мать Пушкина, Надежду Осиповну Ганнибал, именовали «прекрасной креолкой»). Креолами у нас называли также помесь русских с алеутами и камчадалами. Но есть и традиция, в соответствии с которой Андерсон имеет в виду туземных представителей колонизирующей нации в Латинской Америке, независимо от национальности. Однако в таком случае речь о подмесе инорасовой крови не идет, а это ведет к заблуждению относительно этничности восставших. Характерная для автора неточность!

⁹ Боливар С. Избранные произведения. М., 1983. С. 83.

новую, вызревшую за века тотальной метисации этническую идентичность, как бабочке необходимо в один прекрасный день выйти из куколки и завершить свой метаморфозис. Но как завершить его и как достичь совершенно отдельной, оригинальной идентичности, если по-прежнему считать материнской страной Испанию и вести свое происхождение, свои корни от испанцев? Ясно, что это совершенно невозможно, и поэтому в повестку дня ставится совсем иная модель: необходимо максимально дистанцироваться, а в конечном счете — противопоставить себя Испании и испанцам, чтобы сказать: мы — не испанцы, а перуанцы (венесуэльцы, эквадорцы, колумбийцы и т.д.).

По идее, в силу более-менее общей этничности всего населения испанских колоний, там могла бы образоваться единая огромная страна, выражающая общий суверенитет этой этничности — истинной нации, но вступил в действие Первый закон элит («лучше быть первым в провинции, чем вторым в Риме»), и вместо этого там сегодня обнаруживается более тридцати государств. Но можно ли вообще государства Латинской Америки считать национальными, если они не созданы разными нациями и не вмещают каждое — свою особую, отличную от других нацию? Чем так уж гондурасец отличается от колумбийца? Одна (более-менее) кровь, одна религия, один язык, общая (более-менее) история, общий культурный бэкграунд¹⁰... Нет никаких оснований

¹⁰ Мнение, что население этих государств отличается в силу разнообразности индейских племен, их населяющих, несостоятельно по двум причинам: 1) история заселения Америки палеоазиатскими монголоидами указывает на конечное генетическое (этническое) родство всех индейских племен; 2) при образовании испанских или португальских провинций никто не спрашивал, где и кто проживает, и демаркация границ проводилась без учета этнических границ племен. На от-

считать, что в Латинской Америке столько же наций, сколько государств.

Парадоксально, но факт: когда очередной фрагмент единой латиноамериканской расово-этнической смеси добивался суверенитета и государственности, он немедленно объявлял себя «нацией» — во французском (сийесо-ренаново-андерсоновском) понимании, разумеется, поскольку много ему просто не дано. В результате, к примеру, ст. 12 Конституции Республики Панама (1946 год) гласит: «Государство обязано всеми имеющимися в его распоряжении средствами методически и постоянно приобщать интеллектуально, морально и политически к Панамской нации все группы и всех индивидуумов, которые, родившись на территории Республики, не связаны, однако, с нею; обязанностью государства является так же содействовать духовной ассимиляции тех, кто собирается получить панамское гражданство по натурализации»¹¹. Понятно, что свежеиспеченная «панамская нация» — есть именно «конструкт» (если бы все нации были таковы, пришлось бы признать правоту конструктивистов), ничем, кроме подданства, не отличающийся от гипотетической гондурасской, костариканской, гватемальской или тому подобной «нации», поскольку этнически все они — абсолютно одно и то же: помесь индейцев, негров и европейцев, главным образом, испанцев и португальцев.

Нелепость и искусственность латиноамериканского («панамского») подхода хорошо выявляется на фоне ст. 2 Конституции Йемена, где сказано куда

дельность еще могут претендовать наследники великих культур — инков (Перу), ацтеков (Мексика; ольмеков и майя не учитываем, они исчезли слишком давно, наследников нет). Но это наследие сегодня чисто умозрительно, оно не живет в наследниках, существует как осто музейный артефакт.

¹¹ Конституции государств американского континента. М., 1959. Т. 3. С. 13.

более грамотно с точки зрения этнополитики: «Йеменский народ — единый, он является частью арабской нации... Йемен составляет историческое, экономическое и географическое единство»¹². Тут нет противоречия, ибо арабская нация вся в целом добилась суверенности и государственности, хотя в рамках не одного, а многих государств. Тем не менее, расово-этнически это пока что единая нация, и йеменцы совершенно адекватно отразили это понимание в своей Конституции.

Так и в данном случае было бы более грамотно говорить о панамском согражданстве единой латиноамериканской нации.

Однако не вполне справедливо обвинять панамцев в неадекватности, ибо, во-первых, сам теоретический вопрос — не из простых, а во-вторых, латиноамериканская вторичная раса — явление для Нового времени вполне беспрецедентное, требующее, возможно, именно подобных искусственных решений. Но для других, естественных, наций пример Панамы и т.п., разумеется, не указ.

Нам, бывшим советским гражданам, не нужно долго объяснять произошедшее в т.н. Западной Испании 200 лет назад, благо у нас свой пример перед глазами: Украина и украинцы (вчерашние малороссы), утверждающие свою идентичность на яростном противопоставлении себя, своей этничности — России и русским. Полностью игнорируя и попирая при этом историю, антропологию и даже, как недавно абсолютно точно выяснилось, генетику¹³. Характерно название книги, изданной под именем второго украинского президента Леонида Кучмы: «Украина — не Россия», выдающее все комплексы

¹² Конституция Народной Демократической Республики Йемен. М., 1980. С. 15.

¹³ См.: *Балановская Е.В., Балановский О.П.* Русский генофонд на Русской равнине. М., 2007.

и судороги вновь народившегося украинского национализма.

Именно то же самое происходило и в Латинской Америке двести лет тому назад. Аналогия тут полная и совершенная. Именно креолы и продемонстрировали там действие Первого закона элит. Но смешно и нелепо считать, будто данный процесс совершался впервые во всемирной истории. В ходе распада любой империи, где на окраинах шла этническая метисация и возникали вторичные этносы, происходила затем аналогичная история с этническим самопереопределением — взять хоть такой осколок Римской империи, как румыны и отчасти даже молдаване. Но даже задолго до распада и отчасти предвещая и ускоряя его, опять же на окраинах империи, периодически вспыхивают войны покоренных этносов за независимость: та же Югуртинская война, так живо описанная Саллюстием (примеры можно приводить бесконечно). Вот Боливар, к примеру, — это и есть Югурта своего времени. А Югурта, соответственно, — Боливар своего, только менее удачливый в итоге. Никакого принципиального отличия вы не найдете, как ни ищите.

Андерсон не знает или не задумывается об этом? Тем хуже для него.

Он учитывает лишь более поздние империи и, соответственно, более поздние их распады на национальные государства? Тем хуже для него.

Почему мы должны ему верить?

Понятно также, что Андерсону было любо искать подкрепление своей теории в том материале, которым он занимался профессионально. Он не случайно подробно ссылается на то, как колонизаторы с помощью переписи соединяли разные племена, этнические группы — в большие общности: «малайцы», «индонезийцы», «филиппинцы» и т.д. (186–195).

Информация важная и интересная: она как раз и показывает наглядно рукотворность псевдонаций, созданных

искусственным путем, когда многие народы и племена, веками сохранявшие свою идентичность, бывали слиты в единую общность волей белых господ. На этих примерах мы лишний раз убеждаемся, что это вполне возможно: 1) создать искусственную общность, 2) скрепить ее согражданством, а потом — 3) продекларировать воображаемое сообщество («нацию»), которое затем 4) навязать как новую идентичность тем племенам, из которых все слеплено. Четкий четырехступенчатый процесс.

В точности так же, в четыре приема, и «советский народ» пытались когда-то создать большевики, захватившие Россию, прямо и открыто ставившие своей задачей вывести тут «новую породу людей».

Не факт, однако, что такая общность и такое сообщество закрепятся и выдержат испытание временем. Если племена имели реальные биологические различия, они рано или поздно разделятся, и общность развалится. Как развалился искусственный, «воображенный», а потому непрочный «советский народ».

Итак, Андерсон довольно живо преподнес нам две модели искусственного создания наций: в одном случае — по воле оккупантов (в Индокитае), в другом случае — по воле элит оккупированных народов, поднявшихся на восстание (в Латинской Америке). Но в том и другом случае не подлежат сомнению три обстоятельства: а) насилие, лежащее в основе процесса; б) искусственность границ новых общностей; в) не просто игнорирование, но прямое отрицание оккупантами или инсургентами естественной, кровной, этнической основы новых общностей — во имя государства, в одном случае при объединении разных отдельных этносов в единое согражданство (в Индокитае), в другом — при разделении сложившегося этнического единства на разные согражданства (в Латинской Америке).

Однако зададим себе простой вопрос: действительно ли новые андерсоновские «нации» имеют эталонный характер? Все ли нации в истории мира создавались подобным искусственным образом? Все ли пренебрегали кровной близостью в своем становлении, ориентируясь лишь на согражданство?

Конечно, нет! Я уж даже не буду говорить о древнейших нациях типа шумеров, вавилонян, спартанцев, афинян, мидийцев, лидийцев, персов или римлян и т.д. Но вообще все кровнородственные общины, на основе которых сегодня существуют весьма многие народы и нации, только так и поддерживают свое существование в веках. Один из ярких примеров — евреи. Официально (!) принадлежность к еврейству может быть установлена двояко: через религию (это путь весьма сложный и не основной) или — через кровь. Они всегда — от Авраама и Исаака — знали это и придавали этому значение. И культивировали, и ввели принцип крови вначале в религиозный, а теперь и в государственный закон. Поэтому всегда оставались нацией, даже потеряв государственность, и остаются ею по сей час, даже теряя религиозную веру.

Андерсон утверждает: «Национализмы XX века имеют, как я доказывал, глубоко модульный характер. Они могут опираться и опираются на более чем полуторавековой человеческий опыт и три ранние модели национализма» (153). Но никакому настоящему националисту не придет в голову признать вышеназванные новоиспеченные страны — нациями, да еще в ранге «модульной концепции», и обращаться к ним за опытом нациестроительства. Особенно, когда у нас перед глазами есть примеры успешного становления еще более новых, однако реальных наций и национальных государств, где в основу положен принцип этничности, — евреев с Израилем, казахов с Казахстаном, украинцев с Украиной, прибалтов с их лимитрофами и проч.

Андерсон почему-то считает, что ев-

ропейскими странами XX в. учитывался опыт «креольских националистов». Где тому свидетельства, хоть одно? Кто вообще на них смотрел, на эти вчера возникшие и уже богом забытые игрушечные страны, кто их всерьез воспринимал?! Если и знали, то лишь Панаму из-за канала, одноименной аферы да головного убора «панамка». Ну, еще немцы предусмотрительно готовили кое-где там себе территории спасения на случай краха во Второй мировой войне — именно из-за забытости-заброшенности этих стран, где можно было укрыться от мира. Но чтобы учиться у них?! Подражать им?! Пусть бы Андерсон подтвердил свои слова хоть чем-то!

Вместо подтверждения и примеров Андерсон воображает на ходу:

«Эти модели... помогли придать форму тысячам рождающихся мечтаний. Уроки креольского языкового и официального национализма... копировались, адаптировались и совершенствовались».

С чего он это взял? Чем доказал? Где свидетельства преемственности опыта?

А он все продолжает и усугубляет: «Национализм с конца XVIII в. находился в процессе модульного перенесения и адаптации, приспособляясь к разным эпохам, политическим режимам, экономикам и социальным структурам. В итоге эта “воображаемая общность” проникла во все мыслимые современные общества» (175).

Смешно: «полуторавековой опыт»... Разве это срок для истории? Как будто не было национальных и националистических Афин, Спарты, Рима, Израиля, Иудеи, Ирана, Китая, Эфиопии и др.! Как будто Испания, породившая большую часть стран Латинской Америки, не была уже к моменту экспедиции Колумба национальным государством испанцев (именно в том самом 1492 г. освободившись от мавров и евреев)! Вполне национальным государством была к этому времени и Португалия. «Уроки креольского национа-

лизма» — это значит, что яйца будут учить курицу...

Сосредоточение Андерсона на судьбе стран, имеющих ничтожные истории (срок менее 500 лет — это еще не история), приводит его к поразительному своей нелепостью заключению: «Поскольку у нации нет Творца, ее биография не может быть написана по-евангельски, “от прошлого к настоящему”, через длинную прокреативную череду рождений... Единственная альтернатива — организовать ее “от настоящего к прошлому”: к пекинскому человеку, яванскому человеку, королю Артуру...» (222).

Нет у нации Творца — ничего себе довод против историзма как метода в социальных науках! Не знаешь даже, как и комментировать такой антинаучный выпад против всей историософской традиции от Геродота до наших дней. Но для нас, адептов исторического материализма, роль Творца привычно исполняет Природа, и она-то и ведет здравомыслящее нациеведение «от прошлого к настоящему», именно «через длинную прокреативную череду рождений»: семья — род — племя — народ — нация. Но Андерсон, боюсь, этого понять никогда не захочет.

Пароксизмы экзотизма

Поскольку Андерсона как конструктивиста не может устраивать естественно-историческое объяснение возникновения наций путем эволюции этноса от рода к племени и далее, он вынужден выдумывать все новые, порой весьма экзотические механизмы, якобы создающие нации из отдельных, атомизированных личностей (где он таких нашел за пределами Новейшего времени, я сказать не берусь). И не менее экзотические способы проявления национальной идентичности и национализма.

Андерсон не знает и не понимает, что природу нации невозможно постичь, не проникнув в природу первичного по отношению к ней этноса, а природа этноса непостижима вне по-

стижения природы первичной по отношению к нему расы. Поэтому он ищет ответ совсем не там, где следует:

«По моему мнению, для ответа на этот вопрос нужно прежде всего обратиться к культурным корням национализма» (32).

Получив такой ответ, можно уже быть абсолютно уверенным, что приблизиться к истине автору не удастся никогда.

Убедимся в этом на примерах из его текста.

1. Известный солдат важнее неизвестного. Свой первый заход на тему культурного базиса националистической надстройки Андерсон явно делает не с надлежащей стороны. Не знаю, откуда и почему Андерсон обогатился таким странным мнением, будто «у современной культуры национализма нет более захватывающих символов, чем монументы и могилы Неизвестного солдата» (33). Это очень самоуверенно, безапелляционно и неверно: ведь неизвестный солдат — он и есть неизвестный, какой он был нации (этничности) — сего не ведает никто. Под плитой может лежать как Иванов, так и Хабибулин или Рабинович. Конечно, в любом случае честь и слава им, павшим за Родину, но Родина — это еще не нация. А ведь для нас, националистов, незыблем принцип «нация первична — государство вторично», чем мы и отличаемся от простых патриотов.

Лично меня как националиста эти монументы волнуют в неизмеримо меньшей степени (в них есть, по-моему, некое умственное кокетство и искусственная пафосность, не свойственные русским и не трогающие душу), чем мемориалы подлинного героизма русских воинов, щедро рассыпанные трагической судьбой по всей нашей земле. Вот перед ними, порой скромными и неказистыми столбиками с несколькими русскими фамилиями, я всегда снимаю головной убор, а иногда и слезу смахиваю, вспоминая, что где-то

под Осташковом так же лежит в родной земле моя бабка Таисия Дмитриевна Севастьянова, капитан медицинской службы (1902–1943), которую я так и не видел никогда.

И вообще, у нас есть символ получения: Минин с Пожарским, вполне известные русские вожди русского народного ополчения.

Андерсон пишет далее на полном серьезе, хотя звучат его слова как издевательство: «Культурное значение таких памятников становится более ясным, если попытаться представить себе, скажем, Могилу неизвестного марксиста или Памятник павшим либералам. Можно ли при этом избежать ощущения абсурдности?» (33).

Ну, и о чем говорит данное сравнение? Да только о том, что идеологии — есть нечто вторичное, не задевающее наших глубинных чувств, а вот национальный герой, т.е. герой, павший за нацию, за свою «большую семью», — задевает. Нашел, в самом деле, что сравнивать. Своих героев, что ли, у него маловато?

2. От филологической революции — к революции национализмов. Именно так выстраивает Андерсон свой очередной экзотический тезис (99).

Он много рассуждает о значении языковой неоднородности людей¹⁴, но,

¹⁴ Андерсон упорно полагает, что «соединение капитализма и техники книгопечатания в точке фатальной разнородности человеческого языка сделало возможной новую форму воображаемого сообщества, базисная мифология которого подготовила почву для современной нации» через унификацию диалектов (64). Поистине «легкость в мыслях необыкновенная»! С каких это пор печатная продукция унифицирует диалекты? Этим все-раз занимается только радио и ТВ. Ведь диалекты — это прежде всего различия в фонетике, произношении одного и того же языка. Но даже если печать унифицирует диалекты, что с того? Почему надо так упираться в этот факт, так преувеличивать его значение? Разве

разумеется, до истоков человеческого языка дойти даже не пытался и понять их биологическую сущность не сумел. Между тем, как замечательно сформулировал наш ведущий расолог Владимир Авдеев: «Каждый народ имеет тот язык, которого он биологически достоин».

Грубо говоря: не венгерская нация образовалась благодаря легализации венгерского языка в Австрийской империи Габсбургов, а венгерский язык возник в ходе этногенеза и исторического движения венгров никак не позднее IX в. н.э. Этническая субстанция первична по сравнению со всеми ее проявлениями (феномен — по сравнению с любыми эпифеноменами: язык лишь частный случай). И она-то и лежит в основе наций и национализма.

Андерсон спокойно меняет местами причину и следствие, феномен и эпифеномен, явление и его свойства.

Весь акцент у него, определенно, на родном языке (172)¹⁵. Он совсем не по-марксистски исходит из примата филиации идей, упирая на то, что первой фазой национализма в Европе было якобы низложение латыни — единого священного языка христианского мира, место которого к XIX в. повсеместно заняли создаваемые, опять-

он унифицирует диалекты французские — с немецкими? Устраняет принципиальное различие языков? Нет, только по отдельности: отдельно диалекты французские, отдельно немецкие. Но нации-то характеризуются языками, а не диалектами. Так что никаких новых сообществ печать не создает, а только унифицирует, консолидирует весьма старые.

¹⁵ У Андерсона идет определенная переключка с Геллнером, также придающим чрезмерное значение факторам языка, религии, культуры. Только Геллнер заявляет, наоборот, о некоем «панроманском национализме» на базе латинского языка и католицизма. Как мы понимаем, национализм в принципе не может быть «пан-», или это уже не национализм, а какая-то иная, суперэтническая форма солидарности.

таки якобы, *ex nihil* (!) национальные языки. В его изложении Мартин Лютер, переведший Библию с латыни на немецкий и развернувший на родном языке пропаганду лютеранства, предстает неким титаном, чуть ли не создавшим, через обращение к немецкому языку и с помощью печатного станка, немецкий национализм. А уж тот, в соответствии с учением Геллнера, создал и саму немецкую нацию.

В общем: печатный капитализм плюс Реформация — и перед вами новая нация.

Ход мысли Андерсона мне представляется неудачным. Перед нами, прежде всего, культурологическое заблуждение, большая фактическая ошибка.

Андерсон отчасти прав по сути, а именно: обретение национальной религии играет существенную роль в формировании национального сознания (среди самых ярких примеров — евреи, индусы, китайцы, арабы, парсы, друзы и мн. др.). Если национализация религии происходит через перевод ее на национальный язык, как это было с христианством, — что ж, и такой частный случай иногда встречается. Хотя по своим истокам христианство вообще не имеет отношения к Европе и европейцам, а по своей интернациональной сути в принципе не способно стать ничьей национальной религией. Но национальные модификации любой религии, играющие роль этноразграничителей, как известно, вполне возможны, и это дает иллюзию того, что они не только разграничивают, но и конституируют (а для конструктивистов, конечно же, — конструируют) этносы.

Вместе с тем Андерсон очень сильно преувеличивает обе стороны процесса: как приоритет Лютера в эмансипации европейских языков (правильнее было бы сказать: языков германской группы), так и «сокровенность» средневековой латыни и ее последующее прогрессирующее ничтожество. Конечно, Лютер виртуозно использовал немец-

кий язык, но разве Лютер его создал? И разве его творчество отменило широкое использование латыни вообще? Факты говорят об обратном.

Во-первых, уже в 1518 г. в Аугсбурге вышел из печати анонимный перевод Библии на немецком языке, выполненный еще до Лютера — *Bibel teutsch* (так!). Экземпляр, бывший в составе т.н. «Готской библиотеки», ныне хранится в библиотеке ИНИОН в Москве. Предпринимались и другие переводы. Это, конечно, великая редкость, но она однозначно свидетельствует: Лютер вовсе не был первым (его перевод Библии увидел свет в 1522 г.), потребность немцев в массовом приобщении к христианству на родном языке уже созрела и без него.

Но главное — созрел сам немецкий язык, задолго до Лютера и без его участия. Язык, несомненно, — важнейший атрибут этничности, хоть он и вторичен по отношению к ней как таковой, и немцы тут не исключение. В XX в. был издан 16-томник немецкого средневекового и ренессансного фольклора, но собран-то он был еще в XVI веке современником Лютера, гуманистом и филологом Иоганном Фишардом (кстати, первым переводчиком Рабле на немецкий язык). Творцом всего этого филологического богатства был немецкий народ, а срок сотворения языка меряется многими-многими тысячелетиями. Высокого совершенства достиг и литературный немецкий язык задолго до Лютера (вспомним хотя бы «Путешествие в Святую Землю» Брейденбаха, «Всемирную хронику» Шеделя или «Корабль дураков» Себастьяна Брандта, вышедшие еще в XV в.). Именно немецкая нация создала и свой язык, и типографическую культуру, и, в конечном счете, самого Лютера. А вовсе не наоборот.

Во-вторых, всего от первых изданий Гутенберга до 1501 г. было выпущено 40 тыс. наименований изданий общим тиражом около 20 миллионов экземпляров. По современным под-

счетам, 77% этих книг (т.н. инкунабул) было издано на латинском языке¹⁶, но лишь 30% всего репертуара трактовало вопросы веры. Латынь к этому времени уже прочно стала международным языком не только религии, но и науки, и дипломатии, и юриспруденции и т.д. Она с раннего Средневековья была основной основой школьного образования во всех странах Запада, а потому вовсе не была так уж ограниченно понятна узкому-де кругу образованных людей (необразованные Андерсоном в расчет не берутся, и правильно) и вовсе не торопилась сдавать свои позиции под натиском национальных языков. Ее удельный вес в книгоиздании более-менее сохранялся и после Лютера, по крайней мере до XVIII в. С другой стороны, мы видим, что часть книг печаталась на национальных языках и в инкунабульном периоде, задолго до Лютера.

Итак, автор явно преувеличивает роль немецкой Реформации и книгопечатания в становлении европейских национализмов. Немецкий протестантизм (лютеранство) не стал национальной религией даже в близкородственной Швейцарии (там утвердился кальвинизм); какое же, тем более, было дело до лютеранских текстов французам или англичанам, какие национальные чувства они могли в них разбудить? Что касается, скажем, французского национального языка, то его создавали не кальвинистские проповедники, а труверы, певшие о Роланде, менестрели, авторы куртуазной поэзии, Франсуа Вийон и Франсуа Рабле, поэты «Плеяды», потрясающая школа французской историографии...

Всего этого Андерсон, конечно, не знает и не учитывает.

Зато он сам ведь и напоминает, что «универсальность латыни в средневековой Западной Европе никогда не соотносилась с универсальной поли-

тической системой... Религиозный авторитет латыни никогда не имел подлинного политического аналога» (63).

Попросту говоря, нации существовали и до Лютера. (К примеру, не вредно вспомнить, что «*Sancta Romana Imperia Germanorum*», созданная Оттоном Первым за пятьсот лет до виттенбергского монаха, переводится у нас как «Священная Римская Империя немецкой нации», что характерно.) Соответственно, бунт против латыни со стороны национальных культур никак не может считаться первопричиной национализма. А уж особенно в ряде германских государств и в Священной Римской Империи, впоследствии Австрии, где немцы, несмотря на Лютера, прекрасно пользовались латынью как официальным языком еще в XIX в., как сам же автор и отмечает.

Теория лингвистического происхождения национализма (в ходе эмансипации национальных языков внутри разнообразных империй и утверждения их норм с последующим появлением национальных литератур¹⁷), как видим, не выдерживает критики. Андерсон завирается не только в идее, но и в деталях, что говорит об одном: человек просто взялся не за свое дело, подошел к теме подилетантски. С чем его доверчивых адептов и поздравляю. Особенно хорошо это видно на примере русских¹⁸

¹⁷ Пространные экскурсы в изученные Андерсоном филиппинскую, мексиканскую, индонезийскую литературы ничего не дают, играют роль пустого наполнителя, придающего мнимую фундированность книге. Поскольку эти насковзь вторичные литературы, целиком и полностью производные от великой европейской литературы, вообще ничего предложить для нашего сердца и ума уже не могут. Отдадим должное экзотической эрудиции автора и пройдем мимо сего материала.

¹⁸ Один штришок, рисующий нам знатока культуры Б.А.: он утверждает, что в XVIII в. в «династическом государстве» под названием «Дом Романовых» официальными языками

¹⁶ L. Febvre, H.-J. Martin. The Coming of the Book: The Impact of Printing 1450–1800. London & New York, 1984. P. 248–249.

и венгров, о которых он берется судить.

Нелепо выглядит его ссылка на создание шеститомного академического словаря русского языка (1789–1794) и первого, по мнению Андерсона, учебника русской грамматики (1802), которые наш автор трактует как «победу разговорного языка над церковнославянским» (94). Следует здесь заметить, что первая русская грамматика вышла во Львове в 1591 г.; автор ошибся на двести лет, ни много ни мало¹⁹. Следом русская «малая грамматика» была написана Карионом Истоминым на рубеже XVII–XVIII вв. Наконец, «Русская грамматика» Михаила Ломоносова вышла из печати в 1757 г. (ошибка автора почти в столетия)²⁰. Пусть это мелочи, но показательные.

А главное, спрашивается, кого же русские победили, от кого эмансипировались таким манером? Разве что от самих себя, прежних. С точки зрения национализма это скорее откат, чем наступление: сегодня торжество национализма могло бы лингвистически выразиться как раз в возвраще-

«были французский и немецкий» (65) — это чистой воды вранье, т.к. все делопроизводство, внутренняя переписка, государственные акты и законодательство велись исключительно на русском языке. Отдельные документы, предназначенные для внутреннего и внешнего употребления, как, например, знаменитый екатерининский Наказ Уложенной комиссии, публиковались на русском и других языках, но это довольно редкий случай. Надо отметить, что вообще все, что Б.А. с апломбом вещает о России, — вопиюще, безобразно некомпетентно.

¹⁹ Написанная греком митрополитом Арсением, она именовалась «Адельфотес, грамматика доброглаголивого еллино-словенского языка совершенного искусства осми частей слова ко наказанию многоименитому Российскому народу» (Львов, 1591).

²⁰ Русскую грамматику Генриха Вильгельма Лудольфа, изданную на латыни в Оксфорде (1696), я уж не беру во внимание.

нии к церковнославянскому языку, безусловно более красивому, сочному, интересному и емкому, чем современный русский, безусловно более прочно связанному с племенным устройством русского мозга, безусловно более «отдельному» от неоиimperского языка (советского новояза) и других языков даже славянской группы. Евреи знали, что делали, когда восстановили иврит, возвращающий их к национальным корням...

Смешным кажется и утверждение Андерсона, будто «первым политическим проявлением венгерского национализма стала в 80-е годы XVIII в. враждебная реакция латиноязычной мадьярской знати на решение императора Иосифа II заменить латинский язык немецким в качестве основного языка имперской администрации» (95).

Во-первых, что это за национализм такой своеобразный, когда один чуждый язык защищают от экспансии другого, не более, но и не менее чуждого (если бы мадьярская знать требовала введения мадьярского языка как официального — тогда другое дело).

А во-вторых, надо совершенно не знать историю венгров, чтобы связать их *политический* национализм с этим поздним *лингвистическим* эпизодом²¹. Кто такие венгры? Это изначально этнические турки (средневековые современники, византийцы, к примеру, их только турками и именовали), шедшие в свое время из Азии в Европу через Урал и перенявшие там, усвоившие в качестве родного один из финских языков. Они явились в IX в. на Дунай,

²¹ Язык представлен Андерсоном как этнообразующий (!) фактор у венгров 1848 г. А кем же венгры были до того? Кстати, для нас, русских, языковой критерий вообще неприемлем. Мы уже никогда не признаем русскими всех русскоговорящих только на основании их русскоговорения. Для нас фальшивость такого критерия полностью выявлена всем ходом нашей трагической истории XX в.

где жили славяне, которых завоевали и поработили и с которыми смешались до полного растворения, поскольку тех было намного больше. Сегодняшние антропологи и генетики уже не обнаруживают в венгерском населении никакого иного этнического субстрата, кроме славянского, невзирая на реликтовый этноним.

Таким образом, складывание средневекового венгерского государства и венгерского народа, изначально тюркского этнически, но полностью ослабявшегося и к тому же финноязычного, — это, безусловно, и есть первый триумф венгерского именно политического национализма. Триумф, одержанный этносом-победителем в политике, вопреки тому, что удержать ни языковой, ни даже этнический суверенитет ему не позволили обстоятельства. И даже дальнейшие превратности судьбы, ограничившие политический суверенитет венгров в рамках Священной Римской Империи *немецкой нации*, не смогли лишить их такой сложной и такой состоятельной идентичности. Нынешнее государство Венгрия являет собой (хотелось бы, чтоб об этом узнал Андерсон) вовсе не нечто новое на политической карте мира, а лишь возврат венгров к своей национальной государственности, временно ограниченной немцами в прошлом.

Андерсон именно на примере венгров впадает в своего рода лингвистический кретинизм: «Если «венгры» заслуживали национального государства, то это означало: все венгры без исключения. Этим подразумевалось такое государство, где конечным средоточием суверенитета должно было стать сообщество говорящих и читающих по-венгерски; далее, в свой черед, должны были последовать ликвидация крепостничества, развитие народного образования, экспансия избирательного права и т.д.»²². Но при

этом сам же указывает в примечании: «В этом вопросе не было полной ясности. Половину подданных Королевства Венгрии составляли немадьяры. Лишь треть крепостных крестьян говорила по-мадьярски. В начале XIX века высшая мадьярская аристократия говорила на французском или немецком языках, среднее и низшее дворянство разговаривало как на устном немецком, так и на вульгарной латыни, пересыпанной мадьярскими, а также словацкими, сербскими и румынскими выражениями» (104). Это примечание, вообще-то, полностью опровергает постулат Андерсона, противоречит ему.

Но есть и еще аргументы против. Например — глухонемой венгр: как удостоверить его венгерство? Куда его деть? Выкинуть из национального государства? Или: говорящий по-венгерски, но неграмотный венгр: его куда? Если же снять критерий «читающий по-венгерски», тогда все сказанное ранее о роли печати и о «сообществе читателей газет» — пустой разговор (что и требовалось доказать). Потому что говорящие по-венгерски были всегда с тех пор, когда венгры переняли на Урале этот язык себе на ранней стадии этногенеза, следовательно, по логике Геллнера–Андерсона, основания для создания венгерской нации существуют также с тех самых пор!

Словом, Андерсон-филолог не поднялся, прямо скажем, выше уровня автора известной работы «Марксизм и вопросы языкознания». Он широко обобщает:

«Всегда будет грубой ошибкой трактовать языки так, как трактуют их некоторые идеалистические идеологии (кто бы говорил! — А.С.) — а именно, как *внешние символы* национальности, стоящие в одном ряду с флагами, костюмами, народными танцами и про-

«концептуальную модель», созданную в Латинской Америке. (Это, конечно, вряд ли, чтобы венгры искали своего суверенитета с оглядкой на латиноамериканцев.)

²² Он считает, что такой подход — результат «пиратства», т.е. венгры как бы украли

чим. Неизмеримо важнее способность языка генерировать воображаемые сообщества и выстраивать в итоге партикулярные солидарности. В конце концов, имперские языки — это все-таки национальные языки, а стало быть, особые национальные языки среди многих» (152).

Но это обобщение неверно. Андерсон думает, привычно отождествляя государство (даже империю) и нацию, что если разные племена в этническом конгломерате, стиснутом общим согражданством, говорят на одном языке (пусть и на языке порабощенных, колонизаторов), — так перед нами уже «нация», говорящая на своем (!) «национальном языке».

Ничуть не бывало!

Возможно, тутси и хуту в Руанде говорят на общем «руандийском» языке, но нацией от этого не стали — и доказали это максимально убедительно, взаимно вырезав тысяч по двести живых людей с каждой стороны. А факт тотального русскоговорения на постсоветском пространстве не уберет оно пространство от уже более 150 кровавых конфликтов на национальной почве. То же можно сказать и об Индии, массово и официально говорящей сегодня по-английски, ибо ни один из сорока ее языков не будет добровольно принят остальными в качестве государственного. Но эта англоязычность вовсе не делает нацию единой, о чем не дают нам забыть события в Кашмире, Шри-Ланке, Бангладеше и др. То же скажем и о народах бывшей Югославии, которым общность языка насколько не помешала скатиться в череду кровавых братоубийственных войн. Со всей очевидностью скажем: югославы нацией не стали. Примеры можно умножать.

Познавший толк в языкознании Андерсон²³ глубоко неправ по существу.

3. «Жеватели мастик — читатели газет». Как понимает читатель, любая идентичность ни в чем не проявляется так ярко и очевидно, как через участие в конфликтах. Соответственно, национальная идентичность — через участие в этнических войнах, через национальные конфликты. Потому что вечная, завещанная нам Природой оппозиция «свой — чужой», лежащая в основе активного национализма, именно в данной ситуации обостряется до предела. И уж во всяком случае, вряд ли кому придет в голову искать причину образования нации в чтении общих газет на одном языке.

Андерсон же навязывает нам именно эту экзотическую мысль — о нации как воображаемом сообществе «читателей газеты» (57–58). Он приводит в пример таких читателей газет — буржуа Лилля и Лиона: «У них не было необходимости знать о существовании друг друга; они обычно не заключали браков с дочерьми друг друга и не наследовали собственность друг друга. Однако они сумели представить себе существование тысяч и тысяч им подобных через посредство печатного языка... (А то они такие идиоты, что раньше этого не знали. Да неграмотный русский крестьянин — и тот знал, к примеру, что Россия — это “машина”, “силища”: “Всем народом навалить-

ту с языком», в завоевании национальными языками полноправия при отсутствии политического суверенитета, с тем, чтобы потом поставить вопрос и о нем. То есть, в конечном счете, в становлении наций (на примере финнов, норвежцев, буров). Это интересно. Спору нет, языковая эмансипация есть один из факторов и вместе с тем симптомов национального становления, того самого «пробуждения нации», которое склонно отрицать конструктивисты. Но не более того. Это не самодвижущаяся модель, не локомотив целого процесса суверенизации, а лишь одна из составляющих, главным же двигателем является совсем другое (тут разговор выходит за рамки моей задачи).

²³ Отдадим должное: Андерсон приводит любопытные сведения о роли людей, «чья профессия включала главным образом рабо-

ся хотят”. — А.С.) Таким образом, со всемирно-исторической точки зрения, буржуазии были первыми классами, достигшими солидарностей на воображенной, по сути, основе» (99).

Так Андерсон попытался сам себе ответить на тот свой жгучий, но безответный вопрос Карлу Марксу по поводу возникновения «национальных буржуазий», о котором я упоминал выше.

Вот в этом-то весь трюк и состоит: подмена нации — национальной солидарностью, причем на ненадежной (см. выше) языковой основе. Но разве это довод? Разве нет солидарности без газет? Разве газеты надежно ее обеспечивают? Возьмем-ка в соображение простые вещи:

1) крысы газет не читают, однако их племенной солидарности позавидует любой националист, а тем более лионский буржуа;

2) в Древнем Риме никаких газет не выходило, а римская национальная солидарность была такова, что Муций Сцевола за нее сжег собственную руку на вражеском жертвеннике;

3) газеты «Правда» и «Известия» на русском языке читали все народы СССР, но это не добавило им солидарности, не сделало единой нацией и не спасло страну от распада по национальным границам.

Нелепый пример — читатели газет. Подобных примеров можно насочинять море, не сходя с места: военнотружущие, пассажиры поезда или метро, радиослушатели и проч. Это все произвольные сообщества, вызываемые к жизни от случая к случаю исключительно антропогенными причинами.

Нации же созданы Природой.

Конечно, в уме можно вообразить любое сообщество — хоть популяцию леммингов. Но разве популяции реальных леммингов — есть плод нашего воображения?

Если бы лемминги читали газеты, можно было бы вообразить и новую общность: леммингов-читателей. Зачем? Не важно, ради упражнения

воображения. Можно вообразить леммингов-католиков, леммингов-марксистов — и все это будут поистине воображаемые сообщества.

Но все дело-то в том, что просто леммингов, маленьких зверьков, населяющих тундру, воображать не нужно: они есть — и все тут!

Нацию, как и любой природный феномен, как любую популяцию, хоть тех же леммингов, можно только найти, открыть, описать, но нельзя придумать, создать, вообразить.

Даже если нация искусственна, как метисы-латиносы, она создана естественно-биологическим способом: метисацией — а вовсе не является плодом воображения или вообще сознания.

4. Религия создает единоверцев, но не нацию. Андерсон пытается, по его выражению, «гипостазировать существование Национализма-с-большой-буквы». Принизить, попросту, отнять большую букву. Он дает такой рецепт: «Все станет намного проще, если трактовать его так, как если бы он стоял в одном ряду с “родством” и “религией”, а не с “либерализмом” или “фашизмом” (30). Опять экзотично до невразумительности!

Но: разве «родство» и «религия» вообще могут стоять в одном ряду? Родство имеет природное происхождение, а религия — антропогенна: что же в них общего? Взрослый человек может поменять свою религию, может отказаться от нее. Он может выбрать на старости лет религию себе по душе, даже если был всю жизнь атеистом. Но ни в каком возрасте он не в силах изменить родство, его биологические отец и мать не могут перестать ими быть ни при каких условиях. Помещение этих понятий в один ряд — капитальная ошибка Андерсона, а причисление к нему еще и национализма только запутывает суть вопроса.

Картина, нарисованная Андерсоном, — надуманная, не соответствующая реальности. Он хочет дать по-

нять читателю, что по его мнению национализм сопоставим не просто с рядовыми политическими идеологиями, а с чем-то более значительным. Он сравнивает его с такими большими всемирно-историческими системами, как религиозное сообщество и династическое государство. Из которых национализм якобы появился (!) в их развитие. Логика в таком рассуждении нет нимало.

Взять хотя бы религию. Бесконечные войны греческих городов-государств друг с другом вовсе не смирились единой религией, она не мешала грекам ни убивать, ни поработать друг друга. Андерсон, говоря об истоках национального сознания в Европе в связи с немецкой Реформацией, выводя эти истоки из общности религии и языка, принципиально ошибается не только по времени и по месту события, но и по идее, разумеется. Ведь что как не национальное, племенное сознание, например, афинян и спартанцев, в равной мере принадлежащих к эллинскому языку и религии, но отличающихся этнически, привело к Пелопоннесской войне во вполне еще дотипографскую эпоху! А можно бы привести и несравненно более ранние примеры весьма действенного национализма, не связанного ни с языком, ни с культурой, ни с религией.

Среди наций мира есть одна, для которой ее племенная религия, целиком и полностью замкнутая на национальную идею, национализм, религия, наделяющая святостью как национальной исключительностью всю нацию в целом и каждого ее представителя в отдельности. Она действительно играет конструирующую и консервирующую роль для этой нации. Это евреи. Но данное исключение только подтверждает правило: религии создают этносами, а не наоборот.

5. Государство дает согражданство, но не создает нацию. Не более прав Андерсон, превратно связывая нацию и национализм с государством, ибо го-

сударство, как уже не раз отмечалось, дает согражданство, но не создает нацию. Наоборот, государства создаются нациями. Тут Андерсон превзошел сам себя, ибо он, совершенно не понимая диалектики отношений нации и государства, готов за признаки нации принимать и выдавать внешние атрибуты государственности: «национальные государства, республиканские институты, общие гражданства, суверенитет народа, национальные флаги и гимны и т.д.» (103), — все валит в одну кучу! Уж куда экзотичнее...

Мало того, он, произвольно вводя собственный, иной смысл «нации», открыто отождествляет нацию и национальное государство в связи с темой Лиги Наций (133), что тоже неверно (эта лингвистическая аберрация станет для всех англоязычных бревном в глазу также в связи с ООН). А все потому, что трактует нацию как согражданство: ошибочная трактовка ведет к ошибочному выводу (132).

В итоге Андерсону, как это ни смешно, кажется аномалией, что «для нацистов немец еврейской национальности всегда был самозванцем», и он даже не догадывается, что «немец еврейской национальности» — это сапоги всмятку, абсурд из абсурдов, как «курица орлиной породы» — или, если так поллиткорректнее, «орел куриной породы»! Биологический нонсенс попросту. Этнически чуждые данной нации люди, роды, племена не могут влиться в нее, стать ее частью, это невозможно по определению.

Принципиальное непонимание Андерсоном этнической природы наций приводит его к очевидно нелепым выводам. К примеру, он считает, что «едва ли не в каждом случае официальный национализм (т.е. насаждаемый “сверху”, государственный. — А.С.) скрывал в себе расхождение между нацией и династическим государством»²⁴.

²⁴ Как ни странно (минус на минус дает плюс), у Андерсона невольно получается, что

Отсюда распространившееся по всему миру противоречие: словаки должны быть мадьяризированы, индийцы — англазированы, корейцы — японизированы, но им не позволялось присоединиться к тем путешествиям (в социальных лифтах, вывозящих наверх, имеет он в виду. — А.С.), которые дали бы им возможность управлять мадьярами, англичанами или японцами» (132).

Как характерна для конструктивиста эта ошибка! Ведь какое-то «расхождение» или «противоречие» здесь может усмотреть только незадачливый мыслитель, вбивший себе в голову, что согражданство — это и есть нация. То есть не понимающий ее этническую природу. Для нормального же ученого, особенно националиста, нет ничего более естественного в том, что государствообразующий, имперский этнос (истинная нация) стремится вести осмысленную этническую политику в своих интересах. Ну, не для того же мадьяры создавали свое государство, чтобы ими управляли словаки, или англичане — чтобы попасть под управление индусов, японцы — корейцев и т.д. Еще чего не хватало! Что могло бы быть противоестественнее и глупее! Ни один *нормальный* народ не станет считать своих разноэтничных сограждан — особенно колонизированных, завоеванных, порабощенных — членами одной с собою нации.

То, что Андерсону представляется патологией, есть на самом деле почти всеобщая норма, проявляющаяся, как сам же Андерсон и заметил, «едва ли не в каждом случае». А вот там, где это не так или не совсем так (например, в имперской России, где русскими частенько правили немцы, или в советской России, где место немцев заняли

«официальный национализм» — это вообще не национализм, а патриотизм имперско-династического толка, национализму противоречащий, исключаяющий его. Я склонен с этим согласиться.

евреи), — вот там-то мы и имеем дело с патологией!

Важно правильно понимать самую суть дела: воображаемые сообщества и впрямь существуют, но нет никаких оснований именовать их нациями.

6. Ложка меда в бочке дегтя. Среди экзотических идей Андерсона я нашел одну, не лишнюю рационального зерна.

Он выделяет три фактора, конструирующие, на его взгляд, воображаемые сообщества: перепись, карту и музей.

Но из этих трех факторов лишь перепись, на мой взгляд, действительно может способствовать нациеобразованию, как вымышленному, так и реальному, ибо побуждает переписываемых к национальному самоопределению. Именно так и было некогда в СССР, где перепись населения каждый раз многих людей заставляла национально определяться. Но самоопределение — вещь обоюдоострая, ибо оно может быть как основательным, так и безосновательным, и впрямь воображенным, субъективным, ошибочным. Эту простую мысль легко понять, сравнив принципы национального самоопределения в СССР и в нынешней России.

В первом случае это самоопределение не было произвольным, а требовало документального подтверждения в виде метрики с указанием национальности родителей, поэтому, за исключением самой первой переписи, где национальность устанавливалась на веру, переписи давали обоснованную картину этнического состава населения²⁵. Ибо переписываемый имел возможность выбрать национальность одного

²⁵ Первая советская перепись, как и все довоенные установления национальности по заявлению индивида, также вызывает доверие, ибо в середине тридцатых годов обманывать и скрывать свою национальную идентичность не было смысла (репрессированных народов еще не было).

из родителей, но не взять ее из головы. То есть переписи отражали наличие настоящей, а не воображенной нации. И одновременно способствовали массовому представлению о национальной идентичности всей нации или некоего народа из числа имевшихся в составе Советского Союза.

А вот в случае современной России, где в Конституции довольно глупо записано право человека без каких-либо оснований и ограничений «определять и указывать свою национальность», перепись лишь приблизительно выполняет вышеназванные функции, в связи с чем в новейшей статистике населения России уже появились гномы и эльфы.

И все-таки даже такая перепись важна, тут Андерсон прав, ибо каждая перепись с указанием этничности способствует становлению национальной идентичности и национализма (181–182).

В норме (как было в СССР) — не воображаемых, а реальных. А в патологии (как сейчас в России) возможно, конечно, всякое...

Но Андерсон, увы, привычно путает норму с патологией, а потому склонен преувеличивать значение вышеуказанных факторов: «Итак, карта и перепись сформировали грамматику (так!), которая должна была при надлежащих условиях сделать возможными “Бирму” и “бирманцев”, “Индонезию” и “индонезийцев”» (203).

Что ж, воля господ вообще, бывает, творит чудеса: одни пирамиды египетские чего стоят! Но пирамиды на поле сами по себе не растут, как арбузы, не надо равнять рукотворное чудо с явлением природы, каковым является все имеющее этническую основу.

Чтобы закончить эту тему, скажу два слова о карте и музее, чье значение для нацистроительства Андерсон сильно преувеличивает.

Не думаю, что политические карты свидетельствуют в пользу Андерсона.

Он опирается на мысль никому в нашем полушарии не известного Тхонг-

ная (конструктивисты любят апеллировать бог знает к кому) о создании границ и карт Сиам: «С точки зрения большинства теорий коммуникации и здравого смысла, карта есть научная абстракция реальности. Карта лишь репрезентирует нечто, уже объективно “вот здесь” существующее. В истории, описанной мною, эта связь встала с ног на голову. Именно карта предвосхитила пространственную реальность, а не наоборот» (192).

Ну и что? Все границы новых государств, созданных «сверху» чужой волей, волей колонизаторов, а не вековыми историческими обстоятельствами, таковы.

Вот так, между прочим, и возникают в мире разделенные народы и нации. Посмотрите на карту Африки, Латинской Америки, Индии, Аравийского полуострова, бывшего СССР! Откуда эти прямые линии, разрезающие этносы по живому? Это творчество колонизаторов: ни о чем ином такие политические границы не свидетельствуют. Это только границы государств, но не рас, не этносов и не наций.

Проблема разделенных народов и наций — не мной придумана, она существует реально и признана как в мире науки, так и в мире политики. И это красноречиво говорит о том, что этнические (национальные) и политические границы — это не одно и то же. И о том, что нации вовсе не тождественны государствам.

Ведь и географические карты, или карты природных ископаемых, или карты флоры и фауны не совпадают с политическими, однако это не дает нам оснований сомневаться в наличии морей, гор, пустынь и лесов, залежей угля и нефти, популяций растений и зверей, имеющих вполне четкие границы, — и считать их воображенными объектами.

Точно так же не совпадают этнические и политические карты. Особенно хорошо это видно в случаях разделенного положения той или иной нации: китайцев, корейцев, осетин, лезгин,

азербайджанцев, русских (недавно — немцев, вьетнамцев и др.) и т.д.

Биологические данности (типа популяций, этносов, наций), как и географические — это данности естественные, реальные, а вовсе не воображаемые. А вот политические — дело другое, они зачастую искусственны, не имеют привязки к естественным общностям, поэтому их границы так условны. Но вывод отсюда — только один: сотворенная Природой нация и сотворенное людьми государство — не одно и то же. Не нужно их путать. Нации следует рассматривать как естественные, а не как политические сообщества. Тогда не возникнет неразрешимых противоречий в теории и на практике.

Что же касается музеев, то они, на мой взгляд, не только не поддерживают теорию Андерсона, но прямо противоречат ей, работают против нее. Ведь именно музей увязывает каждый артефакт с тем или иным, но каждый раз конкретным этносом, его историей, а сами этносы отчетливо предстают как они есть — в виде субъектов всемирной или региональной истории. Артефакты всегда имеют четкую этническую прописку. И если представитель некоего племени забыл о своей к нему принадлежности и вообразил себя членом обобщенной «нации» (в андерсоновском понимании слова), ему достаточно прийти как раз-таки в музей, где ему напомнят о его корнях, о его истинном происхождении.

Именно археология и этнография, сосредоточенные в музеях, окончательно разрушают условность политической карты, выявляя локальные культуры, зачастую ничего общего (и особенно — общих границ) не имеющие с этой картой. Реальная история реальных общностей, которую мы читаем по витринам музеев, опрокидывает «воображаемые сообщества», как карточный домик. В частности, это одна из причин, по которой ни вообразить, ни сконструировать нацию «россиян» в границах Российской Федерации никогда не

получится: наши музеи кричат о том, что Россию создали русские (истинная нация), а не «россияне» (воображаемое сообщество). И напротив, поиск исторических корней воображаемого сообщества «россиян» не даст ничего.

Уж если всерьез говорить о воображаемых сообществах, так это — конфессии и партии, ибо они в своей основе не имеют ничего, внеположного сознанию, ничего материального, ничего биологического, природного. А национальная идентичность, пробивающаяся через все вымышленные, надуманные идентичности, выламывающаяся из них, — это настоящий бунт реальной жизни против религиозного и/или идейного дурмана, против выдумки, вымысла, воображения.

Каменный цветок национализма

Не разгадав феномен нации, конструктивист не способен, естественно, раскрыть природу национализма. Не дается в нечуткие и враждебные руки каменный цветок!

Андерсон, к примеру, постоянно путает национальность с гражданской принадлежностью (а вследствие этого — национализм с патриотизмом). Вот пример: «Если я латыш, то моя дочь может быть австралийкой» (163). Но «латыш» — это этничность, а «австралийка» — это гражданство, ибо такого этноса в природе не было и нет. Аборигены — это тоже австралийцы, но у них нет ничего общего с иноэтничными австралийцами, кроме территории совместного проживания — материка Австралия — и общего подданства. (Как и у индейцев с англо-саксами и прочими иммигрантами, оккупировавшими Америку.) И стать австралийкой, в смысле аборигенкой, никакая латышка не сможет никогда.

Совместное проживание не порождает новую этничность, ибо биология не определяется географией, ни физической, ни политической.

Дочь латыша, даже переехав в Австралию и получив австралийское

гражданство, став «австралийкой по паспорту» и ярой австралийской патриоткой, тем не менее проживет жизнь натуральной латышкой и латышкой же умрет. Так же, как русский, живущий в Латвии, не становится от этого латышом. А еврей, живущий в России, — все равно остается евреем, а не русским, что бы он ни думал по этому поводу. Отвезите таксу в Австралию и выпустите на природу — она так никогда и не превратится в собаку динго!

Но всю глубину непонимания Андерсоном проблемы национализма выдает следующий его текст:

«Теоретиков национализма часто ставили в тупик, если не сказать раздражали, следующие три парадокса:

1) объективная современность наций в глазах историка, с одной стороны, — и субъективная их древность в глазах националиста, с другой;

2) с одной стороны, формальная универсальность национальности как социокультурного понятия (в современном мире каждый человек может, должен и будет “иметь” национальность так же, как он “имеет” пол), — и, с другой стороны, непоправимая партикулярность ее конкретных проявлений...

3) с одной стороны, “политическое” могущество национализмов — и, с другой, их философская нищета и даже внутренняя несогласованность» (29–30).

Именно по третьему пункту и возникает тот упрек в отсутствии марксов и веберов от национализма, на который уже отвечено выше. Поэтому осталось ответить только на две первые претензии:

1) на самом деле все обстоит строго наоборот: именно в глазах историка нации обладают объективной древностью (взять хоть бы тех же излюбленных мною римлян периода республики, но есть, безусловно, и более ранние примеры). Что же до зрения националиста, то если оно не совпадает с таковым историка, такое зрение есть не что иное

как слепота. Компромисс здесь невозможен, а раздражение вызывает только тупость конструктивиста, в упор не видящего древнюю реальность наций;

2) определение Андерсоном национальности как понятия социокультурного с ходу лишает нас всякой возможности продолжать разговор, поскольку не соответствует действительности, а обсуждать достоинства или недостатки фантомов — не в моем вкусе. Отвечать идеалисту в терминах и представлениях идеализма (и волей-неволей вставить тем самым на его позицию) я не могу, а перевод разговора в плоскость серьезной полемики на уровне парадигм потребует объема, невозможного в данной статье. Позволю себе лишь напомнить блестящую и неопровержимую максиму Б.Ф. Поршнева: социальное не сводится к биологическому, но социальное не из чего вывести, кроме как из биологического.

Как видим, все три парадокса носят исключительно мнимый характер и легко и спокойно преодолеваются неизменным сознанием. Но для андерсонов тут, видимо, непроходимая, непробиваемая стена.

А начинается этот интеллектуальный ступор с постулата, который никто и никогда не доказал и доказать не может:

«Национализм появился сначала в Новом Свете, а не в Старом» (207)²⁶.

Доказать этот абсурд нельзя, а опровергнуть — легко. Никакого Нового Света не было бы вообще, если бы не вызревший в тысячелетиях расовых и этнических войн оголтелый, агрессивный, завоевательный, истинно звериный национализм англичан, французов, голландцев, испанцев, португальцев и т.д. То есть представителей старых европейских наций, сформировавшихся еще до открытия Америки и

²⁶ В другом месте снова: «Частью моего первоначального плана было подчеркнуть, что национализм зародился в Новом Свете» (23).

очень-таки националистически поступивших с туземцами.

Да, впоследствии в Новом Свете более или менее компактные общности, имеющие условные этнические границы, но безусловные администрации и экономики, рванули в 1810 г. к суверенитету. Застрельщиками, конечно же, выступили местные элиты (креолы, в терминологии Андерсона), а массы могли поддержать это движение, а могли и не поддержать (недаром Боливар боялся негритянского восстания больше, чем испанских карателей). В итоге эти элиты добились независимости. И для обеспечения своей легитимности и поддержки масс они немедленно пошли на искусственное, декларативное создание вымышленных «наций» — перуанцев, колумбийцев, венесуэльцев и проч., хотя это никакие не нации, а всего лишь согражданства (см. декрет Сан-Мартина).

Все сказанное снова и снова заставляет задаваться вопросом: что же Андерсон понимает под «нациями» и под «национализмом»?

Конечно, если считать нациями французов, американцев (США), бразильцев и других латиносов, то это — таки да! — воображаемые сообщества. Они этнически сложносоставны и при этом не мононуклеарны: государствообразующий, имперский этнос с трудом просматривается уже даже в США, где англо-саксы неуклонно теряют приоритет²⁷.

Но ведь скажем паки и паки: перед нами не нации! Всего лишь согражданства... Это либо представители единой суперэтнической общности — метисы-

латиносы, искусственно разделенные гражданством разных стран. Либо, напротив, этнический конгломерат, стиснутый единым согражданством — французы, американцы США.

Воображаемые сообщества? Да, безусловно! Согражданства? Да, безусловно!

Нации? Нет, безусловно!

Согражданство, конечно, — тоже реальная мотивация к патриотизму, самозащите и солидарности. Но вторичная, искусственная. Это особенно видно в Америке: как в США, так и в Латинской, ибо и там, и там рукотворность населения и государственных границ бросается в глаза. Ни одна из этих стран не возникла естественным путем, не выросла сама из себя, из единого этнического семени, как Китай, Япония, Россия, Швеция или Германия, но были созданы только путем жестоких завоеваний и суровой воли завоевателей вплоть до порабощения и/или геноцида туземцев. В чем и проявлялся, кстати, махровый национализм колонизаторов.

Конечно, живые колонизаторы былых веков были ярыми, убежденными расистами и националистами, четко знавшими и ощущавшими (как и античные работоторговцы когда-то) малейшие расовые и этнические особенности порабощенных народов, их этнические и расовые границы. Ибо такие границы были в реальности. От особенностей национальной психики, национального характера, как и соматики, да и просто от национальных способностей — никуда не деться и не отмахнуться. Так, Андерсон и сам отмечает, что французские колонизаторы твердо знали: «Хотя вьетнамцы не заслуживают доверия и отличаются жадностью, они все-таки заметно энергичнее и умнее по-детски непосредственных кхмеров и лаосцев» (148).

Итак, вновь повторю: есть сообщества воображаемые, искусственные, рукотворные, а есть реальные, естественные, природные. Следует ли именовать

²⁷ Интересный вопрос: почему в Центральной и Южной Америке получился расовый сплав из представителей белой, красной и черной рас, а в Северной Америке из попытки осуществить концепцию «плавильного котла», долженствующего сотворить такой же сплав из несколько иных расово-этнических компонентов, ничего не вышло. Но я отвечаю на него в другом тексте.

те и другие единым термином? Нет, это невозможно, научно неправильно. Почему первым сообществам надо присваивать ярлык «нация»? Это необоснованный произвол в лучшем случае, а в худшем — простое жульничество. Но нужно найти и определить их истинную суть и дать ей приличествующее имя. Такое имя есть: согражданство.

И еще одна важная деталь. Колонизаторы обеих Америк были, вне всякого сомнения, одновременно — империалистами, поскольку воздвигали империи своими завоеваниями, но и крутыми националистами, поскольку утверждали абсолютный и безусловный приоритет своих наций в новых землях: англичане — англичан, испанцы — испанцев, японцы — японцев и т.д. (В меньшей степени это, по понятной причине, относится к французам, которые так никогда и не стали нацией.)

Иногда бывало и так, что колонизацию вела нация (англичане в лице частной Ост-Индской компании в Индии или русские казаки в Сибири, на Кавказе и на Дальнем Востоке), а основной дивиденд в итоге получала династия в лице государства. С этой точки зрения, например, поход Ермака в Сибирь на свой страх и риск — национализм чистой воды, а последующее ее присоединение Москвой — такой же воды империализм.

Возможно, именно по причине этой двойственности процесса Андерсон делает постоянно еще одну ошибку: путает национализм с империализмом то Японии, то Англии, то Испании и т.д. Он именно империализм и государственную ксенофобию склонен (вслед за Сетон-Уотсоном) именовать «официальным национализмом» (124). Забывая, что империя — это вовсе не обязательно национальное государство, а порой и совсем наоборот, его отрицание. И что идеал национального государства — Израиль²⁸, а вовсе не

Великобритания, США, Франция или, тем более, Россия.

Но нам, людям здравомыслящим, андерсоны не указ. До тех пор, пока в русской научной среде останутся люди, признающие, что важнее быть, чем казаться и слыть, я надеюсь, конструктивистам победы не видать.

III. Не сотвори себе кумира

Сумеет ли признать ученость,
Не скатываясь в блудословье,
То, что болезнь и извращенность
Есть форма жизни и здоровья?

Андрей Добрынин

Мода на конструктивизм, поддержанная мощными глобальными политическими силами, полностью захлестнувшая Запад и уже перешагнувшая границы Отечества, самым дурным образом повлияла на нашу умственную традицию. Не говорю уж о таких присяжных конструктивистах, как упоминавшиеся выше В. Тишков или В. Малахов. Но настоящая беда в том, что русские новоявленные теоретики национализма многое усваивают, сознательно или нет, из бредоумствования конструктивистов. По той простой причине, что в своем отечестве пророков, как известно, нет, а на Западе есть толь-

единственная в мире страна победившего этнонационализма. Религия играет в ее идеологии большую роль, но только потому, что это этническая религия. Причем чем дальше, тем больше этническим становится этот национализм. 10 октября сего года, например, правительство Израиля приняло поправку, согласно которой все желающие натурализоваться неевреи обязаны приносить присягу не просто государству Израиль, как раньше, а государству Израиль как еврейскому и демократическому» (*Галкина Елена, Колинченко Юлия*. Блуждающие звезды: нация и идентичность [Занд Шломо. Кто и как избрел еврейский народ. М., Эксмо, 2010] // «ВН». 2010. № 4. С. 235).

²⁸ Рекомендую на данную тему текст: «Государство Израиль — на данный момент

ко то, что есть. Конструктивизм подобен смолянскому чучелке из сказки про братца кролика: если коснуться его неосторожно, оно прилипает.

Каково мне было читать в родном для меня журнале «Вопросы национализма» такую отповедь в мой адрес со стороны его научного редактора Сергея Сергеева:

«А.Н. [то есть я] открыл прямотаки осиное гнездо тайных и явных конструктивистов, свитое ими не где-нибудь, а в теоретическом журнале русских националистов: перечисляются имена Михаила Ремизова, Олега Неменского, Александра Храмова — основных авторов (а первые двое — члены редсовета) «ВН». К этому списку легко добавить Павла Святенкова [тогда уж и Павла Крупкина²⁹] и, скажу ужасную вещь, сам главред Константин Крылов конструктивизмом не брезгует; ну и, наконец, даже союзник Севастьянова по «биологизаторству» Валерий Соловей вполне сочувственно ссылается на какого-нибудь Брубейкера...»!

С сердечным сокрушением читал я этот текст Сергея Сергеева, где он запугивает меня таким массивом сложившегося проконструктивистского лобби. Нашел чем хвастать мой дорогой коллега, нашел чем пугать меня, и не с такими смоляными чучелками бившегося! Но дело оказалось куда хуже. Выяснилось, что Сергеев и сам подпал под тлетворное влияние конструктивизма, проникся его идеями:

«Можно сколько угодно не соглашаться с Геллнером в том, что нации — фиктивные образования, или с Андерсоном в том, что они — «воображаемые сообщества», но игнорировать описанную ими механику нацистроительства значит сознательно зауживать и обеднять себя как исследовате-

ля и оставаться на научном уровне запрошлого столетия...»

Ну, чего стоит описанная конструктивистами «механика нацистроительства», читатель уже имел возможность оценить выше. А Сергеев, увы, продолжает:

«С течением времени я еще больше смягчился к конструктивистам, когда осознал (и в этом мне помогли работы Валерия Соловья и Михаила Ремизова), что конструктивизм не обязательно должен рассматриваться в виде резкой антитезы примордиализму... И что еще более важно: для современных русских националистов конструктивистская методология прагматически необходима, ведь им нужно именно *создавать* русское национальное государство (т.е. в определенных отношениях *конструировать* его), а не ждать, пока оно само естественно-биологическим образом «*родится*»...»

Наконец, с узконаучной, академической точки зрения конструктивизм — хорошо зарекомендовавшая себя (!) и весьма перспективная (!) методология для исторического исследования. Подавляющее большинство научных штудий современных российских историков о русском нацистроительстве и национализме (а сейчас данная тематика переживает явный «бум») написана именно в этом ключе³⁰.

Читать сергеевскую «Апологию конструктивизма» мне было очень обидно — не за себя, разумеется (я всегда открыт для критики, да и не такое о себе читывал), а за русскую науку, которая в лице серьезного, настоящего ученого вдруг увлеклась пустой обманкой, да еще зарубежного изготовления. Прямо какое-то низкопоклонство перед Западом, подумал я не без горькой иронии, читая эту такую «академическую» точку зрения. И содрогнулся, представив, как по «передовой» конструктивистской мето-

²⁹ См.: *Крупкин Павел*. Есть ли шанс догнать ушедший поезд? Национальный проект в России: ключевая проблема старта // «ВН». 2011. № 5. С. 59.

³⁰ *Сергеев Сергей*. Апология конструктивизма // «ВН». 2010. № 4.

дологии мои коллеги начнут строить «русское национальное государство» (впервые в жизни беру это выстраданное словосочетание в кавычки).

Когда я изучал со всем вниманием классиков конструктивизма, меня периодически охватывало чувство досады и стыда: как, думал я, неужели на эту примитивную, глупую до неприличия удочку могли всерьез клюнуть многие русские люди? Они все это цитируют, на эти цитаты опираются, ссылаются как на мировой авторитет, с умным видом размахивая картонным мечом... Я краснел за своих коллег. Если читатель хоть отчасти разделит со мной это чувство, я буду удовлетворен.

Но этого мало. Я хотел бы на паре примеров продемонстрировать, к чему приводит увлечение конструктивистским дискурсом даже явно способных к умственному труду людей. Для такого наглядного пособия я выбрал Михаила Ремизова (коль скоро он оказал сильное влияние на Сергеева) и Александра Храмова, которого я ранее критиковал по другому поводу (чтобы ясны стали корни его тяжелых идейно-политических ошибок).

Известный политолог и философ Михаил Ремизов, позиционирующий обычно в националистическом секторе и даже входящий в редсовет «Вопросов национализма», не избежал влияния конструктивизма, опубликовав весьма яркую, мнимо антиконструктивистскую статью, на деле капитулянтскую от начала до конца³¹.

С чего начинается капитуляция философа? С философских основ, натурально.

Обозначив «псевдодилемму “материализма” и “идеализма”» (с каких пор и кто утвердил приставку «псевдо?»), Ремизов предлагает нам, вслед за Бергером и Лукманом считать, что «главный для социологической теории вопрос может быть поставлен так: каким

образом субъективные значения становятся объективной фактичностью?».

Вот оно — точнее не скажешь! — кредо идеалистов всех времен от самого Платона: самозародившаяся из ниоткуда идея становится реальностью. Хотя любому материалисту ясно, что объективные фактичности по определению существуют независимо от субъективных значений. Понятно, почему Ремизову понадобился тезис на счет «псевдо»дилеммы — чтобы без зазрения совести тут же погрузиться в самый что ни на есть махровый идеализм. Как известно, отрицание феномена ереси — тоже есть ересь. Не успел философ усомниться в правомерности противопоставления материализма и идеализма — и пожалуста, тут же впал в последний, то есть, на мой взгляд, капитулировал.

Коготок увяз — всей птичке пропасть. Дальнейшее извращение идей, понятий и методов теперь уже только дело времени. Ничего удивительного, что при этом в ход вновь и вновь идет аргументация *ad hominem*, бесконечные ссылки на авторитеты, по большей части мнимые. Например:

«Национализм слывет фальсификатором и фантазером, который помнит то, чего не было, и забывает то, что было. Эту причудливую избирательность — впрочем, неизбежную для человеческой памяти, что личной, что исторической — отчасти признают и сами националисты. Нация есть сложный баланс между коллективным опытом воспоминания и коллективным опытом забвения, — говорил Эрнест Ренан».

Для просвещенного националиста подписаться под словами Ренана — уже значит выкинуть белый флаг перед конструктивистами. А тем более в таком контексте.

Лукавый Ренан, которому нужно было на живую нитку сшить для публики фантомную французскую нацию, воистину воображенное сообщество, — он, конечно, был по-своему

³¹ Ремизов Михаил. Нация: конструкт или реальность? // ВН. 2010. №1.

прав, призывая Францию к забвению Варфоломеевской ночи или геноцида альбигойцев. Ибо отлично известно, что религиозный раскол на католиков и протестантов проходил в этой стране практически по субэтническим границам и что альбигойцы тоже были этнически иными и говорили на провансальском и каталонском языках, в отличие от их убийц! Как политический писатель Ренан сознательно закрывал на это глаза, хотя как ученый, особенно историк, он не имел права ни сам забывать об этом, ни, тем более, призывать других к такому забвению³².

Но нам-то, националистам, к чему следовать дурному примеру? И уж совсем незачем со странным кокетством признаваться в грехах, которых мы не совершали, ведь чей грех — того и молитвы. А нам пока не в чем каяться.

Следующим авторитетом оказался вельможный доморощенный оберконструктивист Валерий Тишков, ссылаясь на коего, Ремизов утверждает, что примордиализм «бытовал, главным образом, в советской традиции и, как не трудно догадаться, должен быть преодолен (с какой стати? только потому что “советская” — хотя уместнее было бы слово “отечественная”? — А.С.) критической тенденцией конструктивизма, который рассматривает этническое чувство, не говоря уж о формулируемых в его контексте мифах и доктринах, как “интеллектуальный конструкт, как результат це-

ленаправленных усилий верхушечного слоя”».

Снова белый флаг! И уже откровенный переход в стан противника.

Для вида покритиковав затем конструктивистов за «отчетливо механистический стиль мышления» и с уместной иронией причислив конструктивизм к «той же выражающей дух времени тенденции, что и “гендерные исследования”, стратегия которых общеизвестна: “обнаруживая”, что пол является социологическим артефактом (результатом “внедренных” моделей восприятия), они незамедлительно обрастают эмансипаторским пафосом и поступают на вооружение активистов “лиги сексуальных реформ”», Ремизов затем отступает в главном перед теми, кто отрицает объективность рас и этноса. Хоть они ничем не лучше тех, кто замахивается на объективность пола.

Ласково именуя конструктивистов «санитарами этногенеза», он пишет: «Конструктивистская критика, сколь бы серьезной она ни была, настигает попытки этнонациональной символической мобилизации лишь в той мере, в какой они оказываются безуспешными и беспочвенными. То есть постольку, поскольку они не подкреплены настоящей творческой мощью коллективного воображения, и именно оттого субъективны, натянуты, манипулятивны, волюнтаристичны».

Итак, все дело оказывается, все-таки, в коллективном воображении, которое может быть более или менее мощным. И только в зависимости от этой мощи оно подвержено разрушительной критике конструктивистов. То есть, если конструкт (каковым таки является нация) сконструирован коллективным воображением хорошо, крепко, то ему и конструктивисты не страшны.

Замечательная логика, утверждающая конечную правоту конструктивистов через видимость отпора оным. Капитуляция в чистом виде! Но сколь иезуитская притом!..

И следом — дифирамб «санитарам»,

³² На Ренана ссылается и Андерсон: «Забвение — существенный фактор в формировании нации». Попробовал бы он сказать такое евреям, которые с малолетства твердят своим детям как заклинание: «Помни! Не забывай!» (после чего следует перечисление всех основных приключений еврейского народа от Адама, которого они считают первым евреем на Земле). На этом девизе держится уже 3000 лет все еврейское национальное воспитание, а на нем, в свою очередь, — вся долгожительствующая еврейская нация со своим образцовым национализмом. И нам пример подает.

которые «даже могут быть полезны», ибо способны «отсеивать анемичные промежуточные формы». После чего автор, несколько, на мой взгляд, недальновидно и неосмотрительно, приводит примеры анемичности, за которыми «далеко ходить не будем. Можно вспомнить об активистах “Ингерманландии” или “казачьей идеи” (в ее этносепаратистском изводе) или о любых других энтузиастах альтернативной этноистории».

Что бы он сказал, интересно, насчет энтузиастов «альтернативной этноистории» украинцев (малороссов), над которыми лет сто пятьдесят назад столь же основательно мог бы посмеяться тогдашний Ремизов? Или белорусов, над аналогичными энтузиастами в среде которых тоже кое-кто сегодня посмеивается, уповая на их генетическую идентичность с русскими? Вряд ли их можно признать такими уж анемичными. И очень ошибается тот, кто считает сегодня несерьезным явлением потихоньку растущие казачий, поморский, сибирский (и т.д.) сепаратизмы. Их анемия — до поры до времени, как мина замедленного действия.

Такое прекраснородушие и беспечность не граничат ли с легкомыслием, читатель? Нам следует поблагодарить Ремизова за наглядную демонстрацию крайней политической опасности, таящейся даже в малейшей уступке конструктивизму.

Логика внутренней позиции философа-идеалиста Ремизова ведет его шаг за шагом к полному слиянию с объектом его якобы критического анализа. Вслед за Ренаном и Тишковым к списку аргументов *ad hominem* добавляются, наконец, вполне закономерно, основные герои данного эссе.

Вот уже оказывается, что «известный слоган “конструктивизма” — тезис Геллнера о том, что национализм создает нации, а не наоборот,.. вполне может быть истолкован в духе националистической теории. Определив нацию как приведенный к “истори-

ческому бодрствованию” народ, мы будем вправе утверждать, что именно акт действенного самосознания, каковым претендует быть национализм, и создает собственно нацию (то есть превращает нацию-в-себе в нацию-для-себя). Вообще, национализм как таковой необходимо включает в себя конструктивистский посыл».

Почему нацию нужно определять как приведенный к историческому бодрствованию народ, почему национализм есть акт действенного самосознания, да еще включающий в себя конструктивистский посыл, знает, очевидно, только сам Ремизов, для которого, как для всякого идеалиста, любое сознание первично. Для всей этой категории мыслителей нация — есть некий рукотворный Голем, который, поскольку маги-каббалисты (конструкторы) в него уже вдохнули жизнь, в дальнейшем живет и действует вполне сам по себе и заставляет считаться с собой как с реальностью. Хотя изначально реальностью не был.

Перед нами, конечно, вновь — полная, стопроцентная капитуляция перед конструктивистами под видом противодействия им и критики их теорий. Ибо вышеприведенный тезис Геллнера «в духе националистической теории» может быть истолкован только как шизофренический бред, но именно такого толкования наш автор тщательно избегает.

Он делает вид, что «более жесткая редакция тезиса» Геллнера («национализм не есть пробуждение наций к самосознанию: он изобретает нации там, где их не существует») — это уже недопустимый для него перебор. Польстив попутно Геллнеру, назвав его «историком» (какой он историк?), Ремизов как бы порицает отрицание Геллнером наций. Но с каких позиций?! Следом он абсолютно голословно утверждает:

«Действительно, никакого внятного комплекса национальной идентификации в среде тех, кто в следующем исторический миг возопит о своем

единстве, может в принципе не наблюдаться. (?!) Это с легкостью признает и националистическая теория. (?!) Но нельзя отрицать — и Геллнер не отрицает, — что «первый националист» (если согласиться вообразить такую фигуру) находит уже существующим определенный набор дифференцирующих признаков, на основе которых будет создана его перерастающая в политическое требование стилизация».

Вообще-то на языке науки «набор дифференцирующих признаков» Ремизова есть не что иное, как комплекс этноразграничительных маркеров — вещь абсолютно объективная и интеллигибельная. Если он кем-то «не наблюдается» — проблема лишь в оптике или умственных способностях наблюдателя. А вот что такое «первый националист» и на каком основании он сочиняет некие «стилизации», перерастающие в «политические требования», об этом хотелось бы получить разъяснения у автора, желательно с историческими примерами, но он их не дает. Непонятно также, что может вдруг «найти» этот первый националист, если «в принципе не наблюдается» «комплекс национальной идентификации»?

Скверно во всем этом то, что данные формулировки, как ни крути, подразумевают в качестве нормы (!) не вполне честный трюк, с помощью коего некто может выдумать, «стилизовать», нацию, то есть опять-таки подтверждают конструктивистскую парадигму.

Отсюда и выдуманная Ремизовым дилемма (которую на сей раз уже я склонен считать «псевдодилеммой»): является ли «пришествие национализма» моментом «пробуждения» или «изобретения» нации?

Какой же ответ дает Ремизов? Такой, какого меньше всего можно было бы ожидать от сколько-нибудь мыслящего тростника: «Это лежит вне компетенции ученого».

Ну просто в точности как Хобсбаум, торжественно признавшийся в онтологическом бессилии определить нацию!

И дальше, полностью и совершенно открыто солидаризовавшись с Бенедиктом Андерсоном («на самом деле, все сообщества крупнее первобытных деревень... — воображаемые. Сообщества следует различать не по их ложности/подлинности, а по тому стилю, в котором они воображаются»), Ремизов подтверждает: «Да, мы должны вести ориентировку по стилям, в которых работают агрегаты коллективного воображения».

О том, являются ли нации — воображаемыми сообществами, спор здесь даже не идет: конечно, являются, а как же иначе? По мнению Ремизова: «На долю методологов остается лишь один вопрос: если нация — “воображаемое сообщество”, то может ли ученый мыслить нацию иначе, чем воображая ее заодно со всеми? Я полагаю, что ответ может быть только отрицательным».

Зря автор так ограничивает возможности «ученого» (без кавычек в данном случае употребление этого слова неуместно). Это почему же вдруг? Ведь стоит только допустить, что нация есть плод воображения, как ничем уже ограничить этот процесс не удастся: наций будет столько, сколько участников процесса, у каждого — своя, им воображенная. Таково неизбежное логическое следствие конструктивистской посылки. Ибо субъективный идеализм (а мы имеем дело именно с ним, притом в злокачественной форме) базируется только на идеях самого субъекта. Сколько субъектов — столько идей. А то и более, поскольку количество идей у одного субъекта тоже ничем не ограничено.

Таким образом, если довести изложение статьи Ремизова до логического завершения, чего он сам успешно избегает, можно резюмировать: все дело в дефинициях. Дальнейшее лишь дело умственной изворотливости. Объявите, что нация — это особый вид чехмодана или удочки (или вообще что угодно, кроме того, чем она является на самом деле), и вам будет несложно

затем доказать, что нация может быть только воображаемым чемоданом или удочкой.

Но беда в том, как мы убедились, что когда доходит до дефиниций, вот тут-то конструктивисты, как зарубежные, так и отечественные, пасуют самым жалким образом. Потому что с доказательств у них дело обстоит из рук вон плохо. Недоказуемое никак не доказывается.

Тут самое время перейти от Ремизова к его младшему коллеге Александру Храмову — протеже Крылова и Сергеева. Его политическую концепцию мне уже приходилось характеризовать весьма подробно. Основной вывод был малоутешителен: перед нами энциклопедия расхожих, но недостоверных сведений, а также заблуждений разной степени добросовестности на тему русской истории, русского национального государства и вообще русского народа.

Задача данного фрагмента моего эссе в том, чтобы вскрыть гносеологические корни, вскормившие вышеуказанные плоды храмовского творчества.

Их искать недолго. Храмов например, свою статью об истории Российской Федерации основывает на таком, хорошо уже нами изученном краеугольном камне: «Национализм — это прежде всего политический принцип, согласно которому политическое и национальное единство должны совпадать». Так начинается свою знаменитую книгу Э. Геллнер».

Это заявление — своего рода присяга, оммаж вассала — сеньору, чьи цвета он разместил на своем щите³³.

³³ Характерно, что еще один поборник «федерализации во имя демократизации» — Виктор Ковалев из Сыктывкара — опирается на тот же «авторитет»: «Нации (как считал, например, Э. Геллнер) создаются национализмом. Каким же может быть в России такой — созидающий политическую нацию и современное государство — национализм? Только русским...» (Ковалев Виктор. Федерализм «до востребования». Отечественный

Но еще характернее высказывания Храмова в его концептуальной статье «Национализм и модернизация. Теория и перспективы либерального национализма»³⁴. Основной пафос статьи — это послание либеральному лагерю: мы одной крови, между нами больше общего, чем различий, наша дивергенция — лишь дело времени. Автор даже пытается смоделировать своего рода гибрид: либеральный национализм (до и за него это уже пытались сделать педагоги Высшей школы экономики — «осинового гнезда российского либерализма»³⁵). Словом, на светлый облик русских националистов Храмов попытался натянуть овечью шкурку, чтобы либералы, от союза с коими юный политик чаёт многих благ, не шарахались в испуге.

Ясно, что в таком контексте конструктивизм имеет быть понят и публично трактован только с положительными коннотациями: «Именно в свете конструктивистской парадигмы концепция либерального национализма обретает завершенность».

Безоговорочное письменное принятие конструктивизма со стороны Храмова выполняет роль своего рода верительных грамот в такой «народной дипломатии»: «Только в последние десятилетия XX века усилиями Э. Хобсбаума, Э. Геллнера, Б. Андерсона и других исследователей национализма, разработавших т.н. «конструктивистскую парадигму», стало понятно, что нации появились (были «изобретены») совсем недавно, в начале XIX века».

Вот и все, просто и мило. Оммаж и

опыт федеративного взаимодействия Центра и регионов: прошлое, настоящее и будущее // «ВН». 2010. № 4). Распространенное заблуждение, как видно.

³⁴ См.: «ВН». 2010. № 2.

³⁵ См.: Сидорина Т.Ю., Полянников Т.А. Национализм. Теории и политическая практика. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2006. Мою развернутую рецензию на эту книгу можно прочесть в «ВН», № 4, 2010.

верительные грамоты принесены по полной формуле и процедуре. Храмов «все понял!» Спасибо учителям! Слава конструктивизму!

А чтобы не сомневались, что он действительно все понял, Храмов транслирует основные идеи конструктивистов: «Согласно известному тезису Геллнера, не “нации порождают национализм, а национализм — нации”. Некорректно утверждать, будто нации “складывались”, “вызрели” на протяжении столетий и лишь “пробудились” в XIX веке, это существенно искажает историческую перспективу. Нет, нации — продукт эпохи Модерна, пришедший на смену религиозным, локальным, племенным идентичностям предшествующих эпох. Нация начинается вовсе не с народной иррациональной стихии, а с группы интеллектуалов, придумывающих концепцию нации и распространяющих ее через систему образования, через газеты и популярную литературу».

Не знаю, удовлетворится ли Сергей Сергеев этой храмовской декларацией, этим не критическим перепевом всего того идейного хлама, который мы подробно анализировали выше. Ну, а для Михаила Ремизова она, я думаю, прозвучит обыденным эхом его собственных рассуждений. Тем более что Храмов резюмирует совсем в его вкусе, только более отчетливо и менее замысловато: «Впрочем, то, что нации сконструированы, вопреки мнению многих, вовсе не означает, что их вообще “не существует”. Напротив, нации существуют именно потому, что они были изобретены». Вот и Ремизов точно так же считает. Основательность этих умозаключений читатель мог оценить на предыдущих страницах.

Я не хочу далее отвлекаться на этот более чем ясный сюжет. *Sapienti sat*. И намерен завершить тему однозначным выводом, который явственно напрашивается из всего сказанного.

Мне хотелось бы, чтобы все мыслящие тростники поняли раз и навсегда:

вопросы нации, национализма и нациестроительства в принципе не решаются методами спекулятивной философии, это просто не ее компетенция. Доступ к сейфу с национальными секретами имеют только серьезные историки, а еще лучше — глубокие историсоффы³⁶. Между последними, конечно, могут быть свои разногласия, но это, по крайней мере, олимпийский разговор и олимпийские счета.

Прошли времена бердяевых и ильиных, чьи личные умозрительные построения могли иметь вес в просвещенном обществе. Сегодня в России (про Запад не говорю, там другие традиции) наука мнений более не имеет права на существование. За советский период мы прошли очень жесткую школу приоритета знаний и фактов, ибо такова была главная форма идейно-политического противостояния подлинной науки — своре псевдоученых, осуществлявших диктат «научного» коммунизма. Это наше завоевание, расставаться с которым нельзя. Приди к нам сегодня новый, остроумнейший в мире, Бердяев или Ильин, мы встретим его как безответственного и никчемного болтуна.

Таковыми болтунами и предстают сегодня столпы западного обществоведения.

Делать из них идолов передовой мысли — рубить самим себе голову.

Идолы того не стоят.

³⁶ Понятное дело, Геллнер, Хобсбаум и Андерсон вряд ли относятся к их числу. Здесь требуется владение историей — «практической философией, учащей нас с помощью примеров», по словам лорда Боллингброка. Плюс, при переходе от теории к практике, умение наработанные историсофские концепции выражать языком юридических формул, поскольку государственное строительство другого языка не признает. Но названные идолы конструктивизма ни тем, ни другим не могут похвастать.

Новая книга о Всероссийском национальном союзе

Стукалов П.Б. Политические и правовые учения в России во второй половине XIX — начале XX века: Всероссийский национальный союз и его идеологи. Воронеж: Полиграфия, 2011. — 175 с.¹

Изучению деятельности и идеологии русских монархических организаций начала XX в. был посвящен целый ряд исследований. Однако, в отличие от «Русского собрания», «Союза русского народа» и «Русского народного союза имени Михаила Архангела», такая организация как «Всероссийский национальный союз» (ВНС) сравнительно недавно обратила на себя внимание историков. Политической и идеологической программе ВНС были посвящены кандидатские диссертации и написанные на их основе монографии Д.А. Коцюбинского и С.М. Саньковой.

Работы, связанные с изучением русского национализма, вызывают устойчивый интерес как в научных, так и в широких читательских кругах. О востребованности данной темы свидетельствуют и 11 номеров объемного московского журнала «Вопросы национализма», вышедшие в свет в 2010–2012 гг.

Ведущим идеологам ВНС — П.И. Ковалевскому и М.О. Меньшикову была посвящена кандидатская диссертация П.Б. Стукалова, защищенная в 2009

году². Два года спустя вышла в свет монография П.Б. Стукалова.

В отличие от диссертации, историографическая часть в монографии минимальна. Можно предположить, что это связано с тем, что автор решил не брать в расчет статьи, опубликованные в публицистических изданиях, сосредоточившись на фундаментальных работах.

Обращаясь к источникам, отмечу, что работы Меньшикова в нашей стране активно переиздаются. Интерес к идеологии русского национализма закономерно приводит к спросу на данные книги, хотя переиздания, как правило, лишены научных комментариев. Подобное явление не удивительно — если научные издательства в силу различных причин игнорируют темы, к которым в обществе есть повышенный интерес, пустующая ниша оказывается заполненной коммерческими изданиями.

С Меньшиковым ситуация сложная. Накал эмоций вокруг его публицистики не способствует взвешенности в оценках, препятствуя анализу (в т.ч. и критическому) его наследия. С одной стороны, издания, подготовленные при участии О.А. Платонова, не устают напоминать, что Меньшиков «был убит еврейскими большевиками»³. Публицисты вслед за М.Б. Смолиным пишут про «пророческие выводы», «энциклопедические знания» и «мощь интеллекта» публициста. Для других Мень-

¹ Рецензия подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект №10–01–00040а («Русский национализм и патриотизм в государственнополитической жизни страны: история и современность»).

² Одним из оппонентов диссертации был автор данной рецензии.

³ *Меньшиков М.О.* Великорусская идея / Отв. ред. О.А. Платонов. М., 2012. Т. 1. Т. 2 (см. аннотацию к книгам).

шиков всего лишь «известный реакционер и черносотенец, агрессивный антисемит», который «достойн в России только презрения», поскольку «отстаивает и защищает идеологию оправдания беззащитной эксплуатации» и (sic! — *A.P.*) выступает как апологет «воровства и варварства»⁴.

Исследователь, пытающийся без гнева и пристрастия разобраться в противоречивом и обширном наследии публициста, получает в итоге порцию критики как от апологетов Меньшикова, так и от тех, кто категорически не приемлет его имя и, обескураженный, отступает или примыкает к одному из двух обозначенных выше «лагерей» в ущерб научной объективности. П.Б. Стукалову на сегодняшний день удалось благополучно решить данную проблему, представив достаточно объективную оценку взглядов идеологов ВНС (будем надеяться, что научный объективизм не оставит воронежского исследователя и далее).

Републикации работ П.И. Ковалевского, как и в случае с переизданиями работ Меньшикова, далеки от научности. Например, в сборнике «Психология русской нации. Воспитание молодежи. Александр III — царь-националист» (М., 2005) публикаторами были сделаны значительные сокращения материала, связанного с рассмотрением национального вопроса. В том числе были сокращены места, связанные с критикой славянства (эти места оставлены в другой републикации 2006 г.).

Таким образом, наблюдается следующая тенденция: работы Меньшикова и Ковалевского переиздаются, а посвященных им научных трудов практически нет, что мешает анализу такого сложного явления, как русский до-

революционный национализм. Все это показывает, что выбранная П.Б. Стукаловым тема актуальна как в научном, так и в общественно-политическом плане.

Позитивное впечатление производит источниковая база исследования. П.Б. Стукалов изучил сотни статей П.И. Ковалевского и М.О. Меньшикова. При этом большая часть использованных в монографии работ Михаила Осиповича была опубликована в газете «Новое время», т.е. исследователю пришлось серьезно поработать с материалами периодической печати. Были использованы и неопубликованные документы Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ), Отдела рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ).

На страницах монографии удачно выделены основные «болевые точки» в работах Меньшикова и Ковалевского. Это их взгляды на «нацию» и «национализм», исторические, социально-экономические, внешнеполитические воззрения. П.Б. Стукалов верно полагает, что русский национализм в его истолковании Меньшиковым и Ковалевским занимал промежуточное положение между черной сотней и октябристами. Попытка автора выявить специфику трактовки понятий «нация» и «национализм» в мировоззрении Меньшикова и Ковалевского и дать классификацию видов национализма представляется нам удачной. Обращает на себя внимание авторский тезис о том, что «национализм как мировоззрение и идейно-политическая практика в русской истории практически всегда являлся и является последовательной оппозицией правящему режиму» (с. 6). Касается ли это утверждение и русского национализма?

Меньшиков и Ковалевский были монархистами, но «для М.О. Меньшикова... все более очевидным становился тот факт, что с провалом столыпинской

⁴ Образчик подобного подхода можно обнаружить в статье с характерным названием: *Воейков М.И.* Об идейно-теоретической принципиальности // Альтернативы. 2002. №4. С. 174–177.

концепции реформ самодержавие превращалось в отживший анахронизм, в значительной степени препятствующий поступательному развитию общества» (с. 83). Меньшиков «в значительной степени предопределил взгляды левых националистов и лидеров Прогрессивного блока»⁵ (с. 96). В 1917 г. в статье «Кто кому изменил» публицист обвинял самодержавие в измене русской нации, утверждая, что в произошедших событиях виновна власть, которая не смогла осуществить реформы и привела страну к катастрофе⁶.

Если так, то возникает вопрос: почему это произошло и можно ли было исправить данную ситуацию? Отсылки к статьям Г.М. Шиманова о положении русских в императорской России⁷ и цитаты из статей Меньшикова показывают, что в вопросе защиты русских национальных интересов самодержавный строй, по мнению русских националистов, не был тверд и последователен. Так считает и цитируемый в монографии современный историк С.М. Сергеев⁸.

⁵ Куда вошел другой русский националист — В.В. Шульгин.

⁶ Подробнее см.: Репников А.В. М.О. Меньшиков в 1917 году: анализ статей, опубликованных в «Новом времени» // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды: Сборник научных статей. СПб., 2010. С. 93–100.

⁷ Характерно название одной из них — «Оккупация и геноцид русских в императорской России, или Что мы знаем о самодержавии». Не случайно ее автор тоже ссылается на М.О. Меньшикова. См.: Шиманов Г.М. Оккупация и геноцид русских в императорской России, или Что мы знаем о самодержавии // Молодая гвардия. 1994. № 1. С. 159–160.

⁸ Симптоматично, что позиция научного редактора журнала «Вопросы национализма», к.и.н. С.М. Сергеева встретили неприятие на консервативном портале «Русская народная линия» (<http://ruskline.ru>), руководитель которого А.Д. Степанов в статье «Русский национализм — могильщик России»

П.Б. Стукалов связывает обострение национального вопроса в Российской империи с процессами образования единого общероссийского рынка и капиталистической интеграции (с. 9). Процесс активизации национального сознания затрагивал не только нерусские народы (прежде всего, на окраинах империи), но и самих русских. Читая первую главу монографии, невольно сравниваешь процессы «национального пробуждения» в предреволюционной России с теми процессами, которые происходили в последние годы существования СССР, став одной из причин, способствовавших распаду единого союзного государства.

Вместе с тем автор полагает, что национализм (в т.ч. и национализм имперских окраин) не обязательно должен «подрывать» идею империи. Сложность в том, чтобы найти верное соотношение «имперского» и «национального», своеобразную «золотую середину». Как показывает автор, герои его книги так и не смогли примирить имперское и национальное, самодержавие и демократию, реформы и традицию. Причину он усматривает в том, что «национализм в чистом виде, как показывает практика (на примере М.О. Меньшикова), весьма противоречив и неперспективен» (с. 163). С другой стороны, «ряд исследователей», как пишет автор, упоминая правда, только *одного исследователя* — С.М. Сергеева, полагает, что «национализм в ближайшее время станет в России господствующей идеологией и практикой» (с. 173). Станет или не станет, в ближайшем будущем или в отдаленной перспективе — вопрос дис-

подверг современных русских националистов резкой критике. Т. о. выявилось имеющееся противостояние «старых» консерваторов, почитающих дореволюционную черную сотню, славянофилов и т.д., с «молодыми» националистами, в пантеон которых наряду с М.О. Меньшиковым и П.И. Ковалевским входят декабристы.

куссионный. Но при любом ходе событий власти придется искать «золотую середину» и решать, что делать с пробуждающимся национальным самосознанием.

У немецких или французских националистов, как полагает автор, подобных проблем не было. Не случайно Ковалевскому и Меньшикову приходилось в ряде случаев мыслить в рамках «французской» или «немецкой» национальной традиции (о том, в какую сторону развивался немецкий национализм и в какой мере он виновен/не виновен в последующих событиях, в данной рецензии мы писать не будем). Отмечу только, что расовый аспект мировоззрения Меньшикова в монографии не рассматривается, а слово «раса» употребляется один раз на с. 56, хотя эта тема была для Меньшикова (и некоторых других националистов, например, И.А. Сикорского) достаточно важной⁹.

Меньшиков писал: «Если изучить историю хотя бы одного рода на протяжении веков, но изучить биологически, с исследованием всех кровей, то можно найти истинную причину возвышения царств — чистоту расы и истинную причину упадка их — смешение рас»¹⁰. Попытка трактовки общественных, политических и социальных явлений на основе биологических категорий, с привлечением в качестве авторитета работ Х.С. Чемберлена, была свойственна для Меньшикова, в работах которого нередко употреблялось слово «раса», как и производные от

него. Возможно, что автор монографии не стал углубляться в детальный анализ данной проблемы, поскольку в этом случае нужно было бы обращаться к критическому анализу работ И.А. Сикорского и других националистов¹¹.

На практике же обращение к традициям европейского национализма (прежде всего немецкого) отозвалось после начала войны с Германией внутренней «ломкой». Ведь еще в 1908 г. Меньшиков «как и представители крайне правых, заявлял о необходимости достижения союзнических отношений с Германией и Турцией» (с. 113). На начавшуюся войну Меньшиков откликнулся циклом статей, опубликовав 163 материала под общим девизом «Должны победить». Эти статьи были наполнены патриотическими и националистическими призывами, однако в дневнике 1918 г. Меньшиков обращает критику уже не на Германию и немцев, а на своих соотечественников: «Доверившись отечеству, ты потерял все обеспечение жизни и подписал смертный приговор — и себе, и потомству своему... Спасти себя трудно, вероятнее — совсем нельзя. Если немцы не введут внутреннего мира в России — мы погибли. Если введут, то м.б. спасены»¹².

Многие из правых считали войну трагической «судьбоносной ошибкой Императорского Правительства, т.к. не Германия, а Англия являлась действительным историческим врагом России. С Германией же, соединяя ее технику со своим сырьем, Россия могла бы составить непобедимый союз, которому никто в мире не был бы опасен»¹³.

⁹ Подробнее см.: Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России. М., 2007; Шнифельман В.А. «Порог толерантности»: Идеология и практика нового расизма. М., 2011. Т. 1. С. 210, 217, 473, 475, 476 и др.; Löwe H.-D. The Tsars and the Jews: Reform, Reaction and Anti-Semitism in Imperial Russia, 1772–1917. Chur, 1993. P. 283–284.

¹⁰ Цит. по: Лукьянов М.Н. Российский консерватизм и реформа, 1907–1914. Пермь, 2001. С. 82.

¹¹ Отчасти это было сделано в монографиях Д.А. Коцюбинского, М.Н. Лукьянова и А.В. Репникова.

¹² Российский Архив. М.О. Меньшиков. Материалы к биографии. М., 1993. С. 19.

¹³ Стукалова Г.П. Страница истории России // Родионов И.А. Наше преступление / Вступ. ст. Г. Стукаловой. М., 1997. С. XLVII.

В реальности же вместо союза с немцами пришлось воевать.

Реальность вообще слишком часто вторгалась в теоретические построения русских националистов. У теоретиков ВНС, как пишет автор, «следует выделить, прежде всего, предельное теоретизирование и фактически бездоказательное преувеличение исторической роли нации. Так, сформулированные теоретиками русского национализма законы ее эволюции имели мало общего с действительностью, а реальное историческое развитие, наоборот, опровергало большинство из них. Кроме того, декларируя лозунг “национального государства”, Меньшиков и Ковалевский, видимо, слабо представляли себе возможные пути его создания и реальной организации. Данное обстоятельство в еще большей степени придавало идеям Ковалевского и Меньшикова отвлеченный, метафизический характер, а их концепция понимания категории нации как бы повисала в воздухе, не имея практического значения» (с. 63). Не случайно по наблюдениям Стукалова «Меньшиков и Ковалевский стремились представить национализм в качестве совершенно особой идейной доктрины, сугубо отрицательно относились к его интерпретации как вида политики.

Политика представлялась Меньшикову в качестве некоего нелицеприятного аморального вида деятельности, имеющего в качестве единственной цели захват государственной власти с целью извлечения какой-либо личной корыстной выгоды всеми участниками политической борьбы. Национализм же, по Меньшикову, являлся кристально чистым, свободным от политического приспособленчества феноменом общественной жизни» (с. 70). Но перенести свои размышления о нации в «чистую» философскую сферу Меньшиков не мог. В итоге, обращаясь в своих статьях к повседневному проблемам, он часто противоречил самому себе. Искать «новую формулу существования

русской нации» (с. 74) приходилось буквально «на ходу» в условиях проходившей в России и мире стремительной модернизации.

В Германии и Франции уже были написаны и изданы соответствующие труды¹⁴. Украинские (и не только украинские) националисты создавали и пропагандировали работы, обосновывающие идеи не только территориальной автономии, но и полной независимости, а русские националисты еще только пытались придать своим идеям наукообразную форму. Славянофильское и панславистское наследие, как показывает Стукалов (с. 114–115), не могло помочь в решении этой задачи. Крайности славянофилов (в духе А.С. Шишкова и кафтанов напоказ) Меньшиков отвергал, определяя национализм как развитие «наивысшей человечности» и «поиск наилучшего»¹⁵.

Было бы ошибочно считать, что Меньшиков был единственным из русских националистов, пытавшимся разработать более или менее цельную мировоззренческую концепцию. Не могу судить, было ли известно Меньшикову наследие Николая Григорьевича Дебольского (1842–1918). Его имя мало известно и сегодня (есть только несколько публикаций петербургского исследователя Н.П. Ильина)¹⁶. Дебольский предпринял попытку обосновать идею этического национализма с философских позиций. Он полагал, что «хотя народный дух может поглотить и слить в себе различные породы», для надлежащей устойчивости народного союза должна существовать «господ-

¹⁴ См. напр.: *Фихте И.-Г.* Речи к немецкой нации (1808). М., 2008.

¹⁵ См.: *Меньшиков М.О.* Суть славянофильства // *Славянофильство: pro et contra / Сост., вступ. ст., комм., библиогр. В.А. Фатеева.* СПб., 2006. С. 672–680.

¹⁶ Отрывок из цикла статей Дебольского «О содержании нравственного закона» был опубликован Н.П. Ильиным. См.: *Русское самосознание.* 1995. №2. С. 65–79.

ствующая в данной народности порода» (в русской народности — «великорусская порода»)»¹⁷.

Н.П. Ильин пишет, что понятие «порода» (биологическое, в отличие от понятия «народ») в ряде случаев стоит у Дебольского ближе к понятию раса, чем этнос (племя), и Дебольский отмечал, что «различие между составляющими нацию “породами” не должно заходить слишком далеко», а во многих (хотя и не во всех!) случаях язык «служит лучшим признаком народности, чем порода, т.к. с языком связано понятие духовного общения»¹⁸.

Обратим внимание на тот факт, что Дебольский выступал против «господства идеи теократии», подчеркивая «несоизмеримость» задач Церкви с задачами национального самосохранения. Национальное самосохранение для него было более важно. Именно этим он и ряд других националистов (Меньшиков, Ковалевский, Сикорский) раздражали православных консерваторов-ортодоксов. В отличие от Тихомирова, Дебольский не одобрял идею подчиненности народности государству. Он писал: «Племя, становясь началом и источником государственного единства, обращается в *национальность*. Отсюда видно, что не всякое племя в состоянии возвыситься до значения национальности, но только такое племя, которое имеет в себе достаточно внутренних сил для подчинения своей идеи — идее государства, для осуществления себя в виде государственного единства»¹⁹.

Для Дебольского народность была силой, которая созидала государство и могла придать ему новый импульс в развитии: «Народность есть

одухотворение государства т.е. замена его насильственного характера свободным»²⁰. Н.П. Ильин указывает и на определенную преемственность: «...Стройное, продуманное в важнейших деталях выражение философия русского национализма получила... в трудах Н.Н. Страхова, П.Е. Астафьева и особенно Н.Г. Дебольского»²¹. Исследователь справедливо отмечает, что при жизни Дебольского наблюдалась его дистанцированность от партийно-политической борьбы. Это было связано с тем, что национализм Дебольского был несовместим с идеологией правых (черносотенных) партий и официальным курсом власти, в котором «народность» оказывалась «довеском» к «православию и самодержавию», не имея самостоятельного содержания. Но Дебольский вряд ли мог «уложиться» и в рамки ВНСовской трактовки национализма, хотя, если определять его идеологическую близость к вышеупомянутым персонажам, он скорее будет ближе к Меньшикову, Ковалевскому и Сикорскому.

Вопрос о «родоначальниках» русского национализма оставался нерешенным. Славянофилы к таковым не относились, отдельные мыслители, типа Дебольского, известны не были, а черносотенные идеологи косились на националистов недоброжелательно²².

²⁰ Ильин Н.П. Дебольский Н.Г. С. 151.

²¹ Ильин Н.П. Урок немецкого // Философская культура. Журнал русской интеллигенции. 2005. Январь — июнь. № 1. С. 189.

²² См.: Омелянчук И.В. О месте Всероссийского национального союза в партийной системе начала XX в. // Вопросы истории 2008. № 4. С. 95–104; Иванов А.А. Были ли русские националисты черносотенцами? (О статье И.В. Омелянчука) // Вопросы истории. 2008. № 11. С. 171–175; Ретников А.В. Имперская и национальная составляющая в русской консервативной мысли конца XIX — начала XX вв. // Материалы Международной научной конференции «Политика в текстах — тексты в политике: наука истории

¹⁷ Ильин Н.П. Дебольский Н.Г. // Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века. М., 2010. С. 150.

¹⁸ Там же. С. 150–151.

¹⁹ Цит. по: Ильин Н.П. Этика и метафизика национализма в трудах Н.Г. Дебольского // Русское самосознание. 1995. № 2. С. 23.

В итоге Меньшиков, Ковалевский, Сикорский (а также множество менее известных русских националистов) пытались использовать «рациональный принцип национального прагматизма, который являлся весьма аморфным и гибким по своей сущности и предполагал использование идейных средств, практических установок и позитивного опыта разнообразных общественно-политических доктрин, таких как консерватизм, либерализм и социализм»²³. Данная характеристика определяла главное отличие доктрины русского национализма от крайне правой идеологии» (с. 166).

Обращаясь к проблемам межнациональных отношений и всевозможным национальным «вопросам» (финскому, польскому, еврейскому и др.), Стукалов показывает на конкретных примерах присущий Меньшикову и Ковалевскому национальный радикализм (требование жестких мер по отношению к «инородцам» со стороны государственной власти) и прагматизм (в вопросе неприятия насильственной русификации окраин). Хотелось бы обратить внимание на то, что при известном «либерализме» в вопросах государственного строительства и вопросах экономического развития принципиальные уступки в национальном вопросе были для идеологов ВНС недопустимы.

С точки зрения черносотенцев православие было краеугольным камнем Российской империи. Что касается русских националистов (М.О. Меньшиков, П.И. Ковалевский, И.А. Сикор-

ский, В.В. Шульгин и др.), то их отношение к религии было более утилитарным. У лидеров «черносотенцев» (А.И. Дубровина, Н.Е. Маркова и др.) мировоззрение опиралось на православие. «Настоящим русским мог считаться только православный, и только монархист», — утверждает пермский историк М.Н. Лукьянов, приводя слова из статьи Н.Н. Жеденова в «Русском знамени» от 2 апреля 1913 г.: «Тот, кто не православен, тот не русский человек: он уже выродок. Тот, кто не предан царю, также не русский»²⁴. Националистами же высказывалось мнение, что вероисповедание «не есть еще признак национальности» и религия не оказывает первостепенного значения на национальный характер, т.к. «религиозные догмы, всегда чистые и высокие, сплошь и рядом извращаются... догмами “расовыми”...», которые «в отличие от религиозных, вечны и неизменны»²⁵.

Анализ в монографии внешнеполитических и социально-экономических взглядов Меньшикова и Ковалевского, их отношение к самодержавию и российской государственности представляются удачными в силу того, что П.Б. Стукалову удалось выявить противоречивость взглядов как конкретных двух идеологов, так и их сторонников. Историк отмечает, что содержание, которое вкладывали националисты в понятие «самодержавие», было иным, чем у крайне правых черносотенцев. Определенная модернизация самодержавия или религиозных установок была для Меньшикова и Ковалевского допустимой. Монархизм теоретиков ВНС простирался до тех

идей и учений» (к 40-летию кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова), 28–29 октября 2011 года. Часть первая: доклады. М., 2011. С. 217–228 и др.

²³ Тему о синтезе национализма и социализма на русской почве можно было бы развить и более подробно. См., например: Репников А.В., Милевский О.А. Две жизни Льва Тихомирова. М., 2011.

²⁴ Лукьянов М.Н. «Россия — для русских» или «Россия — для русских подданных»? консерваторы и национальный вопрос накануне Первой мировой войны // Отечественная история. 2006. №2. С. 38.

²⁵ Коцюбинский Д.А. Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М., 2001. С. 103.

пределов, пока не входил в противоречие с национализмом! Полагаю, что их понимание православия тоже было связано в первую очередь с государственным прагматизмом.

Все это еще раз подтверждает, что национализм в России в рассматриваемую эпоху находился в стадии своего становления и испытывал различные влияния. Теоретики ВНС пытались совместить мировоззренческие принципы либеральной и консервативной идеологий, и Стукалову удалось показать эту специфику на многочисленных конкретных примерах, проведя текстологический анализ работ Меньшикова и Ковалевского. Взгляды Ковалевского и Меньшикова на ВНС уже затрагивались Коцюбинским и Саньковой, поэтому автор ограничился общим обзором темы.

Меньшиков, В.В. Шульгин и другие русские националисты, критиковавшие власть справа и в некоторых случаях блокировавшиеся с либеральной оппозицией, оказались после падения монархии неприкаемыми. Их поиски вождя (вспомним неподдельный интерес к П.А. Столыпину) были поисками того, кто «заменял» бы для них монарха. Если бы русским националистам удалось выработать свое, единое и цельное мировоззрение, пока в России были относительно благоприятные для этого условия, они могли бы стать самостоятельной силой, способной эффективно противостоять одновременно и революционным радикалам, и либералам. Но этого не произошло.

В этой связи особо отметим заключение, в котором автор в сжатом виде показывает достижения и промахи русских националистов, демонстрируя, что совершенно «безосновательно навешивать на русский национализм всякие ярлыки», а нужно вместо этого «приложить усилия к тщательному и объективному изучению данного явления с целью определения и реализации позитивного потенциала русского национализма» (с. 173).

К сожалению, книга П.Б. Стукалова не лишена и недостатков. Понятно, что при переработке объемной (480 стр.) кандидатской диссертации в монографию автору пришлось расстаться с частью материала, сократив или вовсе удалив некоторые сюжеты²⁶. Видимо это сказалось и на наличии ряда ошибок, которых вполне можно было бы избежать при более тщательной подготовке монографии и внимательной редакторской работе. Остановимся на них более подробно. Исследователь С.М. Сергеев ошибочно назван С.С. Сергеевым (с. 7). Исследователь из Ростова-на-Дону А.В. Щербина стал А.В. Щербининой (с. 18, 150, 215, 216) и превратился в исследовательницу (с. 18). Непонятно кто такой либеральный консерватор М. Кавелин (с. 38), возможно, что это К.Д. Кавелин. Вместо И.А. Сикорского фигурирует А. Сикорский (с. 51). Уральский историк И.В. Нарский стал И.В. Нарвским (с. 165, 209). И т.д.

Обращаясь к биографии Меньшикова, Стукалов правильно отмечает влияние на него «революционных и нигилистических идей» (с. 35). Однако утверждение автора о том, что именно в период обучения в Опочечком уездном училище Меньшиков «проникся глубоким отвращением к ним» (с. 35), выглядит спорным. Это подтверждает тот факт, что впоследствии, в 1875 г., во время обучения в Кронштадтском училище, Меньшиков распространял среди его воспитанников запрещенные издания; а в 1876 принимал участие в местном кружке. Впоследствии Меньшиков вспоминал: «От многих, вероятно, шла в нашем училище революционная зараза, которою я был захвачен одно время до страсти. Не уйди я в

²⁶ Это заметно даже по списку источников и литературы, в котором, например, сохранились от диссертации ссылки на статьи А.В. Елисеева и некоторых других авторов, хотя в тексте монографии данные публикации не используются.

Средиземное море на 1 ½ года, — возможно, что свихнулся бы в революционное подполье»²⁷. 2 апр. 1881 г. в Петербурге Меньшиков был подвергнут безрезультатному обыску и арестован по подозрению в политической неблагонадежности, т.к. несколько раз приходил в канцелярию градоначальника смотреть на неизвестного государственного преступника (Гр. Исаева²) и при опросе оскорбил полицейского офицера. По распоряжению Департамента полиции от 5 янв. 1882 г. за Меньшиковым, находившимся на свободе, было установлено негласное наблюдение.

Подробное перечисление неточностей и уточнение отдельных эпизодов не должно ставить под сомнение общей положительной оценки монографии. Опечатки в книгах встречаются у многих, в т.ч. и у автора данной рецензии.

Другое замечание более важно и касается не только данной монографии. Как уже было указано в 2009 г. в нашем отзыве на диссертацию П.Б. Стукалова, автор излишне злоупотребляет использованием интернет-ссылок. К сожалению, данное замечание при подготовке монографии не было принято во внимание. Датой обращения к Интернет-статьям у автора значится 2007 г.; монография вышла в 2011, и можно было перепроверить по ссылкам наличие статей. Использование Интернет-ресурсов обосновано в случае отсутствия печатных ва-

риантов интернет-публикаций или их малодоступности, и непонятно, почему нужно давать интернет-ссылки на материалы, которые были опубликованы в воронежских сборниках (в том числе подготовленных при участии одного из рецензентов монографии, А.Ю. Минакова). Это касается, в частности, статей С.В. Хатунцева, О.А. Иванова и др. С момента выхода книги П.Б. Стукалова некоторые из приведенных им интернет-ссылок стали нерабочими. Один из указанных порталов был перепродан и по данному адресу были размещены не статьи о консерватизме, а интернет-магазин.

Критический посыл адресуется не только автору конкретной монографии. Подобная ситуация все чаще возникает в современной литературе. К тому моменту, когда книга попадает к читателю, некоторые из ссылок становятся нерабочими; а сайты и порталы исчезают или перепродаются далеким от науки структурам (например, по интернет-адресу, где несколько лет тому назад находились работы В.В. Кожина и посвященные ему статьи, сегодня продают постельное белье).

Завершая рецензию на монографию П.Б. Стукалова, отмечу, что данная работа займет свое место в историографии русского национализма и консерватизма и будет интересна не только профессиональным историкам, но и тем читателям, которым не безразлично прошлое и будущее нашего русского.

²⁷ Российский Архив... М.О. Меньшиков. Материалы к биографии. С. 25.

ЯПОНСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ

Крупянок М.И., Арешидзе Л.Г. Японский национализм. Идеология и политика. М.: Международные отношения, 2012. — 408 с.

Отношения нашей страны с Японией имеют не столь уж давнюю, но зато весьма драматическую историю. В начале прошлого века Страна восходящего солнца нанесла один из последних ударов империи Романовых. Союзничество в Первой мировой войне прошло почти незаметно, зато после наступило время постоянных конфликтов, закончившихся поражением империи Ямато.

Между тем изучение идеологии, определяющей основной вектор развития этого островного государства, оказалось надолго приватизированным примитивной пропагандой и журналистикой (часто это было одно и то же) в ущерб серьёзным академическим исследованиям. Среди относительно немногих трудов на эту важнейшую тему следует отметить рецензируемую монографию. В своей работе авторы главное внимание уделяют *современному* японскому национализму. Такой выбор можно считать оправданным в том смысле, что если до XX в. альтернатив национализму в Японии фактически не было и он был не столько идеологией, сколько чувством, то в прошлом столетии такие альтернативы появились. Правда, они пришли извне, как мировоззрение всё более глобализирующегося мира.

Забегая вперёд, отмечу — несмотря на некоторую, иногда существенную коррекцию японского национализма, альтернативные доктрины не сумели разрушить его основания. Это не удивительно, если учесть, что даже представители интеллигенции, как правило,

наиболее критически мыслящей части общества, в Японии мало походили на своих европейских собратьев. Как отметил Дж. Бройи, «дискурсивные навыки, статусные интересы и профессиональные потребности лиц свободных профессий делают их решительными сторонниками дела национализма». В современном японском обществе нет влиятельных политических сил, которые вообще категорически отрицали бы необходимость распространения идеологии государственного национализма.

Даже марксистская историография в японских условиях оказывалась вполне националистической. Так, широко известный учёный, профессор Йокогамского университета Тояма Сигэки, будучи страстным поклонником трудов И.В. Сталина по национальному вопросу, утверждал наличие «прогрессивного» этнического национализма.

Итак, практически весь политический спектр Японии был и остаётся националистическим. Как отмечают авторы: «Национализм в Японии, по сути, стартовал одновременно со становлением японского государства». Уже в XVIII в. сёгунат Токугава «организовал в городе Мито центр по подготовке и обучению «идеологических работников». Эта школа официально называлась «Конфуцианско-националистическая школа учёных по строительству нации». В дальнейшем (в эпоху реставрации Мэйдзи) место конфуцианства занял синтоизм, а чуть позже светские варианты национализма, но ничто не заняло место самого национализма. Он, наравне с государством и народностью, в сознании японцев составлял неотделимые субстанции.

При этом японский национализм «никогда не был абстрактной теорией, он рассматривался (и рассматривается сейчас. — А.Е.) властями страны и обществом как крайне важная идеология и политическая практика». Важнейшей из националистических практик была война. Как отмечают М.И. Крупянко и Л.Г. Арешидзе, «японские националисты считали войну необходимой для выживания нации и культурных ценностей, ею олицетворяемых». Впрочем, спецификой японской культуры можно считать крайнюю степень не только государственного, но и психологического милитаризма. Даже по нынешним меркам японские визуальные искусства (в т.ч. кинематограф) выделяются пугающей кровожадной жестокостью. Характерно, что в 1940 г. японским военным командованием в Китае был издан знаменитый приказ: «Убивать всех китайцев, сжигать всех китайцев, грабить всех китайцев».

После Первой мировой войны Япония становится признанным членом клуба великих держав. Однако это обстоятельство не помешало Западным державам отказать «внести в Устав Лиги Наций предложенное Японией положение о расовом равенстве...». Кроме того, американцы и англичане сумели добиться от правительства Японии ограничений на строительство военного флота, что вызвало крайнее недовольство японцев. Именно эти ограничения послужили причиной мятежа молодых офицеров и боевиков общества Айкёдзюку («школа любви к родной земле») в 1932 г.

К сожалению, авторы «Японского национализма» лишь вскользь упомянули крайне любопытный сюжет, связанный со спецификой национализма в Японии между двумя мировыми войнами. Я имею в виду распространение в империи Ямато антисемитизма и масонской конспирологии. То, что казалось более или менее органично для Европы того времени, в Японии кажется чем-то глубоко неестествен-

ным. А между тем большинство японцев как огня боялось «западных идей демократии и либерализма, за которыми, по их убеждению, крылся всемирный еврейско-масонский заговор». Тигаку Танака из секты нитирэн создал общество «Столп государственности» (Кокутюкай), ненавидел евреев и, по словам американского историка Герберта Бикса, считал «Протоколы сионских мудрецов» библией японского антисемитизма». Генералы Като и Араки, адмиралы Того и Огасавара именовали правительство Японии начала 1930-х гг. не иначе как «еврейское сообщество». Поэтому союз императорской Японии с фашистскими державами Европы основывался не только на политической прагматике. В то же время некоторые высокопоставленные японские военные и дипломаты оказывали помощь еврейскому населению Китая и даже европейским евреям, спасающимся от нацизма.

В ходе Второй мировой войны японцы провозгласили создание зоны совместного процветания в Юго-Восточной Азии с элементами общеазиатского (конечно, под патронажем Японии) национализма и даже расизма.

Крах этого проекта стал важной вехой в развитии японского национализма. Оккупировавшие Японию американцы всеми силами старались уничтожить японский национализм. В разработанной ими для побежденных конституции появились нормы, размывающие само понятие нации. Статьи 10 и 14 указывали, что японцем может считаться всякий заявляющий о своей японской идентичности. М. Крупянко и Л. Арешидзе считают это следствием желания победителей «ослабить Японию в идеологическом, экономическом и политическом отношении». С этим утверждением трудно не согласиться, но с оговоркой, которую сами авторы делают уже на следующей странице своего труда: «Американцы отталкивались от собственных представ-

лений об «американской нации», как об интегрированном сообществе лиц англо-саксонской национальности (и не только. — А.Е.) и не были знакомы с проблемами национализма мононационального государства».

В контексте борьбы с национализмом становится понятной поддержка оккупационными властями деятельности Коммунистической партии Японии. В то же время японцы тихо, но упорно боролись с идеологической оккупацией. Накануне капитуляции, по словам упомянутого ранее Герберта Бикса, «опасаясь ущерба генетическому фонду нации, власти страны одобрили предложенную принцем Фумимаро Коноэ программу мобилизации проституток, чьи услуги должны были отвлечь на себя внимание изголодавшихся по женским телам храбрых вояк союзников». Во всех японских учреждениях остались прежние сотрудники, которые, по мнению М. Крупяно и Л. Арешидзе, «обеспечили в 1950–1960-е годы быстрый экономический рост Японии и последующее превращение её в мировую экономическую сверхдержаву».

Своей последовательной и целеустремлённой деятельностью японские националисты достигли главного — голос Японии сегодня хорошо слышен в мире. Послевоенный синдром «ущербной нации», который Япония получила в результате поражения во Второй мировой войне и который был усилен в годы «холодной войны» необходимостью подчиняться контролю США, в начале XXI века стал постепенно исчезать. Показательно, что молодые японцы, пытаясь подчеркнуть свою индивидуальную идентичность, к примеру, тщательным образом выбирают мелодию звонка своего мобильного телефона, однако в итоге из несметного изобилия мелодий они отдадут предпочтение одним и тем же национальным мелодиям.

В своей работе М. Крупяно и Л. Арешидзе высказывают мысль о

существовании и частичном противостоянии двух японских национализмов — государственном и этническом. Однако даже из текста их исследования можно сделать вывод скорее о едином, но двухчастном национализме. Просто, в зависимости от конкретных исторических обстоятельств, одна из этих частей становится более востребованной и, соответственно, более заметной. Если в эпоху американской оккупации и «холодной войны» более актуальной была этническая составляющая японского национализма, то ныне всё более чётко видна его государственная часть.

«В Японии, — пишут авторы, — было выстроено достаточно монолитное идеологическое здание со многими элементами довоенного национализма». Важным обстоятельством следует считать отсутствие в этом «идеологическом здании» ярко выраженного антиамериканизма (а ведь были ядерная бомбардировка, оккупация) и усиление азиатской составляющей японской идентичности. Зато всё более усиливается неприязнь японцев если не к русским то, во всяком случае, к Российской Федерации. Авторы называют этот феномен «радикализацией внешнеполитического поведения Японии». И энергия этой радикализации направлена в значительной мере на нашу страну.

Если говорить о специфических чертах современного японского национализма, то довольно, неожиданным можно считать выступления японских националистов в пользу приглашения в страну иностранной рабочей силы. М. Крупяно и Л. Арешидзе резонно называют это обстоятельство парадоксальным. Конечно, для страны с самой низкой в мире рождаемостью после Монако проблема трудовых ресурсов крайне актуальна. Однако можно было бы предположить разумность решения этой проблемы с помощью поощрения рождаемости.

Безусловно интересной для русско-

го читателя является глава, целиком посвящённая знаменитому синтоистскому храму Ясукуни. Этот военно-религиозный мемориал японского, предельно милитаризованного, империализма, «в который регулярно совершают паломничество первые лица государства», является ещё и «демонстрацией духа национальной независимости японцев», ведь оккупационные власти не решились его уничтожить. Впрочем, М. Крупянко и Л. Арешидзе склонны объяснять сохранение этого памятника дефицитом знаний американцев о Стране восходящего солнца. Как бы там ни было, но неплохо знакомые с обычаями Японии китайцы и корейцы устраивают бурные демонстрации при каждом посещении Ясукуни официальными лицами.

Рецензируемая книга не лишена недостатков. В ней встречаются ненужные повторы. Можно отметить неточности в отдельных определениях и не-

сколько неряшливый «газетный» язык. В книге, к сожалению, практически не затронута важнейшая тема — «Японский национализм и буддизм». Между тем вопрос соотношения универсальных религий и учений с патриотизмом и национализмом остаётся не только важнейшей темой академических дискуссий, но и предметом сложного внутреннего выбора отдельного человека. Когда авторы выходят за пределы своей специализации, они допускают и досадные фактические ошибки: например, англичанин Хэлфорд Маккиндер назван *немецким* «учёным-геополитиком».

Но обилие интереснейшего фактического материала о столь малоизученной у нас теме, как японский национализм, приведённого в книге, на мой взгляд, совершенно искупает эти незначительные недостатки.

Александр Ефремов

Открылся сайт
оргкомитета Национально-
демократической партии:
<http://rosndp.org/>

РУССКИЕ НА ЭКСПОРТ

Сергеева А.В. Какие мы, русские? (100 вопросов — 100 ответов). Книга для чтения о русском национальном характере. М.: Изд-во ЗАО «Русский язык», 2010. — 384 с.

Приобрел (в издательстве, ибо больше нигде) занятную книгу, вышедшую тиражом всего 1500 экз. Это учебное издание. Автор, Алла Васильевна Сергеева, как сказано в аннотации, «специалист в области преподавания русского языка как иностранного, кандидат филологических наук, автор учебников и пособий, многие годы работала в МГУ им. М.В. Ломоносова, а также в университетах разных стран мира (во Вьетнаме, Польше, Австрии, Финляндии, Франции)».

Как я догадался, прочитав книжку, Сергеевой постоянно приходилось, работая с иностранными студентами, сталкиваться с множеством нестыковок между архетипами, традициями, ценностями, установками, нормами поведения, национальным характером людей Запада, европейцев, с одной стороны, и русских — с другой. Книга и написана для иностранной аудитории, в основном для студентов, как видно (каждый параграф кончается опросником), чтобы помочь им адаптироваться в России, научиться смотреть на мир хоть немного русскими глазами. Это даст им возможность избежать многих ошибок и неловкостей в общении и в быту, научит принимать нас такими, какие мы есть, не пытаться мерить русского человека западным аршином, а тем более переделывать нас на свой салтык. Снимет многие проблемы взаимопонимания. Сергеева терпеливо и тактично разъясняет иностранцам принципиальную разницу между нами и ними, со множеством нюансов и при-

меров. Таков замысел книги, такова ее сверхзадача, продиктованная многолетней обширной практикой.

Однако, на мой взгляд, данная книга гораздо больше пользы принесла бы тем русским людям (их количество после 1991 года все множится с угрожающей быстротой), которые наивно и совершенно неосновательно полагают, что между русскими и европейцами нет вообще никакой разницы, что «русские — это такой же европейский народ, как и все остальные» и что «мы не больше отличаемся от поляков и французов, чем они отличаются друг от друга». Книга Сергеевой устанавливает эти отличия по ста пунктам, не более не менее. Именно столько нестыковок, несовпадений насчитывает она, сравнивая среднестатистическое мировоззрение русских и европейцев. Именно столько разъяснений пришлось ей сделать, чтобы русский мир стал для молодого европейца более понятным и менее чуждым и враждебным. Недаром параграф, озаглавленный прямо по теме «Русские — европейский народ или азиатский?», она заканчивает цитатой из историка Василия Ключевского: «Россия никогда не была “чисто европейской” державой, да и в будущем вряд ли ею станет».

Что до меня лично, я в этом вопросе еще более категоричен, опираясь на свой опыт искусствоведа. Я считаю, что собственно русское начало ярко проявилось в нашей культурной истории лишь в довольно короткий отрезок времени, примерно от Ивана Грозного и до Анны Иоанновны, когда мы изжили и отбросили византийское наследие (и соответствующий канон, который иногда тоже характеризуют как «восточный», хотя и несколько в ином смысле) в эстетике и

еще не подпали под диктат европейского вкуса. Это был настоящий взрыв «русскости», вырвавшейся из-под спуда чужеродных влияний. Истинно «вертоград многоцветный»! Настал подлинно «золотой век русского искусства», главные межевые столбы которого в архитектуре — храм Вознесения и деревянный дворец Алексея Михайловича в Коломенском, храм Василия Блаженного на Красной площади, Патриарший палаты в Кремле и Трапезная в Троице-Сергиевой лавре, Крутицкое подворье, Новодевичий монастырь и Новый Иерусалим, церковь Григория Неокесарийского на Полянке и храм Троицы в Никитниках и др. А в живописи — костромская и ярославская школы, круг Оружейной палаты. Свои соответствия наблюдаются и в costume, и в прикладном искусстве, и в литературе — в пышности «плетения словес». Этот стиль еще догорает в петровскую эпоху, проявляясь в т.н. голицынском и нарышкинском барокко. Именно по артефактам этой эпохи мы можем представить себе мирозерцание и мироощущение истинно русского человека. И если внимательно и непредвзято окинуть взором эту чисто русскую, по-настоящему для нас органичную красоту¹, то ее восточный колорит, без всякого сомнения, просто бросится в глаза. Как и радикальное, непримиримое отличие от стиля Западной Европы того времени, всегда резко отмечавшееся путешествующими европейцами. Конечно, Петр и его наследники надели на нас и заставили носить личину Запада, и местами она приросла к лицу, но само-то лицо западным не было никогда.

¹ Не случайно стили «историзм» и «русский модерн», расцветающие с 1880-х гг. в России, обратились за образцами именно к этому времени — и в архитектуре, и в прикладном искусстве, и в книжной иллюстрации и т.д. Художники Новейшего времени правильно понимали, когда и в чем выразительнее всего процвел истинно русский дух.

Книга Сергеевой далека от совершенства и в ряде случаев закрепляет несостоятельные мифологемы, избилует некритически использованными штампами, которые нам навязали адепты политкорректности и толерантности (видимо, профессиональный кодекс волей-неволей привил Сергеевой некоторые специальные подходы), особенно в начале книги. Но это простительно: ведь для ее написания филологу пришлось переквалифицироваться в историка и социолога, а я по себе знаю, как это непросто, сколько времени требует и сколько на этом пути ловушек и скользких мест. Трудно, почти невозможно вдруг сразу проникнуть в природу этничности и во все тонкости ее проявлений.

Ряд характерных огрехов я считаю нужным продемонстрировать.

К недостаткам книги я отношу традиционный «подарочный набор заезженных пластинок», годных сегодня разве что на экспорт для иностранцев. Имею в виду источники по русскому вопросу, которые оставили нам философы Хомяков, Бердяев, Трубецкой, Ильин, писатель Достоевский и т.п., на которых охотно ссылается Сергеева, не замечая реликтового характера их убеждений. Все они жили и писали, осмысливая современную им жизнь, в давно прошедшие времена, совершенно и принципиально непохожие на наше. Русская идея в таком обветшалом варианте очень мало и неточно отражает современную действительность.

Напротив, мне недоставало в книге о русских ссылок на более современные и адекватные источники: книгу Ксени Касьяновой о русском характере, статьи социолога Леонтия Бызова, труды Вадима Кожина и мн. др, включая, главное, работы теоретиков русского национализма от Михаила Меньшикова до наших дней.

Раздражает затертое сравнение этнической России с лоскутным одеялом, да еще со ссылкой на одноименное стихотворение Евгения Евтушенко

(не хватало только вспомнить эстрадную песенку «Мы — коммунальная, коммунальная квартира, Мы — коммунальная, коммунальная страна!»). Хорошо себе представить такое «лоскутное одеяло», 82% которого занимает один-единственный «лоскут» по имени «русские»! Сразу станет понятна вся глуповатая натянутость и даже заказанность подобной метафоры.

В этой связи коробит и научно несостоятельная, но такая назойливая трактовка России как многонациональной страны (в науке принято считать страны, где две трети и более населения относится к одной этнической группе, — не много-, а *мононациональными*).

Непростительным для филолога является тиражирование такого популярного заблуждения: «Поскольку нация называется с помощью имени существительного, а не определения... то слово *русский* — это не самостоятельное название нации, а только обозначение общих черт и свойств характера, мировоззрения разных народов, проживающих в России».

Уместно здесь, во-первых, напомнить замечание известного лингвиста О.Н. Трубачева: «Названия (самоназвания) наций, народов вообще, как правило, адективны: все эти *Español, Italiano, Français, Deutsch, American, Magyar, Suomalainen* — прилагательные, а значит они типологически однородны с нашим самоназванием *русский, русские*, а не отличаются от него, и эту черту, кажется, тоже имеет смысл удерживать в памяти»².

А во-вторых, как хорошо известно грамотным филологам, слово «русский» грамматически есть, вообще-то, вовсе не прилагательное и не определение, а т.н. субстантивный дериват. То есть существительное, образован-

ное от прилагательного, но таковым не являющееся (примеры: больной, ванная, военный, горничная, дежурный, заведующий, молодые — по отношению к новобрачным, которым может быть и лет по семьдесят, — и т.д.).

К ложному представлению о «русских» как прилагательном тесно примыкает не менее ложное представление о том, что «имя русского не означает простую биологическую принадлежность (кровь, цвет кожи, форма носа и т.д.). Есть русские славянского происхождения, скандинавского, тюркского или немецкого рода» (далее следуют затасканные примеры Багратиона, Пастернака и Даля). Перед нами всего лишь расхожий штамп. Понятно, что на самом деле все обстоит строго наоборот, и что инородцу возможно стать русским полководцем, русским поэтом или русским ученым, но нельзя ни стать, ни быть *просто русским*. Которым можно только родиться — от русских отца и матери или, в крайнем случае, самоопределившись по одному из родителей, если тот русский. Как выяснено современной генетикой³, каждый народ имеет свой *генетический портрет*, на соответствие которому может быть проверен любой претендент на принадлежность к данному народу, русский в том числе.

Ничего реального под собой не имеет утверждение, будто бы «русские определяют национальность человека не по крови, а по духу, по привязанности к русскому языку и культуре... Словом, русский — тот, кто любит Россию и разделяет ее судьбу». Откуда это взяла Сергеева — уму непостижимо, должно быть, от художника Ильи Глазунова услышала. Почему надо из русских делать какое-то исключение из семьи нормальных народов, выводящих свою идентичность из общности происхождения? Непонятно. И где логика, если буквально сра-

² Трубачев О.Н. Русский — российский. История, динамика, идеология двух атрибутов нации // Наш современник. 2010. № 10. С. 265.

³ Балановская Е.В., Балановский О.П. Русский генофонд на Русской равнине. М., 2007.

зу Сергеева пишет: «Среди общего количества жителей России (россиян) 82% — это собственно *русские*». То, что русские и россияне — не одно и то же, это правильно; но неужели она думает, что перепись учитывает не национальное происхождение, а «русский дух», «привязанность к культуре» или «любовь к России»?!

В социологии действует категорический запрет на определение социальной группы по неформальным признакам, и Сергеевой, коль скоро она взялась за социологическую тему, неплохо бы это знать.

Недоумение вызвало совершенно голословное утверждение Сергеевой, якобы совместное проживание в СССР довело нас до того, что «русские ментально имеют гораздо больше общего с грузинами, армянами, молдаванами и другими этносами, чем, скажем, с иными славянами (чехами, поляками, болгарами, сербами и т.д.), как это ни кажется парадоксальным». Не знаю, кто бы это доказал⁴... Хорошо еще, что в сергеевский список духовно родных нам народов не попали чеченцы, тувинцы, якуты или ингуши. Увы, у русских и нерусских жителей России (не говорю уж про СССР) ментальность весьма различна, и далеко не все эти народы комплиментарны по отношению к русским, как показывают беспристрастные исследования и повседневная практика.

Любопытно, что, отвечая на во-

прос «Меняется ли русский характер со временем?», Сергеева совершенно верно замечает: «*Архетип* любого этноса в принципе мало подвержен резким колебаниям, какие бы события ни происходили в жизни народа. Ведь, как считал К.Г. Юнг, он предопределен *биологически*». Коль скоро речь зашла об архетипах, ссылка на Юнга уместна и может быть принята как аргумент. Но как совместить это правильное заключение со всем предыдущим?

Как ни странно, вывод из этой сомнительной смеси расхожих штампов и недоказанных утверждений Сергеева, однако, делает верный: «Словом, Россия — особая цивилизация. Причем не хуже и не лучше иных. Просто она самобытна и неповторима».

Вообще, надо сказать, что перечисленные сомнительные тексты расположены (вперемежку со вполне нормальными) лишь на первых 30 страницах из 384 и отмечают лишь первые 6 вопросов. А следующие затем ответы на остальные 94 вопроса в абсолютном большинстве меня вполне устраивают и как теоретика этнополитики, и как националиста, и как ценителя исторической этнографии русского народа.

Сергеева использует обширный, достаточно репрезентативный и достоверный (в части социологических исследований) материал, из которого я почерпнул немало нового и интересного для себя. Порадовали и многие меткие наблюдения, верные оценки и выводы, рассыпанные Сергеевой по тексту. Словом, перешагнув за грань менее чем одной десятой текста, я вскоре перестал чувствовать одолевавшее меня поначалу раздражение, втянулся в увлекательное чтение и закрыл книжку с чувством признательности автору и легкого сожаления о ее несовершенствах.

Конечно, Сергеева не делает открытий, но собрать сведения, в том числе статистические, по ста темам — это труд, вызывающий уважение. Сам бы я этого делать не стал, а картина слож-

⁴ Комическое впечатление производит ссылка в подтверждение этого тезиса на строку Пушкина «Все те же мы, нам целый мир — чужбина», обращенную, как известно, вовсе не ко всему полиэтническому населению России, а лишь к задушевным друзьям-лицеистам. Подобных грубых «ляпов» в книге многовато, включая перевранные цитаты (см. с. 10, 13, 16, 19, 20, 23, 25, 26, 50, 68, 69, 77, 80, 86, 110, 128, 133, 137, 140, 149, 190, 198, 205, 241, 263, 322, 323, 324, 349). Анализировать здесь все сии огрехи нет возможности, пусть этим займутся издательские редакторы.

лась любопытная, и за это надо сказать автору спасибо. Поделюсь с читателем парой удачных находок.

Мне показалось важным узнать, что лестница приоритетов у нашего народа практически не изменилась за 20 лет. «Например, на вопрос: “Какое у вас самое заветное желание?” — 23% россиян пожелали “жить в гармонии с собой и окружающим миром”, “обрести настоящее счастье” (11%), “найти счастье в браке”, “избавиться от неуверенности”. Порой они желают “улучшить свое материальное положение”, очень редко — “открыть свое дело” или “совершить выгодную сделку” (1%)». Мечтательный и непрактичный характер русского человека четко виден из этих цифр: непонятно, как можно улучшить свое положение, если не заниматься предпринимательством? Только на чудо, на щучье веленье надеяться... Когда мы сетуем на слабость и незрелость на данном этапе русского национального капитала, следует вспомнить приведенные данные.

Очень интересной оказалась сравнительная статистика преступности. Оказывается, «общее количество совершаемых в России преступлений примерно в 10 раз меньше, чем в США и Латинской Америке, в 4–5 раз меньше, чем в Германии и Франции. Известно: Швеция в 20 раз опережает Россию по разбойным нападениям, а Дания в 10 раз — по кражам. В то же время раскрываемость преступлений в России, по статистике, самая высокая в мире. По количеству заключенных на 100 тыс. человек Россия занимает второе место в мире после США». Эти цифры тоже многое объясняют и о многом заставляют задуматься.

«Вместе с тем Россия лидирует во всем мире по количеству убийств: здесь их регистрируется в 20 раз больше, чем в Японии, в 17 раз больше, чем в Германии, в 14 раз больше, чем во Франции, и в 3,5 раза больше, чем в США. Наблюдается тенденция: преступления становятся все более агрессивными и

жестокими, все чаще применяется огнестрельное оружие. Ежегодно в стране гибнут от насильственной смерти около 100 тыс. человек.

Однако, например, в США главная причина убийств — это наркобизнес, тогда как в России большинство (чуть не 80%) трагедий происходит на бытовой почве и в состоянии алкогольного опьянения. Вот типичная ситуация: выпили два друга (приятеля, соседа и т.д.), заспорили, разгорячились и схватились за ножи (или за табуретки). Такой поворот событий трудно вообразить где-нибудь в европейской стране».

В связи со сказанным нельзя называть иначе как опасным безумием требование разрешить свободное обращение короткоствольного оружия, раздающееся от некоторых политиков-популистов (они же вольные или невольные лоббисты торговцев смертью).

Наконец, шокировало признание, что «по данным верховного комиссара ООН по делам беженцев, Россия в XXI веке вышла на первое место в мире по числу граждан, желающих получить убежище за границей. И размах эмиграции не спадает... Похоже, пословица “где родился, там и пригодился” сейчас не популярна. Чем же это объяснить? Вспоминаются горькие слова Д. Дидро: “Невозможно любить родину, которая нас не любит”»...

Кстати, сама Сергеева в настоящее время живет и работает в Париже; в цитированных словах, видимо, есть что-то глубоко личное. Но я не могу согласиться ни с Дидро, ни с Сергеевой, хотя чувство сиротства и брошенности не покидает русского в сегодняшней Российской Федерации, что правда, то правда. Но так бывало и раньше, если не сказать «вечно». Нам всегда было непросто любить свою страну, а еще труднее — свой собственный народ, в счет которому можно поставить слишком многое. Но любовь — чувство иррациональное: это немотивированное предпочтение, которое мы оказываем любимому объекту.

И надо признать: русские умели любить и Россию, и ближнего своего. Любовью жертвенной, иногда прямо трагической, но высокой.

Не буду здесь искать этому объяснений. Скажу лишь о личном.

Я много раз мог бы сменить место жительства. Знание иностранных языков и владение вполне интернациональным ремеслом позволило бы мне кормить себя и свою семью в любой

европейской столице. Но я никогда не сделаю этого и даже мысли такой не допущу. Это было бы слишком низкой, непростительной капитуляцией, позорным бегством с поля чести.

Я не хочу *сменить Родину*. Я не хочу *Родине изменять*.

Я хочу *изменить Родину*.

Чего и другим желаю.

Александр Севастьянов

КНИЖНАЯ НОВИНКА

Издательская группа «Скимень»

выпустила в свет книгу:

Хайнрих МАЙЕР.

Карл Шмитт, Лео Штраус и «Понятие политического».

О диалоге отсутствующих

Книга известного немецкого политического философа и директора Фонда Сименса Хайнриха Майера (р. 1953) посвящена реконструкции заочного диалога двух выдающихся политических умов XX в. — Карла Шмитта и Лео Штрауса — об основах политического. Непосредственным поводом для нее послужила публикация в 1927 г. первой редакции «Понятия политического» Карла Шмитта. Внимательно сравнивая три редакции этого основополагающего текста политической мысли XX в., Майер приходит к выводу, что более поздние редакции этого трактата (1932 и 1933 гг.) представляют собой ответ на рецензию Штрауса, опубликованную в 1932 г. Автор также ставит в центр своего исследования вопрос о политической теологии и об отношении к ней Карла Шмитта и Лео Штрауса. Книга предназначена для философов, юристов, политологов, социологов, для всех, кто интересуется политической теорией XX в.

АВТОРЫ НОМЕРА

Беляков Сергей Станиславович

(р. 1976), историк, литературный критик, кандидат исторических наук, заместитель главного редактора журнала «Урал», автор книг «Усташи: между фашизмом и этническим национализмом» (2009), «Гумилев сын Гумилева» (2012) и многих статей в научных и литературных журналах.

Близнеков Владимир Леонидович

(р. 1971), философ (Ph.D.), публицист, юрист-международник, в настоящее время проживает в Швейцарии (Берн). Печатался в журналах «Политический класс», «Сократ», в «Русском Журнале».

Епифанцев Андрей Александрович

(р. 1969), политолог.

Жих Максим Иванович

(р. 1987), историк, аспирант СПбГУ.

Ибяттов Фаиль Мужипович

(р. 1958) — историк, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии Государственного университета управления.

Кильдюшов Олег Васильевич

(р. 1972), независимый аналитик, публицист, переводчик, редактор, политический обозреватель журнала «Сократ».

Колмаков Вадим Борисович

(р. 1952), кандидат философских наук, доцент Воронежского государственного университета, автор книг «Три века истории в лицах» (1996), «С Россией в сердце. Дмитрий Васильевич Скрынченко. История жизни» (2012).

Лысенко Николай Николаевич

(р. 1961), директор Центра исследований Кавказа и Востока Российского государственного торгово-экономического университета, доктор исторических наук, заслуженный деятель науки Республики Северная Осетия–Алания.

Минаков Аркадий Юрьевич

(р. 1962), историк, доктор исторических наук, руководитель воронежского «Центра изучения русского консерватизма», автор книги «Русский консерватизм в первой четверти XIX века» (2011).

Неменский Олег Борисович

(р. 1979), историк, политолог, научный сотрудник Института славяноведения РАН, автор работ по истории этнического и исторического самосознания православных и униатских жителей Западной Руси в XVI–XVII вв., а также по истории станов-

ления национальных проектов у славянских народов в XIX–XX вв.

Павлов Дмитрий Сергеевич

(р. 1984), историк, публицист, магистр востоковедения, преподаватель Санкт-Петербургского государственного университета, соавтор монографии «Ближний Восток: война и политика» (2010).

Разумов Ярослав Валерьевич

(р. 1971), журналист, корреспондент газеты «Панорама» (Алма-Ата).

Ремизов Михаил Витальевич

(р. 1978), политический публицист, политолог, кандидат философских наук, президент Института национальной стратегии, автор книги «Опыт консервативной критики» (2002).

Святенков Павел Вячеславович

(р. 1975), политолог, публицист, автор книги «Машина порядка» (2008).

Севастьянов Александр Никитич

(р. 1954), политический публицист, кандидат филологических наук, автор книг «Национал-капитализм» (1995), «Национал-демократия» (1996), «Время быть русским!» (2006) «Диктатура интеллигенции против утопии среднего класса» (2009) «Уклоны, загибы и задвиги в Русском движении» (2011) и др.

Сергеев Сергей Михайлович

(р. 1968), историк, публицист, кандидат исторических наук, научный редактор журнала «Вопросы национализм», автор книги «Пришествие нации?» (2010).

Сошин Юрий Андреевич

(р. 1967), политический аналитик, публицист, писатель, кандидат философских наук. Печатался в газетах «Завтра», «Мир новостей», «Союзное вече», публиковался на интернет-ресурсах АПН.ру, «Росбалт», «Глобалрус», «Русский обозреватель». Член Союза журналистов России.

Холмогоров Егор Станиславович

(р. 1975), историк, публицист, главный редактор интернет-сайтов «Русский обозреватель» и «Новые хроники», автор книг «Русский проект: Реставрация будущего» (2005), «Русский националист» (2006), «Защитит ли Россия Украину?» (2006).

Храмов Александр Валерьевич

(р. 1989), публицист, общественный деятель, координатор Русского Гражданского союза, автор книги «Катехизис национал-демократа» (2011).

SUMMARY

The 11th volume of VOPROSY NATIONALISMA (STUDIES IN NATIONALISM) opens with historian Oleg Nemensky's reflections about the correlation between such concepts as «Russian Federation», «Russian Land» and «Russian world», identifies the political, cultural and ethnic borders of the Russian nation.

Cover story — «Nationalism vs. Eurasianism» — that is criticism of Eurasianism as a political ideology and practice. Philosophers and political analysts Vladimir Bliznekov, Oleg Kildyushov and Mikhail Remizov discuss the draft of the «Eurasian Union», put forward by Vladimir Putin. Political analyst Pavel Svyatenkov analyzes the national policy of the Russian Federation related to Caucasian factor. Historians Sergey Sergeev, Sergey Belyakov and Maxim Zhikh prove scientific unsoundness of the papers of Eurasianism theorists: Nikolai Troubetzkoy, Lev Gumilev, Vadim Kozhinov, Alexander Dugin.

The new section «Russian diaspora» consists in the materials of the historian Dmitry Pavlov on status of the Russians in the Baltic countries and journalist Yaro-

slav Razumov's article about the Russians in Kazakhstan.

Publicist Yegor Kholmogorov formulates attitude of the Russian National Democrats to the problem of the state.

Historians Nikolai Lysenko and Fail Ibyatov arguing about whether the Cosacks independent nation or sub-ethnic group of the Russian nation.

Political analysts Andrew Epifantsev and Yuri Soshin analyze the causes of radicalization of young people in Kabardino-Balkaria. Historian Vadim Kolmakov examines the position of Russian nationalists on the Polish question in 1916.

Publicist Alexander Khramov and historian Arkadiy Minakov devote their articles to 200th anniversary of 1812 Patriotic War and its role in the development of Russian nationalism.

Publicist Alexander Sevastyanov continues to crush «the idols of constructivism.» This time, his victims are Benedict Anderson and Russian nationalists, who have succumbed to the temptation of the constructivism.

Number ends with reviews of several new books.

Журнал выходит 4 раза в год.

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77–37202 от 13 авг. 2009 г.

За достоверность публикуемых материалов несут ответственность их авторы.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Подписано в печать 14.09.2012.

Формат 70x108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 1000 экз.

Адрес редакции: Москва, 119017, ул. Пятницкая, д. 37.

Телефоны: 8–964–551–49–52 (К. Крылов) k.a.krylov@gmail.com

8–916–950–61–43 (С. Сергеев) ssms1@yandex.ru

Распространение и подписка: 8–964–580–19–92 (Н. Шалимова) lasido@mail.ru

Адрес для писем: 115142, Москва, а/я № 1, Севастьянову А.Н.